Загадка

шотландского браслета

Анна Штерн

16+

Annotation

Наше время. Виктория – девушка из Санкт-Петербурга влюбляется в шотландца Брюса. Приехав к нему на родину, Виктория попадает в водоворот мистических событий, связанных как с ней самой, так и с семьей Брюса. Девушке предстоит разгадать загадку фамильной реликвии своего молодого человека, а также сделать выбор между любовью и смертельной опасностью.

- Анна Штерн
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
  - Глава 8.
  - Глава 9.
  - Глава 10.
  - Глава 11.
  - Глава 12.
  - Глава 13.
  - Глава 14.
  - Глава 15.
  - Глава 16.
  - Глава 17.
  - Глава 18.
  - Глава 19.
  - Глава 20.
  - Глава 21.
  - Глава 22.

Анна Штерн
Загадка шотландского браслета

Глава 1.

Виктория жила одна, съехав от родителей на съемную квартиру, как только нашла работу в крупном банке страны, филиал которого находился в самом центре города. Арендная плата за небольшую однокомнатную квартирку на Литейном в старом, слегка обветшалом доме поначалу казалась ей непомерной высокой, но вскоре Вика поняла, что за удовольствие и удобство жизни в центре нужно платить, и смирилась с ценой. А осознание самостоятельности и независимости от кого-либо придавали ей оптимизма и уверенности в себе.

Жизнь Виктории проходила размеренно: дом, работа, дом, по выходным посиделки с подружками в кафе или же визиты к родителям и другим родственникам. Девушка не могла похвастаться пестрой личной жизнью, но все же пара романов на счету у нее имелась, однако, они оставили после себя весьма неприятное послевкусие. С первым кавалером она рассталась еще учась в университете: чувства остыли и оба поняли, что должны двигаться дальше, но каждый в своем направлении. Вторые отношения продлились около двух лет, но молодой человек не был настроен серьезно, а его постоянные вечеринки с обилием алкоголя, шумными друзьями и непомерными тратами отпугнули Викторию, ставшую инициатором разрыва.

После этого разочарованная Вика около двух лет вела почти что отшельнический образ жизни и старалась никого не впускать в свое сердце. Стена отчужденности и холода рухнула, когда ее повысили в должности и перевели работать в другой отдел, где она познакомилась с Кириллом – начальником ее филиала. Они виделись и до этого, но как-то не замечали друг друга, однако, спустя несколько месяцев плотной работы бок о бок поняли, что в общем-то симпатичны друг другу, и Кирилл сделал первый шаг, пригласив Викторию на свидание.

Их отношения развивались плавно и размеренно. Вначале Вика пыталась скрывать от коллег, что между ней и начальником завязалось нечто посерьёзней дружбы, но люди не слепые и быстро смекнули, что к чему. Сначала это выражалось в хихиканье и подмигивании коллег, стоило Вике направиться в кабинет к Кириллу, а после все переросло в безобидные шутки и весьма неофициальные вопросы от женской половины коллектива. Виктория боялась, что к их роману отнесутся негативно, и отношение к ней резко изменится в худшую сторону, но этого не случилось. Конечно, люди шептались у нее за спиной, но внешне этого не показывали. Вику любило большинство сотрудников офиса, и отсутствие у нее второй половинки несколько огорчало многих, особенно, коллег старшего возраста.

«Викуль, тебе нужно найти кого-то, вот у меня есть один знакомый…», – так частенько начинались разговоры с ней во время обеда. Несколько раз Вика встречалась с такими «суженными», но дальше чашки чая в кафе эти встречи не заходили.

Тем не менее молодые девушки все же завидовали Виктории, так как Кирилл казался им завидным женихом, но свою зависть хранили при себе, ведь покажи они ее хоть немного, Вика перестала бы им помогать с работой, а этого они никак не хотели. Девушка являлась одной из лучших работниц, готовых всегда прийти на выручку, и многие нуждались в ее помощи и советах. Потерять такого безотказного помощника казалось глупым, так что завистливой женской половине отдела не оставалось ничего кроме, как молчать и мило улыбаться Вике, когда она и Кирилл рука об руку выходили на обед или покидали вместе офис в конце рабочего дня.

Что касается самого Кирилла, то он не мог объяснить, зачем ему нужны эти отношения, ведь он не собирался затягивать их. Вика превзошла все ожидания и покорила его сердце, но разум мужчины оставался при этом кристально ясным, и он прекрасно понимал, что Вика – не для него.

Семья Кирилла считалась весьма уважаемой в элитарных кругах Питера, и девушка из небогатой и ничем непримечательной семьи не имела шансов ни на что большее, как оставаться любовницей Кирилла. Открыто он никогда не говорил этого Вике, но и не спешил знакомить ее с семьей и друзьями, в глубине души стесняясь своего выбора. Вика была красавицей, умницей и, скорее всего, могла сделать неплохую карьеру и добиться весьма высокого заработка, но от этого ее статус «золушки» не изменился бы. Вариант «из грязи в князи» не подходил Кириллу, о чем ему неоднократно напоминала его мать, которую он все же посвятил в свои отношения с девушкой.

«Кирилл, тебе нужна жена из хорошей, влиятельной семьи. Место руководителя филиала, конечно, неплохое для тебя, но ты достоин лучшего. Вика тебе в этом никак не поможет. Встречайся с ней, если хочешь, но не привязывайся к девушке», – такие советы давала мать Кириллу, когда он заезжал к ней после работы.

Обычно Кирилл сильно раздражался после таких реплик и пытался защитить Викторию, но в душе соглашался с мамой и уходил от нее в подавленном настроении. Вика не понимала, что происходило с Кириллом после таких встреч и пыталась узнать причину его угрюмости, задавая наводящие вопросы, но Кирилл только отмахивался от них или отвечал что-то невнятное. Девушка догадывалась о складывавшейся ситуации, но надеялась, что любовь к ней Кирилла пересилит предрассудки, и он не откажется от нее.

Свое тридцатилетие Кирилл планировал отмечать в одном из самых шикарных ресторанов города. На нем должны были присутствовать семья и родственники молодого человека, его близкие друзья, а также некоторые влиятельные люди города: знакомые и соратники семьи Кирилла. Вика знала о предстоявшем празднике, так как Кирилл не скрывал ни от кого приготовлений к нему: он лично подписывал каждое приглашение, отпечатанное на плотной дорогой бумаге, а также несколько раз при ней звонил в ресторан, обговаривая некоторые детали праздника. Все это время Виктория находилась в приподнятом настроении, ведь впереди предстояла долгожданная встреча с родителями и друзьями любимого. Она загодя выбрала подарок для него и откладывала часть своей зарплаты в течение пары месяцев, чтобы купить его: дипломат от дорогого брендового дизайнера. Приобретя его за неделю до праздника, девушка шла домой, прижимая подарок к груди, словно младенца, боясь выронить или поцарапать столь драгоценную ношу. Вика верила, что Кирилл по достоинству оценит ее подарок и обрадуется ему, ведь он, как никто другой, любил качественные, изысканные вещи, так гармонировавшие с его статусом.

Праздничное платье Вика заказала у знакомой портнихи, так как даже недорогую вещь от кутюрье она себе позволить не смогла, потому как все деньги ушли на подарок Кириллу. Фасон, выбранный Викторией, почти в точности повторял классическую модель платья от Шанель, увиденную ею в одном из гламурных журналов, лежавших на столике у портнихи. Конечно, приглядевшись к готовому платью, можно было понять, что это никак не дизайнерский оригинал, но тем не менее, на девушке оно смотрелось потрясающее. Выкроенное и сшитое по Вике, оно нежно и плавно обтягивало грудь, живот и бедра девушки, подчеркивая все достоинства фигуры. Потрясающей красоты туфли Вика взяла на прокат у той же портнихи, но они оказались на размер меньше Викиного и сильно

сдавливали пальцы девушки, однако, ради красоты и шика и, конечно, ради Кирилла, Вика была готова потерпеть неудобства.

Девушка не хотела выходить на работу в день праздника и думала остаться дома, чтобы привести себя в порядок, спокойно сделать прическу и нанести макияж, но одна из сотрудниц офиса неожиданно заболела, а финансовый отчет для головной конторы в Москве не мог ждать. Вика оказалась единственным человеком из их отдела, кто знал, как его составить и после десятка звонков из питерского офиса и нескольких звонков из московского, ей пришлось выйти на работу. Кирилла там не видели с самого утра: в честь праздника он взял отгул на три дня. Зная, что отчет может занять почти весь день, а празднование начнется в семь вечера, Вика захватила с собой подарок, платье и туфли, боясь, что может просто не успеть заехать домой после окончания работы.

Как назло, отчет оказался одним из самых сложных, что до этого приходилось делать девушке. Заболевшая коллега несколько раз ошиблась в подсчетах и это привело к тому, что первые несколько часов Вика пыталась найти закравшуюся ошибку, а оставшиеся часы переделывала анализ и готовила документы. Закончив только без пятнадцати шесть, Вика бегом кинулась в ванную комнату офиса, на ходу проглотив несколько таблеток от начинавшейся головной боли.

Уставшая и измученная она кое-как привела в порядок свои длинные, почти до пояса волосы, нанесла макияж, попытавшись скрыть следы усталости на лице, а также надела платье. От сиденья целый день в офисе у нее жутко ныла спина и держать ее прямо, как того требовал фасон платья, казалось просто невозможным. В дополнение к этому, у нее немного распухли ноги, и девушке еле удалось втиснуть их в и без того тесную обувь. Сделав первые несколько шагов, Вика чуть не упала и от боли до крови прикусила нижнюю губу. Однако девушка искренне надеялась, что улыбка Кирилла, блеск его глаз, а также несколько бокалов вина, уменьшат боль в спине и ногах или хотя бы сделают ее менее острой.

Когда Вика закончила и посмотрела на свои наручные часы, то с ужасом поняла, что провозилась более получаса и до семи осталось не так много времени. Гости, наверняка, уже прибыли на место, и праздник вот-вот начнется. Насколько знала Вика, стартует он с акробатического шоу, после чего ведущий вечера продолжит развлекательную программу.

Вызвав такси, Вика помчалась вниз, лихорадочно поглядывая на часы каждые десять секунд и сжимая в руке деньги для таксиста и подарок Кириллу. Машина подъехала через пять минут и тут же помчала Вику к ресторану, но из-за аварии, случившейся в центре и ставшей причиной нескончаемых пробок, вся поездка, обычно длившаяся бы минут пятнадцать, на этот раз заняла добрых сорок минут. Вспотевшая от переживаний Вика, промокала салфеткой лицо и старалась внутренне успокоить себя, но сердце колотилось, как бешенное, словно в предчувствии чего-то неладного.

В начале восьмого, заплатив шоферу и отказавшись от сдачи, Вика выскочила из такси и, захватив подарок, на болевших и опухших ногах, спотыкаясь, побежала ко входу в ресторан, возле которого стоял широкоплечий охранник, не слишком доброжелательно посмотревший на нее.

– Ваше приглашение, – сказала он.

– У меня его нет, – простодушно ответила Вика, только в тот момент осознав, что его у нее действительно никогда не было. Она даже и не думала, что оно ей понадобится, ведь она являлась девушкой Кирилла и ее присутствие на дне рождении казалось ей чем-то самим самой разумеющемся.

– Вход только по приглашениям, – ответил охранник и тут же отвернулся от нее.

Не сразу поняв, что произошло, Вика несколько секунд беспомощно хлопала ресницами, после чего дотронулась до плеча охранника, чтобы он снова обратил на нее внимание.

– Я – девушка Кирилла. Я просто опоздала на начало праздника, но мне не нужно никакое приглашение, – сказала она.

Охранник недоверчиво посмотрел на нее и оглядел с ног до головы. Увидев, что одета она действительно подобающе, да и выглядит весьма привлекательно, он решил во избежание возможных проблем (а, вдруг эта дамочка говорит правду?!) связаться по рации с коллегой, находившемся в самом ресторане.

– Сейчас разберемся, – уже более уважительно сказал охранник и отошел на некоторое расстояние от обескураженной Виктории.

Мужчина о чем-то тихо разговаривал по рации и несколько раз бросил взгляд на Вику, после чего повесил телефон на пояс и снова подошел к девушке.

– В списке приглашенных нет никакой девушки Кирилла, – лаконично ответил он.

– Как это? – снова растерялась Вика, – этого не может быть. Свяжитесь с самим Кириллом, он подтвердит. И ему крайне не понравится, что вы меня не впускаете, он же ждет меня! – уже более уверенным тоном закончила она.

Охранник тяжело вздохнул, с недовольством посмотрел на Вику и снова позвонил кому-то по рации.

Вика тем временем огляделась по сторонам. Прохожие смотрели на нее с интересом: в вечернем платье с оголёнными плечами, на высоких каблуках и с подарочным пакетом в руках она явно отличалась от большинства пешеходов, одетых в плащи и шапки. Но, как показалось Вике, больше всего прохожих интересовало почему ее, такую красивую и эффектную, не впускают в ресторан, а держат у входа.

Стояла осень и северный ветер насквозь продувал Вику, так что ее начала бить крупная дрожь, а зубы принялись клацать друг о друга. Девушка сильно пожалела, что оставила свой плащ в конторе, ведь назад она планировала ехать на такси вместе с Кириллом и плащ бы ей не понадобился. Неожиданно на нос ей упала холодная капля дождя. «Этого еще не хватало!», – подумала Вика, вспомнив о своей прическе. Если ее не впустят в помещение в течение ближайших нескольких минут, ее внешний вид окончательно испортится.

– Послушайте, нельзя ли побыстрее, мне холодно, да и дождь начинается. Могу я хотя бы зайти в фойе? – спросила девушка.

Охранник повернулся к ней и, подойдя, ответил:

– У нас строгие указания: кроме приглашенных никого не впускать вовнутрь.

– Но… – начала Вика, как вдруг распахнувшаяся дверь и показавшийся из нее Кирилл, заставили девушку резко замолчать.

– Вика, – сказал мужчина, подойдя к ней и положив руки ей на плечи.

– Ох, Кирилл, как я рада, – Вика прижалась к нему в порыве нежности и более эгоистичном желании хоть чуточку согреться, – извини, что опоздала. Меня попросили сделать отчет для Москвы, а потом эти пробки…

– Вика, – снова начал Кирилл, но и на этот раз Вика перебила его.

– Представляешь, охрана не хотела пропускать меня. Я им сказала, что твоя девушка, а им хоть бы что! Я тут уже минут десять мерзну. Наверное, и вид у меня соответствующий, – уже почти смеясь сказала она, но подняв на мужчину глаза, тут же замолчала.

Кирилл смотрел, вернее пытался смотреть нее, как можно более холодно и отстранённо, хоть сердце его при этом и болезненно сжималось.

– Послушай, я хотел сказать тебе раньше, но совсем забегался с этим праздником. Нам нужно остановиться пока не поздно. Ты – прекрасный человек, и уверен, что ты найдешь гораздо более достойного, чем я.

Обычные и затасканные фразы ранили Вику, как нож, причинив гораздо большую боль, нежели узкие туфли. Поняв и осознав услышанное, Вика отстранилась от Кирилла и удивленно посмотрела на него. Дрожь от холода перестала сотрясать ее тело, и девушку резко бросило в жар. Красный, свекольного цвета румянец, выступил на ее щеках.

– Так ты все это сделал специально?! Чтобы меня не пускали в ресторан? – громко спросила она, перейдя на крик, что являлось для нее совсем нехарактерным.

– Викуль, пойми, это не моя идея, просто я не знал, как лучше и хотел заранее, но…

– Не смей меня так называть! – закричала девушка. Слезы обиды уже выступили на глаза и готовились сорваться и размазать макияж Вики.

– Ты выставил меня полной дурой! Как ты мог?! Что я тебе сделала?! – громко говорила она и голос ее срывался.

Кирилл беспомощно смотрел на нее, не зная, что предпринять. Его спасло появление друга из дверей ресторана.

– Киря, что ты тут торчишь? Тебя все ждут. Твой отец готовится к тосту, – сказал он, удивленно посмотрев на продрогшую девушку у входа в ресторан.

Вика продолжала все также ошарашенно смотреть на Кирилла, когда он, отойдя от нее, сказал напоследок:

– Мне очень жаль. Правда!

Его друг тихо спросил Кирилла «кто это?», когда они вновь заходили в ресторан, и до Вики донеслось брошенное Кириллом безликое «да так, никто». Это стало последним ударом и девушка разрыдалась. Боль, обида, шок и усталость одновременно навалились на нее и соленый поток слез наконец брызнул из глаз девушки. Дождь к тому времени распугал почти всех пешеходов и только некоторые спешившие с работы домой прохожие быстро пробегали мимо Вики, удивлённо и в то же время безучастно глядя на рыдавшую девушку.

– Вам бы домой поехать. Вот, возьмите, – услышала Вика неподалеку.

Открыв заплаканные глаза, она увидела охранника, на этот раз участливо смотревшего на нее и протягивавшего ей носовой платок. Автоматически потянувшись за платком, Вика взяла его, вытерла нос и, сжав в руке, медленно развернулась и пошла прочь от ресторана.

Девушка брела куда глаза глядят, но все же постаралась свернуть с широкой улицы на узкую, где пешеходов было бы поменьше. Продолжая плакать, с мокрыми, прилипшими к спине и плечам волосами, в вечернем платье, хромая и таща в руке пакет с подарком, она представляла собой весьма жалкое зрелище. Пройдя минут сорок Вика, смогла немного успокоиться и решила остановиться. Подойдя к подъезду ближайшего дома и встав под козырек над дверью, Вика еще раз вытерла лицо уже насквозь мокрым платком охранника, размазав при этом косметику на лице еще сильнее. Оглядевшись по сторонам, девушка к своему ужасу поняла, что понятия не имеет, где находится. Она не шла все время прямо, а несколько раз сворачивала и куда именно она сама себя завела, Виктория не знала. Первой мыслью стало словить такси, но тут девушка вспомнила, что деньги остались в плаще, лежавшем в офисе, равно как и мобильный телефон и ключи от дома, поскольку Вика думала переночевать у Кирилла. Без денег, ключей и каких-либо документов она оказалась в

крайне глупом положении. Офис уже закрыли, а поехать к родителям на окраину города она не могла из-за отсутствия денег. Можно, конечно, попробовать взять у кого-то из прохожих телефон и, позвонив папе, попросить его заехать за ней, но Вика отвергла этот вариант, так как ей вовсе не хотелось, чтобы родные увидели ее такой жалкой и униженной. Мама начала бы причитать и охать, а отец грозился бы поговорить с Кириллом и его родителями, словно тот был мальчишкой в детском садике, запустившем в нее игрушкой.

Виктория начала мысленно вспоминать всех знакомых и подруг, живших в центре города, у которых можно было бы переночевать и утром, приведя себя в порядок, зайти в офис и забрать плащ. Сразу отметя нескольких человек, Вика остановилась на своей университетской подруге Маше, снимавшей небольшую квартиру недалеко от Площади Восстания. Надеясь, что Маша дома, а не у очередного поклонника, Вика вышла из-под навеса и пошла назад, ища глазами вывески с названиями улиц и пытаясь понять, куда ее занесло.

Ресторан находился недалеко от Невского, но куда именно свернула Вика в своем отчаянье она не знала. Мрачный, холодный город и его каменные величественные здания, казалось, презрительно наблюдали за Викой, вновь начавшей дрожать от холода, ветра и дождя. Прохожих и след простыл, и Вика теперь шла по безлюдной улице. Только свет в окнах некоторых домов говорил о том, что поблизости все же есть живые люди, пусть и находившиеся в уюте своих квартир.

Дождь, мрак и плохое освещение мешали девушке сориентироваться, но она все же не сдавалась и за двадцать минут быстрым шагом одолела несколько улиц. Так и не поняв где она, Вика остановилась и еще раз огляделась по сторонам. Впервые за вечер девушка испугалась, но на этот раз не холода, а безлюдности, странной для такого обычно оживленного города, как Санкт-Петербург. Мысли о преступниках, ворах, наркоманах и насильниках яркой молнией озарили сознание Виктории, тогда как переживания о Кирилле и его подлости сразу же отошли на задней план. «Нужно выбираться отсюда как можно скорее», – стуча зубами, сказала Вика сама себе.

Девушка решила идти прямо и никуда не сворачивать, что она и делала на протяжении нескольких метров, после чего остановилась от боли в ногах, которая, как и осознание опасности, только сейчас дошла до девушки. Продолжать идти дальше в туфлях Вика не могла и прямо на тротуаре избавилась от них. Вторые и третьи пальцы ног девушки превратились в кровавое месиво, и Вика с ужасом поняла, чем обернулась для ее ног эта «вечерняя прогулка» по городу.

Вдруг девушка перевела взгляд на дипломат, предназначенный в подарок Кириллу, аккуратно завернутый в подарочную бумагу и лежавший в пакете, который она продолжала таскать за собой. Неожиданно для себя Вика засмеялась, да так, что не могла остановиться. Она все смеялась и смеялась, согнувшись пополам и присев на корточки, от чего узкое платье на боку разошлось по шву, но это уже не имело значения. Девушка смеялась над своей глупостью, наивностью и слепотой. Ей следовало понять все раньше и, возможно, даже догадаться о предстоявшем разрыве (но уж точно не о таком, что случился!), однако, ей не хотелось верить в него. Смех плавно перешел в истерику. Слезы, босые ноги, порванное платье и дождь снова перестали иметь значение для Виктории. Сев на бордюр, Вика ревела, как ребенок, потерявшийся в толпе и испугавшийся, что никогда больше не увидит дорогих и любимых родителей.

Но тут неожиданно долетевшая до нее фраза, сказанная на английском языке, резко

прервала истерику. Девушка сидела с низко опущенной головой и не сразу поняла, что произошло, и кто обратился к ней. Подняв заплаканное лицо и постаравшись распахнуть опухшие от слез глаза так широко, как это возможно, девушка увидела перед собой склонившегося мужчину, испуганно и озабоченно смотревшего на нее.

– Are you all right? – еще раз спросил он, – do you need any help?

Вика знала английский, но его речь, не смотря на полусумасшедшее состояние девушки, даже тогда показалась ей несколько странной.

– Я в порядке, – сказала она на английском и попыталась встать, но ноги из-за сиденья на корточках отекли и, если бы не подхватившие ее руки мужчины Виктория упала бы на спину.

– Вам плохо? Может, вызвать скорую? – спросил иностранец и Вика подумала, что он, скорее всего решил, что она пьяна или же находится под действием наркотиков. Вид у ее был не из лучших, а порванное короткое вечернее платье и дырявые колготки могли навести на мысль о том, что Вика – одна из ночных бабочек Питера.

– Нет, просто плохой день, – ответила девушка, напрягая все свои школьные и университетские познания английского, – и я заблудилась, – добавила она.

Иностранец слабо кивнул и, все еще поддерживая девушку, сказал, что тоже заблудился в поисках своей гостиницы.

– Это делает нас двоих в какой-то степени партнерами, – подытожил он, постаравшись вызвать на лице Вики улыбку, но из этого ничего не вышло. Девушка не поняла шутки и уже на окрепших ногах отошла от мужчины на пару шагов. Мысли о маньяках вновь вернулись к ней с новой силой.

– Как называется ваша гостиница? – спросила она.

– Не помню, но сейчас посмотрю, – сказал мужчина и полез в карман, вероятно, в поисках визитки отеля. Вика тем временем огляделась по сторонам, ища путь к бегству или отступлению, если такой понадобится. Правда, она прекрасно понимала, что в ее нынешнем состоянии, да еще и босиком, далеко она не убежит.

– Нашел, – сказал мужчина и, улыбаясь, протянул ей карточку.

«Как он может продолжать улыбаться, когда на улице такой холод и дождь, а у него нет зонта и он вымок, точно также, как и я», – подумала Вика, беря визитку.

Оказалось, что иностранец остановился в одной из лучших гостиниц города.

– Почему вы не возьмете такси? – спросила Вика, настороженно глядя на мужчину.

– У меня нет с собой денег и телефона. Все в гостинице. У меня была деловая встреча в центре и только, когда я попрощался со своими российскими пантерами, понял, что оказался в дурацком положении. Я уже час пытаюсь выйти на нужную улицу.

Вика кивнула, но в душе не слишком поверила незнакомцу.

«Нужно скорее попасть на оживленную дорогу и убраться подальше от этого человека», – подумала девушка. Вике показалось, что впереди слышался шум автомобилей, и она решила следовать в этом направлении, о чем и сообщила иностранцу.

Мужчина согласился и подставил девушке руку, пытаясь оказать поддержку, но Вика только отошла от него подальше. Смутившись, мужчина также отодвинулся от нее и пошел сзади. Виктории это еще больше не понравилось. Теперь она не видела незнакомца и не знала, что он планировал у нее за спиной. Держа туфли в одной руке и пакет с дипломатом в другой, она старалась идти, как можно быстрее, не обращая внимания на то, что царапает ноги. К счастью, ее ступни к тому времени настолько окоченели, что почти не чувствовали

боли, да и голова девушки оказалась занята совершенно другими мыслями.

– Вам не холодно идти босиком? – раздалось сзади Вики.

Вопрос показался девушке настолько глупым, что она проигнорировала его и не ответила, а только прибавила шагу. Пока что этот вечер занимал лидирующие позиции в рейтинге самых неудачных вечеров в жизни Вики. Подозрительный иностранец, свалившейся ей, как снег на голову, довершал все ее неприятности.

Вскоре девушка заметила огни автомобилей и, как ей показалось, серебристый блеск Невы. Это давало неплохие шансы на то, что вскоре она поймет, где находится и сможет наконец-то пойти к Маше, а мужчине указать правильное направление.

– Теперь я понимаю, куда мы вышли, – сказала Вика, когда они приблизились к реке.

Возле Невы всегда делалось холоднее, а сырость и ветер довершали бедственное положение полуголой Вики. Съежившись, она повернулась к мужчине, чтобы, клацая зубами, сказать, что ему нужно пройти прямо до следующего моста после чего просто свернуть налево, но обернувшись, увидела, как тот снял свой пиджак и протянул его ей.

– Возьмите. Он хоть и мокрый, но все же прикроет плечи, – сказал иностранец.

В другой ситуации Вика, наверное, отказалась бы, но в тот момент она так замерзла, что с радостью приняла пиджак и, положив туфли и пакет на тротуар, тут же закуталась в него, позволив себе на несколько секунд закрыть глаза и насладиться теплом мужчины, которое все еще хранил его пиджак.

Иностранец с жалостью смотрел на Вику. Он до сих пор не мог понять пьяна ли девушка или же просто не в себе, но тем менее для себя он решил, что удостоверится в том, что она доберётся до дома в целости и сохранности.

– Спасибо, – поблагодарила Вика и объяснила мужчине, как пройти к гостинице, – я завтра пришлю вам пиджак. Как ваше имя?

– Брюс Бухан, – ответил иностранец и тут же спросил, – а вы куда отправитесь?

– К подруге, – сказала Вика и тут же пожалела, что не сказала «домой».

– Это далеко отсюда?

– Минут двадцать. Ничего страшного, я дойду.

– Может, лучше мы пойдем в гостиницу, и я вызову Вам такси? Мне так будет спокойнее.

До гостиницы оставалось идти минут десять, тогда как до Маши на самом деле целых тридцать. Обдумав предложение Брюса, Вика кивнула в знак согласия, решив, что в гостинице с ней ничего не случится, ведь там в фойе она не окажется один на один с иностранцем.

– Давайте, я возьму пакет и туфли, – предложил мужчина Вике, когда они пошли в сторону отеля.

– Спасибо, – поблагодарил Вика, но протянула ему только пакет, продолжая держать туфли в руке. Ее пальцы замерзли до такой степени, что соприкоснувшись с теплой рукой мужчины, ей показалось, что она дотронулась до горячей конфорки плиты. Мужчина же с ужасом посмотрел на девушку.

– Вы же закоченели! – сказал он, – и можете заболеть.

– Не волнуйтесь. Все обойдется, – постаралась заверить его Вика, которую продолжала бить крупная дрожь. Хотя внутренне она согласилась Брюсом, понимая, что вполне возможно на несколько недель сляжет с простудой, а то и с восполнением легких.

Впереди показалась гостиница и ее яркие огни обещали тепло и уют. Швейцар открыл

дверь перед Брюсом, пропустив мужчину вперёд, и с удивлением, смешанным с презрением, посмотрел на Вику.

– Я подожду здесь. Просто вызовите такси со стойки администратора, – предложила Вика.

Тепло гостиницы принесло облечение девушке, но абсолютно все в фойе отеля, начиная от работников и заканчивая гостями, уставились на нее во все глаза, что казалось неудивительным. Платье Вики с одной стороны до талии разошлось по шву, колготки порвались в нескольких местах, ступни были перепачканы в крови и грязи, лицо опухло от слез, черные подтеки от туши делали ее похожей на панду, а с волос стекала вода, образовывая на дорогом ковре лужицу.

– Ерунда! Пойдемте ко мне в номер. Согреетесь и тогда уже поедите домой, – предложил мужчина и, тут же поняв, что его предложение можно воспринять двояко, тут же добавил, – вам нечего опасаться. Я покажу вам номер и спущусь вниз, чтобы не мешать.

Искушение сходить в горячий душ и желание снять с себя мокрую холодную одежду хоть не некоторое время пересилили страхи девушки, и Вика согласились. Низко опустив голову и ссутулившись еще больше, она засеменила за Брюсом к лифту, стараясь не поднимать глаза, чтобы не сталкиваться с холодными и оценивающими ее взглядами работников и постояльцев отеля.

В лифте девушка притворилась, что рассматривает узор на ковре, однако, ее не покидало чувство, что Брюс не переставал смотреть на нее. Это ощущение ей совсем не понравилось и в душе она уже начинала жалеть, что согласилась на его предложение.

Подойдя к номеру, мужчина открыл перед Викой дверь и пропустил ее вперед. Девушка и прежде останавливалась в дорогих гостиницах, но этот номер превзошёл все ее ожидания: его оформили в роскошном стиле рококо, мебель и отделка выглядели очень дорого, а сама комната казалась просто огромной.

– Ванная слева, – сказала Брюс, – я сейчас дам вам халат. Он чистый, я им не пользовался, а вторая пара тапочек рядом с душем.

Вика кивнула и сняла мокрый пиджак. Ее разошедшееся на боку платье выставило на обозрение нижнее белье девушки. Иностранец скользнул удивленным взглядом по Вике, но не сказал ни слова, а только протянул ей халат.

– Я спущусь вниз и поднимусь в номер через двадцать минут. Вам хватит этого времени? – спросил он.

– Да, но в этом нет необходимости, – сказала Вика, решив забыть о своем страхе и сжалиться над иностранцем, – вы сами промокли. Оставайтесь тут. Душ и переодевание не отнимут у меня много времени.

– Уверены?

– Абсолютно.

– Хорошо. Тогда я сделаю чай, пока вы греетесь в душе. Или хотите кофе? – спросил Брюс, указывая на чайник и кофейный аппарат, стоявшие на столике напротив его кровати.

– Лучше кофе, – ответила Вика, уже заходя в ванную комнату.

Подойдя к зеркалу, девушка чуть не ахнула от ужаса, так плачевно она выглядела. Содрав с себя остатки платья и коготок, она кинула их в небольшой мусорный контейнер под раковиной, а нижнее белье пришлось выжимать руками, настолько оно промокло.

После этого девушка позволила себе залезть под душ и минут пять наслаждалась горячими струями воды, ласкавшими и отогревавшими ее окоченевшее тело. С теплом

пришла и боль от ран и мозолей на ногах: Вике показалось, что ее ступни просто горят огнем. «Надо бы продезинфицировать раны», – подумала девушка, но решила, что с этим она разберется уже у Маши.

Закончив вытираться, девушка накинула халат и еще несколько минут сушила волосы феном, прежде чем вновь посмотреть на себя в зеркало. Теперь на нее глядело чистое, но опухшее от слез лицо. Вздохнув, Вика вышла из ванной комнаты. В кресле ее уже ждал Брюс, переодевшийся в сухую одежду, а на столе рядом с ним дымилась чашка кофе.

– Я добавил немного бренди в кофе. Думаю, вам не помешает, – сказал он, внимательно всматриваясь в Вику.

– Спасибо, – ответила девушка, про себя надеясь, что в напитке нет наркотика, который бы отключил ее на сутки. Сделав глоток, Виктория облегченно вздохнула. Тепло и алкоголь приятно растекались по ее телу, расслабляя и успокаивая. События последних нескольких часов теперь казались древней историей. Ей не верилось, что Кирилл поступил с ней таким подлым образом. Все это больше походило на плохой сон, от которого она вот-вот проснется.

Брюс молчал и продолжал смотреть на Вику. Присев на край кровати (второго кресла в номере просто не оказалось), девушка наконец тоже взглянула на мужчину и только тогда заметила, что он вовсе не дурен собой. В потемках на улице она не могла этого разглядеть, а в фойе гостиницы стеснялась поднять на него глаза, но оказалось, что Брюс весьма симпатичный мужчина, которому, судя по всему, около тридцати пяти лет. У него были густые темные волосы и карие глаза, с легкой насмешкой смотревшие на Вику. Однако в насмешке не чувствовалось презрения, взгляд скорее искрился добротой и весельем.

– Так что с вами случилось? – прервал молчание и обоюдное разглядывание друг друга Брюс.

– Плохой день, как я и сказала, – лаконично ответила Вика, допивая кофе, – думаю, что мне пора. Вы не против, если я позаимствую халат? Знаю, что выгляжу глупо, но мое платье порвалось.

– Забирайте, конечно. Возможно, вы хотите позвонить вашей знакомой?

– Хорошая идея, но я не помню наизусть номера подруги. Я знаю только адрес.

– А она точно окажется дома?

– Скорее всего…

– Хмм… звучит не слишком уверенно. Ваша подруга знает, что вы собираетесь к ней ехать?

– Нет, – ответила Вика, сама не понимая почему говорит правду этому незнакомцу. Однако и лукавить на английском девушка не умела, а ее усталый мозг и так еле выдавал нужные фразы на чужом языке.

– Сколько сейчас времени? – спросила она.

– Пятнадцать минут одиннадцатого, – ответил Брюс.

– Наверное, я все-таки позвоню родителям и поеду к ним. Это надежнее, – сказала Вика.

Она что-нибудь придумает: соврет им, чтобы не слишком расстраивать, а утром поедет в офис и заберет ключи, а также напишет заявление об увольнении, текст которого пришел к ней в голову, пока она грелась в душе.

– Хорошо. Телефон справа от вас.

Вика отставила чашку кофе и подошла к телефону, стоявшему на прикроватной

тумбочке. Набрав номер она несколько минут слушала длинные гудки, после чего, недоумевая, положила трубку.

– Никого нет дома? – спросил Брюс.

– Похоже на то. Я не знаю, где они. Разве что, решили навестить мамину сестру на ее даче и заночевали там, – растерянно ответила Вика.

Брюсу хотелось узнать, почему девушка просто не поедет к себе домой, но он не стал спрашивать ее об этом, решив, что причины могут оказаться весьма личного характера, начиная от ссоры с мужем и заканчивая агрессивным поведением ее возможного сожителя.

– Что ж тогда я предлагаю вам остаться здесь, а утром уже отправитесь к подруге или к родителям, или куда сами захотите.

– Но я так не могу. Мне неудобно.

– Глупости. Вы останетесь в этом номере, а я сниму себе другой. Я сейчас схожу вниз и все устрою, – сказал мужчина, встав с кресла.

Вике стало так неловко и неудобно, как никогда в жизни. Она понимала, что номера в этой гостинице очень дорогие, и даже одна ночь ей не по карману. Брюса она совсем не знала и могла только предполагать, как именно он захочет рассчитаться с ней. В голову начали лезть мысли о развратных иностранцах, наслышанных о доверчивости русских девушек.

– Но это очень дорого! – запротестовала Вика, – у меня нет с собой денег.

Брюс только покачал головой и вышел из номера. В растерянности Вика села на кровать и уставилась на закрывшуюся перед ней дверь. Ей вновь стало холодно, и она включила отопление в номере на полную мощность и плотнее закуталась в халат. Через несколько минут вернулся Брюс и сразу подошел к своему шкафу.

– Я снял номер на ночь на этом же этаже. Заберу необходимые вещи и не стану вам мешать.

– Вы вовсе не обязаны покидать свой номер. Давайте, лучше я пойду в другой.

– В этом нет необходимости, ведь здесь уже тепло, к тому же я вам заказал ужин в номер. Принесут в течение двадцати минут.

– Не стоило… – начала Вика, забеспокоившись и почувствовав себя еще более обязанной иностранцу.

Брюс уже собрал некоторые вещи и, зажав их подмышкой, снова покачал головой и посмотрел на Вику.

– Вы странная. Я не сделал ничего выдающегося, а вы так переживаете. Любой нормальный мужчина предложил бы вам тоже самое. Прекратите беспокоиться по этому поводу.

Вика опустила глаза. По ее понятиям он был через чур великодушен и любезен, но может для Брюса такие поступки являлись нормой?

– Доброй ночи! Увидимся завтра утром, – сказал он, но на пол пути к двери остановился и, обернувшись, спросил, – как вас зовут?

– Виктория, – ответила девушка, поняв, что до сих пор не представилась ему.

– Еще раз доброй ночи, Виктория! – улыбнувшись, сказал Брюс и вышел из номера.

Глава 2.

На удивление, утром девушка чувствовала себя вполне сносно: ни больного горла, ни насморка, ни кашля. Единственным отголоском ее вчерашних приключений оказались стертые в кровь ноги. После ужина, состоявшего из курицы с салатом, десерта и ароматного черного чая, Вика закуталась в одеяло и уснула сном праведника. Она не просыпалась всю ночь и только стук горничной в дверь около десяти утра разбудил ее.

Не поняв поначалу где она находится, девушка растерялась, но вспомнив, тут же спохватилась, что проспала через чур долго и даже не знает где Брюс. Вика открыла дверь горничной и вежливо отказалась от завтрака и уборки, но спросила не найдется ли в гостинице какой-либо одежды. Горничная пообещала помочь и тут же удалилась, тогда как Вика бросилась в ванную комнату приводить себя в порядок. К ее радости выглядела она совсем неплохо: глаза приняли свой прежний размер после слез и цвет лица вновь стал ровным. Сходив в душ, причесавшись и убрав волосы, она сделала себе чай и стала ждать возвращения горничной.

Оглядевшись по сторонам, Виктория заметила, что многие свои вещи мужчина оставил в номере: на столике лежали его бумаги, пачка визитных карточек, а рядом со шкафом стоял чемодан. Девушка протянула руку и взяла одну из его визиток.

«Брюс Бухан, руководитель компании Национальное Достояние, Стратфорд на Эйвоне, Англия». Далее значились его телефонные номера и адрес электронной почты. По визитке невозможно было понять, чем именно занимался Брюс, но судя по качеству бумаги, а также дорогому чемодану и роскошному номеру бизнес иностранца явно процветал.

Вздохнув, Вика положила карточку обратно и подумала о Кирилле: где он сейчас и с кем. Эти мысли болью отозвались в сердце девушки и на глаза вновь набежали слезы, но расплакаться она себе не позволила. В конце концов, ей еще предстоял разговор с Брюсом, а также поездка в офис. Ни к чему если все поймут, насколько она страдает.

От грустных мыслей девушку отвлекло появление горничной, принесшей Вике комплект рабочей формы администратора гостиницы.

– Надеюсь, что размер подойдет, – сказала горничная, улыбаясь.

– Спасибо. Сколько это будет стоить? Дело в том, что с собой у меня нет денег, но в течение дня я смогу занести вещи обратно и оплатить их аренду.

– Не стоит беспокоиться. Это за счет гостиницы. Вы можете вернуть вещи, когда вам будет удобнее.

Горничная вышла из номера и оставила Виктории одну. Юбка и блузка подошли девушке идеально, а вот пиджак оказался мал, поэтому она оставила его висеть в шкафу. Туфли, надетые на голые ноги, заставили только успевшие затянуться тонкой корочкой раны и мозоли заболеть с новой силой, но это казалось все же лучшим решением, нежели вновь идти пешком. Застелив кровать и захватив свои все еще влажные туфли и дипломат в подарочной упаковке, Вика поспешила покинуть номер и спустилась вниз.

Подойдя к стойке администратора, она спросила у работницы:

– Простите. Вы не подскажите, где постоялец номера сто пять? Его зовут Брюс Бухан.

Администратор внимательно оглядела девушку с ног до головы и, видимо, вспомнив ее вчерашнее весьма странное появление, удивленно вскинула брови, но все же ответила.

– Господин Бухан сейчас завтракает в ресторане. Вам нужно пройти прямо и потом

свернуть налево.

Сказав это, она опустила глаза и принялась что-то печатать на компьютере, дав тем самым понять, что разговор окончен.

Вика отправилась в ресторан отеля и, зайдя в большой светлый зал, немного растерялась, ведь она вчера не слишком хорошо запомнила, как выглядел Брюс, а за столиками сидело множество мужчин. Простояв несколько секунд в замешательстве, Вика вдруг заметила копну темных, слегка вьющихся волос. Утреннее солнце придавало волосам золотистое сияние и издалека казалось, что от головы мужчины исходило легкое свечение.

Он сидел спиной к ней, углубившись в чтение документа, открытого на лэптопе. Вика тихо подошла сзади и, еще раз взглянув на мужчину сбоку и удостоверившись, что это он, села напротив.

– Доброе утро! – поприветствовала его она.

Брюс оторвался от компьютера и поднял на девушку глаза, которые тут же широко распахнулись от удивления и, как на секунду показалось Вике, от восхищения.

– Доброе утро! Как вы? – спросил иностранец, закрыв лэптоп и отодвинув его от себя, – хотите перекусить?

– Нет, спасибо! Мне нужно идти. Я хотела поблагодарить вас за помощь и доброту.

– Всегда пожалуйста! Как вы себя чувствуете? – спросил Брюс, словно не желал отпускать Вику.

Неожиданно для себя девушка рассмеялась и ответила, что чувствует себя замечательно.

– Этого не скажешь обо мне. Нос заложен и чувствую, что к вечеру станет хуже, – пожаловался Брюс.

– Мне очень жаль это слышать, – посочувствовала Вика, – вам нужно пить много горячего чая с медом.

После этого они оба замолчали и просто смотрели друг на друга. Вика вдруг поняла, что отчаянно не хочет покидать гостиницу и с удовольствием бы позавтракала с Брюсом, но скромность не позволяла ей этого сделать и наконец она сказала:

– Я, наверное, пойду. Скажите, сколько я вам должна за номер и вчерашний ужин?

Брюс вздохнул и ответил:

– Я же вчера дал вам понять, что не приму денег.

– Но…тогда возьмите это! – сказала Вика, протянув Брюсу пакет с дипломатом.

Подарочная бумага кое-где порвалась от влаги и общее впечатление от упаковки оставляло желать лучшего.

– Что это? – удивленно спросил Брюс.

– Дипломат. Он красивый и дорогой.

– Это его вы таскали вчера с собой весь вечер?

Вика кивнула. Брюс взял пакет и развернул упаковку. Вика тут же подумала, как бы обрадовался подарку Кирилл, но постаралась отогнать от себя эти мысли. Конечно, она могла отнести дипломат обратно в бутик, где купила его. Скорее всего, вещь приняли бы назад и Вике вернули бы деньги, но в тот момент девушке хотелось сделать приятное Брюсу и хоть как-то отплатить ему за доброту.

– Нравится? – спросила она, уже зная, что дипломат пришелся мужчине по вкусу. Это было видно по тому, как нежно он провел по коже рукой и осторожно прикоснулся к замку, открывая его.

– Да. Очень красивый. Позвольте узнать, кому он предназначался?

Вика замялась и сначала хотела сказать правду, но потом что-то остановило ее и, улыбнувшись, она ответила:

– Вам. Я купила его для вас.

– Для меня?

– Да.

Брюс с сомнением посмотрел на Викторию. Девушка вновь улыбнулась и добавила:

– Я знала, что встречу вас и захочу отблагодарить, поэтому и припасла для вас подарок.

– Что ж, спасибо, – улыбнулся мужчина, но улыбка не тронула его глаз. Он продолжал внимательно смотреть на девушку, – вы случайно не ясновидящая?

– Нет.

– Виктория, – обратился к ней Брюс, – если этот дипломат предназначался для кого-то особенного в вашей жизни, то лучше возьмите его. Возможно, все еще наладится.

Вика вздохнула и взгляд ее вновь стал грустным. Брюс все прекрасно понял.

– Мне бы хотелось, чтобы дипломат остался у вас, Брюс. Я настаиваю.

– Хорошо. Не хочу вас переубеждать, а то будет нечестно. Я же настоял, чтобы вы ночевали в гостинице.

– Вот именно.

Разговор вновь стих, и Вика встала из-за стола.

– Мне пора, – сказала она, протягивая руку, – было приятно познакомиться.

– Мне тоже, – улыбнулся Брюс, пожав ее руку, но тут же выпустил ее, чтобы достать из кармана носовой платок и чихнуть в него.

– Вижу, вы действительно простыли, – сказала Вика, – желаю скорейшего выздоровления!

– Спасибо! Вот, возьмите мою визитку, – ответил Брюс и протянул ей свою карточку, – я пробуду в городе еще несколько дней. Если что, звоните.

Вика улыбнулась и положила карточку в карман юбки, понимая, что вряд ли сама позвонит первой. Развернувшись она пошла по направлению к выходу из ресторана, намереваясь взять такси до офиса и расплатиться уже по приезде, заняв денег у консьержа банка.

Уже на выходе она обернулась, услышав, как Брюс окликнул ее по имени. Мужчина быстро шел за ней, смотря на девушку несколько смущённо и сконфуженно.

– Не подумайте ничего плохого, но я тут размышлял… В общем, не хочу показаться навязчивым, но я желал бы узнать, не откажитесь ли вы поужинать со мной сегодня? – запинаясь, почти как школьник, отвечавший плохо выученное домашнее задание, спросил Брюс.

Сердце Виктории отчего-то заколотилось быстрее обычного и, недолго думая, она тут же ответила:

– Да, конечно. Но вы ведь себя нехорошо чувствуете.

– Это не проблема. Когда у вас найдется время?

Вика подумала и, улыбнувшись про себя, вспомнила, что с сегодняшнего дня она, можно сказать, безработная и времени у нее навалом, ответила:

– Да, когда угодно.

– Тогда, оставьте мне свой телефон, и я позвоню, как закончу сегодняшние встречи. Думаю, что к шести вечера освобожусь. Да, кстати, вам нужны деньги на такси? – заботливо добавил Брюс.

Вика, улыбнувшись, отказалась от денег, но свой домашний телефон Брюсу все же дала, после чего еще раз попрощалась с ним и, сев в первое попавшееся на глаза такси, поехала на работу.

В тот день Вика, как и планировала, написала заявление о расторжении трудового договора со дня и оставила его в кабинете Кирилла, никому ничего не сказав и не объяснив. Служащие конторы смотрели на нее весьма удивленно, когда девушка впопыхах собирала вещи со своего рабочего стола. Одна из главных сплетниц конторы подошла к ней узнать, что случилось и как прошел вчерашний праздник, на что Вика просто ответила, что уходит с работы по личным причинам, а про праздник ничего не знает, так как не присутствовала на нем. Виктория сама не ожидала, что это объяснение дастся ей так легко и непринужденно. Она не видела необходимости открывать кому-либо истинных причин ее столько скорого ухода с работы и расставания с Кириллом. В конце концов, ей казалось безразличным, что о ней подумают уже бывшие коллеги, и какими слухами и легендами обрастет ее уход.

С работы домой девушка пошла пешком и обернулась только один раз, чтобы посмотреть на окно кабинета Кирилла, из которого они вместе так часто смотрели на пробегавших по улице пешеходов и проезжавшие по дороге автомобили. Вика думала, что ее глаза вновь наполнятся слезами, но этого не случилось. Она не почувствовала ничего кроме пустоты и облегчения, словно с ее плеч свалился огромный, непосильный груз. Идя домой, она про себя рассуждала о том, почему ей так легко и хорошо на душе и пришла к выводу, что все то время, что она работала в конторе, она буквально противоречила себе и своим желанием. Ей нравилась аналитика и финансы, но этому ли она хотела посвятить всю свою жизнь? Университет и карьера в банке всегда являлись пределом мечтаний ее родителей и учителей, но никак не ее самой. Вика знала, что легко обучается всему новому и способна на многое, поэтому перспектива сменить профессию ее не пугала, а даже наоборот манила. И пусть новая должность не станет полностью соответствовать ее представлениям об успешной современной молодой женщине, но, может, она принесет Виктории гармонию и счастье? Оставалась только одна проблема: девушка понятия не имела, чем бы ей хотелось заниматься, ведь почти всю жизнь выбор за нее делал кто-то другой. Сначала родители, потом педагоги и близкие друзья, на которых следовало по мнению общества ровняться, а в последнее время Кирилл. Именно он советовал ей покупать только фирменные вещи и постоянно выглядеть, как красотки с обложек модных журналов. Иногда он сам покупал для нее одежду (жадным его никак нельзя было назвать), которая Виктории совсем не нравилась и казалась через чур вызывающей, но она носила ее, чтобы понравиться и угодить Кириллу. Девушка не любила короткие обтягивающие юбки, глубокие декольте, шпильки, постоянное присутствие косметики на лице и укладку волос плойкой по утрам. Все это безусловно шло ей и делало ее в каком-то смысле неотразимой и сексуальной, но это была не Вика, а всего лишь яркая пародия на нее.

С такими мыслями Виктория подошла к дому и стала подниматься на свой этаж. Уже открывая дверь в квартиру, она услышала звонок настольного телефона и поспешила справиться с замком, чтобы успеть взять трубку. Она сама точно не понимала, что двигало ею: желание услышать извинения Кирилла (ее мобильный отключился и она понятия не имела о том, звонил ей молодой человек ночью или нет) и неизвестно откуда взявшийся порыв начать все сначала, разорвать только что написанное заявление об уходе и продолжить карьеру в банке, или же наоборот нечто другое, что только упрочнило бы ее

недавние мысли о полном пересмотре своей жизни.

Взяв трубку, Виктория сначала растерялась, услышав английскую речь, но тут же взяла себя в руки.

– Виктория, это Брюс. Как дела? Ты давно дома?

– Привет… – немного замялась Вика. Она никак не ожидала, что мужчина позвонит так скоро, – если честно, я только зашла в квартиру.

– Ох, прости. Мне просто не терпелось узнать, во сколько ты сможешь поужинать со мной сегодня?

Вика посмотрела на часы и задумалась. По идее, делать ей сегодня все равно нечего, а на сборы уйдет не так много времени, поэтому она ответила, что, начиная с пяти, свободна.

– Отлично. Куда мне за тобой заехать? Я возьму такси.

– Может, лучше встретимся в ресторане? Куда ты собирался пойти?

– Мне советовали рыбный ресторан на улице Мойка. Знаешь такой?

Вика рассмеялась. Его произношение «Мойки» показалось ей через чур забавным. Растерявшийся Брюс сначала немного сконфузился, но потом буквально рассыпался в извинениях.

– Прости, если звучит глупо. Я так не привык к русской речи. Это моя первая поездка в Россию, и я чувствую себя полным идиотом во всех отношениях.

– А город ты посмотрел?

– Нет, времени не было. Я приехал только два дня назад.

– Тогда, может, если ты себя не очень плохо чувствуешь, сначала погуляем по городу, а потом пешком дойдем до ресторана? Я могу подойти к твоему отелю в удобное для тебя время. Оттуда и начнем экскурсию.

– Не переживай. Мой насморк не помеха. Подходи к шести вечера.

– Договорились. Увидимся! – попрощалась Вика, а сама подумала, правильно ли она поступала, соглашаясь на встречу с иностранцем. Двигало ли ею желание отомстить таким образом Кириллу, быстро заменив его первым встречным, или же искренняя тяга к новому знакомому? На этот вопрос Виктория пока что не могла ответить и решила, что поймет это уже после ужина с Брюсом.

К гостинице девушка подошла ровно к шести. Она оделась так, как обычно одевалась на встречи с Кириллом, и это несмотря на то, что Вика обещала себе непременно пересмотреть свой стиль и начать слушать свое сердце, а не мнение окружающих. Однако она все же отвергла высокие каблуки, что уже казалось ей началом ее новой жизни, ведь без них девушка давно не могла представить себя. Удобные туфли почти без каблука показались раем для ее истерзанных ног, и прогулка по городу теперь виделась Виктории не такой уж и отчаянной идеей. Солнце почти село, но дождя не предвиделось и вечер обещал выдаться довольно теплым для питерской осени.

Зайдя в фойе, девушка огляделась в поисках Брюса и заметила его сидевшим за столиком и смотревшим на нее.

– В чем дело? Почему ты так уставился на меня, когда я вошла? – спросила его Вика, стоило им выйти из гостиницы и направиться к Невскому проспекту.

– Ты потрясающе выглядишь. Вчера я здорово испугался за тебя, решив, что ты попала в беду, но сейчас понимаю, что это, кажется, меня нужно спасать…

– Прости. Мой английский оставляет желать лучшего. Я не совсем поняла, что ты имеешь ввиду, – ответила Вика.

– Твой английский просто замечательный. Уж с моим русским никак не сравнится, – рассмеялся Брюс, – я хотел сказать, что не ожидал, что во время своих блужданий по городу встречу такую девушку.

Виктория ничего не ответила. Она не знала, стоило ли воспринимать слова иностранца близко к сердцу или же подобные вещи он говорил всем девушкам, которых встречал во время своих командировок.

– Расскажи про себя и что ты делаешь в Санкт-Петербурге, – попросила Вика, когда они уже вышли на Невский. В планах у Вики стояло показать Брюсу основные достопримечательности города: Адмиралтейскую арку, Дворцовую площадь, Зимний дворец и собор Василия Блаженного.

Пока они шли и любовались величественным городом и его историческими памятниками архитектуры, Брюс рассказывал про себя. Оказалось, что родом он из Шотландии (оттуда и брал корни его акцент, показавшийся Вике таким странным), но уже несколько лет проживает в Англии. Сначала жил в Лондоне, но чуть позже переехал в Стратфорд на Эйвоне, что находился в центральной Англии. Оттуда он вел свой бизнес по обслуживанию и реновации зданий и построек, в частности, старинных домов и поместий. Он уже получал немало заказов из-за границы: из Франции и Италии, а пару месяцев назад ему написали и из России, где несколько богатых нуворишей занимались восстановлением купленных недавно имений, некогда принадлежавших русским аристократам. В Питере Брюс встречался с руководителями фирм, которые бы в дальнейшем сотрудничали с ним и от его лица выполняли бы некоторые работы. В таком случае все дела Брюс смог бы вести из Англии, лишь иногда наведываясь в Россию.

– То, чем ты занимаешься, звучит весьма интересно, – подытожила его рассказ Вика, когда они шли вдоль Невы. Порыв ветра заставил девушку поплотнее запахнуться в плащ и на несколько секунд вернул воспоминания о прошлой ночи, но девушка поспешила отогнать их подальше.

– Да. Я люблю старые здания с детства. Они хранят некий дух истории, воспоминания о прошлых жильцах. Иногда, когда я нахожусь в старом доме, у меня возникает ощущение, что если я закрою и открою глаза, то смогу увидеть все таким, каким оно было изначально, а также увижу бывших обитателей дома, смогу почувствовать то, что чувствовали они. Наверное, звучит глупо…

– Нет, что ты! Это замечательно, что ты нашел себя и думаю ты прав: старые здания и дома наполнены атмосферой прошлых лет.

– Апчхи! – громко чихнул Брюс вместо ответа и тут же извинился.

Вика до этого в задумчивости смотревшая в сторону, повернула голову к Брюсу и впервые за прогулку внимательно посмотрела на мужчину. Его глаза казались через чур красными и блестящими, кончик носа кричаще розовым, а на лбу выступили маленькие бусинки пота.

– Брюс, как ты себя чувствуешь? Я совсем забыла, что ты простыл. Это так некрасиво с моей стороны таскать тебя по холодному городу.

– Ты что!? Прогулка мне очень понравилась! Один я бы ни за что не посмотрел столько всего, – попробовал улыбнуться мужчина, но улыбка вышла какой-то жалкой.

– Мне кажется или у тебя жар? – спросила Вика.

– Не знаю, но мне довольно тепло, – ответил Брюс.

Спросив разрешения, Вика дотронулась рукой до лба Брюса и тут же озабоченно

посмотрела на него.

– У тебя температура. Есть с собой какие-нибудь лекарства?

– Нет, – растерялся иностранец, – я не планировал заболевать.

Вика нахмурилась. Самым лучшим для мужчины было бы поехать в отель, лечь в постель, принять жаропонижающие и уснуть, о чем она и сказала Брюсу.

– Но я не хочу заканчивать вечер таким образом. Мы ведь не сходили в ресторан. И мне еще не хочется прощаться с тобой.

– У тебя ведь завтра, наверное, встречи и ты должен отдохнуть… – запротестовала Вика.

– Почему ты так переживаешь за меня? Если не хочешь идти в ресторан и желаешь закончить прогулку, то лучше скажи. Я, знаешь ли, шотландец и знаю, что могу быть несколько занудным и скучным.

– Ох, нет. Что ты! Мне давно не было ни с кем так интересно, – сказала Вика, что являлось сущей правдой, – но мне действительно совестно. Знаешь, я ведь живу недалеко. У меня дома есть лекарства, а также я могу приготовить нам ужин. По правде сказать, я редко, когда приглашаю к себе кого-то, но в данном случае мне видится это самой лучше альтернативной ресторану.

– Я тронут твоей откровенностью и гостеприимством, но ты уверена, что это удобно? – спросил Брюс.

– Абсолютно! Если, конечно, тебя не пугает перспектива оказаться в небольшой питерской квартире, совсем не отличающейся роскошью и чрезмерным комфортом.

Брюс рассмеялся:

– Поверь, ты просто не жила в Англии и не видела некоторых лондонских домов. Я начинал с нуля, живя при этом в довольно-таки убогих комнатах Лондона. Тебе меня не испугать!

– Как скажешь, – улыбнувшись, ответила Вика, слегка успокоенная словами иностранца. Ей вдруг стало несколько не по себе от того, что жила она в столь крохотной квартирке и уборку не делала около двух недель. После роскошного отеля Брюс мог принять ее за оборванку, кем, в принципе, Вика себя и считала.

Они словили такси и за десять минут автомобиль домчал их до Викиного дома. Брюс оставил щедрые чаевые шоферу, чем вызвал на его лице широкую улыбку и тот даже вышел из машины, чтобы открыть дверь со стороны Вики.

Поднимаясь по темной лестнице, Вика немного корила себя за простодушие и доверчивость: она ведь не знала мужчину и его намерений и вдруг, воспользовавшись ее беспомощностью и одиночеством, он потребовал бы, чтобы она расплатилась за номер и его доброту своим телом? Хоть Брюс и выглядел вполне безобидным и в данный момент сильно простывшим, но кто их знает этих иностранцев? Ее родители пришли бы в ужас от поступка дочери, но отступать назад и прогонять Брюса Вика не могла, да и не слишком хотела.

Открыв дверь, она пропустила мужчину вперед. Брюс остановился в коридоре, оглядываясь.

– Все не так уж и плохо, как ты говорила. Неплохая квартира с современным ремонтом.

Вика смущенно улыбнулась и пригласила мужчину на кухню, где тут же поставила горячий чай, достала баночку меда, а также несколько таблеток парацетамола, нарезала лимон и выложила все это перед мужчиной.

– Возьми две таблетки и попей пока чай с лимоном с медом, а я тем временем

приготовлю что-нибудь поесть.

– Спасибо, но не стоит беспокоиться. Может, закажем что-нибудь из ресторана?

Вика покачала головой и устремилась к холодильнику, который, как на зло, оказался почти пустым, зато в морозилке нашлись пельмени и вареники, слепленные ее мамой несколько недель назад. Их-то и решила сварить Вика.

– Повар я так себе, но уж пельмени варить умею, – сказала девушка, опустив замороженные пельмени в кипящую воду. Брюс к тому времени уже управился с мисочкой меда и пытался съесть лимон, но у него это плохо получалось. Мужчина щурился и буквально давился им, но Вика настаивала на своем, уверяя мужчину, что лимон ему необходим.

– А как у вас в Англии лечат простуду? – спросила она, удостоверившись, что две дольки уже съедены иностранцем.

– Хм… дайка подумать, – ответил Брюс, довольный тем, что ему дали небольшую передышку перед поеданием очередного кислого ломтика, – признаться, я почти не болел, а если и случалось простыть, то ничего не предпринимал. Я и у доктора давно не был.

– А как же ваши постоянные дожди, холод и туман? – удивленно спросила Вика, – неужели они не способствуют болезням?

Брюс искренне рассмеялся:

– Ох, уж эти мне стереотипы: дожди и холодные туманы! Я что-то тоже не обнаружил медведей с балалайками у вас. Все это глупости! Дождь в южной части страны идет не так уж и часто, а благодаря Гольфстриму климат в разы мягче вашего. В Шотландии, конечно, дела обстоят несколько по-другому.

– Как интересно. А что ты думаешь о России в целом?

– Пока что мне сложно что-либо сказать. Мои будущие коллеги встретили меня удивительно тепло, город просто прекрасен, а еще я повстречал интересную и очень красивую девушку Викторию. Так что на данный момент мои впечатления весьма приятные, если не сказать большего. Я поражен и восхищен городом и…его людьми, – добавил Брюс, устремив взгляд в пол.

Пельмени вскоре были готовы и молодые люди продолжили разговор за ужином, после которого Вика достала мамину рябиновую настойку и предложила ее Брюсу. Тому она пришлась по вкусу, и они просидели еще несколько часов на кухне, разговаривая обо всем на свете. Только около двух ночи Вика, посмотрев на часы, всплеснула руками и извинилась, что так задержала гостя.

– Все просто замечательно, тебе не о чем беспокоиться, да и чувствую я себя гораздо лучше, – улыбаясь, сказал ей Брюс в дверях. Такси уже ждало его возле подъезда.

– Рада, что не разочаровала тебя, – ответила Вика.

– Спасибо за прекрасный вечер! Я хотел узнать, есть ли у меня шанс вновь увидеть тебя? У тебя найдется время завтра? – с надеждой в голосе, спросил мужчина.

Вика планировала завтра отправиться к родителям и рассказать им о разрыве с Кириллом и ее уходе с работы, но предложение Брюса показалось ей через чур заманчивым, чтобы сразу отказываться, и она пообещала подумать и сообщить ему о своем решении завтра.

– Тогда, надеюсь, до завтра! – попрощался мужчина и, развернувшись, начал спускаться по лестнице вниз.

Вика закрыла за ним дверь и прислонилась к ней спиной. Как странно все

складывалось! Она не планировала новых знакомств тем более с иностранцем, будучи уверенной, что никогда не найдет с чужестранцем общий язык, но все оказалось иначе. Ни с кем ей не было так легко с первых минут разговора, как с Брюсом. Ни ее средний английский, ни различие в менталитетах и культуре, не обременяли ее. С ним она чувствовала себя более раскрепощенной, нежели с Кириллом. Ей не нужно было постоянно улыбаться, а говорить напыщенно ей и вовсе не позволяло ее не совсем идеальное знание иностранного языка, да и держаться все время прямо и каждые пятнадцать минут проверять макияж и прическу не имело смысла. Девушка чувствовала, что Брюсу это все безразлично и появись она перед ним в халате и со взлохмаченными волосами, он бы и бровью не повел. Откуда у нее появилась такая уверенность, Вика не знала, но решила, что завтра все же встретиться со своим новым знакомым, а к родителям заедет позже на неделе. В конце концов, никогда не знаешь, куда заведет тебя тот или иной путь, а поскольку идти по старому пути Вике совсем не хотелось, она предположила, что новая авантюра пойдет ей на пользу и даже если эта дорога ни к чему не приведет, новые впечатления ей обеспечены, да английский и вспомнить не помешает.

С такими мыслями она отправилась обратно на кухню, помыла посуду, потом сходила в душ и, переодевшись в ночную рубашку, подошла к своему гардеробу и выложила оттуда половину вещей на кровать. У нее ушло около часа, чтобы отсортировать всю одежду, после чего примерно две трети гардероба девушка аккуратно сложила в пакеты, намереваясь на днях отдать часть подругам, а часть отнести в гуманитарную помощь. В большинстве то были вещи, купленные или выбранные Кириллом и никак не соответствовавшие ее нынешнему состоянию и настроению. В пакеты пошли изысканные и яркие вечерние платья, коротенькие мини, узкие линялые джинсы и кофточки в обтяжку. Оставив в шкафу лишь удобную и по мнению Вики скромную и нейтральную одежду, она наконец легла в постель в надежде уснуть, но сон не шел к ней. Девушка думала о своей жизни и эта странная встреча с Брюсом по каким-то причинам казалась ей краеугольной. Она словно чувствовала, что скоро все изменится и никогда больше не станет прежним, точно двери в ее прошлое навсегда закрылись, а неизвестное будущее маячило в тумане где-то на горизонте.

Через какое-то время девушка уснула, но сон оказался не столь приятным, сколь проведенный вечер. Во сне девушка оказалась в старом доме полном пыли и затхлого воздуха. Она знала, что в одной из комнат этого дома находится Брюс и ему грозит опасность. Пытаясь найти его, девушка бежала по нескончаемым темным коридорам дома, пока не уперлась в старую на вид дверь, толкнув которую, очутилась в странной комнате, где все выглядело знакомым. Убранство казалось старым и изношенным и никак не могло принадлежать двадцать первому веку, но в то же время Вика узнавала его. В углу комнаты в кресле сидел бледный Брюс. Он взглянул на девушку и только покачал головой. Не понимая, что не так, Вика подошла к зеркалу, висевшему в некогда позолоченной, а сейчас тусклой, раме, и посмотрела на свое отражение. На ней было белое платье старомодного покроя, а волосы убраны в высокую прическу. На шее зияла рана, из которой струйкой стекала на грудь и платье алая кровь. Вика закричала и повернулась к Брюсу, но на его месте сидел другой мужчина, мрачно улыбавшийся. В руках он держал нож, небрежно им поигрывая. Встав, незнакомец направился к Вике.

На этом Вика проснулась и, сев в кровати, тяжело дышала, медленно приходя в себя. Кошмары почти не снились ей и даже не такие яркие, как этот, сны являлись редкостью. Возможно, сон был неким предостережением для Вики касательно ее нового приятеля из

Англии, но девушка не хотела этому верить. Вскоре она вновь уснула, а на утро уже не могла с точностью вспомнить того страшного сновидения. Выпив крепкий кофе, она позвонила родителям и перенесла встречу с ними на неопределённый срок, окончательно решив, что хочет продолжить знакомство с Брюсом.

Глава 3.

Дружба, завязавшаяся между русской девушкой и британским предпринимателем, самой Вике казалась через чур наивной и детской. Не взирая на не столь юный возраст, они с Брюсом гуляли по улицам города допоздна, толкали друг друга на тротуарах и ели пончики в парке, словно подростки, впервые почувствовавшие свободу от родительской опеки. Кто бы мог представить, что солидный мужчина в дорогом костюме станет вести себя как мальчишка и шутить каждую минуту. Если сначала Вика не совсем хорошо разбирала акцент Брюса, то через пару дней тесного общения понимала его весьма легко, даже по телефону.

Вика поражалась откуда столько задора в Брюсе, ведь ни один из ее бывших молодых людей не вел себя подобным образом а, наоборот, пытался произвести впечатление на девушку своей серьёзностью и мужественностью, тогда как при общении с Брюсом она этого совсем не чувствовала, как не замечала и небольшой разницы в возрасте и различия в мировоззрениях. Вика казалась себе бедной замарашкой по сравнению с преуспевающим британцем и порой стыдилась своего положения безработной девушки, но каким-то образом Брюс заставлял ее забывать об этом.

Необычным Вике казалось и то, что за все их встречи Брюс ни разу не попытался как-то проявить своих чувств или желаний (если они у него, конечно имелись, в чем девушка под конец засомневалась). Мужчина всегда был галантен, приветлив и вежлив с ней, но ни разу не сделал попытки поцеловать или каким-то образом проявить свой интерес к Вике, как представительнице противоположного пола. Девушку эту весьма удивляло, а после долгого телефонного разговора с подругой Машей, пытавшейся на протяжении получаса втолковать Вике, что всем иностранцам от русских девушек только одно и нужно, Вика совсем растерялась. В голову ей даже приходили мысли о нетрадиционной ориентации Брюса, проблемах со здоровьем или же каких-либо странных наклонностях, однако, спросить мужчину напрямик нравилась ли она ему Вика стеснялась. Это виделось ей вульгарным и некрасивым, а также она боялась услышать, что вовсе неинтересна мужчине или же, что еще хуже, у него есть жена или девушка в Англии, а Вика понадобилась ему только в качестве гида и небольшого развлечения в незнакомом городе.

Несколько дней, проведенных с британцем в северной столице России, пролетели как часы. Брюс уезжал в среду днем и утром этого дня позвонил Вике, желая попрощаться. Вика, конечно, знала об отъезде мужчины и прекрасно понимала, что сказка не может длиться вечно и расставание неизбежно, но на душе у девушки все равно было грустно, словно она вот-вот потеряет очень хорошего и близкого друга. Вика знала, что это глупо, ведь она знакома с Брюсом всего несколько дней, но тем не менее в ночь перед его отъездом она почти не сомкнула глаз и уже с раннего утра смотрела на телефон в надежде, что иностранец позвонит попрощаться. Когда наконец раздался звонок, девушка тут же схватила трубку и поднесла телефон к уху, но не смогла выдавить из себя ни слова.

– Вики, привет! Вики, ты тут? – слышался на другом конце голос Брюса.

Девушка сглотнула, подавив готовые вырваться наружу слезы, и ответила:

– Да, Брюс, привет!

Воцарилось неловкое молчание, которое нарушил Брюс.

– У тебя странный голос. Все в порядке?

– Да, все хорошо. Ты сам как? Вещи собрал?

– Еще вчера вечером сразу после того как пришел в номер после встречи с тобой.

– Отлично.

Снова молчание. Вике хотелось сказать, что ей станет безмерно не хватать его и что ей очень хочется увидеть мужчину снова, но вместо этого она всего лишь произнесла:

– Я замечательно провела время. Спасибо тебе!

– Это тебе спасибо! Если бы не ты, я бы со скуки тут умер. Из тебя вышел бы отличный экскурсовод. Кстати, это тебе идея для новых начинаний. Ты ведь пока еще так и не определилась, чем хочешь заниматься.

Виктория усмехнулась:

– Я подумаю на этим, – и, набравшись смелости, тут же добавила, – а ты планируешь снова приехать в Санкт-Петербург?

– Не думаю, что мое присутствие сейчас тут так необходимо. Я обо всем договорился с партнерами и пока что работа у них есть. Я вновь приеду, когда первая стадия проекта окажется завершенной: скорее всего в апреле-мае, не раньше. Дом, которым нужно заняться, следует сначала хорошенько подготовить к восстановительным работам и ремонту, а на это уйдет много времени, к тому же насколько я понял, зимы у вас холодные, что также замедлит ход работы.

Вика перестала следить за монологом Брюса после того, как услышала, что вернется он только в конце весны. Настроение девушки резко упало и продолжать беседу ей почему-то расхотелось. Все, чего она тогда желала, так это остаться одной и поплакать в подушку, жалуясь в душе на свою одинокую, никчемную жизнь.

– Вика, ты меня слушаешь? – наконец спросил Брюс.

– Да, конечно, – ответила Вика, хотя вот уже как пару минут отключила у себя в голове понимание английской речи и все что, говорил Брюс, казалось ей всего лишь неким звуковым фоном.

– Так что?

– В смысле? – удивилась Вика, немного придя в себя.

– Ты не против проводить меня? Я могу подъехать к твоему дому через минут двадцать.

– Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой в аэропорт? – недоверчиво спросила Вика. «Но какой в этом смысл, если он во мне совсем не заинтересован?», – подумалось девушке.

– Конечно. Назад также поедешь на такси. Я обо всем договорюсь.

– Но… – девушка хотела спросить зачем это нужно, но не стала. Виктория, конечно же, желала в последний раз увидеть мужчину, пусть это и казалось глупым и безнадежным, – хорошо, через двадцать минут я спущусь вниз.

– Отлично! До скорого! – ответил Брюс и положил трубку.

Виктория кое-как оделась, причесалась и даже нанесла немного косметики на лицо, чтобы уж совсем не выглядеть бледной и не выспавшейся. Тяжелые мысли продолжали витать у нее в голове, когда она спускалась вниз.

Теплые солнечные лучи освещали всю улицу, преображая унылый серый питерский дворик в яркий городской уголок, наполненный свежими осенними красками. В любом другом случае прекрасная погода заставила бы Вику улыбнуться, но в тот момент она только еще больше расстроилась, ведь на душе у нее шли холодные дожди.

Такси уже ждало ее возле подъезда, а рядом с машиной стоял Брюс с букетом нежно-розовых роз в руках. Легкий ветерок трепал его темные волосы, а улыбка и по-детски добрый и в чем-то наивный взгляд заставили сердце Вики на секунду остановиться. Мужчина был

весьма хорош собой, но помимо этого от него словно исходили тепло и доброта. Однако подойдя ближе к нему, Виктории показалось, что мужчина на самом деле все же выглядел несколько уставшим, а в глубине глаз затаились усталость и тревога, словно он промучился бессонницей, как и сама Вика, а в довершение ко всему получил какие-то дурные известия.

Брюс протянул цветы Вике и как-то странно посмотрел на нее, не произнеся ни слова. Он изучал лицо Виктории, ее глаза, губы, волосы, но при этом продолжал молчать. Девушка также не решалась нарушить странную паузу и, в конец концов, чуть ли не зарылась лицом в букет, делая вид, что наслаждается его ароматом и нежностью лепестков, хотя на самом деле желала скрыть предательски выступивший румянец и набежавшие на глаза слезы. Наконец, словно выйдя из транса, иностранец открыл перед Викой дверь такси и пропустил девушку вперед, после чего сел рядом, но по-прежнему продолжал держать дистанцию от Вики, боясь задеть ее даже коленом.

Дорога до аэропорта заняла около получаса. За все это время молодые люди едва ли обмолвились несколькими словами, что еще больше расстроило Вику, которой хотелось сказать так много, но что-то внутри нее не позволяло ей этого сделать. Она знала, что позже станет ругать себя за трусость, но ничего не могла с собой поделать.

Когда на горизонте уже показалось массивное здание аэропорта, Брюс вдруг неожиданно взял Вику за руку и, посмотрев в удивленные глаза девушки, сказал:

– Виктория, я хотел узнать одну вещь. Даже не знаю, как ты к этому отнесешься. Я не хочу обижать тебя и казаться через чур настойчивым и ты, возможно, неправильно меня поймешь, но все же я хочу попытаться…

Бессмысленно долгий монолог Брюса, из которого Вика почти ничего толком не поняла, прервал низкий голос шофера, остановившего автомобиль и попросившего расплатиться.

– Ох, конечно! – ответил ему Брюс и, достав деньги из кошелька, протянул несколько купюр водителю, после чего последний вышел из машины и направился к багажнику доставать чемодан иностранца.

Виктория продолжала завороженно наблюдать за Брюсом, желая узнать, что же он хотел ей сказать, но тот лишь попросил ее проводить его до пункта таможенного контроля. Вика кивнула и покорно вышла из машины, услышав при этом, как Брюс сказал шоферу подождать девушку полчаса, после чего вновь протянул ему деньги.

– Тебе не стоило просить его ждать меня. Я могла словить любое такси, причем гораздо более дешевое, нежели фирменное такси гостиницы, где ты проживал.

– Пустяки. Мне не хочется, чтобы тебе пришлось ждать или ехать домой неизвестно с кем.

– Спасибо, – поблагодарила его Вика, больше ничего не сказав, все также пребывая в ожидании продолжения речи Брюса.

Когда они зашли в здание аэропорта и до границы таможенного осмотра оставалось каких-то десять-пятнадцать шагов, Брюс резко остановился, чем вызвал недовольство нескольких спешивших на рейс пассажиров, следовавших за Викой и иностранцем. Британец искренне извинился перед людьми, буквально наткнувшимися на них, но те не сказали ни слова и только, высоко задрав головы, обошли пару.

– Никак не могу понять, почему у вас так много хмурых людей? – удивился Брюс, провожая их взглядом.

– Это часть менталитета. Они не хмурые, просто не привыкли улыбаться, как ты. Вот и

все. Не обижайся и не принимай близко к сердцу, – ответила Вика.

– Да, это – ерунда. Вики, я вот что хотел узнать в машине, когда меня перебил шофер. Ты бы хотела снова со мной увидеться? Я имею ввиду продолжить нашу дружбу.

Радость Вики выдали ее щеки, покрывшиеся ярко-розовым румянцем, а также глаза, наконец-то вспыхнувшие жизнью и радостью впервые за сегодняшний день.

– Конечно, Брюс, мне бы этого очень хотелось! Неужели это и так непонятно?!

– Ох, я так рад! – сказал Брюс, тут же расплывшийся в улыбке, – я не знал, как ты к этому отнесешься.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, мне говорили о том, что у вас думают о заграничных мужчинах, да и о русских невестах меня предупреждали, чтобы я не попался на крючок к одной из них… Но, наверное, я все-таки попался, – рассмеялся Брюс.

Вике эта шутка совсем не понравилась, ведь в ее представлении Брюс говорил о девушках, интересовавшихся только деньгами их иностранных партнеров и возможностью переезда за рубеж, тогда как Вику это не манило.

– Если ты считаешь, что я очередная «русская невеста» падкая на иностранцев, то ты ошибаешься. Мне неприятно, что ты так думаешь обо мне и стоит ли в таком случае вообще продолжать общение!? – сказала Вика, чей голос из обычно весьма милого превратился в несколько зловещий.

– Прости, пожалуйста! Я не хотел тебя обидеть. Это все мои дурацкие шутки! Если бы я действительно так думал о тебе, то вел бы себя иначе, уж поверь. Не обижайся, прошу.

– Ладно, все в порядке, – немного успокоилась Вика.

– Тогда, ты приедешь ко мне? – с надеждой в голосе спросил Брюс?

– Что? – удивилась Вика, никак не ожидавшая это услышать.

– Знаю, что тебе нужна виза, но я разузнал (прости, не удержался) и все можно оформить за пару недель. Таким образом, ты сможешь приехать ко мне очень скоро.

– Но, Брюс, мне, конечно, хотелось бы навестить тебя, да и в Англии я никогда не была, но так быстро приехать к тебе, думаю, я не смогу. Мне ведь надо искать работу.

– Тем более удобно приехать именно сейчас! Ведь тебе не придется брать отпуск, и ты сможешь приехать ко мне на несколько недель.

– Да, но я вряд ли смогу себе это позволить, – ответила Вика, задумавшись о своих финансах, которых оставалось, увы, отнюдь не так много, чтобы разрешать себе столь дорогое путешествие.

– За это не переживай, я обо всем позабочусь, – успокоил ее Брюс.

– Нет, так не пойдет, – запротестовала девушка, – я человек самостоятельный и всего в жизни добивалась сама, и я бы не хотела, чтобы ты платил за меня. Это поставило бы меня в неловкое положение.

– Хорошо, но как ты тогда думаешь нам снова увидеться?

– Может быть, ты снова прилетишь сюда? – спросила Вика.

– Хм… это, конечно, идея. Если ты так хочешь я приеду, но я думал, что тебе будет интересно посмотреть и мою страну.

– Безусловно, но давай не так быстро, – попросила Вика.

– Что ж, договорились. Ты не оставляешь мне выбора! Я как приеду, посмотрю билеты в Санкт-Петербург. Виза у меня на полгода, так что в течение этого времени мне ни что не помешает навещать тебя, а потом, возможно, и ты согласишься приехать ко мне.

– Договорились, – радостно согласилась Вика.

– Мне пора. Иначе опоздаю на самолет, – сказал Брюс, взглянув на часы.

– Конечно. Как появится возможность – звони. Ты знаешь мой номер. Хотя, наверное, проще общаться по интернету, – предложила Вика, – я тебе напишу на электронную почту, а также дам свой скайп. Твоя визитка у меня дома.

– Хорошо, но я все же предпочитаю живое общение.

Вика и Брюс замолчали и молча смотрели друг на друга. Щеки девушки пылали, а глаза так и норовили опуститься вниз, чтобы якобы начать разглядывать плитку пола аэропорта, но взгляд Брюса словно гипнотизировал девушку и она не могла отвести глаз от лица мужчины. Наконец Брюс сделал шаг вперед и приблизил свое лицо к лицу девушки.

– Ты позволишь? – тихо спросил он, осторожно взяв лицо Вики в руки, словно оно было сделано из хрупкого хрусталя готового разлететься на мелкие кусочки от через чур неловкого или грубого обращения.

Вика лишь кивнула и сама потянулась к губам мужчины. Его поцелуй показался девушке бесконечно долгим и нежным. Все вокруг словно остановилось: шумная толпа и топот ног, спешивших на свои рейсы людей, отошли на задний план, точно кто-то сделал звук тише; постоянные громкие объявления об улетавших и прилетавших самолетах и вовсе растворились в странной блаженной тишине, начавшей укутывать девушку с головы до ног. Мельтешение людей вокруг замедлилось, и Вика вдруг почувствовала, что в мире кроме нее и Брюса никого не осталось. Только они одни в этот момент существовали на целом свете, и ничто не могло этого изменить, равно, как ничто не могло разлучить их. Много позже девушка подумала, что подобные чувства, наверное, испытываешь, когда находишь свою вторую половинку, так давно потерявшуюся где-то на другом конце света и, в конце концов, вновь обретенную. Сердце Вики колотилось как бешенное, а о дыхании она совсем забыла, когда Брюс оторвался от ее губ. Медленно девушка открыла глаза и посмотрела на мужчину. Он также выглядел слегка удивленным и даже ошарашенным, словно его только что ударило током, а он так и не понял, что произошло.

Вике хотелось кричать на весь аэропорт, как ей хорошо и как ее переполняют чувства, но она только слегка улыбнулась и отступила назад, при этом споткнувшись, от чего чуть не упала, но Брюс вовремя ее подхватил.

– Голова закружилась, – извинилась Вика.

Брюс улыбнулся и спросил:

– Ты сможешь сама добраться до дома?

– Конечно, – рассмеялась она, – нежели ты думаешь, что после одного поцелуя мне нужно вызывать скорую помощь? Мы, русские девушки, существа крепкие, так что не переживай за меня.

– Легко сказать, – усмехнулся Брюс, – мне действительно пора уходить. Надеюсь, что мы вскоре увидимся.

– Я тоже, – ответила Вика.

Брюс подхватил чемодан и направился в сторону пункта таможенного контроля. Перед тем как скрыться за автоматически раздвигающимися дверьми, он обернулся и помахал рукой на прощание Вике. Девушка улыбнулась и послала мужчине воздушный поцелуй, а после того как двери закрылись, словно проглотив мужчину, она медленно развернулась и на ватных ногах пошла к такси. На губах у Вики блуждала загадочная улыбка, на душе все пело и плясало, а странные ощущения еще не до конца покинули тело девушки.

Глава 4.

Последующие за расставанием с Брюсом несколько дней Вика провела в размышлениях о том, что ей собственно делать со своей жизнью. Денег хватило бы на два-три месяца вперед, если экономить и вести весьма скромный образ жизни, а затем нужно начать работать. Все дни напролет девушка сидела за компьютером и среди множества объявлений о найме на работу пыталась найти что-то, что привлекло бы ее внимание, однако, почти каждый вечер она вставала из-за стола разочарованной, поскольку просто не могла собраться с мыслями и понять, в каком направлении двигаться дальше. От тоски девушку спасали вечерние разговоры с Брюсом. Он обычно звонил ей из дома, сразу как приходил с работы. Они много болтали по скайпу о совершенно разных вещах, но никто из них ни разу не заговорил о чувствах, испытываемых друг к другу. Вика все ждала, когда же мужчина сообщит ей о своем приезде, но даже через неделю его отъезда из Питера этого не произошло. В конце концов данное обстоятельство начало пугать девушку и однажды она спросила Брюса о его планах напрямик, но тот сразу ушел от ответа, сославшись на сильную загруженность в офисе. Услышав тогда его отговорку, Вика тяжело вздохнула, но все же продолжила разговор.

Общение с новым знакомым безусловно нравилось Вике, но порой воспоминания о Кирилле все же возвращались к девушке, и тоска и грусть вновь охватывали ее. В один из вечеров она решила поехать к родителям и остаться у них на ночь, а заодно и рассказать им обо всем случившемся. Это казалось ей отнюдь нелегкой задачей, ведь ее мама с папой были довольны преуспевающим Кириллом и работой, которой занималась их дочь. Услышать, что их девочка отказалась от обоих «благ», они явно не хотели. Тем не менее рано или поздно они все равно узнали бы об этом, поэтому Вика решила слегка опередить события и рассказать все самостоятельно, не дожидаясь пока кто-то из знакомых семьи сделает это за нее.

Виктория не стала вдаваться в подробности вечерники в честь дня рождения Кирилла и просто заявила родителям, что ее отношения с молодым человеком подошли к концу. На удивление отец воспринял это известие весьма спокойно, ведь глубоко в душе всегда считал, что его дочь достойна гораздо лучшего мужчины, нежели Кирилл. И это, не смотря на положение последнего в обществе и его финансы. Мама же сильно расстроилась, так как она так хотела, чтобы Вика наконец-то вышла замуж и обзавелась детьми. По ее мнению в возрасте Вики уже давно пора порвать со свободной жизнью и стать благоразумной. Девушка чувствовала неодобрение матери и уже даже засомневалась в том, стоило ли ей рассказывать об уходе с работы, но отец сам задал вопрос о карьере, ведь теперь, расставшись с Кириллом, ей пришлось бы нелегко в конторе. Вике ничего не оставалось, как поведать и о том, что она уволилась и в данный момент ищет новую работу. Этот шаг родители восприняли весьма тяжело, так как считали, что работа в хорошей компании являлась залогом успеха в жизни, пусть даже работа и не приносила удовлетворения. Главное, что она есть и за нее платят. Когда Вика попробовала возразить родителям и сказать, что она все эти годы чувствовала себя, как белка в колесе, те даже не стали ее слушать и перебили, заявив, что все это ее детские фантазии и ей давно уже пора стать взрослой и ответственной. Перепалка в таком духе длилась почти весь вечер, и Вика даже думала уехать домой, но ее мама, под конец все же смягчившись, уговорила дочь остаться

переночевать у них.

В ту ночь девушка почти не спала. Ее не радовали ни родной дом, ни ее детская комната, ни присутствие родителей, которых она все же очень любила, путь даже они не понимали ее. Ворочаясь с боку на бок, Вика думала над тем, что возможно ее мама с папой правы. Наверное, ей все же стоит продолжить карьеру в финансовой сфере, а также начать отношения с кем-то более реальным и доступным нежели Брюс. Брюс… Подумав о нем сердце девушки болезненно сжалось. «Почему он так странно ведет себя? Так холодно и отстраненно? – думала Вика, – я ведь чувствую, что понравилась ему». Об иностранце девушка даже не стала упоминать родителям, поскольку те все равно бы не одобрили такого знакомства. Промучившись полночи, она все же заснула под утро, но сон ее оказался не глубок и толком Вика так и не отдохнула.

Позавтракав с родителями, продолжавшими весьма озабоченно смотреть на дочь, Вика собрала свои вещи и хотела уже поехать к себе, но отец остановил ее и предложил денег, чтобы помочь с оплатой счетов за квартиру. Тяжело вздохнув, Вика отказалась от такой помощи, потому как считала ее на данный момент весьма лишней, к тому же она тут же почувствовала себя беспомощной, нищей и никчемной, раз в ее возрасте родители все еще продолжали давать ей деньги. Настроение девушки упало еще больше и из родительского дома она вышла чуть ли не в слезах.

Добравшись до метро, Виктория села в полупустой вагон и вновь задумалась над тем, что ей делать дальше. Посмотрев на свои потрепанные кеды и рваные джинсы, Вика горько усмехнулась: «Наверное, чтобы найти в этом городе хорошую работу и мужчину нужно все же выглядеть совсем по-другому. Возможно, я поторопилась, выбросив всю ту броскую одежду. Да и вообще все эти мысли о новой жизни, интересной работе, а также о Брюсе – не более, чем грезы. Пора вернуться к реальности. Я отдохнула немного, а теперь снова в бой». Сердце девушки наполнилось грустью от таких мыслей, но разум кричал, что она поступает правильно. И кого тут следовало слушать: разум или же чувства? Вика не знала, как не знала и того, что в этот момент самолет из Великобритании только что совершил посадку в аэропорту Пулково, и радостный Брюс находился на его борту в предвкушении сюрприза, который он хотел сделать Вике своим приездом.

По дороге домой девушка зашла в небольшой продуктовый магазин, находившийся неподалеку от ее дома. Купив кое-что еды, а также бутылку недорогого вина, девушка немного воспаряла духом в ожидании очередного дня и вечера в одиночестве, которое на это раз скрасит вино. Возможно, пару любимых фильмов и новый детективный роман также поднимут ей настроение. Размышляя о том, с какого фильма ей начать: со старой советской комедии или же нового американского триллера, Вика медленно побрела домой, как вдруг ей послышалось, что кто-то окликнул ее по имени. Не обратив на это внимания, девушка пошла дальше, но тут снова услышала свое имя, правда, уже гораздо громче, чем прежде. Остановившись, девушка обернулась и увидела мужскую фигуру, бегущую к ней. Солнце светило прямо в глаза девушке и, жмурясь, она вначале не могла понять, кто же так спешит к ней, попутно выкрикивая «Вика!». Однако она заметила, что у человека в руках букет цветов и большой подарочный пакет. Когда мужчина приблизился, и Вика внезапно поняла, кто это был, пакеты с покупками чуть не выпали из ее рук, в горле тут же пересохло, а сердце ушло в пятки. Такой встречи она никак не ожидала, ведь перед ней стоял запыхавшийся, слегка раскрасневшийся и вспотевший от бега Кирилл. Молодой человек широко улыбался, а его голубые глаза, как и прежде казались ангельски невинными.

– Викуль, привет! – поздоровался он.

Растерявшись, Вика на какое-то время потеряла дар речи, но взяв себя в руки, все же выдала из себя:

– Здравствуй!

Кирилл сделал несколько шагов вперёд, приблизившись к Вике, и протянул ей шикарный букет алых роз. Девушка же невольно отступила назад от мужчины, словно от прокажённого, что вызвало гримасу недовольства на лице Кирилла.

– Вика, позволь мне все объяснить, – начал он.

– Тут нечего объяснять. Извини, мне пора, – оборвала его Вика и, развернувшись, направилась к дому.

– Постой, – пошел следом за ней Кирилл. На его лице не осталось и тени от простодушной улыбки. Теперь оно казалось хмурым и раздосадованным. Молодой человек явно не ожидал такого приема.

– Вика, дай мне хотя бы пару минут. Я провожу тебя до дома, а попутно расскажу, что тогда случилось.

Вика ничего не ответила и продолжила идти вперед. Кирилл воспринял это как согласие и вновь заговорил:

– Я хотел извиниться за свое поведение на дне рождении. Понимаешь, я уже слегка выпил, и моя мать начала снова «выносить мне мозг». Я же говорил тебе про нее раньше. К тому же ты опаздывала, и я просто не знал, куда деваться. Вика, я люблю тебя! Я поступил, как полный идиот. Прости пожалуйста! Мне все равно, что думают о тебе и о нас мои родители. Я хочу быть с тобой, и я буду с тобой! Прошу, дай мне шанс! Я не подведу тебя на этот раз.

Вика шла молча, но каждое слово Кирилла словно ножом проходилось по ее сердцу. Раньше она бы ждала этих слов, но сейчас они вызывали смятение, ведь девушка все же хотела закрыть двери в прошлое, да и лицо Брюса и их поцелуй в аэропорту всплывали в ее воспоминаниях чуть ли не каждую секунду, пока говорил Кирилл. Она чувствовала себя предательницей по отношению к Брюсу и самой себе. Кирилл по-прежнему привлекал девушку, но в то же время в душе она понимала, что он не для нее, и их отношения в любом случае обречены на провал, ведь он так зависел от мнения общества, семьи и друзей и хотел видеть в ней ту, кем она вовсе не являлась.

– Кирилл, мне кажется, что лучше оставить все как есть, – наконец сказала Вика, когда они уже подошли к ее подъезду. Эти слова дались девушке нелегко и голос ее предательски дрожал, – я ошиблась, думая, что у нас может что-то получиться. Мы слишком разные и принадлежим двум разным мирам. Я не хочу быть частью твоего.

– Я не совсем понимаю, о чем ты, – сказал Кирилл и, достав из кармана ключи от ее подъезда, открыл перед девушкой дверь.

Вика вошла в подъезд, проклиная себя за то, что забыла попросить его вернуть ей вторую связку ключей, и начала подниматься по лестнице на свой этаж.

Когда молодые люди стояли уже возле двери в квартиру Вики, Кирилл вновь протянул девушке цветы и подарочный пакет.

– Это тебе, Вика. Пожалуйста, прими хотя бы в качестве извинений. Если тебе нужно время подумать, то я тебе его дам. Знаю, что поступил омерзительно и мне даже думать о себе противно. Я причинил тебе боль, но поверь такого больше никогда не повторится. Ты ушла с работы, и я тебя прекрасно понимаю. Если хочешь, то можешь вернуться. Знай, я не

стану ничего предпринимать, пока ты не дашь мне зеленый свет. Или же я могу попросить директора банка о твоем переводе в другую контору. Там тебе будет спокойнее. По крайней мере, это лучше, чем сидеть дома без работы и выпивать в одиночку, – закончил Кирилл, укоризненно посмотрев на горлышко бутылки, торчавшее из пакета Вики.

– Кирилл… – начала Вика, но молодой человек не дал ей возможности продолжить: он подошел близко к девушке, обнял ее, продолжая держать в руках букет и пакет, и прижался губами к губам Вики. Непроизвольно Вика ответила на поцелуй, ведь губы Кирилла были ей так знакомы, а его объятия казались такими комфортными и успокаивающими. Поцелуй длился всего несколько секунд, но за это время девушка поняла, что что-то не так. Она не чувствовала ничего, кроме физического контакта с молодым человеком. Ни одна эмоция не пронзила ее сердце, не чувствовалось и волн блаженства и покоя, ранее ласкавших ее тело во время близости с Кириллом. Сейчас девушка вообще ничего не ощущала, кроме как желания поскорее прервать поцелуй.

Вика открыла глаза и увидела перед собой лицо Кирилла: его глаза все еще оставались закрытыми, и он был полностью поглощён действием. Его объятия также стали крепче и теснее, что вызвало еще больше дискомфорта для Вики. Девушка также уловила какое-то движение на лестнице, словно кто-то залоснил собой солнечный свет, лившийся из окна на лестничной площадке. Слегка повернув голову, Вика увидела стоявшего на лестнице Брюса. Его лицо казалось белым как мел, а в глазах застыли боль и ужас.

«О, нет», – пронеслось в голове у Вики, и она попыталась высвободиться из крепких рук Кирилла, что оказалось не так-то просто.

– В чем дело? – недоуменно спросил Кирилл, с удивлением посмотрев на Вику, повернувшую голову в сторону Брюса.

Британец также стоял с подарочным пакетом и букетом изысканных белых лилий в руках.

– Это еще кто такой? – со злостью в голосе спросил Кирилл.

Вика продолжала молчать, не зная, что лучше сказать в такой ситуации.

Растерявшийся Брюс также хранил молчание, но через мгновение все же сделал шаг в перед, положил цветы и подарок у ног Вики и сказал по-английски:

– Прости, я не хотел мешать, просто дверь в подъезд оказалось открытой. Я не думал, что может так получиться. В этом нет твоей вины, ведь я сам вел себя глупо, словно и не интересовался тобой. Желаю тебе счастья!

После этих слов он развернулся и стал спускаться по лестнице, причем на одной из последних ступенек споткнулся, но не оборачиваясь, продолжил путь вниз.

– Это что, твой новый ухажер? – спросил Кирилл, со злобой в глазах глядя на Вику, – я смотрю, ты времени зря не теряла.

Впихнув цветы и подарок в итак загруженные пакетами руки Вики, Кирилл рванул вниз по лестнице. Испугавшись, Вика, выйдя из небольшого ступора, положила все вещи на пол, и сама бросилась вниз, желая удостовериться, что Кирилл не выкинет какого-либо неожиданного фокуса.

Когда девушка уже добежала до двери подъезда до нее донеслись крики Кирилла на английском:

– Чтобы я тебя здесь больше не видел! Оставь ее в покое! Это женщина – моя и только моя! Убирайся отсюда.

Сбежав еще на один пролет, Вике открылась крайне неприятная сцена: Кирилл держал

за ворот пиджака Брюса и всем своим весом придавил последнего к стене подъезда. Кирилл был выше Брюса на сантиметров пятнадцать и тяжелее на килограмм десять, что безусловно давало ему немало преимуществ по сравнению с иностранцем.

– Виктория – свободная женщина и в праве выбирать себе мужчину самостоятельно. Если она выбрала вас, то я искренне желаю вам обоим счастья. А теперь отпустите меня.

Вместо того, чтобы выполнить просьбу иностранца, Кирилл тряхнул Брюса, но последний каким-то образом вывернулся из хватки Кирилла и, заняв другую позицию, прижал русского парня к стене, зажав ему при этом локтем горло так, что Кирилл, беспомощно вытаращив глаза, оказался почти обездвижен и лишен кислорода.

– Я же просил по-хорошему. Если вы также обращаетесь с Викой, то мне весьма жаль девушку. Всего наилучшего, – с этими словами Брюс выпустил из захвата Кирилла, который тут же согнувшись пополам, начал жадно и шумно вдыхать воздух ртом.

Вика подошла к мужчинам и, не зная, что предпринять, застыла, как статуя. Ей не слишком хотелось утешать Кирилла, получившего по заслугам, а к Брюсу она боялась подойти, ведь он мог просто отвергнуть ее.

Иностранец перевел взгляд на Вику и его глаза были полны боли и горечи. Вика сделала шаг в его сторону, но мужчина развернулся и поспешил выйти из подъезда. Осознав, что она может навсегда потерять его, Вика бросилась вдогонку.

Брюс шел быстро, стараясь, по всей видимости, как можно скорее выйти на главную дорогу, где можно словить такси. Виктория мчалась следом. Когда наконец она смогла догнать его, то почти не могла говорить, настолько сильно она запыхалась.

– Брюс, постой. Позволь мне все объяснить, – сказала она.

Британец развернулся к ней лицом и пристально посмотрел в глаза.

– Я не виню тебя. Я ведь сам вел себя глупо и по-детски несмело.

– Ты не понимаешь…

– Я все прекрасно понял. Это ведь тот парень, который тебя тогда так расстроил и которому предназначался тот дипломат. Верно?

Вика, не желая лгать, согласно кивнула.

– Думаю, что вы помирились и я искренне рад за вас.

– Но, Брюс, это не так! Я его не видела с того самого вечера. А сегодня он ждал меня возле дома. Я не хотела его видеть, поверь.

– Ну, судя по вашему поцелую, это не совсем так.

– Я не хотела этого и, Брюс, это было ужасно… Совсем не так, как у нас с тобой тогда… Ох, прошу, прости меня.

– Тебе не за что извиняться. Мне следовало предупредить о своем приезде и намерениях. В любом случае, Виктория, я рад, что у тебя все хорошо. А сейчас я бы хотел уйти. Прощай!

Брюс развернулся, оставив Вику одиноко стоять на тротуаре, и пошел в сторону дороги, возле которой стояло несколько такси.

Девушка не стала догонять мужчину. Он был прав. Та сцена, свидетелем которой он стал, выглядела ужасно. Слезы набежали на глаза девушки и солёными ручьями потекли по щекам. Развернувшись, она медленно пошла назад к своему дому, не замечая ничего и никого вокруг.

Как она и предполагала, Кирилла и след простыл. Зайдя в пустой подъезд ее сердце еще раз болезненно сжалось. Поднявшись на свой этаж и открыв дверь в квартиру, она занесла

туда свои покупки, два букета цветов и два подарочных пакета от обоих мужчин.

Сначала Вике хотелось сломать цветы и выкинуть их, но решив, что невинные растения ни в чем не согрешили перед ней, все же поставила оба букета в вазы. К подаркам девушка так и не притронулась, оставив их лежать на кровати.

Хоть стрелки на часах только перевалили за двенадцать часов дня, девушка все же решила открыть бутылку вина и хоть как-то притупить боль и отчаяние, терзавшие ее душу. Желание смотреть фильмы или читать давно улетучилось, поэтому налив бокал до краев, девушка села в кресло в спальне и просто уставилась в стену, придавшись воспоминаниям о Кирилле и Брюсе. Незаметно для себя девушка задремала, свернувшись калачиком в кресле. Бессонная ночь, эмоциональная встряска утром, а также вино дали о себе знать и Вика погрузилась в сон, оказавшийся весьма зловещим.

В нем Вика стояла возле небольшого пруда, который давным-давно не чистили. Она всматривалась в мутно-зеленую воду, затянутую водорослями, словно пыталась увидеть в ней свое отражение. Когда ей это все же удалось, то она увидела, что с глади темной воды на нее смотрела внешне похожая на Вику женщина в белом платье старомодного покроя. Выпрямившись, Вика огляделась по сторонам: за спиной находился каменный дом, который, как ей подумалось, она раньше уже где-то видела. Девушка пошла к нему, но на протяжении всего пути ей казалось, что за ней наблюдают. Зайдя в дом, Вика огляделась. Он выглядел старым и безлюдным: повсюду пыль, на полу пожухлые осенние листья, загнанные сюда, судя по всему, сквозняком. Потолок весь растрескался, а на некоторых стенах отсутствовали куски обоев. Вике показалось, что сверху послышались звуки и мимолетно она заметила какое-то движение наверху лестницы, ведущей на второй этаж. Медленно девушка начала подниматься наверх по местами прогнившим ступеням. Оказавшись на втором этаже, Вика пошла вдоль коридора и остановилась перед одной из дверей. Толкнув ее, девушка зашла в комнату и вспомнила, что уже видела ее в своем прошлом кошмаре. В кресле возле окна также сидел Брюс. Увидев Вику, он тут же поднялся и подошел к ней. Нежно взяв ее за руку, он сказал:

– Тебе здесь не место. Ты должна уходить отсюда. Он сейчас придет.

– О ком ты? – недоумевая спросила Вика, глядя в испуганные глаза Брюса.

Мужчина не успел ответить, поскольку на лестнице раздались тяжелые шаги, словно кто-то большой и сильный шел следом за девушкой. Вероятно, тот, чей взгляд она ощущала на себе в саду.

– Беги и спрячься, – сказал Брюс и подтолкнул Вику к большому дубовому гардеробу, стоявшему возле стены.

Не став сопротивляться, Вика забралась в шкаф и закрыла за собой дверь, однако, сквозь замочную скважину она все же могла видеть, что происходило в комнате.

Дверь резко распахнулась и в помещение зашел высокий человек со светлыми взлохмаченными волосами. Брюс тут же отступил назад, в ужасе глядя на незнакомца. Каким-то образом Вика почувствовала крайне резкий и неприятный запах, который, как шлейф, следовал за верзилой.

Мужчина приблизился к Брюсу, схватил его за горло и поднял почти под полоток. Брюс впился в руку незнакомца в надежде ослабить хватку, но это оказалось невозможным. Мужчина шумно втянул воздух в легкие и гневно сказал:

– Она была здесь. Я чую ее запах. Говори, где она, или я сверну тебе шею.

Брюс продолжал задыхаться, но вертел головой, отказываясь выдавать Вику. Тогда

девушка не выдержала и, открыв дверцу шкафа, вышла наружу.

Она сделала несколько шагов в сторону мужчины и громко сказала:

– Я здесь. Отпусти его.

Верзила обернулся на голос девушки и Вика в ужасе отшатнулась от того, что увидела. Лицо незнакомца оказалось изуродовано ожогами до неузнаваемости. Его глаза горели ненавистью и злобой. В какой-то момент девушке даже показалось, что их цвет стал красным.

Увидев Вику, незнакомец тут же отпустил Брюса, который, рухнув на пол, зашелся в тяжелом кашле.

Мужчина начал приближаться к Вике, и недобрая ухмылка отвратительно перекосила его страшное лицо.

– А вот и ты, моя крошка. Что же ты так боишься меня? Ведь это ты сделала из меня монстра.

Вика в отчаянье мотала головой из стороны в сторону, не желая верить словам мужчины, который тем временем вытащил раскладной нож из кармана жилетки и шел прямо на девушку.

– Знаешь, я ведь сначала думал изуродовать тебя так же, как и ты меня. Лишить твоего прекрасного личика, так манящего к себе мужчин. Но потом решил, что это все же слишком жестоко, поэтому я просто убью тебя. Не волнуйся, я сделаю это легко и быстро, любимая. Иди же ко мне!

Вика сделала несколько шагов назад и уперлась спиной в шкаф. Мужчина все приближался, но тут девушка заметила, что Брюс уже встал на ноги и готовился накинуться на противника, но незнакомец опередил события и, развернувшись, со всей силы ударил мчавшегося на него Брюса ножом в живот. Брюс закричал и, схватившись за рану, упал на светлый ковер, начавшийся тут же менять свой цвет на багрово-красный.

Вика в ужасе смотрела на скрючившегося на полу Брюса, желая помочь ему, но незнакомец подошел уже почти вплотную к девушке. На секунду Вике показалось, что она узнает этого странного изуродованного и озлобленного человека, но кем именно он являлся и откуда она могла его знать, девушка не вспомнила.

– Я люблю тебя, – напоследок сказал мужчина и махнул ножом.

Девушка ощутила резкую боль в области шеи и тут же проснулась, неловко толкнув при этом стоявший на подлокотнике кресла бокал с остатками вина, от чего тот упал на весьма потёртый ковер спальни. Красное винное пятно начало расползаться по его поверхности, но перед глазами у Вики стояла сцена из сна, где пол орошала кровь Брюса. Выйдя из оцепенения, девушка на нетвердых ногах и слегка покачиваясь (сказалось действие вина, выпитого на голодный желудок), пошла в ванную, чтобы взять средства для чистки ковра.

Примерно через пятнадцать минут Вика закончила оттирать подпорченный ковер, однако, розоватое пятно на нем все еще напоминало о нелепом инциденте. Взглянув на часы, девушка поняла, что проспала довольно долго и за окном уже начали сгущаться сумерки. Бросив взгляд на кровать, она увидела там два подарочных пакета: один от Кирилла и второй от Брюса. Любопытство всегда являлось неотъемлемой частью характера Вики, поэтому девушка решила вскрыть оба пакета и ознакомиться с их содержимым.

Виктория начала с подарка Кирилла и, взяв пакет в руки, резким движением содрала с него подарочную упаковку. Под бумагой оказалась элегантная белая коробка из дорогой бумаги с золотым логотипом на ней, уже довольно хорошо знакомым Вике. Логотип

принадлежал известному бренду, специализировавшемся на женском нижнем белье, элегантных ночных сорочках, пеньюарах и прочих деталях женского гардероба. Вздохнув, Вика открыла коробку и ее пальцы тут же погрузились в нежнейший тонкий шелк светло-кремового цвета. Девушка осторожно приподняла тонкую и легкую вещь за плечики и ее взору открылась изумительная ночная сорочка, украшенная в зоне декольте воздушным кружевом. Чаще всего Кирилл дарил Вике более сексуальные и яркие вещи и эта сорочка показались девушке крайней необычным подарком. Хоть вещь и выглядела весьма чувственной, в то же время она смотрелась крайне невинно и элегантно.

Удивившись, Вика отложила ее в сторону и потянулась за подарком от Брюса. Его девушка распаковывала куда более нежно и деликатно, нежели подарок Кирилла. В просторной картонной коробке оказалось несколько вещей: книга в ярком переплете, небольшой льняной мешочек и конверт из глянцевой бумаги. Вначале Вика потянулась за книгой и, открыв ее, тут же обратила внимание на надпись на первой странице:

«Дорогая Вика, это один из лучших и интереснейших путеводителей по Великобритании. Зная твою любовь к своей стране и городу, его истории и достопримечательностям, я подумал, что, возможно, эта книга вдохновит тебя на путешествие и по моей стране. С любовью, Брюс».

Вика нежно провела по строчкам, написанным подчерком Брюса, словно могла таким образом прикоснуться к его руке. Тяжело вздохнув, девушка положила путеводитель обратно в коробку и взяла в руки небольшой, но увесистый мешочек. Вытряхнув его содержимое к себе на ладонь, Вика чуть не ахнула: в ее руке лежал необычный серебряный браслет с рисунком из цветов, лепестки которых украшали вкрапления из красных камней. К украшению была привязана небольшая бумажка с текстом. Прочитав его, девушка почувствовала, как к ее горлу подступил комок.

«Эта вещь когда-то принадлежала моей матери: что-то вроде фамильной драгоценности. Я хочу, чтобы она была у тебя. Знаю, что мы знакомы совсем недолго и толком не знаем друг друга, но я чувствую, что поступаю правильно, отдавая браслет тебе. Твой Брюс».

– Какая же я дура! – вслух сказала Вика, проклиная себя за события сегодняшнего дня и нелепый поцелуй Кирилла.

В глянцевом конверте, за который Вика взялась в последнюю очередь, находился билет в Лондон на декабрь этого года. До даты вылета оставался примерно месяц, что давало достаточно времени для оформления визы.

Вика отложила билет и села на кровать, уронив голову. Она чувствовала себя предательницей по отношению к Брюсу и понимала, что, вероятно, этот день разрушил ее шансы на будущее с ним. Девушка знала, что ей необходимо поговорить с иностранцем и хотя бы постараться объяснить ему случившееся и рассказать про Кирилла (ведь про свою личную жизнь никто из них никогда не говорил). В худущем случае если Брюс не захочет слушать ее, она вернет ему браслет. Судя по всему, это дорогая вещь и девушка чувствовала себя крайне неловко, получив ее в подарок. И уж тем более, она не могла оставить браслет себе, если их так толком и не начавшиеся отношения уже закончились.

Глава 5.

Когда часы уже показывали половину девятого вечера, Вика собралась с духом и набрала номер мобильного телефона Брюса. Она знала, что извиняться смысла нет, поэтому просто хотела назначить встречу и вернуть ему дорогой подарок. Однако телефон иностранца оказался отключен. «Наверное, он здорово на меня разозлился и, возможно, даже добавил мой номер в черный список, но этот браслет я у себя не оставлю», – подумала Вика, еще раз взглянув на изящную вещицу, лежавшую на ее туалетном столике. На секунду странное чувство дежавю посетило девушку, словно она уже где-то видела это украшение, но это ощущение прошло также внезапно, как и появилось.

Виктория понятия не имела, где мог находиться в данный момент Брюс, вполне вероятно, что даже в самолете, направлявшемся обратно в Англию. Но уповая на то, что мужчина все же остался хотя бы на одну ночь в Питере и не стал рисковать и искать новую гостиницу, Вика решила позвонить в отель, где Брюс проживал в прошлый раз.

Приятный женский голос почти сразу ответил Виктории.

– Простите, я бы хотела узнать, остановился ли в вашей гостинице мой знакомый Брюс Бухан? – вежливо спросила Вика.

– Извините, но мы не имеем права давать такую информацию посторонним людям.

– Но дело в том, что он оставил у меня весьма дорогую вещь и я бы хотела передать ему ее. Я пробовала звонить на его мобильный телефон, но номер отключен, – объяснила ситуацию Вика, – мне совсем не обязательно знать, в каком номере он поселился. В крайнем случае я могла бы занести вещь вам, и вы бы передали ее Брюсу утром.

– Одну минуточку, я уточню у менеджера, – ответила девушка из администрации и перевела Вику в режим ожидания. Из трубки доносилась красивая классическая музыка, но она не слишком радовала слух Вики.

– Вы можете прийти к нам в гостиницу и передать вещь мистера Брюса Бухана регистратору. Ваш знакомый действительно остановился у нас, но я не смогла дозвониться до его номера. Возможно, он спит или вышел.

– Ох, спасибо вам большое! Я подъеду через пол часа, – ответила обрадованная Вика и, положив трубку, бросилась приводить себя в порядок: вид у девушки был несколько растрепанный. Быстро умывшись и кое-как причесавшись (Вика даже не стала тратить время на укладку), девушка нанесла немного косметики на лицо и переоделась в узкие джинсы и просторный свитер. Виктория выглядела совсем не так, как она хотела бы, однако, какая разница, если сегодняшний вечер окажется их последней встречей с Брюсом, если ей вообще удастся его увидеть. Одеваться взывающее и пытаться соблазнить иностранца Вике совсем не хотелось, поскольку она знала, что этот путь ее никуда, кроме как к еще большему разочарованию и боли, не приведет. Набросив на плечи кожаную куртку и захватив браслет, девушка покинула свою квартиру и чуть ли не бегом отправилась на остановку, расположенную недалеко от ее дома.

В фойе гостиницы девушка буквально влетела, чуть не сбив с ног швейцара, пытавшегося открыть перед ней дверь. Немного успокоившись и взяв себя в руки, она подошла к стойке администратора и слегка дрожащим голосом сказала:

– Добрый вечер! Я вам звонила совсем недавно. Я знакомая Брюса Бухана и мне бы хотелось передать ему вещь, которую он у меня оставил.

– Думаю, что вы говорили с моей коллегой. Она закончила смену, – ответила ей работница отеля.

В голове у Вики тут же родился новый план.

– Дело в том, что вещь довольно ценная для мистера Бухана и мне бы хотелось передать ее лично ему в руки. Вы не подскажите, в каком он номере? Я пробовала ему позвонить, но у него, наверное, отключен мобильный телефон.

– Одну минуточку, – ответила девушка и наклонилась к компьютеру, стоявшему рядом с ней.

– Номер двести двадцатый, – ответила девушка, улыбаясь. Видимо, она не заподозрила ничего подозрительного, раз так легко сообщила Вике, где остановился Брюс.

– Спасибо! Я тогда поднимусь к нему, – поблагодарила Вика.

– Конечно. Второй этаж и налево. Мне позвонить мистеру Бухану, чтобы предупредить о вашем визите? Вероятнее всего, он у себя в номере, поскольку я не видела, чтобы он покидал гостиницу.

– Нет, не стоит. Сделаю ему небольшой сюрприз, – улыбаясь, сказала Вика и направилась к лифтам, расположенным в конце коридора.

«А вдруг, его все же нет в номере? Или он не захочет меня видеть? Как же мне поступить? Непременно нужно сделать так, чтобы он открыл дверь», – думала Вика, пока лифт поднимал ее на второй этаж.

Найти номер иностранца оказалось совсем нетрудно. Он располагался буквально в нескольких метрах от лифта. На еле гнущихся ногах Вика подошла к двери и, чуть помедлив, постучала.

Никто не ответил на стук Вики и девушка попробовала еще раз на этот раз гораздо напористее. Наконец за дверью раздались шаги и немного осипший голос грубо спросил:

– Что такое?

– Обслуживание номеров, – решила приврать Вика.

– Мне ничего не нужно, спасибо. Можете идти, – ответил Брюс.

– Мне надо вам кое-что передать. Это срочно.

За дверью послышались ругательства, но, вероятно, Брюс еще не посмотрел в дверной глазок, так как ручка двери нагнулась и дверь перед Викой отворилась, открыв ее взгляду крайне странную картину: перед ней стоял Брюс, слега растрепанный, в расстёгнутой белой рубашке и со стаканом в руке. В стакане, судя по всему, находились остатки виски и несколько еще не успевших растаять кусочков льда. Взгляд мужчины показался девушке слегка затуманенным, а почувствовав пары алкоголя, исходившие от Брюса, она поняла, что иностранец крепко выпил.

– А, это ты! – только и сказал он.

– Послушай, Брюс, нам нужно поговорить.

– Не вижу в этом особого смысла.

– Я прошу тебя. Пожалуйста, дай мне войти, и мы все обсудим, – попросила Вика.

К удивлению девушки, мужчина не стал сопротивляться и, отступив назад, пропустил Вику в номер, на этот раз не отличавшийся аккуратностью: повсюду валялись разбросанные вещи Брюса, а на полу лежал смятый пиджак и блестящие кожаные ботинки.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – вежливо поинтересовался Брюс.

– Нет, спасибо, – ответила Вика.

– Тогда я налью себе, – сказал Брюс и потянулся за полупустой бутылкой виски,

стоявшей на прикроватном столике.

– Мне кажется, тебе уже хватит на сегодня, – с укором в голосе сказала Виктория.

– А я так не думаю, но спасибо за заботу, – с некоторым сарказмом ответил иностранец.

– Брюс, я понимаю, что мои извинения ничего не изменят. Дай только рассказать, что случилось. Тот мужчина, с кем ты меня видел, – это мой бывший бойфренд, с которым мы действительно поругались в тот вечер, когда я впервые встретила тебя. Вернее, он просто порвал со мной, поскольку я, видимо, не достойна его. На следующее утро я уволилась из компании, где мы работали вместе и больше не видела его. Я хотела начать новую жизнь, как ты сам это знаешь, ведь я столько говорила тебе об этом по скайпу. Вчера я ночевала у родителей и рассказала им о своем разрыве с Кириллом (так его зовут) и об уходе с работы. Они восприняли это, мягко говоря, весьма неодобрительно. Расстроенная я шла домой, когда меня встретил Кирилл. Я совсем не хотела, чтобы он провожал меня до дома, но он не отставал. А тот поцелуй… поверь, не я стала инициатором. Думаю, он решил этим поцелуем вернуть меня назад, но ни одна струна моей души не дрогнула. Я прогнала бы его даже если бы ты так неожиданно не объявился. И да, почему ты так внезапно приехал? Не предупредив меня и даже не рассказав о своих планах?! Я ведь так ждала тебя, а ты все время уходил от ответа, точно и не собирался навестить меня, словно, я тебе совсем безразлична…

Монолог Виктории, который должен был содержать лишь объяснения и извинения, внезапно принял неожиданный поворот и превратился в обвинительную речь в сторону Брюса, который, однако, воспринял это вполне спокойно. Мужчина сел в кресло напротив Вики и, отставив бокал с виски в сторону, указал Вике на кровать перед ним.

– Прошу, садись. Мне неловко говорить, когда ты так нависаешь надо мной. Я начну с конца, а потом задам тебе несколько вопросов. Хорошо?

Вика согласно кивнула и присела на край постели.

– Я не говорил тебе о своем приезде, потому что хотел сделать приятный и неожиданный сюрприз, который, судя по всему, полностью провалился, – с несколько грустной улыбкой начал Брюс.

– Не люблю сюрпризы, – тихо добавила Вика.

– Знаю, что вел себя странно, не говоря о своих чувствах к тебе, но я сам не был уверен ни в них, ни в том, что поступаю правильно, позволяя сердцу вести меня за собой. Если хочешь знать, то да, ты мне нравишься. Нравишься до безумия и умопомрачения! Никогда со мной такого не случалось. Я постоянно думаю о тебе, представляю твое лицо рядом с моим, грежу о том, как стану ласкать и целовать твою нежную, бархатную кожу. Иногда мне кажется, что я даже чувствую рядом запах твоих духов, но потом понимаю, что это иллюзия. Я не хотел тебе говорить об этом, потому что думал, ты примешь меня за озабоченного сексуального маньяка. Но, поверь, это не так. В моих чувствах нет ничего постыдного или неестественного. Я не знал, как ты все это воспримешь, ведь ты такая независимая, самостоятельная. Вдруг ты бы испугалась того, что я хочу посягнуть на твою недавно обретенную свободу и просто сбежала бы от меня? Что мне оставалось бы тогда?

Все время, что говорил Брюс, Виктория сидела неподвижно, словно каменное изваяние. Она не понимала всех тонкостей английского языка и некоторых слов, использованных мужчиной, но сам смысл сказанного до нее дошел и стал более чем приятным откровением. Она и не подозревала, что Брюс испытывал к ней то же влечение, что и она к нему.

– Тот поцелуй в аэропорту был удивительным, – продолжил Брюс, – у меня возникло чувство, что я нашел нечто ценное, самое важное для меня в этой жизни, что я так долго и

безуспешно искал.

– Но, Брюс, у меня точно такие же чувства, – начала Вика, однако, Брюс жестом попросил девушку замолчать.

– Когда я увидел тебя с тем мужчиной, то решил, что сейчас просто убью его, но потом подумал, что, возможно, ты любишь его, а значит, оставшись с ним, обретешь счастье. Поэтому решил просто уйти. Для меня важнее, чтобы ты была счастлива и неважно со мной ли или с другим. Пожалуй, это все, что я хотел сказать. Ответь только на два вопроса, но честно: почему ты сказала, что считаешь себя недостойной его и что ты чувствуешь к этому мужчине на самом деле?

– Брюс… я правда не знаю, что тебе ответить, после всего услышанного, – тихо сказала Вика, не представляя, что говорить дальше. Ей хотелось быть откровенной с Брюсом, несмотря ни на что, но в то же время она боялась потерять его, сказав что-то лишнее.

– Скажи правду, – попросил мужчина.

– Мои отношения с Кириллом длились довольно давно и думаю, что я любила его. Однако сейчас мне кажется, что то была скорее привязанность и желание казаться такой, какой меня хотело видеть общество, друзья, родители. Кирилл – богатый человек из очень хорошей и влиятельной семьи, а я, по сути, никто, обычная конторская крыса без связей и денег. Сначала этот человек виделся мне принцем из сказки, однако, он всегда пытался переделать меня на свой лад: я одевалась, ела, говорила и делала только то, что нравилось ему, а не мне. Я не являлась собой рядом с ним. Мое низкое социальное положение и его частые укоры по этому поводу сделали меня уязвимой, и я начала считать себя недостойной его и благодарить судьбу за то, что нашла такого замечательного парня. Сейчас я понимаю, что все это глупости, но тогда мне они такими не казались. Встретив тебя, я узнала, что все может быть по-другому, что я не обязана соответствовать какому-либо глупому стереотипу, чтобы нравиться людям, что я могу проявлять себя такой, какая я есть, и это не испугает других, что ко мне могут относиться не как симпатичной безделушке, а как к интересному человеку. Прости, мой английский все также несовершенен, но надеюсь, ты понял, что я хотела сказать.

Вика опустила голову и уставилась в пол. В номере воцарилось молчание. Девушка могла даже слышать тиканье наручных часов Брюса.

– Да, чуть не забыла, – подняв голову и еле сдерживая готовые вот-вот сорваться слезы, добавила Вика, – я не могу это принять.

Девушка вынула из кармана куртки небольшой мешочек и, раскрыв его, достала оттуда подаренный Брюсом браслет, после чего протянула украшение мужчине.

Британец внимательно посмотрел сначала на браслет, а потом и на саму девушку, после чего медленно встал и, подойдя вплотную к Вике, присел на кровать рядом с ней. Он осторожно взял браслет из руки Виктории и, расстегнув его, надел ей его на запястье, после чего продолжая держать девушку за руку, посмотрел ей в глаза.

– Ты моя маленькая, запутавшаяся девочка. Он твой и всегда был твоим. Я хочу и даже больше настаиваю, чтобы он остался у тебя.

– Но, – начала Вика, однако, Брюс приложил свой указательный палец к губам девушки.

– Никаких «но». Помнишь, ты мне подарила тот дипломат. Так вот, даже я принял его с меньшим сопротивлением. Прими же и ты мой подарок.

Вика тяжело вздохнула и посмотрела на свою руку, на которой теперь красовалось изящное украшение. В полумраке комнаты, где включённой оставалась только одна

настольная лампа, камни изделия переливались каким-то мистическим цветом, напоминавшим одновременно хорошее красное вино и алые капли крови. Такого эффекта от украшений Вика никогда не видела прежде, хотя дорогие ювелирные изделия носила не впервые (Кирилл изредка брал для нее напрокат весьма дорогие колье, серьги и кольца).

– Он удивительно красив, – только и смогла сказать Вика, продолжая разглядывать браслет, словно зачарованная.

– Поверь, его красота меркнет в сравнении с тобой, – ответил Брюс и нежно дотронулся ладонью до лица девушки, от чего Вика в блаженстве закрыла глаза. Мужчина провел рукой по щеке Виктории, обведя контур ее лица, а потом прикоснулся к губам девушки, вызвав при этом вздох наслаждения Вики. Девушка открыла глаза и, взяв ладонь мужчины в руку, поцеловала сначала бугорок под большим пальцем, а затем и сам большой палец, после чего отметила легким поцелуем каждый из кончиков длинных пальцев руки мужчины.

– Виктория, – выдохнул Брюс, – что ты со мной делаешь, – простонал он.

– Тоже, что и ты со мной, – ответила она и, не выдержав, буквально набросилась на мужчину, обнимая его и опрокидывая на спину.

Рубашка Брюса очень скоро оказалась на полу, рядом с уже и так смятым пиджаком, а вслед за ней отправились свитер и джинсы Виктории. Брюс оказался удивительно нежным и одновременно страстным любовником, чего Виктория никак не ожидала от такого на первый взгляд сдержанного человека. Весь ее прошлый любовный опыт говорил девушке о том, что мужчины в первую очередь нацелены на получение удовольствия для самих себя. Таким был и Кирилл, и Вика уже давно перестала надеяться на то, что от секса можно действительно получить несказанное физическое и духовное наслаждение. Ей нравилось заниматься любовью, и она не слыла ханжой, однако, секс для девушки никогда не значил очень много, поскольку она просто не знала, чем он может являться на самом деле. В ту ночь Вика впервые в жизни поняла, что это такое заниматься любовью по-настоящему, получать от мужчины ласки, заставляющие ее забывать обо всем на свете, кроме неги, смеяться и плакать от удовольствия одновременного, тонуть и полностью растворяться в другом человеке. Брюс ласкал и любил ее так, как никто до этого: беззаветно, без настырного желания получить наслаждение самому, без условностей и каких-либо правил.

Девушка пришла в себя очень нескоро. Ее голова покоилась на вздымавшейся груди Брюса, и она отчетливо слышала его громкое сердцебиение. Рука мужчины нежно гладила Вику по спине, и девушке захотелось замурлыкать, как кошке.

– Это было… волшебно, – наконец сказала Вика и, устремив взгляд на Брюса, встретилась с его глазами. В них, казалось, горело теплое пламя нежности и любви. Мужчина улыбнулся и поцеловал Викторию в кончик носа, от чего девушка весело рассмеялась.

– Ты выглядишь сонной. Поспи немного, – предложил Брюс.

Вика только довольно кивнула головой и, вновь положив голову на грудь Брюса, почти мгновенно погрузилась в сон, на этот раз несший успокоение и блаженство.

Брюс еще какое-то время лежал без сна, глядя на спокойное, такое молодое и прекрасное лицо Виктории. Он искренне радовался, что повстречал эту изумительную русскую девушку, но чувство какого-то странного и, казалось бы, беспочвенного беспокойства не покидало его с их первой встречи. Словно он чувствовал, что не должен связывать свою жизнь с ней. Вздохнув, мужчина попытался отогнать от себя навязчивые мысли и перевел взгляд на руку девушки, лежавшую на его животе. На запястье по-прежнему

сверкал алыми камнями браслет, подаренный им. Иностранец внимательно смотрел на то, как гранаты и рубины, вкрапленные в серебро, переливались всеми оттенками красного цвета. Словно загипнотизированный, Брюс глядел на браслет, попутно вспоминая его историю.

Ему тогда только исполнилось десять лет и вместе с родителями он поехал навестить мамину тетю, жившую в большом старом доме на севере Шотландии. Здание постройки девятнадцатого века и земля вокруг него принадлежали семье матери Брюса. Впервые попав в этот дом, маленький Брюс оказался зачарован его старостью и ветхостью, тогда как родители, мягко говоря, были весьма раздосадованы тем, что целую неделю им придется жить в пыльных комнатах с плесенью на стенах.

Тетушка Энн, кому и принадлежал тогда дом, оказалась милой старушкой при этом довольно бойкой и деловитой. Она с особым гостеприимством приняла свою племянницу, ее мужа, а также маленького Брюса, для которого в самом доме и возле его окрестностей вполне хватало занятий, чтобы заполнить каждый день. Мальчик играл со старыми детскими игрушками, некогда принадлежавшими членам его семьи, а теперь грудой лежавшими на чердаке дома; носился по саду с собакой тети Энн, а также соорудил нечто вроде удочки и пытался ловить рыбу в пруду недалеко от дома, что оказалось весьма безрезультатной затеей, так как никакие рыбки там не водились.

Мальчика настораживали только ночи, проводимые в доме, когда он один оставался в комнате, и все здание погружалось во тьму и тишину, нарушаемую лишь треском дерева, тихим писком мышей и гулом ветра в трубах. Отец тогда объяснил ему, что во всех старых зданиях присутствуют подобные звуки и бояться тут нечего, но Брюс все же постоянно был начеку и мог заснуть только с включенным ночником.

В одну из таких ночей, когда мальчик вертелся у себя в постели, как юла, пытаясь заснуть и не думать о возможных чудовищах, прячущихся в старом платяном шкафу или же под кроватью, он вдруг услышал голоса мамы и тети Энн, доносившиеся из вентиляционной решётки, расположенный возле его кровати. Благодаря старой вентиляционной системе дома и шахтам, пронизывавшим весь особняк, в некоторых комнатах можно было расслышать то, о чем говорили в другом конце дома. Мальчик уже давно узнал об этой интересной особенности здания, но до той ночи она его совсем не заботила, так как Брюс проводил большую часть дня вне своей спальни, да и болтовня взрослых казалась ему весьма скучной. Но тот разговор остался у него в памяти на всю жизнь.

– Я бы хотела кое-что подарить тебе, милая, – услышал он тихий, несколько сиплый голос тетушки Энн, обращавшийся, судя по всему, к маме Брюса. Послышались шаркающие шаги тети, после чего последовал громкий восторженный возглас молодой женщины.

– О! Какая красивая вещь! – сказала его мама.

– Он твой по праву. От моей бабушки он перешел к моему отцу, тот подарил его своей жене, то есть моей маме, а моя мать, твоя бабушка, передала мне как старшей дочери. Поскольку других ныне живущих близких родственниц у меня нет, я отдаю его тебе, – ответила тетя Энн.

– Но он, наверное, весьма дорогой, к тому же старинный.

– Он действительной недешевый, но его ценность не только в камнях, а в его истории.

– А что за история? – спросила мама Брюса.

– Надеюсь, ты не слишком хочешь спать, так как она не из коротких. Моя бабушка, звали ее Беатрис, считалась выдающейся женщиной: умной, образованной для того времени,

красивой и весьма богатой. Ей принадлежало куда больше земли, чем мне сейчас и арендаторы платили хорошую ренту. Она была единственной дочерью в семье и отчасти из-за ее денег, отчасти из-за ее красоты, многие молодые люди сватались к ней. Наконец родители девушки сделали свой выбор и дали согласие на ее брак с неким полковником-англичанином. Если память мне не изменяет, то его звали Рэндольф Бэйли. Хм…Да, вроде бы, действительно так, – старушка замолчала на некоторое время, погрузившись в свои мысли и воспоминания, но спустя минуту продолжила:

– Дочь, конечно, не была в восторге от такой сделки, но полковник оказался хорош собой, богат, а также осыпал ее подарками и всяческими знаками внимания и любви. В конец концов, девушка смирилась со своей судьбой и вроде бы даже влюбилась в мужчину, однако, очень скоро она познакомилась с другим молодым человеком: шотландцем, без гроша в кармане, работавшем в доках Эдинбурга и приехавшим в наши владения навестить семью, которая арендовала тут участок земли. Беатрис встретила его, прогуливаясь рядом со старым дубом. Это странное место, где никогда не услышишь щебета птиц, находится совсем недалеко от нашего дома.

Молодые влюбились друг в друга. Сначала Беатрис скрывала это от родителей, но позже призналась отцу и попросила расторгнуть помолвку с полковником. Конечно, ее просьбу никто не воспринял всерьез, а молодому шотландцу настрого запретили даже приближаться к их дому, пригрозив, что выгонят с арендованной земли его семью. Тем не менее, Беатрис и тот парень начали встречаться тайком. Каким-то образом Рэндольф Бэйли узнал об этом и, посчитав себя обманутым, пришел в дом девушки и заявил о своих правах на нее и желании как можно скорее сочетаться браком, и забрать юную девицу из-под крыла родителей, чтобы увезти в город подальше от пылкого шотландца. Родители согласились и свадьбу назначали через пару недель. Девушка была вне себя от ярости, но родители оказались непреклонны, и тогда она решила поговорить с полковником лично, назначив ему тайную встречу вечером в одном из амбаров поместья. Зная, что мужчина любит ее она, вероятно, наделялась втолковать ему, чтобы он отпустил ее с миром.

Ночью Беатрис отправилась к амбару, возле которого ее уже ждал Рэндольф. Она попросила простить ее и отказаться от свадьбы, на что мужчина только рассмеялся и сказал, что не привык отдавать другим то, что уже итак по праву принадлежит ему. Он схватил девушку и, опрокинув ее на сеновал, захотел изнасиловать. Хоть девушка и сопротивлялась изо-всех сил, это не слишком ей помогло, ведь мужчина был в несколько раз крупнее и сильнее ее. Когда он, утолив свою похоть, ухмыляясь, сообщил ей, что теперь у нее не осталось другого выбора, как только пойти за него, моя бабушка нашла в себе силы встать и на подкашивающихся ногах пойти к выходу из амбара. Она не проронила ни слова и Бэйли, вскочив и схватив ее за локоть, развернул девушку к себе. В ее глазах он увидел только неимоверную злость и презрение, от чего слегка ослабил хватку. Беатрис, воспользовавшись случаем, схватила керосиновую лампу, стоявшую на полке амбара, и со всей силы ударила мужчину ей по голове, после чего выронила ее. Лампа разбилась и пламя тут же охватило весь пол, быстро поглощая на своем пути все новые территории и подбираясь к мужчине, нетвердо стоявшему на ногах и державшемуся за голову. Девушка рассекла ему лоб и кровь залила все лицо полковника, а от удара он, видимо, едва ли не терял сознания, поскольку стоять прямо не мог. Не глядя, что произойдёт с ним дальше и даже не пытаясь помочь, моя бабушка побежала домой, где уже поднялся переполох из-за пламени, вырывавшегося из окон амбара.

Когда родители увидели свою дочь в разорванном платье, с царапинами на лице и со взлохмаченными волосами, то они в ужасе кинулись к ней и попыталась узнать, что случилась. Девушка только назвала имя полковника и кивнула головой в сторону амбара. Ее отец сразу понял, что произошло и не слишком хотел спешить на помощь полковнику Бэйли, сделавшему такое с его дочерью. Тем не менее он все же послал нескольких своих работников к амбару, надеясь услышать, что Рэндольф погиб, однако, мужчина все же выжил и даже смог самостоятельно выбраться из горевшей постройки. Его нашли лежавшим возле пруда, до которого он, видимо, хотел доползти, чтобы потушить огонь, объявший его. Полковника отправили в больницу, полагая, что он скончается либо по пути в госпиталь, либо по прибытию туда, такие страшные раны и ожоги получил мужчина.

Беатрис сильно переживала из-за случившегося и не хотела ни за кого выходить замуж, а некогда любимого шотландца мечтала вычеркнуть из своего сердца и забыть навсегда. Она боялась, что узнав о ее позоре, он отвернется от нее. Тем не менее мать девушки, будучи женщиной более мудрой и опытной, связалась с семьёй шотландца и благодаря им узнала адрес молодого человека в Эдинбурге, куда и написала письмо, где рассказала обо всем произошедшем без утайки. Она надеялась, что он все же искренне любит ее дочь и не откажется от нее.

Шотландец примчался в поместье, как только смог. Чувства молодых остались такими же сильными, как раньше и молодого парня не оттолкнуло то, что девушку изнасиловали. Конечно, он был в ярости и ужасе от услышанного и, наверняка, хотел бы своими руками убить человека, совершившего такое злодеяние с его любимой, но при девушке он не показывал своих чувств. Их свадьбу назначили через месяц и в качестве свадебного подарка шотландец преподнёс своей невесте браслет, который ты сейчас держишь в руках. Невеста пришла в восторг от этого украшения и не снимала его даже ложась спать. Она, казалось, забыла все плохое и жила только настоящим и предвкушением счастливого будущего.

Незадолго до свадьбы родители отправились в город и в доме осталось только несколько слуг и молодые. Никто точно не знает, как Рэндольф Бэйли проник в дом и что там произошло, но когда родители девушки вернулись, то к их ужасу нашли двух задушенных служанок в кухне, а поднявшись наверх, обнаружили еще более страшную картину: в спальне невесты лежали тела трех молодых людей. Шотландец лежал на животе, но перевернув его на спину, отец девушки понял, что спасать его уже поздно: живот парня оказался вспорот и он потерял слишком много крови до приезда родителей. Другой мужичина оказался, как ты уже поняла, тем полковником. Его лицо и руки были обезображены ожогами до неузнаваемости, а горло распорото почти от уха до уха. Судя по тому, что в руке он держал окровавленный нож, мужчина покончил с собой. Беатрис также оказалась раненой: глубокий порез проходил по ее шее, но, когда ее мать склонилась над ней, то услышала еле заметное дыхание и биение сердца. Зажав рану, она смогла поддержать жизнь в девушке до приезда врача. Не взирая на потерю крови и серьезный порез, бабушка выжила, но так никогда и не вышла замуж, и с тех пор даже не смотрела на мужчин. Ко всему прочему добавилось и то, что она оказалась беременна от Рэндольфа. Та ночь насилия в амбаре не прошла даром. К ребенку, моему отцу, она относилась весьма прохладно, видимо, из-за того, что тот являлся сыном обезумевшего насильника и убийцы, забравшего жизнь ее возлюбленного.

Того шотландца похоронили на местном кладбище. Его могила до сих пор там. Если хочешь, я могу показать ее тебе. Моя бабка ходила туда каждое воскресенье, а к ней иногда

присоединялся и мой отец. Где покоится тот англичанин я не знаю, поскольку его тело забрали из дома в день трагедии и куда его увезли никто не интересовался. Бабушка рассказала эту историю своему сыну незадолго до своей смерти. Конечно, мой отец был в ужасе от услышанного, ведь все эти годы он считал погибшего шотландца своим отцом, а причину его кончины – несчастный случай по дороге в Эдинбург.

Браслет Беатрис не снимала до конца своей жизни. После ее смерти отец отдал этот браслет своей молодой жене, моей маме, а та передала его своей старшей дочери – мне. Теперь же он твой. Наша семья сильно обеднела, да и не разрослась как следует. Своих детей у меня нет, поэтому ты единственная, кому он должен принадлежать. Храни его, как символ великой любви. Знаю, что мальчишке ты его не передашь, но, возможно, сможешь отдать его когда-нибудь своей невестке. Дай бог, чтобы ей оказалась достойная женщина.

После этого разговор перешел в другое русло и вскоре мама Брюса, пожелав тетушке Энн доброй ночи, пошла спать. На Брюса же история произвела неизгладимое впечатление и теперь вместо монстров он боялся застать в своей комнате обгоревшего и сумасшедшего полковника, жаждущего мести. Конечно, ничего подобного он не видел, но осознание того, что в этом доме произошло столь кровавое убийство не давало мальчику спокойно спать. К счастью, семья Брюса в тот раз задержалась там ненадолго и вскоре уехала домой, а об истории Беатрис он вспоминал только тогда, когда мать надевала браслет, что делала крайне редко. Хоть вещь и нравилась ей, она словно боялась ее, и мальчик не раз слышал, как она жаловалась отцу на то, что после ношения этого браслета ее преследуют кошмары, на что отец отмахивался и говорил о через чур разыгравшемся воображении матери.

Для Брюса же браслет всегда оставался загадкой и неким символом любви, а никак не воспоминанием о страшном прошлом своих предков. Он знал, что рано ли поздно встретит ту единственную, кому передаст эту вещь, и тогда в аэропорту, целуя Викторию, он понял, что нашел ее. Сейчас же, смотря на тонкую руку девушки и браслет на ней, он ощущал мир и покой в душе, словно вещь, так долго искавшая свою истинную владелицу, наконец-то нашла ее и заняла свое законное место.

Улыбнувшись, Брюс заботливо прикрыл Викторию одеялом, после чего закрыл глаза и погрузился в сон. Счастливая улыбка не сходила с его лица даже во сне.

Проснувшись, Вика привстала на локтях и посмотрела на Брюса, продолжавшего мирно спать. Ее вчерашнее такое легкомысленное и совсем не свойственное ей поведение показалось девушке просто чудесным. Да, она повела себя весьма раскованно, но что с того? Жизнь дается лишь раз и если не делать таких вот славных глупостей, то она превратится в сплошную скуку.

Встав с кровати, девушка, подхватив свои вещи, лежавшие на полу, отправилась в душ, окончательно разбудивший ее. Когда Вика, стоя перед зеркалом, пыталась расчесать свои длинные и спутавшиеся волосы, в дверь постучал Брюс и слегка заспанным голосом спросил, голодна ли она.

Вика открыла дверь и, увидев перед собой Брюса с жутко растрепанными волосами и легкой щетиной на лице, рассмеялась. Криво улыбнувшись, Брюс ответил ей:

– Ха-ха! Знаю, что я смешон. Но ты заняла ванну почти на час, и я просто не мог привести себя в порядок.

– Знаешь, а таким ты мне нравишься даже больше, – сказала Вика и коснулась губами его колючей щеки.

Брюс обнял девушку и страстно поцеловал ее в губы, увлекая при этом из ванной комнаты в спальню, но Вика запротестовала:

– Нет, так не пойдет. Я слишком проголодалась. Без завтрака ничего у нас не получится.

– Может, это ты так думаешь. У меня все получится, – подмигнул Брюс, ослабив при этом объятия, позволяя девушке выскользнуть, – ладно, давай закажем завтрак в номер или если хочешь спустимся вниз.

Вика осмотрела весьма неприбранный номер гостиницы и остановилась на втором варианте. Брюс согласился и, наспех сходив в душ и причесавшись, повел девушку в кафетерий гостиницы.

Проходя мимо стойки администрации, Вика с облегчением вздохнула, не увидев там вчерашнюю работницу. Последняя обязательно кинула бы на Вику удивленный и, возможно, несколько осудительный взгляд.

За завтраком Брюс рассказал Вике, что приехал в Санкт-Петербург на три дня и уже в понедельник утром должен улететь в Лондон. Девушка немного расстроилась, узнав, что мужчина задержится в Северной столице на такой короткий срок, но все же была несказанно рада тому, что каждый свой час пребывания в Питере он хотел провести с Викой и никаких деловых встреч не запланировал.

– Ты обнаружила билет в Англию? – спросил Брюс, допивая кофе.

– Тот, что ты вложил в такой красивый, блестящий конверт? Конечно. Осталось только мне получить визу, – ответила Вика.

– Ну, с этим проблем возникнуть не должно.

– Как знать. Сам ведь слышал, как к России относятся Запад и Европа. А что, если мне откажут? – испуганно посмотрела на британца девушка.

Брюс рассмеялся и, погладив девушку по щеке, сказал:

– Успокойся. Это ведь всего лишь туристическая виза. Ты же не политического убежища у королевы просить собираешься. Все это глупости на счет отношений между нашими странами. Да, возможно, вашу политику наши министры и не одобряют, но зато туристов из России у нас любят. Особенно красивых, молодых девушек! – подмигнул Брюс Вике.

Виктория рассмеялась и поймала себя на мысли, что уже давно ни с кем так вот не завтракала: столь непринужденно и весело. Закончив с кофе, молодые люди встали из-за столика и рука об руку вернулись в номер, где провели еще несколько незабываемых часов вместе, после которых Вика обнаружила у себя на теле немало странных ссадин и синяков, о происхождении которых она понятия не имела, а Брюс нашел у себя довольно много царапин и укусов, при взгляде на которые Вика невинно опускала глаза.

В тот день время пролетело необыкновенно быстро. Когда, встав со смятой посетили, Вика подошла к окну, солнце уже почти село, окрасив крыши питерских домов в золотисто-багряные цвета. Вика задумчиво провела пальцем по стеклу, обведя по контору одну из крыш, и отрешенным голосом позвала Брюса:

– Иди сюда, – едва слышно сказала она. Мужчина тут же встал с постели и как был нагим подошел к ней и обнял за плечи.

– Смотри как красиво и печально одновременно, – сказала Вика, указывая ему на панораму города.

– Действительно, – подтвердил британец, словно впервые увидевший Санкт-Петербург во всей его таинственной красе.

Девушка перевела взгляд на мужчину и заметила, что он, как и она секунду назад, зачарованно наблюдал за жизнью ее города. Несколько минут оба молчали. Вика поплотнее закуталась в одеяло, которое она захватила с собой с постели и, заметив это, Брюс, выйдя наконец из оцепенения, крепче обнял девушку, желая передать ей тепло своего тела.

– Тебе ведь станет всего этого сильно не доставать? – спросил он.

Вика медленно кивнула головой, а на глазах у нее почему-то выступили слезы.

– Но мы всегда сможем приехать сюда. В любой момент. Когда ты сама этого захочешь.

Брюс говорил так, словно ее окончательный и бесповоротный переезд на туманный Альбион – лишь вопрос времени. Вика пока не хотела думать об этом и о том, как она объяснит свой отъезд родным, как сможет начать в другой стране новую жизнь, чем займется там. Она считала, что глупо сейчас строить какие-либо предположения о ее дальнейшей жизни, когда их отношения с Брюсом только начались. И все же в глубоко в душе она догадывалась, что ее отъезд с родины в каком-то смысле предначертан и неизбежен. Она чувствовала, что пойдет за Брюсом хоть в ад, если возникнет такая необходимость, и уж тем более она приедет к нему в Англию, оставив при этом город белых ночей позади.

Вздохнув, Вика развернулась лицом к Брюсу и поцеловала мужчину. В тот момент они напоминали древние античные статуи: его крепкие руки обнимали хрупкое тело девушки, с которого к тому времени одеяло сползло на пол, обнажив белые плечи, гибкую спину, высокую грудь и плоский живот. В одно мгновение Брюс подхватил ее на руки и уже хотел отнести на кровать, когда Вика вдруг замотала головой.

– Ты уже устала от меня? – спросил Брюс, улыбаясь, но не выпуская девушку из рук и продолжая держать на весу.

– Нет, просто я подумала, чтобы неплохо бы нам прогуляться по вечернему городу. Мы могли бы зайти в какой-нибудь ресторан, потом, если не пойдет дождь, побродить по городу, а ночью взглянуть на развод мостов.

– Развод мостов? – удивился Брюс.

– Да, у нас разводят мосты, чтобы большие и высокие судна могли пройти по реке, – пояснила Вика.

– А, понял. У нас также делают в Лондоне с Тауэрским мостом.

– Думаю, наш развод тебе понравится больше. Он весьма романтичен.

– Что ж, как скажите, моя прекрасная леди, – ответил Брюс, опустив при этом Вику, – к тому же, должен признаться, я зверски голоден и идея похода в ресторан не кажется мне такой уж плохой.

– Вот и отлично! Дай мне пятнадцать минут на сборы и можно идти, – сказала Вика, поднимая с пола свои вещи.

– Под «пятнадцатью минутами» ты, случайно, не имеешь ввиду часа полтора? Обычно девушкам требуется куда больше времени, нежели каких-то четверть часа.

Вика рассмеялась и заверила Брюса, то она «не такая, как все» после чего направилась в ванную комнату.

Девушка сдержала свое слово и очень скоро британец и Виктория покинули гостиницу в поисках ужина. Недолго думая, Брюс повел Вику в ресторан, где уже ужинал со своим партнером по бизнесу в свой первый приезд в город. Меню поразило девушку выбором блюд и крайне высокими ценами, но она промолчала. Брюс же заказал, казалось, почти все, что можно было и, когда их стол словно по мановению волшебной палочки заполонили

различные яства, набросился на еду, как голодный волк. Вика старалась не отставать от него, но после двух различных закусок и супа второе блюдо уже просто не лезло в нее, и она, отложив вилку, сидела и просто наблюдала за Брюсом, все также быстро разделывавшимся с едой.

«И как я только представлю его родителям, если, конечно, наши отношения зайдут так далеко? – рассуждала девушка, медленно потягивая красное вино, – они же не смогут общаться! Весьма забавная ситуация».

– О чем ты думаешь? – насытившись, спросил ее Брюс.

– О том, что мне делать с тобой дальше.

– Как что? Подавать на визу и приезжать ко мне. Отметим вместе Рождество.

– Да, но…

– Никаких «но», – возразил Брюс.

– А что я скажу родителям?

– Как что? Что повстречала очаровательного шотландского парня и улетаешь к нему. Тут и объяснять нечего.

– Это ты так думаешь. Поверь, меня засыплют вопросами и подозрениями. Я даже думать об этом не хочу.

– Хм… Может, мне с ними познакомиться? Давай, завтра навестим их.

– Нет-нет-нет, – запротестовала Вика, – и не думай. Я их сама сначала подготовлю.

– Как знаешь. Рано или поздно, мне все равно придётся узнать их, – сказал Брюс.

– Ты так говоришь, словно у нас все решено.

– Так и есть. Ты что, не веришь мне? – спросил Брюс.

– Но ты ведь провел со мной всего несколько дней.

– Неправда. Мы еще много общались по скайпу.

– Это совсем не то. Как ты можешь быть так уверен в том, что происходит с нами?

Брюс пожал плечами и взял руку Вики, на который сверкал его браслет, в свои и поцеловал ее.

– Мне не зачем думать о том, что уже и так известно моему сердцу, – наконец сказал он.

Вика промолчала, поскольку просто не знала, что ответить, кроме как согласиться с мужчиной. Она ощущала тоже чувство привязанности и некого узнавания, точно давным-давно они были знакомы, но годы и судьба разделили их. Глаза девушки встретились с глазами Брюса и она, не отдавая себе отчета, прошептала:

– Я люблю тебя.

– И я тебя, – услышала Виктория в ответ такое же тихое признание мужчины.

Глава 6.

Аэропорт Пулково 2 сильно изменился с тех пор, как девушка летала последний раз. Вместо старой, несколько обветшалой постройки, какую помнила Вика, девушка находилась в современном, чистом и весьма фешенебельном зале ожидания. Ей уже приходилось бывать в главном фойе аэропорта, когда она провожала Брюса в Англию, но за переделами пункта таможенного контроля девушка оказалась впервые.

Побродив немного по небольшим магазинчикам дьюти-фри и прикупив несколько сувениров для Брюса, его друзей и семьи, Виктория присела на скамью прямо напротив экрана, сообщающего пассажирам о вылетах различных рейсов. Номер ворот рейса в Лондон пока не объявили и девушке не оставалось ничего, кроме как ждать.

Достав зеркальце из объемной сумки, лежавшей у нее на коленях, Вика еще раз взглянула на себя, решив удостовериться, что выглядит более-менее презентабельно, несмотря на всего три часа сна этой ночью. Вылет ее рейса стоял в восемь утра и в аэропорт девушка приехала к шести утра, встав при этом в четыре, чтобы успеть окончательно перепроверить все собранные вещи, а также слегка привести себя в порядок и выпить кофе. Накануне девушка сходила в парикмахерскую и сделала новую модную и довольно короткую стрижку, решив таким образом символично и окончательно порвать со своим прошлым. Она надеялась, что ее новый внешний вид придется Брюсу по вкусу: короткие волосы нежно обрамляли лицо девушки и слегка завивались на концах, что придавало Вике детский и невинный вид. Из вещей девушка взяла лишь самое необходимое и теплое, решив, что остальные мелочи сможет купить по приезде в Англию, тем более, что Брюс обещал устроить ей день шоппинга.

«Брюс…», – нежно подумала о мужчине девушка и мечтательно закрыла глаза. Последний раз она видела его две недели назад. Он вновь приехал к ней на выходные, но на этот раз остановился не в гостинице, а у нее дома. Виктория чувствовала себя очень неловко, принимая британца в крохотной квартирке, но он, казалось, совсем не обращал на бытовые неудобства внимания и был поглощён лишь Викой. К тому времени девушка уже подала все документы на визу и каждый день жила ожиданием ответа из британского посольства. Когда, наконец, она получила паспорт с визой, радости ее не было предела.

Виктория решила оттянуть разговор с родителями и близкими друзьями почти до самого отлета, понимая, что из «добрых» побуждений ее родные могли бы начать отговаривать девушку от путешествия, поэтому ее чистосердечное признание состоялось всего за неделю до отъезда. Как Вика того и ожидала, родители сразу же начали осуждать легкомыслие их дочери и приводить в пример страшные истории, услышанные по телевизору или прочитанные в газетах. Девушке пророчили рабство и работу в борделе или же в лучшем случае она могла послужить донором на органы. Выслушивать подобные перспективы оказалось весьма малоприятным занятием и в один момент Вика даже решила встать и просто уйти из родительского дома, но увидев ее боевой настрой, родители в конечно итоге несколько успокоились и попросили предоставить им так много информации о Брюсе, как это только возможно.

Подруги девушки восприняли новости с недоверием и даже с завистью, ведь мысли о прекрасном принце, который бы забрал их к себе в чудесную страну, посещали пусть хоть раз, но многих девушек. Тем не менее наиболее близкие подруги Вики искренне

порадовались за нее и попросили ее делать побольше фотографий и отправлять им фотоотчеты о ее путешествии по возможности ежедневно.

Занятая сборами и мыслями о Брюсе и поездке Виктория почти и не думала о Кирилле, тем не менее встретиться с ним ей все же пришлось. Это случилось, когда Вика шла от парикмахера домой, намереваясь сделать небольшую уборку перед отъездом, после чего принять расслабляющую и успокаивающую ванну. Девушка тогда просто не знала, что одна из знакомых проболталась либо самому Кириллу, либо кому-то из его друзей о новом заграничном бойфренде Вики, а также о ее решении навестить его в Англии.

Кирилл вновь ждал девушку возле ее дома. Приехав и не застав Вику в квартире, молодой человек спустился вниз и стоял возле своего новенького мерседеса, ожидая ее возвращения. Его номер Виктория заблокировала в первую очередь и дозвониться ей он никак не мог, да и надобности у него такой просто не было. Он ведь и сам уже почти не думал о бывшей подружке и даже начал встречаться с двумя новыми девушками одновременно (конечно, в тайне от каждой из них), но неожиданная новость о Вике, которую рассказала ему его знакомая по игре в теннис, задела молодого человек до глубины души. Он-то думал, что тот странный иностранец всего лишь знакомый Вики, с которым у нее краткосрочный роман, начатый по большей части, чтобы отомстить ему – Кириллу и забыть об отношениях с ним. Однако, услышав, что у Виктории все серьезно и она даже собирается поехать к новому ухажеру в Англию, Кирилл расстроился и даже разозлился. Как она могла так быстро забыть его?! Да и ради кого?! Он не мог простить Вике такого легкомысленного поведения и был до сих пор уверен, что она продолжает любить его. Дабы удостовериться в этом и в том числе в своем превосходстве он поехал к девушке, намереваясь спокойно поговорить с ней и выяснить все самому. К его разочарованию Виктории не оказалось дома, и он вот уже как почти час торчал в машине у ее подъезда, дожидаясь ее, изредка выходя из салона, чтобы выкурить сигарету.

Когда из-за поворота показалась молодая симпатичная девушка, легкой, едва ли не летящей походкой, шагавшая к дому, Кирилл на какое-то мгновение забыл о Вике и залюбовался ладной фигуркой красавицы и ее хорошеньким личиком. Однако, спустя несколько секунд черты ее лица показались ему хорошо знакомыми и он, не веря своим глазам, неуверенно позвал девушку: «Вика!».

Услышав свое имя, Виктория остановилась и заметила Кирилла, смотревшего на нее во все глаза. Беззаботное выражение тут же исчезло с лица девушки, а походка из легкой превратилась в настороженную. Подойдя к молодому человеку, девушка спросила:

– Что тебе здесь нужно?

– Я хотел с тобой поговорить, – простодушно ответил Кирилл, хотя перед этим думал начать свою речь совсем иначе, – что ты сделала со своими волосами?

Кирилл потянулся рукой к лицу Виктории, желая дотронуться до коротких волос, но девушка резко отпрянула.

– Ты об этом хотел поговорить? – только спросила она.

– Да… то есть нет, – наконец, взяв себя в руки, ответил Кирилл и уже более уверенным голосом продолжил, – хотел узнать, как ты поживаешь и не нужна ли тебе помощь?

– С чего это ты стал таким заботливым? Тем более после столь длительного молчания? – ехидно спросила Виктория.

– Я никогда не забывал о тебе, – соврал он, – просто думал, что ты не хочешь меня видеть.

– И правильно думал. Кирилл, к чему все это? Что тебе нужно? У меня нет времени на пустые разговоры ни о чем.

Кирилл несколько опешил от такого приема. Он-то надеялся, что Вика все же приятно удивится его приезду и вниманию, и никак не рассчитывал на столь холодное отношение к нему, что раздосадовало парня еще больше.

– Может, сходим попьем кофе где-нибудь? На улице неудобно разговаривать, да и холодно, – предложил он, надеясь, что в более комфортабельной обстановке девушка смягчится.

– Я же сказала, что занята сегодня.

– Тогда давай поднимемся к тебе.

– Нет, это исключено. И да, у тебя ведь до сих пор ключи от моей квартиры. Они у тебя с собой? – спросила Вика?

– Да, – сказал Кирилл, доставая связку из кармана.

– Попрошу вернуть их мне, – сказала, вернее даже потребовала девушка.

Кирилл подчинился и положил на раскрытую ладонь Вики ключи, после чего вновь внимательно посмотрел на девушку. Она выглядела потрясающе красивой и женственной, и в тот момент Кирилл здорово пожалел, что расстался с ней. Новая стрижка очень шла ей, да и новый стиль, которого она придерживалась, делал ее неповторимо молодой и свежей.

– Ты изменилась, – сказал он Вике, – и выглядишь шикарно. Судя по всему, у тебя все хорошо, и я искренне рад за тебя.

На самом же деле Кирилл завидовал ее новому мужчине и совсем не жаждал, чтобы его бывшая девушка так скоро и в таком изумительном виде досталась кому-то другому. Однако эти слова все же сделали свое дело и выражение лица Виктории слегка смягчилось.

– Спасибо, Кирилл. Уверена, что и у тебя все прекрасно. А теперь позволь мне идти. Было приятно увидеться, – добавила она и уже направилась ко вдоху в подъезд, как Кирилл догнал ее и загородил ей путь.

– Ну, что еще? – вновь нахмурившись, спросила девушка.

– Я слышал, ты уезжаешь заграницу. Это так?

– Ах, вот оно в чем дело! И кто тебе рассказал? Впрочем, неважно. Я не делаю из этого тайны. Да, я уезжаю на некоторое время.

– Это к тому иностранцу, кого я тогда видел? – не унимался Кирилл.

– Тебя это совсем не касается, – ответила Вика и вновь попыталась зайти в подъезд, но молодой человек стоял, как гора.

– Кирилл, дай, пожалуйста, пройти. Ты не пугаешь меня, а только раздражаешь, – сказала Вика, сама не понимая откуда у нее взялись силы и храбрость, так говорить с ним.

От неожиданности Кирилл отступил, девушка быстро проскочила мимо него и заспешила по лестнице наверх. Придя в себя, Кирилл, не отдавая себе отчета в том, что делает, громко крикнул ей вслед, но догонять не стал:

– Вот увидишь, ты ему быстро надоешь и все равно вернешься сюда и прибежишь ко мне. Слышишь, Вика, ты все равно будешь моей!

Виктория, конечно, слышала слова Кирилла, но особого значения им не предала, поскольку в голове роились совершенно другие мысли. Тем не менее, ситуация вышла весьма некрасивой и, когда объявили посадку на рейс до Лондона, Вика даже не сразу услышала объявление, настолько глубоко погрузилась в эти воспоминания, от которых, казалось, веяло холодом и ненавистью.

«Он мне ничего не сделает. По крайней мере, пока я буду в Великобритании точно», – успокоила себя Вика и, встав, отправилась за толпой народа, следовавшей на посадку.

Полет занял несколько часов и большую часть времени Вика продремала, уютно свернувшись в кресле. Лишь за сорок минут до посадки она открыла глаза и осмотрелась вокруг, желая удостовериться, что все происходящее вовсе не сон и она действительно летит в Лондон. Рядом с ней сидела совсем юная русская девушка, приветливо улыбнувшаяся Вике.

– Первый раз летите в Англию? – спросила она.

– Да, – ответил Вика, – а вы?

– Нет, я там, можно сказать, живу. Меня, кстати, Юля зовут.

Девушки разговорились и, как оказалось, Юля училась в колледже в Лондоне уже второй год. Она без памяти любила Лондон и наделась, что и Вике он понравится. Они проговорили все оставшееся время полета и, даже приземлившись, Юля не бросила Вику и любезно прошла с ней паспортный контроль, после чего проводила ее до пункта выдачи багажа. К тому времени Юля уже знала почти всю историю Вики и на прощание дала свой номер телефона и адрес в Лондоне, сообщив, что к ней всегда можно обратиться за помощью, если такая понадобится. После этого, Юля, поцеловав новую знакомую в щеку и пожелав ей всего наилучшего, развернулась на каблуках и растворилась в бесконечном потоке людей, прилетевших в аэропорт Хитроу.

Вздохнув и сказав себе, что отступать уже просто некуда, Виктория подхватила чемодан и направилась к выходу, где ее должен был ждать Брюс. По спине пробежали неприятные мурашки и разные глупые мысли, вложенные ей в голову родными, вновь посетили девушку, однако, она постаралась быстро избавиться от них.

Сердце ее колотилось, как бешеное, а в глазах то пестрило от яркой толпы, то темнело от страха, когда она выходила из зоны прилета аэропорта. Людей в зале ожидания, куда она попала, оказалось так много, что девушка несколько растерялась и поспешила подойти к стойке информации. Там она и остановилась и, достав телефон, решила включить его и попробовать дозвониться до Брюса, которого она почему-то не увидела в толпе встречавших людей, что заставило ее еще больше занервничать. Пальцы девушки слегка дрожали, когда она включала телефон, а мысли лихорадочно путались, но вдруг рядом она услышала знакомый голос и все тревоги тут же отступили.

– Я не узнал тебя с новой прической. Прости! Тебе очень идет, – сказал Брюс, глядя на девушку и протягивая ей букет алых роз.

Виктория ничего не ответила, а только бросилась на шею мужчине и слезы радости неожиданно для нее самой брызнули у нее из глаз.

– Я так рада тебя видеть! Я так соскучилась! – говорила она, осыпая лицо Брюса поцелуями.

– Ну-ну, тише. Нам еще ехать до гостиницы. Не набрасывайся на меня тут, а то я и сам не выдержу, – с улыбкой ответил Брюс.

Мужчина взял чемодан Вики и, предложив ей руку, повел ее к выходу из аэропорта, который уже перестал пугать девушку и показался ей теперь весьма милым и очень современным.

– В гостиницу? – спросила она, – а разве мы не едем к тебе домой?

– Поедем через несколько дней. Сначала я думал показать тебе Лондон. Ну, хотя бы какую-то его часть. Думаю, тебе понравится. После чего поедем ко мне в Стратфорд на Эйвоне.

– Звучит неплохо. Даже восхитительно! – ответила Вика и теснее прижалась к Брюсу, как только прохладный ветер резко подхватил подол ее пальто на улице.

– Такси ждет нас. Пойдем, – сказал Брюс и уверенно повел ее к большому черному кэбу, стоявшему неподалеку. Вика села на заднее сиденье машины и тут же обратила внимание на колоритную внешность водителя, коим оказался смуглый индус в национальном тюрбане на голове.

– В гостиницу Парк Лэйн, пожалуйста, что недалеко от Грин Парк, – сказал Брюс, сев рядом с Викой и обняв ее за плечи.

– Хорошо, сер, – ответил индус и, включив зажигание, тронулся с места, увозя россиянку в ее новую заграничную жизнь.

Несмотря на то, что Виктория сильно соскучилась по Брюсу, ее лицо почти что прилипло к окну такси, пока они ехали до гостиницы, и на какое-то время она забыла о присутствии любимого человека в одном с ней салоне автомобиля. Девушка во все глаза смотрела на старинный, роскошный город с его надменными зданиями, глядевшими на всех, словно свысока. Толпы людей на перекрестках и дорогах вовсе не пугали Вику, а только напоминали Москву, которую она сильно любила. Единственное, что пока оставалось непонятным и несколько странным для нее, так это движение транспорта по непривычной стороне и свободный и ненавязчивый стиль одежды англичан, которым, казалось, просто нет дела до того, что о них подумают.

Гостиница, куда кэб доставил влюбленную пару, оказалась ничем не хуже отеля в Питере, где останавливался Брюс, а номер британского отеля и вовсе превзошел все ожидания девушки.

– Здесь потрясающе красиво! – сказала она, когда портье, занеся чемодан девушки и сумку Брюса в номер, оставил, наконец, Брюса и Вику одних.

– Рад, что тебе нравится, – промурлыкал Брюс, подходя ближе к Вике, намереваясь обнять ее.

Виктория засмеялась и, сделав шаг навстречу, сама обняла и поцеловала мужчину. В эти мгновения им не требовались слова или взгляды. Достаточно было просто сжимать друг друга в объятиях, прикасаться губами друг к другу и слышать сердцебиение любимого человека.

Тишина в номере продлилась несколько часов, нарушаемая только вздохами и дыханием молодых людей. Одежда за ненадобностью как всегда оказалась на полу, а чемодан с сувенирами и подарками продолжал стоять нетронутым. Когда Брюс и Вика решили оторваться друг от друга, холодное английское зимнее солнце находилось в своем зените и его светло-желтые лучи освещали древний город.

– Виктория, думаю нам нужно прерваться, иначе ты так и не увидишь Лондон, а у меня для нас приготовлена целая культурная программа.

– Ого! Да ты я смотрю, времени зря не терял, – ответила Вика и чмокнула Брюса в нос, после чего встала и направилась в ванную комнату, откуда до англичанина донеслось: «я быстренько приведу себя в порядок, и мы можем идти». Брюс вздохнул и, заложив руки за голову, с улыбкой откинулся на подушки.

Мужчине чувствовал себя так хорошо, как никогда в жизни. Его друзья и коллеги посмеивались над ним, когда он рассказывал им о Вике, и в шутку называли ее «Русской невестой», слава о которых шла нешуточная, но Брюс знал, что с этой девушкой у него все серьезно и только хотел надеяться, что и с ее стороны чувства не менее сильны. Она

казалась ему загадочной и несколько дикой, как и сама Россия, менталитета которой он пока что так до конца и не понял. Иногда, когда он смотрел на Викторию, ему думалось, что она самая прекрасная женщина на свете с самым чистым и добрым сердцем, какое вообще можно представить, а иногда ему чудилось, что в ее серых глазах зажигались искорки адского пламени и сами черти плясали в них, а от былой невинности не оставалось и следа.

Дело осложняло и то, что он не всегда понимал, что она хотела сказать, поскольку языковой барьер все еще стоял между ними. Случалось, что он не знал, шутила она или говорила серьезно, как не мог быть полностью уверен и в том, понимала ли она все его шутки или нет. Это ни в коем случае не раздражало его, но все же придавало их отношениям некую недосказанность и таинственность, которые порой безумно нравились Брюсу, а порой он волком выть хотел от того, что не мог понять свою Викторию.

«Моя Виктория», – тихо произнес Брюс, продолжая лежать в постели. Он словно смаковал и пробовал ее имя на вкус. Мужчина усмехнулся, представив, как станет знакомить ее со своим отцом. Мать Брюса Лиза умерла от рака несколько лет назад, а отец жил отшельником в Шотландии, куда Брюс из-за занятости на работе наведывался не так часто, как хотелось бы. Мужчина знал, что его отцу Виктория не может не понравится: старик всегда любил и восхищался хорошенькими женщинами и выбор сына, конечно, одобрил бы, не взирая на то, что девушка родом из далекой России.

Из гостиницы молодые люди вышли, держась за руки, и Брюс решил начать свою экскурсию с осмотрела окрестностей недалеко от Букингемского дворца, а дальше через Сент-Джеймс парк вывести россиянку к Вестминстерскому Аббатству, Парламенту, Биг Бэну и Темзе, после чего прогуляться вдоль реки и зайти в один из ресторанов на ее берегу.

С погодой им крайне повезло и хоть в воздухе чувствовалось холодное дыхание зимы, небо оставалось чистым и осадков не предвиделось. Вика на протяжении всей прогулки вертела головой, как сова, стараясь не пропускать ничего из того, на что показывал или о чем рассказывал Брюс. Через пару часов ее мозг был готов взорваться от обилия информации, но все это безумно нравилось девушке и почему-то она чувствовала себя на улицах Лондона очень комфортно: прохожие казались ей приветливыми и улыбчивыми, улицы чистыми и опрятными, а архитектура поражала своим размахом и величием.

Целый день Вика и Брюс гуляли по городу, делая остановки только, чтобы перекусить или же зайти в какой-либо уютный и очаровательный магазинчик, увиденный Викой. В декабре в Лондоне дни весьма короткие и уже к пяти часам вечера стемнело и только фонари, свет из окон домов и фары проезжавших по дорогам автомобилей освещали улицы. Такая мистическая и в то же время романтическая атмосфера привела Вику в еще больший восторг, и она чуть ли не хлопала в ладоши от радости, когда они с Брюсом проходили ту или иную достопримечательность, смотревшуюся несколько гротескно в темное время суток.

Брюс радовался, видя сколько удовольствия приносит Вике эта прогулка, однако, его ноги начали уставать и, когда они вновь оказались на Пикадилли, он попросил у Виктории пощады и предложил закончить экскурсию на сегодня и отправиться поужинать в гостиницу или же ближайший ресторан. Вика, казалось, совсем не устала, несмотря на то, что почти не спала ночью и целый день провела на ногах. Видимо, новизна города и новые впечатления и эмоции перекрывали усталость и сонливость, и девушка весьма удивилась, посмотрев на выдохшегося Брюса.

Рассмеявшись и сжалившись над мужчиной, она поцеловала его и, взяв крепче под руку, уже сама повела по направлению к гостинице, попутно высматривая рестораны и кафетерии, где можно было бы перекусить. В конце концов они отужинали в итальянском ресторане неподалеку от отеля. Брюс как всегда ел много и быстро, а Виктория, осилив пасту болоньезе, наконец поняла, что тоже довольно-таки устала, насытилась и согрелась и все, чего бы ей на тот момент хотелось, так это прилечь где-нибудь, свернуться калачиком и уснуть. Улыбаясь, она рассказала о своем желании Брюсу, на что тот ответил: «Я рад, что мне все же удалось вымотать тебя!», после чего попросил счет.

В гостиничный номер Виктория и Брюс вернулись около одиннадцати вечера и Вика, наспех смыв макияж и сходив душ, тут же юркнула под одеяло и блаженно опустила голову на подушку. Она надеялась, что не уснет и дождется, пока Брюс сходит в душ и присоединится к ней, но ее планы не осуществились и, стоило ей закрыть глаза, как она тут же провалилась в глубокий и спокойный сон. Брюс, выйдя из душа, застал свою возлюбленную сладко спящей. Ее лицо выглядело безмятежным, и только легкая улыбка нежно тронула губы девушки. Британец, не желая разбудить свою красавицу, нежно и осторожно поцеловал девушку в лоб и лег рядом, надеясь не потревожить ее сна. Он думал, что от усталости почти сразу же заснет, но почему-то это оказалось не так просто, как он на то рассчитывал. Разные мысли о Вике, его бизнесе, отце и друзьях крутились в его голове, словно ожидали этой минуты целый день, дабы помешать мужчине расслабиться. Через час мытарств в постели Брюс совсем отчаялся, но тут Вика, повернувшись к нему лицом и продолжая спать, положила ему свою руку на грудь. Брюс улыбнулся и только тогда понял, как же сильно ему не хватало Виктории на самом деле. Накрыв своей ладонью миниатюрную руку девушки, он закрыл глаза и глубоко вздохнул, после чего все беспокойные мысли словно по мановению волшебной палочки покинули его голову и он, наконец-таки, заснул.

Четыре последующих дня Брюс с Викторией осматривали уже не только сам город, но и его достопримечательности изнутри: Британский музей, Тауэр, собор Святого Павла, коллекцию Уоллес, Национальную галерею и многие другие места, названия которых еще не улеглись в голове у Вики. Они также взяли обзорную пешую экскурсию по городу и даже прокатились на небольшом пароме по Темзе, доехав до Гринвича и немного погуляв там. А в один из вечеров Брюс пригласил девушку в оперу в известный Холл Альберта и Виктории, чем окончательно покорил россиянку. Она любила театры, музеи и выставки, но ходила в такие места весьма редко, так как Кирилла, да и других ее знакомых развлечения подобного рода сильно не прельщали.

Из-за насыщенной программы и постоянной усталости (правда, весьма приятной), у Брюса и Вики почти не оставалось времени на разговоры об их отношениях или же о том, как им быть дальше. Все время они болтали о Лондоне, его истории и местах, где побывали, а также о планах на следующий день и вечер. Со стороны могло показаться, что они оба избегали серьезных разговоров, предпочитая не задумываться о будущем, но тем не менее каждый из них все же думал об этом в тайне от партнера.

За очередным обедом, когда они сидели в уютном ресторане в Ноттинг Хилл, Брюс сообщил Вике:

– Завтра днем нам нужно уезжать в Стратфорд на Эйвоне. Боюсь, что наши небольшие лондонские каникулы подошли к концу. Мне нужно возвращаться на работу.

Вика слегка нахмурилась, но почти тут же ее лицо прояснилось, и она весело

улыбнулась:

– Здорово! Мне, конечно, очень понравился Лондон, и я бы еще ни раз сюда вернулась, но и твой город мне не терпится увидеть.

– Поверь, ты сможешь приезжать сюда сколько захочешь. Всего два с половиной часа на поезде, и ты тут.

Вика ничего не ответила на это, а только улыбнулась, после чего все же сказала:

– Мне не хочется нарушать нашей идиллии, но тем не менее я бы желала знать, что мне делать дальше и когда ты думаешь отправить меня домой? Виза, конечно, действительна полгода, но это не означает, что я должна находиться здесь так долго, ведь правда?

– Конечно. Ты можешь уехать, когда сама того пожелаешь, – с некоторой грустью в голосе ответил Брюс, – а что, я уже надоел тебе?

– Нет, ты что! Мне так хорошо никогда и ни с кем не было, просто у меня ведь в России родители, да и арендованная квартира простаивает. К тому же нужно задуматься о работе и будущем. Такое безоблачное и легкое существование, какое я веду сейчас, не может длиться вечно.

– Почему? – удивленно спросил Брюс.

– Потому…, – замялась Вика, – потому что мне нужно работать, зарабатывать деньги, заниматься чем-то полезным для общества и…

Брюс рассмеялся, чем заставил девушку замолчать и недовольно посмотреть на собеседника.

– Прости, я не хотел показаться грубым, но мне ты не кажешься такой уж карьеристкой. Неужели тебе никогда не хотелось просто быть счастливой, заботиться о муже и детях и заниматься чем-то в свое удовольствие, а не ради денег?

– Хотелось, конечно, но та жизнь, о которой ты говоришь, не видится мне доступной и реальной. Жизнь – это ведь не сказка, а скорее борьба.

– Знаешь, она ведь может стать и сказкой, – ответил Брюс и, желая закончить эту тему, добавил, – давай, сделаем так: мы вместе отметим Рождество, до которого осталось полторы недели, а там посмотрим. Если ты заскучаешь, мы купим тебе билет в Санкт-Петербург и все дела. Мне вовсе не хочется удерживать тебя тут силой. Я же не Синяя Борода.

Вика рассмеялась шутке Брюса и ответила, широко улыбаясь при этом:

– Согласна. Так и сделаем. А какие у тебя планы на Рождество? Ты мне не рассказывал о них.

– Планы? – задумался Брюс, – никаких. Это семейный праздник, который обычно проводят весьма тихо и спокойно, поедая рождественскую индюшку и другие блюда. Можно купить уже готовые блюда в супермаркете и разогреть все в духовке. Думаю, так проще.

– То есть с твоей семьей мы Рождество отмечать не будем? С кем тогда? С друзьями?

– Я как-то не думал над этим и, по правда говоря, хотел провести его вдвоем с тобой, – простодушно ответил Брюс.

– Это очень мило и трогательно, но мне не хочется отрывать тебя от друзей и семьи. Разве ты сам не планировал провести праздник с ними? – удивилась Виктория, читавшая недавно в журнале про Великобританию о важности Рождества и семейных ценностях, которыми так дорожат британцы.

– У друзей свои семьи, так что они по мне скучать не станут. А что касается моей семьи, то у меня почти никого не осталось. Из близких – только отец, но он живет в Шотландии, а там сейчас холодно, сыро, да и ехать туда довольно долго. К тому же после

смерти мамы мы ни разу не собирались на Рождество.

– Хм… Мне жаль, Брюс. Может, стоит сделать это Рождество исключением и отметить его с отцом, если тебе этого, конечно, хочется? Ты можешь даже поехать туда один, а я подожду тебя в твоем Стратфорде. Это на случай если ты еще не готов знакомить меня с ним.

– Не говори глупостей, – ответил Брюс, – уж если я поеду к нему, то только с тобой. Но ты уверена, что хочешь провести праздники в компании старого ворчуна? К тому же дом, где он живет, наверняка пришел в запустение, да и глушь это несусветная. Тебе может стать скучно.

– Поверь, с тобой мне никогда не скучно, – парировала Виктория, не желавшая так быстро сдаваться.

– Ну, тогда я поговорю с отцом на днях и узнаю, что у него самого на уме касательно Рождества. Если он не против потерпеть нас, то съездим к нему. Только не жалуйся потом и не говори, что я тебя не предупреждал.

– Брюс, смею тебя заверить, что я – крепкий орешек и уверена, что выдержу как холодную Шотландию, так и твоего отца.

– Посмотрим-посмотрим, – загадочно улыбнувшись, ответил Брюс и принялся за десерт, который к тому времени уже стоял перед ним.

Глава 7.

До Стратфорда на Эйвоне молодые люди добирались на поезде. Поездка, хоть и занявшая более двух часов, не утомила Викторию, а показалась ей крайне интересной. Они проезжали поля, равнины и холмы Англии, даже в зимнее время выглядевшие зелеными и живыми, точно природа и вовсе забыла о существовании зимы и снега, что весьма удивило привыкшую к настоящей снежной зиме россиянку.

Станция Стратфорда оказалась крошечной по сравнению с железнодорожными станциями Лондона, а сам городок просто кукольным, словно только что сошедшим со старой открытки: большинство домиков в центре являлись памятниками архитектуры и представляли собой старинные строения с побеленными стенами и покосившимися крышами. Некоторые крыши выглядели совсем уж необычно: вместо черепицы их покрывал тростник. Стратфорд на Эйвоне – являлся родным городом Уильяма Шекспира, и Брюс по пути к своему дому много рассказывал Вике как о самом великом поете, так и о его жизни в Стратфорде. Для себя Виктория сразу же решила, что уже завтра посетит дом-музей Шекспира, а также некоторые другие места, связанные с поэтом, и постарается изучить город вдоль и поперек.

Хоть дом Брюса и находился недалеко от исторического центра города, его построили значительно позже. Тихая улочка, где он располагался, сразу пришлась Виктории по душе, равно как и милый голубой цвет, в который оказался выкрашен фасад дома. Внутри он выглядел еще более красивым, чем снаружи: зайдя через входную дверь, Вика попала в средних размеров гостиную с камином, правда электрическим, и огромным плазменным телевизором на всю стену. Из гостиной коридор вел в кухню: просторную и заполненную современной техникой, к которой Вика даже прикоснуться боялась, такой дорогой и с виду непонятной она ей показалась. В кухне находилась еще одна дверь, ведущая в чудесный сад, летом наверняка превращавшийся в райский уголок. Закрыв глаза, Виктория представила себя в этом саду лежащей на шезлонге и попивающей прохладный коктейль. Образ крайне понравился девушке, но она не стала долго думать о нем и продолжила знакомство с домом Брюса.

Из гостиной ступени вели на второй этаж, где располагались три спальни и ванная с туалетом. Одну спальню Брюс использовал для гостей, вторую переделал в рабочий кабинет, а в третьей обитал сам, куда и поставил чемодан Вики. Спальня Брюса оказалась выдержанной в серых и холодных тонах, подходивших холостяку, но показавшихся Вике несколько мрачными. Однако в комнате царила чистота: все вещи стояли на своих местах, а никаких лишних предметов интерьера, собиравших бы пыль, будь то статуэтки или фотографии в рамочках, не было и в помине.

– Весьма аскетично и по-мужски, – подытожила Виктория, оглядевшись по сторонам.

– Я ждал подобного комментария, – вздохнув, ответил Брюс, – но поверь, мне так проще. К тому же Агнежке меньше убирать.

– Агнежке?

– Да, это моя знакомая, живущая по соседству и приходящая раз в неделю прибраться в доме. Без женской руки он бы совсем пришел в запустение.

– Но ты не кажешься неряхой, к тому же пока я здесь твой дом в надежных руках, так что в услугах Агнежки ты пока что не нуждаешься.

– Как скажешь, милая, но мне бы не хотелось заваливать тебя домашней работой, – ответил Брюс, первый раз обратившись к ней столь по-семейному.

Щеки Виктории вспыхнули ярким пламенем, но она ничего не сказала. Только подойдя к Брюсу, обвила его шею руками и крепко поцеловала в губы. Ее счастье еще никогда не казалось ей таким волшебным, словно, она попала в самый приятный сон в своей жизни.

Стратфорд на Эйвоне полностью покорил сердце Вики и даже затмил роскошь и великолепие Лондона, в чем она призналась Брюсу после двух дней, проведенных у него дома. История, которой, казалось, дышал город, а также уютные магазины, кафе и доброжелательные жители не могли не оставить добрых впечатлений в сердце девушки. Каким бы странным это ни казалось, но Виктория чувствовала себя здесь как дома, а Питер и России и вовсе представлялись чем-то весьма далеким, и девушку туда пока совсем не тянуло.

Она регулярно звонила домой родителями и предоставляла им полный отчет о своем пребывании в Англии, а также о том, чем занималась накануне, но слыша одновременно и восторженные, и полные печали голоса родителей, всегда расстраивалась после таких телефонных разговоров. Не стоило винить их в том, что они слишком сильно любили дочь и не переставали переживать и беспокоиться о ней. Вика не говорила с Брюсом об этом, но по ее озабоченному лицу он все прекрасно понимал и старался как мог развеять ее грусть и тоску по близким. С подругами Вика продолжала общаться по интернету и частенько добавляла на свою страничку в социальных сетях новые снимки Англии и ее достопримечательностей, которые ей посчастливилось увидеть. Восторженные комментарии подруг вызывали улыбку у Виктории, но также заставляли и задуматься над тем, что ее жизнь в Стратфорде рано или поздно подойдет к концу. Однако девушка гнала эти мысли от себя подальше, решив, что подумает о возвращении домой уже после Рождества, которое Брюс все же согласился отметить в Шотландии.

– Поедем туда на машине, чтобы мы могли посмотреть и окрестности, но предупреждаю, поездка окажется долгой и не из легких, – сказал Брюс Виктории за несколько дней до Рождества. Они тогда лежали в постели крепко обнявшись и оба смотрели в не завешанное шторой окно на круглую желтую луну, словно глаз наблюдавшую за ними.

– Значит, твой отец не против? – радостно спросила Вика.

– Нет, он очень рад такому повороту дел и с нетерпением ждет встречи с тобой.

– Ох! Теперь я стану сильно волноваться. Что ему подарить, как ты думаешь? – спохватилась Вика, забывшая о рождественских подарках.

– Ты же привезла полный чемодан сувениров из России. Выбери что-нибудь оттуда, – посоветовал Брюс, вспомнив о нескольких матрешках, порядка десяти магнитиках, пяти статуэтках и нескольких акварельных работах с видами Санкт-Петербурга, которые привезла с собой Вика.

– Но это твоим друзьям, которых я, впрочем, так и не видела, – ответила Вика, что являлось абсолютной правдой. По приезде в Стратфорд Вика по большей части оказывалась предоставлена самой себе в течение дня, и только по вечерам девушка видела Брюса. С его друзьями и коллегами по работе она так и не успела познакомиться.

– Сейчас все озабочены Рождеством, да и нам уезжать через пару дней, так что увидишь всех уже после праздников. И все же, думаю, отцу понравится та толстенькая матрешка и

картина с видом на Неву.

– Хорошо, как скажешь. А что бы ты сам хотел получить на Рождество? Мне не хочется дарить тебе какую-нибудь глупость, а одежда – слишком банально. К тому же у тебя все есть.

Брюс задумался на несколько секунд, а потом, расслабившись, с улыбкой сказал:

– Я скажу тебе, что хочу, но только в канун самого Рождества.

– Но как я тогда смогу купить тебе что-нибудь?

– Сделаешь мне подарок после Рождества. Договорились?

– Это как-то странно, – растерянно ответила Вика.

– Я так хочу. Пожалуйста, милая, – попросил Брюс и поцеловал девушку в кончик носа.

– Ну, хорошо, – улыбнувшись, ответила Вика, – будь по-твоему.

– Вот и славно. А в последующие дни можешь заняться сбором вещей. Тебе понадобится теплая одежда. Если хочешь, купи себе что-нибудь. Я оставлю кредитку на столе перед уходом на работу.

Вика кивнула, но едва ли она слышала слова Брюса, поскольку уже погружалась в сон. Он и так постоянно оставлял ей деньги или свою карточку, чтобы девушка могла ходить по магазинам и приобретать себе все, что нравится. Однако Виктория покупала только еду, поскольку просто не привыкла к трате чужих денег и чувствовала себя крайне неловко в положении содержанки поневоле. Многие ее подруги, узнав о таком поведении Вики, критиковали ее и советовали пользоваться возможностью, пока она есть, и прикупить себе новый гардероб или других полезных и красивых вещиц, но девушка не могла перешагнуть через себя.

Поняв, что Виктория уснула, Брюс осторожно высунул руку из-под спины девушки и, встав, вышел из спальни. Он спустился вниз и, сев на диван в гостиной, включил свой лэптоп, намереваясь закончить работу, которую так и не успел завершить в офисе. Открыв папку с документами на особняк восемнадцатого века в Южной Англии, который вскоре должны отреставрировать по его проекту, он принялся за их чтение, параллельно делая записи у себя в журнале: некоторые моменты следовало еще раз обговорить с заказчиком и подрядчиками. Дом чудесно сохранился, и прежние жильцы старались содержать его в полном порядке, но из-за отсутствия лишних денежных средств у них, некоторые части дома все же пришли в запущеннее: то тут, то там отклеивались обои, в двух ванных комнатах появилось огромное количество плесени, а оконные рамы и вовсе прохудились. Новые владельцы желали отреставрировать дом, а также внести свои изменения, сделав условия проживания в здании более современными. Перед Брюсом стояла нелегкая задача сохранить дух старины особняка и в то же время привнести в него новизну. Мужчина уже буквально видел перед собой современную кухню со всей необходимой техникой, но выполненную в старинном стиле. Он также мог легко представить, как станет выглядеть дом после свежей покраски потолков и замены старых обоев на новые. Ко всему прочему добавлялись сантехнические работы и электрика. Полностью погрузившись в работу, мужчина не заметил, как в комнате слева от него по стене пробежала странная тень, словно кто-то невидимый зашел в комнату и склонился на несколько секунд над Брюсом, после чего резко отпрянул от него. Британцу лишь показалось, что в комнате стало прохладнее и он, привстав, включил обогреватель, после чего продолжил работу. Тень же никуда не делась. Она находилась на стене за спиной у Брюса и представляла собой несколько несуразное очертание человека с через чур длинными руками и ногами. Тень стояла не двигаясь, точно наблюдая за Брюсом, но поняв, что человек не заметил ее, двинулась наверх. Она скользила

по ступеням лестницы, как поток черной воды, и с каждой секундой все набирала скорость, густоту и насыщенность цвета. Так, что уже на последней ступени из тени превратилась в почти плотную субстанцию, начавшую выпрямляться и принимать форму.

Теперь бывшая тень стала черной фигурой все такой же непропорционально долговязой, но тем не менее человекообразной. Фигура двинулась по направлению к спальне, где спала Вика. Брюс перед уходом закрыл дверь и, увидев перед собой препятствие, фигура остановилась. Она попыталась схватиться за ручку двери, но невероятно длинные руки с крючковатыми пальцами-палками, прошли сквозь ручку, не в силах физически дотронуться до нее. На секунду фигура замерла, но осознав, что она все еще нематериальна, а просто стала виднее, чем раньше, двинулась сквозь дверь прямо в спальню. Не ощутив никакой преграды при прохождении двери, фигура оказалась в комнате напротив большой широкой кровати, по середине которой мирно спала Виктория.

Сущность придвинулась ближе к спящей девушке. Странная черная масса почти не передвигала ноги, а плыла по воздуху, не издавая при этом никакого шума. Фигура на некоторое время застыла у изголовья кровати, после чего склонилась над Викторией, вероятно, в попытке разглядеть девушку. Сущность простояла так несколько минут, не двигаясь, подобно застывшей статуе, но в конце концов, она протянула свою когтистую руку-лапу к лицу девушки и осторожно прикоснулась к ее щеке. Во сне Виктория нахмурилась и перевернулась на другой бок. Фигура же убрала руку от лица Вики, но не ушла: она начала плавно подниматься в воздух и расположилась по горизонтали над Викой, точно планировала плашмя упасть на девушку, чей сон становился все неспокойнее и неспокойнее. Виктория начала ворочаться и даже несколько раз стонала. Ей снился крайне неприятный сон, в котором она боролась со змеями, заползшими к ней в ее питерскую квартиру. Змеи ползали повсюду и как Вика ни боролась с ними, постепенно они начали одолевать девушку и охватывать сначала ее ноги, потом туловище, затем руки, шею и вот уже перешли на лицо девушки, намереваясь заползти к ней в рот, но тут Вика проснулась и резко привстала в кровати.

– Черти что! – тихо сказала она по-русски, переводя дыхание и стараясь успокоиться. Виктория вся покрылась липким потом, а ее ночная рубашка сбилась у ног, не давая ей толком двигаться. Решив, что именно это и послужило причиной ночного кошмара, Вика принялась выпутывать ноги из рубашки, желая устроиться поудобнее. Она, конечно, заметила отсутствие Брюса, но это ее не удивило: мужчина и раньше работал по ночам.

Расправив ночнушку, Вика вновь легла на бок, но тут ей показалось, что с потолком спальни что-то не так, и она перевернулась на спину. Окно Брюс так и не завесил и сейчас луна, неспрятанная тучами, довольно ярко освещала комнату, что позволило Вике разглядеть темное облако под потолком, нависшее над ней. Не сумев разобрать, что это такое, девушка села и внимательно посмотрела наверх, пытаясь понять, что стряслось в спальне. Первой ее мыслью оказалась протёкшая крыша, но когда темное пятно начало двигаться и приобретать форму, а также спускаться вниз ближе к Вике, девушка поняла, что крыша тут не при чем и в комнате вместе с ней находилось что-то еще: то, чему Вика объяснения найти не могла и то, что вызвало животный страх, на несколько секунд сковавший все тело девушки.

Сущность вновь стала похожей по форме на человека и начала становиться темнее, как и тогда на лестнице. Уже через мгновение Вике показалось, что в воздухе парил черный силуэт мужчины. Как загипнотизированная, девушка продолжала смотреть на фигуру, застывшую в паре метров над ней. Однако созерцание длилось недолго: сущность резко

дернулась и попыталась либо напасть на Вику, либо проникнуть внутрь нее. Девушка не успела даже вскрикнуть, так молниеносно все произошло, и сама толком не поняла, что же случилось, но ощутила холодное и крайне неприятное чувство вокруг и внутри себя, словно ее обдали ледяной водой, а душу до краев наполнили тревогой и болью. Тем не менее больше ничего не произошло и тень исчезла сама по себе, не оставив и следа, точно ее и не было в спальне.

Вика же сидела в постели, обхватив руками колени, а слезы страха и беспомощности текли по ее щекам. Девушка чувствовала себя полностью опустошенной, уставшей и испуганной. «Что это было? – в панике рассуждала она, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, стараясь тем самым успокоить себя и сдержать истерику, готовую вот-вот начаться, – могло ли мне это присниться? Или я и в правду видела…это? Господи, но что «это» могло быть?».

Вика никогда не сталкивалась ни с чем сверхответственным и не верила ни в привидения, ни в жизнь после смерти, ни в параллельные миры. Однако то, чему она стала невольной свидетельницей, явно не принадлежало этому миру, во что ее рационально и логически настроенный мозг просто отказывался верить. Девушка изо всех сил старалась убедить себя, что все увиденное – лишь часть кошмара, но глубоко в душе понимала, что это не совсем так. Тяжелые сновидения вообще не мучали девушку в Англии и по большей части она или не видела снов вовсе, или же ей снились весьма приятные сны. Ночные кошмары являлись для нее симптомом стресса и тревоги в реальной жизни и, немного подумав, Виктория убедила себя, что просто переволновалась из-за звонка родителям, чем и вызвала сновидение со змеями, а после и кошмар с черной фигурой. И все же засыпать вновь одной в этой спальне ей совсем не хотелось. Быстро вытерев тыльной стороной ладони слезы, она встала с кровати и, накинув теплый халат, который Брюс купил для нее, направилась вниз, намереваясь немного посидеть с Брюсом и, возможно, выпить чаю, чтобы окончательно успокоиться и прийти в себя.

Спустившись вниз, Виктория включила верхний свет, чем немного напугала Брюса.

– Что ты тут делаешь? Я разбудил тебя? – встревоженно спросил он, вставая и подходя к девушке, – что стряслось? Ты плакала?

– Все в порядке. Просто плохой сон приснился, и я решила присоединиться к тебе. Все равно спать я пока не хочу.

– Плохой сон? – спросил Брюс, – о чем?

– Мне не хочется его вспоминать, – сказала Вика чистую правду. Заново перебирать в уме все подробности сна и странного видения ее совсем не прельщало.

– Как скажешь. Сделать тебе чаю? – заботливо поинтересовался Брюс.

Вика кивнула и села на диван напротив обогревателя.

– Над чем ты сейчас работаешь? – поинтересовалась девушка.

– Старинный дом в Южной Англии. У меня на компьютере есть фотографии. Можешь посмотреть.

Вика взяла лэптоп к себе на колени и, увидев открытую папку с фотографиями, перешла к ним. Дом выглядел весьма помпезно, но в то же время несколько мрачно, что Вике не слишком понравилось и она, закрыв фотографии, отложила компьютер.

– Расскажи про этот дом и то, что ты собираешься там делать, – попросила Вика.

– Тебе это и вправду интересно? – удивился Брюс, усаживаясь рядом с Викой и ставя перед ней дымящуюся чашку ароматного чая.

– Да, конечно.

– Ну хорошо, раз ты настаиваешь, – начал Брюс.

Виктория тем временем уютно устроилась рядом с мужчиной, поджав под себя колени. Пока девушка пила чай, она слушала Брюса весьма внимательно и даже задавала уточняющие вопросы, но постепенно усталость и сонливость сковали ее тело и она, нежно положив голову на плечо мужчины, задремала, а через пару минут погрузилась в глубокий сон.

Брюс продолжал говорить и лишь через какое-то время заметил, что со стороны Виктории не доносилось ни звука и слышалось только ее размеренное дыхание. Повернув голову, он увидел, что девушка безмятежно спит и уже давно не слушает его разглагольствований. Совсем не обидевшись и не расстроившись, он бережно переложил голову Вики на спинку дивана, после чего встал и наклонившись над Викторией, ловко взял ее на руки, как ребенка, стараясь не потревожить ее сна. Вика все же проснулась и сонно посмотрела на улыбавшегося Брюса, но тут же вновь заснула. Британец медленно начал двигаться наверх в спальню. Его ноша, хоть и была тяжелой, казалась ему самой приятной тяжестью в мире, на которую он смотрел с нежностью и любовью. Виктория в тот момент казалась ему совсем беззащитной и невинной, и он чувствовал, что просто обязан заботиться и оберегать ее до конца своей жизни. Улыбаясь этой мысли, мужчина зашел в спальню и, положив девушку на кровать, мягко прикрыл ее одеялом, после чего и сам лег рядом, но уснул не сразу, а какое-то время просто смотрел на спящую Вику и никак не мог наглядеться и поверить в то, что наконец нашел ту, кого искал столько лет.

Глава 8.

– Нам еще долго ехать? – устало спросила, наверное, уже в пятый раз Вика, невесело глядя в окно автомобиля, скользившего между скалистыми просторами дикой Шотландии.

– Нет, теперь уже совсем чуть-чуть. Минут пятнадцать, не больше. Ты как? – спросил Брюс, обеспокоенно посмотрев на девушку.

Вика только молча покачала головой и, откинув голову на подголовник пассажирского сиденья, закрыла глаза. Никогда прежде ей не становилось так дурно в машине. Девушка не могла понять, что же с ней случилось и почему ее так сильно укачало. Поездка начиналась вполне мирно и даже забавно: Вика, как настоящий турист, вертела головой по сторонам, пока они выезжали из графства Вест Мидландс дальше на север, но через пару часов езды, когда широкая и быстрая магистраль перешла в не столь просторную дорогу, ведущую из Манчестера в Шотландию, девушка почувствовала себя неважно: перед глазами начали мелькать темные круги, голова Вики вдруг стала тяжелой и ее резко затошнило. Брюс делал остановки, чтобы дать девушке передохнуть, но от этого становилось только хуже, поскольку такие заминки лишь растягивали путешествие.

Виктория винила во всем петлявшую и местами узкую дорогу. Ее уже не интересовали красоты Шотландии, веселые истории Брюса или еще что-то. Все, чего хотела Вика – так это закончить поездку и полежать где-нибудь в тишине и покое.

Она чувствовала себя крайне усталой и разбитой последние пару дней и толком не могла нормально спать, так как перед сном постоянно думала о появлении той странной черной фигуры, и эти мысли не давали ей покоя. Девушка искренне надеялась, что смена обстановки и новый дом, где ей предстоит остановиться, все же посодействуют хорошему сну и она сможет, наконец-то, вдоволь поспать и набраться сил.

Ее усталость странным образом сказывалась и на их отношениях с Брюсом. После недолгих прогулок днем в одиночестве, а также приготовления ужина Брюсу, девушке не хотелось никакой физической близости с мужчиной. Она мечтала только о том, чтобы тихонько подремать рядом с ним в тепле и безопасности. Брюс, заметив резкую перемену в девушке не знал, что и думать и приходил к выводу, что Виктория скучает по дому. Ему, конечно, не хотелось так быстро отпускать девушку в Россию, но и на дальнейшее развитие их отношений он не мог давить, если Вика при этом чувствовала себя некомфортно. Он хотел верить, что поездка в Шотландию несколько развеет и развеселит Викторию, но пока что его план не работал, а скорее действовал против него.

Пейзажи, которые они проезжали, завораживали своей красотой и дикостью. Если бы Виктория чувствовала себя хорошо, то она бы обязательно оценила великолепие природы безлюдной и спокойной Шотландии. Поток машин давно закончился и сейчас Брюс ехал по узкой дороге в полном одиночестве. Погода стояла на удивление ясная и солнечная, но мужчина уже заметил на горизонте темные, мрачные тучи – предвестники либо ледяного дождя, либо мокрого противного снега. Он знал, что погода в Шотландии крайне изменчива и совсем не удивился бы, если бы через десять минут начался снежный буран, чего ему, конечно, крайне не хотелось. Брюс любил снег, но его летняя резина вовсе не предназначалась для такого климата. Хоть от и захватил с собой цепи для колес, мужчина все же надеялся, что они не пригодятся. По прогнозам метеорологов снегопады ожидались в Шотландии уже после нового года, а на Рождество обещали только холодные ветра и дожди.

Не смотря на нелегкое состояние Вики, с каждой проделанной милей Брюс чувствовал себя лучше, словно он возвращался к своим истокам, своей семье и родине. Он и не думал, что Шотландия значит для него так много. Конечно, он крайне переживал за девушку и сам в нетерпении ожидал окончания поездки, но в то же время он не переставал любовно смотреть на широкие равнины и высокие холмы его родного края, а также предвкушал встречу с отцом и, возможно, своими давними знакомыми из тех мест.

Став совершеннолетним, он никогда подолгу не жил в Шотландии, и тем не менее Брюс все же чувствовал некую тонкую связь с этой страной и, находясь теперь на этой холодной и не слишком дружелюбной земле, ощущал прилив сил и бодрости, что казалось ему в тот момент предательством по отношению к бедной Вике. Когда он заметил указатель на дорогу, ведущую к дому, где жил его отец, Брюс радостно присвистнул и известил Вику о скором завершении их поездки. Девушка только слабо улыбнулась и кивнула головой в ответ.

Она выглядела белой, как фарфоровая кукла, а лоб покрывала испарина, хотя Вика до этого все время жаловалась на холод в салоне автомобиля.

– Еще немного, – подбодрил ее Брюс и свернул к дому.

Дорога стала еще уже и теперь кусты ежевики, растущие по ее сторонам, стали бить по стеклам и бокам автомобиля, словно приветствуя Брюса. Очень скоро проезжая часть расширилась и перешла в просторную площадку прямо перед большим домом, построенным из серого камня. Брюс припарковался и, выключив мотор, посмотрел на дом.

Здание казалось необитаемым и заброшенным. Хоть дом и являлся собственностью матери Брюса много лет, его родители окончательно переехали в него из Абердина, как только вышли на пенсию. Имение, завещанное матери Брюса ее теткой, умершей незадолго до пятнадцатилетия Брюса, уже тогда выглядело несколько уныло, но его родители все же смогли исправить кое-какие недостатки, однако, после смерти Лизы отец мужчины перестал заниматься домом и пустил все на самотек. Сам Брюс приезжал сюда только летом на неделю или две и помогал отцу чем мог, но долго оставаться в доме не хотел, так как воспоминания о матери оживали в его голове и причиняли невыносимую боль от ее утраты. Он уже давно предлагал отцу переехать к нему в Стратфорд, но старик отказывался, объясняя это тем, что здесь, в сельской глуши, ему намного комфортнее и спокойнее.

Теперь же Брюс несколько пожалел о том, что не настоял на переезде отца, а также о том, что давно не навещал его. Окна здания казались жутко грязными, площадку перед домом давно никто не убирал, а сад, выглядывавший из-за стены здания, представлял собой заросшие джунгли.

Вздохнув и пообещав себе, что все же предпримет очередную попытку разговора с отцом, а также наймет ребят из ближайшей деревни, чтобы хоть немного привести дом в порядок, Брюс легонько прикоснулся к плечу Вики, сидевшей с закрытыми глазами.

– Мы приехали. Можешь открыть глаза.

– Да, я чувствую, что мы остановились. Вот бы еще быть уверенной, что я смогу встать, – тихо ответила Вика и потянулась к ручке двери.

Брюс, желая помочь девушке, быстро вышел из машины и, опередив Вику, открыл перед ней дверь и подал руку, предлагая помощь. Девушка, оперившись на руку, вышла из автомобиля и огляделась по сторонам. Ее немного шатало от слабости и все также тошнило, но свежий, холодный ветер обдавший ее лицо, немного взбодрил Вику.

– Давай, я отведу тебя в дом, и ты немного полежишь, – предложил Брюс.

– Нет, – покачала головой Вика, – мне бы хотелось немного побыть на улице. Тут где-нибудь есть скамейка?

– Была в саду, – неуверенно ответил мужчина.

Некогда ухоженный и опрятный сад сейчас выглядел просто ужасно, но все же, не смотря на кустистые заросли, через него можно было добраться до северной стены дома, где рядом с дикой яблоней стояла старая, на вид слегка обшарпанная скамейка. Туда-то и пошли Брюс с Викой, осторожно ступая по ковру из опавших и уже начавших гнить листьев.

– Так лучше? – спросил Брюс, усадив девушку на скамейку.

Впервые за несколько часов Вика слабо улыбнулась и кивнула головой.

– Намного, – сказала она, – не возражаешь, если я посижу тут какое-то время? Ты пока можешь поприветствовать отца, а я подойду через минут десять.

– Ты уверена, что я могу оставить тебя одну и все будет в порядке? – настороженно спросил Брюс.

Вика кивнула и, несколько успокоенный мужчина покинул девушку и поспешил вернуться к главному входу в дом.

Он уже подходил к главной двери, когда она вдруг распахнулась, и на пороге показался улыбавшийся отец Брюса. Мужчина выглядел несколько неряшливо: рубашка оказалась не до конца заправленной в брюки, а вязанный жилет, одетый поверх нее, в нескольких местах тронула моль. Однако старик был чисто выбрит и улыбался во все свои белые и идеально ровные вставные зубы.

– Брюс, я так рад! – сказал он, крепко прижимая к себе сына и в тайне, чтобы тот не увидел, смахнул слезу со щеки, – мы так давно с тобой не виделись!

– Знаю, пап. Я тоже очень счастлив. Ты хорошо выглядишь, – приврал Брюс, в душе у которого все сжалось от жалости к оставшемуся в полном одиночестве отцу.

Эван (так звали старика), только махнул рукой и снова широко улыбнулся.

– А где же твоя русская красавица? – спросил он, выглядывая из-за плеча Брюса и стараясь разглядеть девушку в уже опустевшем салоне автомобиля.

– Ее сильно укачало, и я отвел ее в сад подышать свежем воздухом.

– Надеюсь, ей не слишком плохо? – обеспокоенно спросил Эван, – может, предложить ей немного виски?

– Папа, – в сердцах сказал Брюс, но с улыбкой на лице, – опять ты со своим виски!

– Виски, сынок, еще никому не навредил. И мне не терпится познакомиться с ней. Это, наверное, вторая или от силы третья девушка, с кем ты меня знакомишь, правда, двух предыдущих ты приводил домой, когда учился еще в школе.

– Виктории об этом совсем необязательно знать.

Эван только хмыкнул и, открыв дверь на распашку, пропустил сын в дом.

В коридоре все осталось таким же, как и до смерти мамы Брюса. Тусклое освещение не позволяло оценить масштаб запущенности дома в полной мере, но все же признаки все усиливавшегося упадка были на лицо: трещины на потолке, отклеившиеся обои, пыль и коробки со старыми, ненужными вещами, расставленные повсюду.

– Да, уборку ты тут давно не делал, – оглядевшись, сказал Брюс отцу.

– Мне этот хлам не мешает, – ответил Эван, идя дальше по направлению к гостиной.

Брюсу вновь стало не по себе. Он занимался реставрацией чужих домов, в то время как дом его родителей разваливался в буквальном смысле по частям. Ему просто необходимо предпринять что-либо для его восстановления здания и его интерьера и уговорить отца

переехать к нему хотя бы на время ремонта.

Брюс прошел в весьма зашарпанную и увядавшую гостиную. Эван уже разливал виски в два стакана и, отставив бутылку, любезно предложил один стакан с янтарного цвета напитком Брюсу, а второй взял сам.

– Не рановато ли мы начинаем? – спросил Брюс, с укором посмотрев на отца.

Эван только улыбнулся и сделал глоток, даже не поморщившись, словно в стакане был яблочный сок, а не сорокаградусный алкогольный напиток.

– Как ты вообще поживаешь, па? – спросил Брюс, присаживаясь на диван и с тревогой глядя на своего старика. За полгода, что он не видел его, Брюсу показалось, что отец несколько сдал: похудел, на лице прибавилось морщин, а некогда ярко-голубые глаза потускнели и стали блекло-серыми.

– Как сам видишь, – ответил Эван, пожимая плечами, – конечно, с тех пор как твоя мать покинула меня, жизнь потеряла для меня краски, но я держусь, сынок. Не к чему печалиться о таком старике, как я. Я прожил хорошую жизнь. Лучше расскажи, как у тебя дела.

Эван всегда уходил от разговоров о себе, когда это казалось возможным. Он не любил такие темы, поскольку они были неразрывно связаны с его отошедшей в мир иной женой Лизой, о чьей смерти он и сейчас старался не слишком часто говорить, дабы не бередить так и не зажившую рану в своем сердце. Ему проще было представить, что Лиза просто уехала в долгое путешествие и в скором времени вернется. В такое верилось легче, нежели в смерть и в то, что он больше никогда ее не увидит.

Понимая состояние отца, Брюс вкратце рассказал ему о своей жизни в Стратфорде, друзьях и знакомых, а также о недавних проблемах с машиной. Разговоры на автомобильную тему всегда сближали обоих мужчин и, заговорившись, они даже не заметили, как в дверях гостиной появилась Виктория.

– Кхм-кхм… добрый день, – неуверенно поздоровалась Вика, смущенно переводя взгляд с Брюса на Эвана.

Мужчины резко подскочили и Брюс, тут же направившись к Виктории, взял ее за руку и подвел к отцу.

– Па, это Виктория, – представил он ее старику.

– Эван Бухан к вашим услугам, – весьма галантно представился отец Брюса и протянул руку Вике для рукопожатия.

Так уж случилось, что шотландский акцент довольно сильно отличается от британского, и неподготовленному человеку шотландская речь может показаться весьма непонятной, что и случилось с Викторией. Сообразив только, как зовут отца Брюса, она беспомощно посмотрела на обоих мужчин и машинально пожала руку Эвана.

– Не хотите ли виски? Брюс сказал, что вас укачало. Уже полегчало? – вежливо поинтересовался Эван, но из его слов Вика разобрала только «виски» и «Брюс». Девушка вновь растерянно посмотрела на Брюса, ища поддержки.

– Па, думаю, Вика еще не привыкла к твоему шотландскому выговору. Дай ей время. Вика, папа спрашивает, не хочешь ли ты виски?

– Я бы не отказалась, – запинаясь сказала Вика с жутким русским акцентом. Конечно, девушка и до этого говорила неидеально и даже с небольшими ошибками, но от легкого испуга и переживаний все знания в ее голове куда-то улетучились, а правильное произношение английских слов и вовсе оказалось забытым.

На Эвана же беспомощность Виктории произвела совершенно обратное, чарующее

действие и он, широко улыбнувшись, указал девушке на высокий дубовый стул с бархатной отделкой, после чего пошел к серванту за третьим стаканом.

Красная, как помидор, Вика села на стул и умоляюще посмотрела на Брюса, на что мужчина только весело подмигнул ей.

– Прошу, – сказал Эван Вике, протягивая ей наполненный чуть ли не до краев стакан.

– Спасибо, – поблагодарила Вика, в ужасе глядя на изрядную порцию виски, которую ей предложили.

– Папа, наверное, думает, что, подпоив тебя, заставит понимать его. Что ж, может быть, он и прав, – сказал Брюс, улыбаясь.

На некоторое время в гостиной воцарилось молчание и слышалось только тиканье больших настенных часов, висевших над камином. Виктории хотелось нарушить тишину, но в присутствии Эвана, с хитрым прищуром рассматривавшего ее, девушке вдруг стало стыдно за свой английский.

– Что ж, – в конечном счете сказал Эван, насмотревшись на Викторию и встав, потирая руки, – думаю, что вы проголодались. Я взял на себя смелось побеспокоиться о еде и вчера заказал готовые блюда из Вейтроуз. Осталось только разогреть их.

Видимо, виски все же оказали свое действие, потому что на этот раз Виктория уловила ход мыслей мистера Бухана и даже скромно вызвалась помочь ему на кухне. Старик радостно согласился, а Брюс сообщил, что он пока перенесет вещи из машины в спальню, после чего удалился.

Вика с грустью посмотрела ему в след, но на лице у нее все же играла легкая улыбка, на которую не мог насмотреться мистер Бухан старший.

– Думаю, что стоит перейти на кухню. Берите свой недопитый виски и следуйте за мной.

Виктория догадалась, что от нее хотел Эван, и последовала за ним в кухню, которая оказалась довольно маленькой для такого большого дома и весьма старомодной. Ни о какой микроволновой печи, тостере или электрическом чайнике здесь и речи не шло. Однако холодильник и плита с духовкой (правда, весьма старая, купленная, вероятно, еще в 80-х годах прошлого века) все же имелись. Эван, открыв холодильник, начал доставать оттуда продукты и выкладывать их на стол. Старик действительно основательно подготовился к приезду молодых людей и купил столько еды, сколько им втроем не съесть и за несколько дней.

– Я не знал, что вы любите, поэтому взял побольше всего, – улыбаясь, сказал Эван, глядя на Вику.

Вика, отпив еще немного виски для смелости, ответила:

– Я ем все. Не стоило так беспокоиться. Давайте решим, что мы станем есть сегодня.

К ее удивлению и облегчению, сорвавшиеся с ее губ слова звучали правильно и весьма понятно. Девушка слега расслабилась и мысленно поблагодарила мистера Бухана за виски, после чего перешла к ревизии продуктов. На столе перед ней лежала целая курица, мясной рулет, свиные ребрышки, несколько видов салата, три вида десерта, различные сырные и мясные закуски, а также огромное количество свежих овощей и фруктов.

– Как на счет курицы и вот этих двух салатов? – спросила Вика.

– Отлично. Курица уже нафаршированная. Ее нужно только запечь в духовке. Давайте, я покажу вам, как ею пользоваться, – предложил старик и принялся за разъяснение устройства его кухни. Вика слушала внимательно, пытаясь понять и вникнуть в каждое его слово, но как

бы она ни старалась, некоторые слова оставались для нее загадками. Тем не менее пользоваться старомодной кухонной техникой оказалось для нее не в новинку, поскольку у ее бабушки под Смоленском, где она в детстве частенько проводила лето, имелась также весьма старенькая плита.

Освоившись на кухне, Вика с головой ушла в приготовление и сервировку обеда. Она также решила сделать несколько свежих салатов и Эван, оставив ее одну в полной уверенности, что девушка справится, решил проверить как дела у сына.

Сначала он вышел на улицу, но Брюса там не застал. Решив, что Брюс поднялся к себе в спальню, старик поспешил на второй этаж. Ему не терпелось сказать Брюсу, какая Виктория красавица и что он весьма одобряет его выбор. Оказавшись на втором этаже, Эван заглянул в спальню, где по всей видимости Брюс заночует. В этой комнате он всегда останавливался в детстве. Увидев, что не распакованные вещи стоят на полу комнаты, но самого Брюса в ней нет, старик вышел в коридор и пошел вперед, думая, куда мог подеваться Брюс.

Его сына не оказалась ни в одной из комнат второго этажа и, только дойдя до конца коридора, Эван заметил, что люк, ведущий на чердак открыт, а невысокая стремянка стоит под зиявшим в потолке отверстием.

– Брюс, сынок! Ты там? – крикнул Эван, встав под открытый люк. Сам он забраться наверх уже не мог, так как со стремянки, не доходившей даже до потолка, можно было попасть на чердак, только подтянув себя вверх руками, что являлось для старика невыполнимым в силу его возраста.

– Да, пап. Сейчас спущусь, – раздалось сверху и в люке показалось довольное, но слегка испачканное пылью лицо Брюса.

Мужчина легко спустился с чердака на стремянку и также просто спрыгнул с нее, оказавшись нос к носу со своим отцом.

– Что ты там забыл? Никто не лазил туда вот уже столько лет! – недоумевая, спросил Эван.

– Я искал вот это, – ответил Брюс, протянув отцу толстую книгу в кожаном переплете.

– Ох, да это же старый семейный альбом твоей матери, – удивился Эван, открыв книгу и начав листать ее толстые страницы с прикреплёнными на них старыми желтоватыми фотоснимками.

– Да, знаю. Я рассказывал Вике о нашей семье и обещал показать ей некоторые старые фото, а также родовое дерево.

– О, нет! Бедная девочка! Ты что, собираешься докучать ей рассказами о своем родстве с королем Брюсом и битве твоего пра-пра-пра-черт-знает-сколько-пра дедушки при Каллодене?

– А что тут такого? Это ведь интересно… – начал оправдываться Брюс, краснея. История его рода всегда казалась ему крайне увлекательной, а его мать с детства подпитывала этот интерес различными семейными преданиями, большинство из которых по глубокому разумению Эвана она придумывала сама и на ходу.

– Брюс, скучные истории и семейные фото – не лучший способ произвести впечатление на даму. Уж поверь моему опыту. Даже я в твои годы не делал таких глупостей. Лучше своди ее в паб или прогуляйтесь по холмам. Это куда веселее разглядывания старых бумаг.

Брюс вздохнул. Он знал, что отец не поймет его рвения поведать Виктории историю его семьи. Возможно, это связано с тем, что у самого Эвана семьи никогда не было, и он даже не знал, кто его родители, поскольку все свое сознательное детство и юность провел в детском

приюте. Ходили разные слухи о том, как он попал туда, но точно ему никто не смог бы сказать. На континенте шла война, и ни у кого не было ни желания, ни времени отследить, откуда в приюте возле Абердина появился маленький Эван.

– Я подумаю над твоим предложением, – ответил Брюс и, прижав альбом к груди, отправился к себе в спальню, намереваясь рассказать некоторые из семейных историй, которые он знал, Вике перед сном.

Эван несколько помрачнел и только покачал головой в след уходившему сыну.

Поздний обед прошел просто чудесно. Вика, слегка навеселе после выпитого на голодный желудок виски, выглядела весьма веселой и почти полностью перестала запинаться, отвечая на вопросы Эвана, коих сыпалось на нее довольно много. Старик задал ей около десятка, а то и больше вопросов о России, о ее родном Санкт-Петербурге, а также о ее семье и жизни в далекой и незнакомой для него стране. Иногда, когда Вика не до конца понимала вопрос Эвана, старавшегося итак говорить, как можно медленнее и четче, Брюс приходил на выручку девушке и переводил шотландский диалект или акцент на классический английский.

За такой беседой и прошло часа полтора, в течение которых все тарелки оказались подчищенными, а бутылка виски мистера Бухана почти опустевшей. Встав из-за стола, желая помочь Эвану отнести остатки обеда и грязную посуду на кухню, Вика поняла, что ее немного шатает после выпитого, а ноги сделались слегка ватными.

– Ох, кажется, я съела и выпила через чур много, – сказала она, вновь присаживаясь на стул.

– Может, вам стоит пройтись? Дождя пока нет, – предложил Эван, – а я пока приберу здесь.

– Это не совсем честно по отношению к вам. Давайте, я помогу, – предложила Вика.

– Брюс, бери свою девушку и сходите проветриться, – улыбаясь, сказал старик сыну, – и не беспокойтесь за меня. Я всего лишь отнесу посуду в раковину, а мытье оставлю для вас двоих.

Эван лукаво подмигнул молодым. Брюс рассмеялся и, встав, предложил Вике руку. Девушка, все еще чувствуя себя неловко от того, что перебрала с алкоголем, а теперь оставляет Эвана одного, все же встала и, приняв руку Брюса, последовала за ним из кухни.

Накинув теплую одежду, они вышли из дома, и холодный, сырой воздух почти тут же привел девушку в чувства. От приятного опьянения и сонливости не осталось и следа. Ей тут же стало зябко, и она всем телом прижалась к Брюсу.

– Мы надолго? – спросила она, надеясь услышать, что прогулка окажется весьма короткой.

– Нет, только развеемся немного, – сказал Брюс.

Вздохнув, Виктория пошла за Брюсом, решившим идти вперед по узкой дорожке, ведущей через заросший сад. Хоть погода и показалась девушке поначалу крайне недружелюбной, через несколько минут она все же адаптировалась и начала с любопытством оглядываться по сторонам, знакомясь с родными местами Брюса, насколько это ей позволяли начавшие сгущаться сумерки.

Виктория всегда любила природу, а в этом месте она виделась ей совсем дикой и первобытной. То тут, то там девушка наблюдала мирно пасшихся овец соседа мистера Бухана, использовавшего поля семьи Брюса, как пастбище для своих стад. Милые животные

выглядели совсем ручными и привыкшими к обществу людей, но стоило девушке подойти к ним, как те тут же разбежались, недовольно блея.

Вдруг Брюс резко остановился, да так, что Виктория чуть не влетела в его спину.

– Что такое? – встревоженно спросила девушка.

– Ммм, – только ответил Брюс, словно в трансе. Вика посмотрела на мужчину: его глаза устремились вперед, но ничего не выражали, точно он и впрямь находился под гипнозом, а все мускулы его лица напряглись.

– Эй, Брюс! Что случилось? – еще раз поинтересовалась Виктория.

Мужчина, наконец услышав ее, потряс головой, будто отряхнул волосы от дождя, после чего с улыбкой ответил девушке:

– Ничего. Просто я на секунду представил, как здесь все выглядело лет сто – сто пятьдесят назад. Знаешь, мне даже показалось, что я видел спускавшихся с холмов фермеров, несущих в руках орудия для полевых работ, а те деверья, что сейчас почти скрыты от нас темнотой, привиделись мне совсем низкими. Мне даже почудилось, что я ощутил запах свежеиспечённого хлеба, доносившийся откуда-то издалека.

– Хм… ты пробовал обращаться с этим к врачу? – едва сдерживая улыбку, спросила Вика, – у тебя явно симптомы психического расстройства.

– Ничего смешного. У меня такое не впервые. Я же говорил тебе, что иногда ощущаю нечто подобное, когда нахожусь в старых домах и особняках, которые нужно отреставрировать.

– Еще хуже! Тяжёлый и запущенный случай, мистер Бухан, – рассмеявшись, ответила Виктория, решив, что ее избранник просто через чур впечатлительный и восприимчивый человек с хорошо развитым воображением.

– Ну, я тебя за это накажу! – якобы грозно сказал ей Брюс и, развернувшись к девушке, попытался схватить ее. Вике удалось вырваться из цепких объятий мужчины и, смеясь, она побежала вперед, по направлению к темным холмам, видневшимся впереди. Брюс нагнал ее в два счета и, подхватив, закружил в объятиях. Они оба смеялись, как дети, радуясь близости друг друга.

– А знаешь, после такого сытного обеда и прогулки на природе я чувствую себя полным сил, – тихо сказал ей Брюс, чьи глаза вдруг показались девушке затуманенными от страсти.

На удивление, не смотря на холод и походные условия, и сама Вика чувствовала прилив энергии и желания. Взяв Брюса за руку, она повела его под большой дуб, стоявший неподалеку. Почти все листья уже опали с дерева, но огромные, раскидистые ветки все же давали кое-какую защиту от ветра и любопытных глаз, если таковые имелись поблизости.

– Ты хочешь сделать это здесь? – спросил Брюс, без удивления в голосе, снимая с себя теплую куртку.

Вика только кивнула, расстёгивая свое пальто.

Решив не морозить девушку, Брюс присел под деревом на свою же куртку, а Виктория села сверху, обвив его ногами, слова змея.

Ни он, ни она не чувствовали холода и сильных порывов ветра, хлеставших их сбоку, они также не ощущали холодных капель, падавших на них с ветвей дерева. Во всей вселенной существовали только они вдвоем, и ничто другое их не интересовало и не волновало.

Ощущения, полученные при этом акте любви, никто из них до этого ни разу не испытывал. Они словно стали частью друг друга, полностью слившись в экстазе, унёсшим их

на другую планету и лишив всех сил, одновременно с этим отдав им всю энергию друг друга. Когда все закончилось, Виктория еще несколько минут молча лежала на Брюсе, пытаясь восстановить дыхание и избавиться от легкого, но приятного головокружения. Однако холод декабрьского вечера все же постепенно проникал под распахнутое пальто девушки, поэтому Вика встала и, отряхнувшись, начала приводить себя в порядок. Брюс тоже поднялся, при этом слегка покачнувшись. Он никак не ожидал, что когда-нибудь займется любовью с девушкой на дикой природе в декабре, но пережитый им опыт хотелось повторить. Застегнув брюки и накинув куртку, немного испачканную мокрой травой и листьями, он помог Виктории справиться с оставшимися пуговицами и крепко поцеловал девушку в губы, после чего взявшись за руки, молодые люди молча отправились к дому, даже не обратив внимания, что над их головами на коре дуба кто-то очень давно вырезал сердце с буквами «Б» и «В» внутри.

Зайдя в дом, они застали Эвана за просмотром новостей. Не став мешать старику, Вика и Брюс отправились на кухню мыть посуду, хихикая при этом, как нашкодившие школьники. Поскольку поздний обед оказался очень плотным, от ужина все отказалась, решив выпить только чаю с кексом. В случае мистера Бухана – это был кекс с виски вместо чая.

– Я, наверное, пойду наверх собираться ко сну, – около десяти вечера, зевая, сказала Виктория, и пожелав Эвану спокойной ночи, вышла из гостиной.

Отец с сыном еще какое-то время посидели вдвоем, досматривая передачу об автомобилях. Когда Брюс, отставив пустую чашку, уже хотел подняться с дивана и отправиться вслед за Викой, Эван взял его за руку и попросил задержаться.

– Сынок, я хотел тебе кое-что сказать. Только, не считай меня сумасшедшим.

– Да, я тебя слушаю, папа, – несколько напрягшись, ответил Брюс.

– Эта девушка – Виктория. Даже не знаю, как тебе сказать. В общем, с ней что-то не так. Ты должен быть острожен.

– Я не совсем понимаю тебя, па. Ты же сказал, что она тебе понравилась. Если это из-за того, что она из России, то брось все эти глупые стереотипы….

– Нет-нет, – прервал его Эван, – ты меня не понял. Она мне действительно нравится, но мне кажется, тебе стоит ждать неприятностей от отношений с нею. Не от Виктории самой, конечно.

– Ты меня окончательно запутал, – сказал Брюс уже серьезнее, начиная слегка злиться на отца, – что ты хочешь мне всем этим сказать?

– Ну, если быть на сто процентов честным, то я бы посоветовал тебе бежать от нее подальше, но так как я вижу, что вы оба без ума друг от друга, то этим советом ты вряд ли воспользуешься.

– А знаешь, мне кажется, ты просто перебрал с виски, – сказал Брюс, вставая и намереваясь закончить этот глупый разговор.

– Когда вы гуляли, твоя мать заходила. Она мне сказала, что от Виктории исходит опасность.

– Наша мама? Сюда заходила мама? Да, о чем ты?! – в шоке от услышанного спросил Брюс.

Эван только утвердительно закачал головой.

– Папа, – начал Брюс, присев перед отцом на корточки и взяв его за руку, – нашей мамы уже нет на этой земле. Ты помнишь, она умерла несколько лет назад, и мы оба хоронили ее на кладбище недалеко отсюда?

Эван только кивнул на слова сына, а глаза старика заблестели от набежавших слез.

– Па, ты просто переволновался, да и выпил лишнего, вот и говоришь всякую ерунду. Давай, я помогу тебе подняться наверх и лечь в постель.

– Нет, я хочу еще немного посидеть тут, – несколько отрешенно сказал Эван.

– Послушай, пап, у меня для тебя новости. Я все-таки хочу сделать в этом доме ремонт, и на это время я заберу тебя к себе в Стратфорд. Что думаешь? Мы бы смогли вместе проводить выходные и даже рыбачить. Я знаю несколько хороших мест на реке Эйвон.

Эван Бухан только улыбнулся и погладил сына по голове, словно тот был еще маленьким мальчиком.

– Ты всегда был хорошим сыном. Ладно, иди к своей Виктории, – сказал он, мягко улыбнувшись, – и забудь все, что наговорил тебе глупый старый отец. Ты прав, я несколько перебрал с виски.

Брюс ничего не ответил, только обнял отца и, встав, вышел из гостиной, с грустью думая, что не стоило оставлять отца одного на столь долгое время. «Вероятно, из-за одиночества и тоски по маме он и выдумывает все эти истории», – предположил Брюс, поднимаясь по лестнице.

А внизу Эван Бухан продолжал сидеть в гостиной, но смотрел он уже не в телевизор, продолжавший все это время работать, а на кресло перед собой, словно там кто-то сидел. Старик улыбнулся и кивнул головой креслу, но никто ему, конечно, не ответил. Только догоравшее в камине полено громко треснуло, и на пол перед решеткой высыпался целый каскад ярких искр, потухших почти сразу после соприкосновения с каменным полом.

Брюс, желая отделаться от неприятных мыслей, поселившихся в его голове с приездом к отцу, решил сходить в душ и смыть с себя всю усталость и переживания сегодняшнего дня, тем более, что Виктория уже спала и тревожить ее рассказами о своей семье не имело смысла. Зайдя в ванную, Брюс внимательно огляделся по сторонам, прикидывая в уме, как лучше отремонтировать комнату и сколько денег для этого потребуется. По его подсчетам выходила кругленькая сумма, но мужчина был готов к растратам, только бы заменить облезлую ванную, отколовшуюся во многих местах плитку, а также избавиться от плесени, охватившую часть потолка.

– И, конечно, необходимо заменить эту жуткую раковину и видавший виды унитаз, – сказал вслух Брюс, выйдя из душа и вытираясь перед зеркалом.

Планы и расчеты немного отвлекли мужчину от недавно состоявшего разговора с отцом, а теплая вода, в конце ставшая холодной, поскольку вся бойлерная система также была весьма старой и новая вода еще просто не успела нагреться, освежила Брюса. Теперь ему вовсе не хотелось спать, и он раздумывал над тем, чтобы взять свой ноутбук и, используя телефон, как модем, залезть в интернет и ответить на письма от клиентов, а также набросать черновой план ремонта дома.

Размышления Брюса оказались резко прерваны внезапным шумом, донесшимся из коридора. Мужчине показалось, что он слышал раздавшиеся рядом с ванной комнатой шаги, которые вряд ли могли принадлежать спящей в кровати Вике или же смотревшему внизу телевизор отцу. Насторожившись, Брюс быстро накинул футболку и шорты и, приоткрыв дверь, осмотрелся. Темный коридор оказался пуст.

– Виктория, это ты? – тихо позвал Брюс, предположив, что девушка могла проснуться и захотела посетить уборную, – я уже закончил. Ванная комната в твоем распоряжении.

Но никто не ответил мужчине. Тогда Брюс, выключив свет в ванной комнате, прошел

вдоль коридора до лестницы. Свесившись с перил, он увидел край седой головы отца, продолжавшего сидеть в гостиной. «Значит, это все же Виктория», – решил Брюс и, развернувшись, направился в спальню. Однако в комнате его ждал сюрприз: девушка спала в той же позе, в какой он ее видел до этого. Нахмурившись, Брюс подошел к ней и тихонько позвал по имени, но Вика даже не пошевелилась.

«Но я же слышал чьи-то шаги», – сказал сам себе Брюс, не зная, что и думать. И тут же вспомнил слова отца о том, что его мать заходила сегодня в дом. В голову мужчине тут же полезли разные страшилки о приведениях, но являясь человеком рационального склада ума, он постарался отогнать от себя все эти фантастические бредни. Подумав еще немного, его вдруг осенило, что вероятно, то были мыши или, что еще хуже, крысы. Стая крыс могла наделать довольно много шума, а акустика в старом здании отличалась своей специфичностью.

С одной стороны, успокоенный этой логичной мыслью, а с другой стороны расстроенный тем, что в доме поселились грызуны, Брюс лег в постель рядом с Викторией, решив отложить работу с компьютером до завтра и, прижавшись к теплому и такому манящему телу девушки, закрыл глаза, после чего сам того не осознавая, мгновенной уснул, убаюканный близостью любимой.

Спустя некоторое время из вентиляционной решетки, через которую маленький Брюс раньше слушал разговоры взрослых в гостиной, начала просачиваться странная субстанция темного цвета, одновременно похожая на густой черный туман и вязкую жидкость. Заполнив пол рядом с кроватью, субстанция начала расти ввысь, приобретая при этом человеческую форму, и превратилась в долговязую человеческую фигуру с длинными руками и ногами. Если бы Виктория тогда проснулась, то она бы узнала в загадочной черной фигуре ту сущность, с которой столкнулась недавно в Стратфорде, но ни Брюс, ни Вика не шелохнулись, продолжая мирно спать.

Фигура же спокойно стояла над кроватью, изучая спящих людей. Лицо сущности представляло собой темную массу, по которой, словно волны по морю, иногда проходили колебания. Однако черты лица на ней отсутствовали. Сущность обошла кровать и подошла к старому туалетному столику, стоявшему возле окна. На нем Брюс оставил семейный альбом в надежде перед сном показать его Вике. Темная фигура, заметив альбом, приблизилась к столику вплотную и прикоснулась своей костлявой кистью к его обложке. Со стороны это выглядело так, словно фигура подзаряжалась энергией, исходившей из альбома, плотно прижав к нему свою руку, но на самом деле сущность изо всех сил старалась ощутить альбом, что значило бы, что она может воздействовать и на материальные объекты этого мира. Фигура вдруг начала медленно терять свой насыщенно-черный цвет и стала приобретать тускло-серый оттенок, но при этом рука и кисть сущности оставались темными и неожиданно стали уплотнятся, словно на сухопарой конечности вдруг начала расти мышечная масса, придавая руке более человеческий облик. Сущность поняла, что для обретения ее руки силы и плотности, она должна пожертвовать почти всей своей энергией, из-за чего она теперь и теряла цвет. Но оно того стоило! Пальцы фигуры, ощутившие наконец-то жизнь и плотную кожаную обложку альбома под собой, сжались в кулак. Замахнувшись, черная рука уже хотела со всей своей обретенной силой ударить по альбому, но за секунду до соприкосновения с книгой остановилась и вместо удара открыла альбом и принялась листать его страницы, словно ища что-то. На середине альбома рука замерла.

В темной спальне сложно было различить, что же увидела фигура в альбоме, и что

заставило ее остановиться, но на старых страницах выделялась светлая фотокарточка, почти полностью отошедшая от листа альбома и державшаяся только на одном приклеенном уголке. Фигура долго стояла, рассматривая фотографию, после чего, взяв ее черными пальцами, окончательно оторвала от альбома и поднесла к лицу, где у сущности должны были бы располагаться глаза. Однако изучению снимка помешали шаги Эвана в коридоре: старик решил отправиться спать. Но не сам Эван привлек внимание сущности, продолжавшей держать снимок, а странное свечение, внезапно появившееся под дверью спальни. Сущность могла лишь гадать, что или кто являлся источником света, но яркие лучи, скользившие теперь по полу комнаты, могли разрушить и забрать все силы, накопленные черной фигурой за долгие годы. Не став рисковать, сущность замерла и стала постепенно растворяться в воздухе, вновь становясь вязким туманом. Фотокарточка выпала из расплывавшихся рук фигуры и упала на ковер перед туалетным столиком, а темные клубы тумана устремились к вентиляционной решетке и вскоре пропали в ней.

Стоило исчезнуть темной фигуре, как и лучи света на полу спальни стали тускнеть и вскоре полностью пропали. Но на этом загадки ночи не закончились: рядом с кроватью молодых вдруг раздались те же шаги, что слышал Брюс, находясь в ванной. Они казались легкими, но в то же время довольно громкими и явно не могли принадлежать крысам, так как в комнате кроме двоих спящих людей не находилось ни одной живой души. Шаги обошли вокруг кровати, как до этого сделала и черная сущность, и остановились рядом с изголовьем постели по стороны Брюса. В комнате раздался тихий вздох, а волосы мужчины внезапно откинулись назад, словно кто-то провел по ним рукой. Мужчина улыбнулся во сне, но не проснулся, а только крепче обнял Викторию. Больше в комнате не раздалось ни звука за исключением мирного дыхания Вики и сладкого посапывания Брюса. События последнего часа можно было бы списать на грезы, но открытый альбом на туалетном столике и лежавший на полу снимок говорили об обратном: о том, что нечто все же посетило спальню и оставило после себя следы.

Свет луны, пробившийся в комнату сквозь щель между шторами, попал фотокарточку и осветил изображение молодой девушки, стоявшей возле дверей дома, где она родилась и где в данный момент находились Брюс, Виктория и Эван. Девушка выглядела весьма молодо и была одета в темную юбку и белую блузу. Ее голову украшала светлая шляпа с широкими полями, а длинные волосы волнами лежали на плечах и груди девушки. Хоть шляпа и затеняла лицо незнакомки на фото, все же его черты хоть немного, но можно было различить: прямой нос, аккуратно очерченный рот, высокие скулы и пронзительный взгляд. Если хорошенько присмотреться, то девушка во многом напоминала внешне Викторию. Словно русскую девушку из далекого Санкт-Петербурга одели в старинные одежды, нанесли немного грима и попросили поучаствовать в ретро-фотосессии. Конечно, незнакомка на снимке не являлась Викой, но весьма сильно походила на девушку. Их можно было бы принять за близких родственниц, но эта возможность исключалась, ведь девушка на фото происходила из Великобритании, а семья Вики и все ее предки – из России. Правда, одно связующее звено между девушками из разных эпох и стран все же имелось: и у незнакомки на фотоснимке, и у спящей Вики на руке красовался изящный браслет.

Глава 9.

– Что здесь делает этот снимок? – удивленно спросила Виктория на следующее утро, проснувшись и встав с кровати.

Девушка подобрала фотокарточку с пола, чтобы рассмотреть получше. Брюс, все еще лежавший в постели, удивленно посмотрел сначала на Вику, а потом и на раскрытый альбом на туалетном столике. Он отчетливо помнил, что не открывал фотоальбом вчера.

– Дай взглянуть, – попросил мужчина.

Виктория протянула снимок Брюсу, а сама, накинув пеньюар, стала собирать туалетные принадлежности, чтобы отправиться в ванную комнату, оставив на тумбочке браслет, который она забыла снять вчера вечером перед сном. Девушка любовно погладила ярки камни украшения и перевела взгляд на Брюса, разглядывавшего снимок.

– Так что это за фото? Леди на фото кажется мне почему-то знакомой, – спросила Вика.

Брюс, нехотя оторвав взгляд от снимка, поднял глаза на Викторию и пристально посмотрел на девушку.

– Неудивительно, – после некоторого молчания сказал он, – ты внешне чем-то напоминаешь ее.

– Правда? Можно еще раз взглянуть? – попросила заинтересованная Вика.

– Пожалуйста, – мужчина протянул девушке фотокарточку, – знаешь, ведь это – моя дальняя родственница. Кстати, обрати внимание на ее руку.

– И правда, – несколько отрешенно ответила Вика, – мы немного похожи. И браслет! У нее мой браслет на руке. Вернее, у меня сейчас ее браслет. Невероятно!

– Да, действительно странно. А ведь у этого браслета своя история.

– Почему ты мне об этом не говорил? – спросила Вика, присев на кровать, и продолжая рассматривать фотографию.

– Вероятно, потому что история не слишком приятная и несколько печальная.

– Но я бы все равно хотела ее услышать.

– Думаю, что лучше расскажу ее тебе после завтрака.

– Хм, а почему не сейчас? – удивилась Вика.

– Потому что я так голоден, что не в силах думать ни о чем, кроме еды, – как можно веселее ответил Брюс.

– Тогда, – ответила Вика, отложив наконец снимок, – я быстро в душ, а потом вниз готовить завтрак.

– Наверняка, мой отец уже позаботился об этом. Мы все же его гости.

Когда Вика вышла из спальни и отправилась в ванную комнату, легкая улыбка, коснувшаяся губ Брюса, тут же исчезла и, взяв снимок, он вновь уставился на него. Мужчина не мог понять, почему ему становилось некомфортно, когда он смотрел на карточку, ведь девушка на ней выглядела весьма привлекательно. Фотографию не подписали и, конечно, оставалась вероятность, что девушка на ней вовсе не та, о ком он думал и чья грустная судьба никогда не покидала его мыслей.

«Может, спросить у отца?» – подумал Брюс, но отверг эту идею и, положив снимок обратно в альбом, встал с кровати и начал собираться к завтраку.

Одевшись и причесавшись, он спустился вниз и, как и ожидал, застал отца за приготовлением классического шотландского завтрака: на сковородке жарились яйца,

кровяная колбаса, бекон, дольки помидоров и грибы, а в кастрюльке разогревалась фасоль в томатном соусе.

– Ох, я сто лет не ел шотландского завтрака, – сказал Брюс, увидев обилие готовившейся еды.

– Я так и подумал, поэтому и встал пораньше, чтобы успеть все приготовить. Думаешь, Виктории понравится? – озабоченно спросил Эван сына.

– Ну, обычно она предпочитает более легкую пищу по утрам, но думаю, что попробовать твой завтрак не откажется. Надеюсь, у Виктории хватит сил на его.

– О чем это вы тут говорите? Сил на что? – спросила Виктория, появившаяся в дверях кухни и одарившая обоих мужчин очаровательной улыбкой.

– Па готовит для нас шотландский завтрак, – пояснил Брюс.

– А что, он чем-то отличается от английского? – спросила Вика, удивленно глядя на плиту и припоминая, что подобную пищу уже ела в Лондоне за завтраком в отеле.

– Осторожнее, юная мисс. Мы здесь не слишком любим все английское, – весело подмигнув, ответил ей Эван, – вот, попробуете мой завтрак и тогда скажите, отличается он от английского или нет.

Вика пожала плечами и, взяв из кухонного шкафа посуду, отправилась в гостиную сервировать стол. Брюс же, оставшись не в удел, последовал за девушкой, намереваясь помочь ей или на худой конец посмотреть утренние новости, если его предложение о помощи отвергнут.

Как он и предполагал, Виктория предпочла самостоятельно заниматься столом, параллельно с этим помогая Эвану накладывать еду в тарелки. Так что Брюсу ничего не оставалось, как включить телевизор.

– Чем мы сегодня займемся? – спросила Виктория, когда все сели за стол, – Рождество ведь только завтра.

– Думал показать тебе окрестности, но после того, как тебя укачало, даже не знаю, хорошая ли это идея, – ответил Брюс, быстро уминая дымящийся и ароматный завтрак.

– Давай, все же попробуем. Здесь ведь так красиво! И да, Эван, завтрак просто изумительный, – поблагодарила старика Вика.

Эван раскраснелся и улыбнулся в ответ девушке, довольный, что угодил россиянке.

– Свози Викторию к Лоху и поднимитесь на один из холмов. Вид откроется потрясающий. К тому же если ее укачает, вода Лоха быстро поможет. Нужно просто намочить платок и приложить ко лбу или затылку, – посоветовал старик.

– К «Лоху»? О чем это вы, Эван? Я не совсем поняла, – спросила заинтригованная Виктория.

– Папа имеет ввиду Лох-Монар – это озеро неподалеку отсюда. Озера тут называют Лох (Loch). Место действительно красивое, но ехать туда на машине около сорока минут или даже часа. Выдержишь?

– Думаю, да. А как мне поможет этот Лох-Монар от укачивания?

– Есть легенда, – хитро прищурившись, начал Брюс, – что озеро обладает волшебной силой и вода из него способна излечить от любых болезней. Однако мне казалось для того, чтобы озеро помогло, нужно выполнить определённый ритуал, не так ли, па?

Эван кивнул головой, тоже хитро улыбаясь, как и его сын.

– Вы разыгрываете меня! – ответила Виктория, не желавшая верить в сверхъестественное.

– А вот и нет! Так оно и есть. Местные до сих пор обращаются к воде Лох-Монар за помощью, – запротестовал отец.

– То, наверное, старики и старухи. Я не представляю, чтобы кто-то из молодых мог увлечься этой мифической стародавней чепухой, – сказал Брюс.

– Осторожнее, молодой человек, – предостерег его отец, – озеро действительно наделено силой, хочешь ты в это верить или нет. Даже твоя мать ходила туда несколько раз.

– Вот видишь. И как-то озеро не слишком помогло ей, правда? – сказал Брюс, не подумав, после чего сразу добавил, – я не имел ввиду ничего дурного. Просто не хочется засорять Виктории голову глупыми местными преданиями.

– Все в порядке, – ответил Эван.

– Спасибо за завтрак! Виктория, я переоденусь и буду ждать тебя в машине, хорошо?

– Хорошо, я только помогу прибрать со стола, – сказала Вика, вставая.

Девушке стало не по себе после разговора Брюса с отцом. Она чувствовала, что любое упоминание о матери Брюса причиняло боль обоим мужчинам, поэтому как могла, старалась избегать этой темы и даже ни разу не расспрашивала Брюса о Лизе и ее смерти. Тем не менее легенда об озере показалась девушке интересной, и она была бы не прочь услышать ее до конца просто из любопытства, а также из-за своей любви к истории и фольклору.

Отнеся грязные тарелки на кухню, Вика поспешила наверх переодеться во что-то более теплое и удобное для лазанья по холмам. Выбрав шерстяной свитер, купленный в одном из магазинов в Ковент Гардене в Лондоне, прочные джинсы, высокие кожаные ботинки и теплую куртку, Виктория чуть ли не в припрыжку сбежала с лестницы. Ей не терпелось увидеть красоты шотландской природы своими глазами, а также вновь побыть наедине с Брюсом.

Только выйдя из дома и идя к машине, где уже сидел Брюс, девушка вспомнила, что забыла надеть браслет, с которым обычно никогда не расставалась. Сейчас же изделие лежало наверху в их спальне, но вернуться ради него девушка не решилась, вспомнив старую примету о том, что возвращаться в дом плохо.

– Быстро ты. Все в порядке? – спросил ее Брюс, как только девушка уселась на сидение рядом с ним.

– Да, все просто прекрасно, – ответила Вика и поцеловала Брюса в щеку.

– Тогда пристегнись и морально приготовься к крутым, узким и виляющим дорогам, – сказал Брюс, выезжая со двора.

Виктория посмотрела в зеркало заднего вида на быстро уменьшавшийся в размерах дом, где в одиночестве остался ждать их возвращения Эван, и вздохнула.

– Может, стоило пригласить твоего отца присоединиться к нам?

– Шутишь, что ли? Он вряд ли выдержит подъем на холм, а ждать нас возле озера или в машине ему быстро наскучит.

– А что, подъем настолько крутой?

– Подожди и скоро сама все увидишь.

Виктория уставилась в окно, стараясь смотреть на линию горизонта и не сосредотачивать свое внимание ни на чем другом. Петляющая и невероятно узкая дорога с подъемами и спусками напомнила девушке американские горки, на которых она, будучи еще подростком, каталась со своими школьными подругами. Но присутствие Брюса все же успокаивало неподготовленную к такому путешествию Вику и на этот раз ей не сделалось

так дурно, как в прошлый.

Большую часть дороги молодые люди проехали в молчании. Брюс только изредка бросал на девушку взгляд, удостоверяясь, что с ней все в порядке. Виктория же пыталась отрешиться от всего и сделать все от себя зависящее, чтобы ее не укачало. Под конец девушка даже закрыла глаза и слегка задремала, но из этого состояния ее вывел небольшой толчок.

– Что случилось? – встревоженно спросила она, резко открыв глаза.

– Мы приехали, – радостно ответил Брюс, – можешь выйти и осмотреться.

Удивленная Вика отстегнула ремень безопасности и поспешила покинуть салон автомобиля.

– Ох, красота-то какая! Это просто невероятно, Брюс, – восторженно сказала Виктория, оглядываясь.

Они стояли на небольшой парковке, находившейся неподалеку от берега озера, раскинувшегося на мили. Вода озера казалась гладкой, как зеркало, и чрезвычайно темной, что придавало озеру несколько мрачный, но в то же время величественный вид. Лох-Монар располагалось между холмами, охранявшими его покой и тишину вот уже тысячи лет. Холмы, высокие и суровые, производили впечатление гигантов, намеренных спрятать озеро от посторонних глаз, словно оно и в правду обладало волшебной силой.

Не смотря на ветер, хлеставший Вику по лицу и пронизывавший до костей, вид необузданной природы потряс ее и какое-то время она стояла словно статуя, стараясь навсегда запечатлеть в своей памяти увиденные картины.

– Пойдем, – взяв ее за руку, сказал Брюс.

– А куда мы направляемся? – спросила Виктория, следуя за Брюсом, но все же попутно успевая делать снимки телефоном.

– Заберемся вон туда, – ответил мужчина, показывая пальцем на казавшийся не слишком высоким холм впереди.

– Выглядит не таким уж свирепым. Думаю, что с легкостью осилю подъем, – уверенно сказала Виктория.

Холм, хоть не являвшийся самым высоким в группе холмов, которые видела Вика, все же представлял собой возвышенность, подъем на которую никак нельзя было назвать простым и лёгким. Дорогу для пеших путешественников выложили камнями, но во многих местах из-за частых дождей ее размыло, и земля превратилась в скользкую жижу, на которой можно было легко подвернуть, а то и сломать ногу.

После того как Брюс и тяжело дышащая Вика преодолели одну четверть холма, девушка заметила снег, местами покрывавший коричневатую траву и лишайники. Однако ни холод от снега, ни ледяной ветер, ставший еще сильнее на холме, не холодили разгоряченную подъемом Вику, обливавшуюся потом от жары и нагрузки.

– Лучше не снимай куртки. Так ты заболеешь, – посоветовал ей Брюс, когда девушка потянулась к молнии. Поэтому теперь она шла, вернее еле тащилась за мужчиной, обливаясь потом и несколько злясь на себя и на свою физическую неподготовленность. Тем более, что Брюс шел, как ни в чем не бывало, словно он совершал подобные прогулки по холмам каждый день. Мужчина даже не запыхался и только его щеки стали немного розовее, чем раньше.

– Ты как? Мы уже почти достигли вершины, – сказал Брюс примерно через сорок минут после начала подъема.

– Ох, рада это слышать, – еле выговорила Виктория, задыхаясь, – я и не думала, что это так тяжело – подниматься на холм.

– Давай, возьмем небольшой тайм аут перед финальным броском, – предложил Брюс, – ты сильно устала?

– Ну, я еле дышу, а мое сердце колотится так, точно готово выпрыгнуть из грудной клетки и поскакать впереди меня по этому злосчастному холму.

Брюс рассмеялся и, подойдя ближе, обнял девушку.

– Зря ты ругаешь холм. Ему может не понравится или озеро услышит и накажет нас, – сказал мужчина, пряча улыбку в волосах Виктории.

– Ты смеешься? Ты же не веришь во все эти истории, – спросила удивленная Вика, сама не понимая почему, но уже сожалея о сорвавшихся с ее губ словах о холме.

– Я и не говорил, что верю в них. Просто у этого места такая слава. Ладно, нужно двигаться дальше, а то ветер нас просто сдует отсюда.

Дальнейший подъем занял у них еще около получаса, поскольку из-за крутости холма ближе к вершине Виктория делала остановки, чтобы переводить дыхание. Когда же они наконец забрались на самую верхнюю точку, Виктории открылся такой сногсшибательный вид, что всю ее усталость как рукой сняло.

Массив холмов, больше напоминавших Виктории горы, тянулся на мили вперед и тонул в тумане, застилавшем вершины самых высоких из них. Желтовато-зеленые цвета холмов из далека казались более яркими и полными жизни, а озеро, протиснувшееся между ними, поражало своим неимоверным размером и спокойствием.

– А где оно заканчивается? – растерянно спросила Виктория, понимая, что противоположного берега отсюда не видно.

– Вон за теми холмами. Отсюда ты не увидишь.

– Это невероятно прекрасно. И тут так тихо! Ты только послушай. Не машин, не людей…Только голоса птиц и блеяние овец. Поразительно.

– Не жалеешь, что мы все же поднялись сюда? – спросил ее мужчина, обняв со спины и закрыв тем самым от ветра.

– Ты что!? Я никогда ничего более красивого в жизни не видела! Знаешь, я бы могла остаться тут навсегда.

– Прям-таки навсегда? – шутливо переспросил Брюс, – и чтобы ты тут делала?

– Не знаю. Любовалась бы этой красотой двадцать четыре часа в сутки. Правда, Брюс, я в восторге! Спасибо, что привез меня в Шотландию и показал это удивительное место.

Сказав это, Виктория обернулась и крепко, со всей страстью на какую в тот момент была способна, поцеловала Брюса. Мужчина ответил на поцелуй и какое-то время они стояли обнявшись так плотно, словно стали одним целым.

– Готова к спуску? – немного охрипшим от желания голосом спросил Брюс.

– А нам обязательно так скоро уходить отсюда?

Девушка ощущала приятное головокружение после поцелуя и пока что ей явно не хотелось покидать вершину холма.

– Ну, если ты хочешь промокнуть, то можно еще постоять и полюбоваться пейзажами, – ответил Брюс, указав рукой на приближавшуюся к ним темную тучу, явно нацеленную на то, чтобы оросить все под собой холодным дождем.

– Я не заметила ее, когда мы поднимались, – тревожно сказала Вика, уже устремившаяся за начавшим спуск Брюсом.

– А ее и не было. Просто холм и озеро услышали твое недовольство и решили отомстить.

– Не смешно! У нас ведь нет с собой сменной одежды.

– Что поделать. В Шотландии нужно всегда быть готовым к дождю. Давай, я тебе помогу.

Спуск давался девушке куда легче подъема и за минут пятнадцать они с Брюсом проделали половину маршрута, но тут все же пошел дождь. Все началось с небольшой мороси, которую даже и дождем язык не поворачивался назвать. Казалось, что воздух попросту переполнен влагой, оседавшей на одежде и лицах Брюса и Вики. Однако очень скоро начало моросить куда сильнее, а за считанные секунды моросящий дождь перешел в ливень, спасения от которого просто не было.

Верхняя одежда намокла в два счета и куртка, ставшая весьма тяжелой от воды, тянула Викторию к земле. Джинсы же, плотно облепившие ее ноги, не давали им нормально сгибаться, чем сильно осложняли движение по размытой дороге. Все это привело к тому, что девушка два раза растянулась на земле и перепачкалась с головы до ног. Брюс едва сдерживал смех, старясь не смотреть на Вику. Девушка явно чувствовала себя неловко в таком виде, но мужчине ее мокрый и грязный вид казался очень чувственным и все, чего ему хотелось, так это повалить девушку где-нибудь в расщелине на холме и овладеть ею. Тем не менее он прекрасно понимал, что замерзшей и уставшей Виктории такая идея вряд ли придется по вкусу и продолжал идти вперед, временами останавливаясь, чтобы помочь девушке спуститься. Его самого совсем не заботила мокрая одежда, да и холода он почти не ощущал, так как продолжал энергично двигаться, однако, мысль о термосе с теплым чаем все же грела и подбадривала его.

– Я просто не верю, что мы сделали это! – сама не понимая то ли с радостью, то ли с облегчением сказала Вика, забравшись наконец на заднее сидение автомобиля Брюса.

Девушка поспешила снять с себя мокрую куртку, насквозь промокшие ботинки и кое-как стянула джинсы, ставшие почти что ее второй кожей.

– Я включу обогреватель на полную мощность. Перебирайся сюда, – позвал ее мужчина, снявшийся с себя только крутку и ботинки, но не мокрые брюки.

Виктория охотно последовала его совету и вскоре сидела рядом, грея руки в горячем потоке воздуха, исходившем из обогревателя.

– Ммм… как хорошо, – чуть ли не застонала она.

– Чай? – предложил ей Брюс, уже выпив чашку согревающего и успокаивающего напитка.

– С удовольствием.

Вика вязла кружку и чуть ли не залпом осушила ее, не взирая на то, что напиток был горячим.

– Ох, да там алкоголь! – с удивлением заметила она.

– Да, я знаю. Это Эван добавил в чай капельку виски.

– Но ты же за рулем!

– После небольшой порции алкоголя у нас разрешается садиться за руль. Да и потом ты тут много полиции видела? Или вообще других автомобилей?

– Нет, но все же. У нас в России вообще нельзя ни капли в рот брать перед поездкой на автомобиле.

– Ну, мы не в России, – отозвался Брюс, пристально смотревший на Вику, – знаешь, ты

такая сексуальная в этом свитере и одних трусиках, и с мокрыми волосами. Что если нам?…

Мужчина уже наклонился к девушке, но она, засмеявшись, немного отодвинулась от него.

– Помнится, кое-кто обещал мне рассказ о той девушке на фото.

Снимок на протяжении всего дня не выходил из головы Вики, и ей ужасно хотелось расспросить о нем Брюса, но из-за подъема говорить было сложно, а затем дождь полностью отбил охоту к общению. Сейчас же, согреваясь, девушка желала услышать историю, хотя мысль о том, чтобы придаться любви также посещала ее. Но общественная парковка, куда в любой момент мог кто-нибудь приехать, несколько останавливала ее и охлаждала пыл.

– Да-да, но может переберёмся на заднее сиденье? – предложил Брюс, по-прежнему настроенный по-боевому.

– Здесь теплее. Давай, рассказывай.

– Я знаю отличный способ согреться. Тебе понравится, вот увидишь!

– Брюс! – запротестовала Вика, в то же время смеясь.

– Ладно, ладно, – ответил мужчина, отстраняясь от девушки и наливая себе еще чаю.

– Сразу скажу, что история не из приятных и, надеюсь, никак не повлияет на твое отношение к браслету. В конце концов, это всего лишь украшение, не имеющее ничего общего со случившемся, – начал Брюс, отстраненно глядя вдаль, словно видя где-то на горизонте, над серым из-за стены дождя озером, события прошлого.

Рассказ занял около двадцати минут, в течение которых Вика хранила молчание и с каждой минутой становилась все бледнее, несмотря на то, что в машине стояла жара, и даже волосы девушки успели высохнуть. Закончив говорить Брюс оторвал наконец взгляд от горизонта и посмотрел на Викторию, сидевшую, словно статуя, и смотревшую вперед ничего невидящими глазами.

– Эй, милая, ты в порядке? – спросил мужчина, заботливо обняв девушку рукой.

Вика слегка вздрогнула от его прикосновения и, выйдя из оцепенения, повернулась к Брюсу и буквально выдавила из себя улыбку, поскольку улыбаться ей в тот момент совсем не хотелось.

– Да, все хорошо. Может, поедем назад?

– Как скажешь, – удивленно отозвался Брюс и, отодвинувшись от девушки, завел двигатель автомобиля, – я бы предложил заехать в паб неподалеку отсюда и перекусить чего-нибудь горяченького, но вряд ли ты захочешь вновь влезать в свои мокрые джинсы.

– Ты прав. Так что давай поедем домой. Уверена, что смогу приготовить что-нибудь из продуктов, которые купил твой отец, – ответила Вика, продолжавшая находиться в несколько подваленном настроении от рассказа мужчины.

Девушка сама не могла толком понять, что ее так расстроило: печальная судьба дальней родственницы Брюса или же тот факт, что Брюс скрыл от нее историю владелицы браслета. Узнав всю правду о том, как погибли люди, связанные с ним, Виктория уже совсем не жаждала продолжать носить это украшение каждый день. Возможно, по особым случаям, но не ежедневно. Смотреть на эту вещь и думать о мрачных событиях прошлого Вике вовсе не хотелось. В целом девушка спокойно и даже хорошо относилась к винтажным и старинным вещам, но теперь она понимала, что ее нейтральное отношение к ним объяснялось тем, что она просто не знала истории их происхождения, не слышала ничего о бывших владельцах и о том, как сложились их жизни.

Всегда отвергавшая различные суеверия и приметы по дороге к дому Эвана девушка

думала, а не может ли браслет принести ей неудачу? Сглазить? Испортить карму? Вика сама точно не понимала, что значат эти выражения, однако, она их часто слышала от знакомых.

«Да и вообще, почему он подарил его мне?», – рассуждала про себя Виктория, настолько уйдя в свои мысли, что даже забыла о недавнем беспокойстве по поводу укачивания, – «неужели он думает, что это романтично? После всего случившегося с первой владелицей браслета? Его мать нечасто носила браслет. Видимо, и она относилась к нему с осторожностью. Все это странно. Брюс мог бы сразу рассказать мне историю этого украшения, а не утаивать ее от меня».

Несколько обидевшись на мужчину, девушка задумалась о той черной тени, что она видела в доме Брюса в Стратфорде. Тогда ей в первый раз на ум пришла мысль о возможной связи браслета и черной фигуры.

– Вот мы и приехали, – прервал Брюс мысли девушки, свернув на дорогу, ведущую к дому его отца, – ты как-то притихла. Все хорошо?

– Да, все замечательно, – ответила Виктория, – просто я замерзла. Надеюсь, что не заболею.

– Ничего, папин виски тебя вылечит. Я сейчас припаркуюсь и схожу наверх – принесу тебе сухие штаны и ботинки, чтобы ты могла дойти до дома.

– Не беспокойся. Я так добегу.

– Без ботинок и брюк? Ты в своем уме? – удивился Брюс.

– На улице не так холодно. Я просто натяну ботинки и быстро добегу до дома, а там на второй этаж и в горячий душ, – пояснила Вика.

Брюс только покачал головой. Заглушив двигатель, он вышел из машины и направился прямо к двери со стороны Вики. Девушка, занятая поиском своих ботинок, закинутых под сиденье, не сразу заметила Брюса, подошедшего к ней, а лишь когда он, приоткрыв дверь, впустил струю холодного воздуха в салон.

– Я просто ищу свои ботинки, – объяснила она, – пару секунд.

Но Брюс, нагнувшись к девушке, подсунул ей руки под спину и колени.

– Держись за меня, красавица, – сказал он, улыбнувшись, и вытащил девушку из салона.

Крепко прижав Викторию к себе, он так быстро, как мог направился к дому.

– Не стоило, – с любовью в голосе сказала Вика, тронутая его заботой и уже забывшая о браслете.

– Мне вовсе не хотелось, чтобы ты шла по улице в мокрой обуви. Так, помоги мне открыть дверь.

Брюс немного наклонился вперед, давая Виктории возможность ухватиться за входную ручку двери.

– Дальше я сама, – сказала Вика, намереваясь спрыгнуть с рук мужчины, но Брюс понес ее вверх по лестнице.

– Не беспокойся, мне не впервой подниматься с тобой на руках.

– После таких слов я чувствую себя просто-напросто недотепой и развалюхой, – смеясь, сказала Вика и поцеловала мужчину в щеку.

Брюс отнес девушку в спальню и, оставив там, спустился вниз, чтобы забрать мокрые вещи из машины, которые он тут же развесил у камина, растопленного Эваном после завтрака. Сам Эван тихонько дремал в кресле в гостиной. На его груди все еще лежала газета, которую он, видимо, читал до того, как уснуть. Решив не будить отца, Брюс поднялся наверх, но Викторию в спальне не застал. Стянув с себя джемпер (от мокрых брюк и носков

он избавился еще в гостиной), мужчина в одном нижнем белье направился к ванной комнате, намереваясь принять горячий душ. Он думал, что Виктория уже закончила греться под теплыми струями воды и с готовностью уступит ему место.

Подойдя к двери, мужчина постучал.

– Брюс? – услышал он голос Вики сквозь шум лившейся воды.

– А кто еще?! Можно зайти? – спросил он.

– Да.

Зайдя в ванную комнату, Брюс увидел силуэт девушки за кремового цвета занавеской для душа. Недолго думая, он избавился от лишних предметов одежды и, отодвинув шторку, шагнул прямо под душ и встал позади Виктории.

– Что ты делаешь? – удивилась девушка, но в ее глазах зажглись яркие искорки, которые Брюс так любил.

– Ничего. Хочу согреться, да и тебе решил спинку потереть. Давай сюда губку.

– Но твой отец… – начала Виктория, но тут же передала Брюсу мочалку, которую только что держала в руках.

– Не беспокойся. Он спит в гостиной возле камина.

– Ммм… – только и смогла сказать Виктория, когда руки мужчины начали ласкать ее тело и водить по нему мягкой мочалкой. Девушка уперлась руками в стену и закрыла глаза от удовольствия, полностью погрузившись в потоки наслаждения, которые несли ласки Брюса и теплые струи воды. Поглаживая мужчины вскоре переросли в более страстные ласки, а его желание наконец взяло верх над остальными чувствами.

На этот раз любовный акт Брюса и Вики показался обоим несколько коротким, но в то же время очень долгожданным, ведь они оба думали об этом еще возле холма. Расслабленные после любви и распаренные теплой водой, они неспешно вышли из душа, и Брюс помог девушке вытереться. Виктория чувствовала себя такой усталой и сонной, что еле стояла на ногах и, прижавшись ко все еще мокрой груди Брюса, сказала:

– Я, наверное, подремлю часок-другой. Ты меня сегодня просто загонял.

– Погоди, я провожу тебя до спальни.

Брюс накинул на плечи девушки халат, а сам обвязал бедра полотенцем. Придерживая Викторию за талию, он повел зевающую россиянку в спальню, где уложил в кровать, точно ребенка, не забыв также подвернуть одеяло и закрыть шторы.

Сам же, одев сухие вещи, спустился вниз, намереваясь приготовить себе чаю, а также состряпать что-нибудь простое на обед. Его отец продолжал дремать возле камина и, взглянув на столик перед стариком, Брюс понял, что причиной сна Эвана помимо жаркого камина явился и виски, недопитый стакан с которым стоял перед ним. Покачав голой, Брюс взял стакан и пошел на кухню, где ему открылся вид на гору грязной посуды с завтрака.

Мужчина не питал особой любви к работе по дому, будь то уборка, стирка, глажка, приготовление еды или мытье посуды, но за неимением посудомоечной машины ему все же пришлось закатить рукава и приняться за грязные тарелки.

Увлекшись процессом, Брюс не заметил, как на кухне вдруг резко потемнело, словно и так тусклое зимнее солнце закрыла собой темная туча, однако, погода оказалась тут не при чем. Из вентиляционной шахты, проделанной в стене над входом в кухню, начал просачиваться темный туман, который и заполнил собой все пространство кухни. Туман не был плотным и напоминал черный дым, но запаха при этом не имел. Темная масса не рассеивалась, но и не концентрировалась, превращаясь в фигуру, как в прошлый раз, а

просто висела в воздухе, словно ожидая, пока Брюс ее заметит.

Мужчина же, напевая себе под нос старую рождественскую песенку, не обращал ни на что внимания. Закончив с посудой, он вытер руки о полотенце и, набрав в чайник воды, поставил его на плиту, после чего повернулся, чтобы подойти к холодильнику и посмотреть, чем можно перекусить, но застыл, как истукан, перед темным облаком, заполнившим собой всю кухню.

– Что за…? – сказал вслух Брюс и его тут же посетила мысль о засоренном дымоходе, но он не успел закончить свое умозаключение, поскольку туманная масса ринулась на него и, окутав мужчину с головы до ног, начала медленно вращаться вокруг Брюса, напоминая торнадо, готовое засосать его.

На мужчину навалилась усталость, и он закрыл глаза. Брюсу почудилось, что он погрузился в сон или некое забытье, но длилось это всего несколько секунд. После чего он словно очнулся и, открыв глаза, огляделся по сторонам. Кухня выглядела как обычно: никакого дыма и в помине не было.

«Наверное, я слишком быстро повернулся и из-за этого в глазах потемнело, как иногда случается, если резко встать с кровати», – подумал про себя Брюс и выключил плиту, решив отказаться от чая, а затем направился к выходу из кухни, намереваясь подняться наверх к Виктории. Мужчина сам не понимал, зачем ему вдруг понадобилось увидеть девушку, ведь она только легла поспать, но какая-то неимоверная сила тянула его к ней. На ватных ногах он поднялся по лестнице и, дойдя до двери спальни, остановился. Брюс пытался навести порядок у себя в голове, сосредоточиться, но мысли продолжали путаться, а различные эмоции и чувства переполняли его.

Зайдя наконец в темную спальню, мужчина повернул ключ в дверях, закрыв тем самым дверь, чего он раньше никогда не делал. Приблизившись к Виктории, мирно лежавшей на боку, мужчина начал снимать с себя одежду. Пальцы не слушались его и несколько пуговиц от рубашки полетели на пол, а вслед на ними и сама рубашка, а также оставшиеся вещи.

Нагой он сел на кровать рядом с Викой и посмотрел на девушку. Она выглядела как никогда прекрасной, и желание вновь переполнило мужчину, а кровь, казалось, побежала по его венам быстрее обычного. Забравшись под одеяло и прижавшись к девушке, он начал гладить, целовать и ласкать ее тело с жадностью, страстью и резкостью, какие раньше ему были не присущи.

– Брюс, что ты делаешь? – сонно спросила разбуженная Вика, но мужчина ничего ей не ответил, только перевернув на спину, лег на нее.

– Что с тобой такое? – удивилась Вика. Она не противилась сексу, но такое поведение мужчины показалось ей странным, тем более, что они буквально только что занимались любовью в душе.

Брюс продолжал молчать, и только его неистовая страсть перерастала в нечто большее, что испугало Викторию. Крепко сжав девушку, мужчина наслаждался обладанием ею и никак не мог насытиться. Его желание начало пугать и самого Брюса: ему вдруг захотелось связать Вику, сжать ею так, чтобы ей стало больно, услышать ее мольбы о пощаде. Однако мужчина сдержался и не позволил животному влечению взять верх над рассудком.

Достигнув кульминации, он слез с девушки и, перевернувшись на спину, почти тотчас же уснул. Виктория же, ошарашенная и обеспокоенная, продолжала лежать рядом. Девушка смотрела в потолок, а из ее глаз вдруг медленно потекли слезы. Ей совсем не понравилось то, каким был Брюс с ней на этот раз. Словно он хотел наказать ее за что-то, но она ведь

ничего не сделала! «А что, если это и есть настоящий Брюс Бухан? – нервно подумала Виктория, – жестокий и неуправляемый, готовый использовать мое тело как ему заблагорассудиться? Возможно, меня все же правильно предупреждали родные, что не стоит связываться с незнакомым иностранцем…»

С такими мыслями девушка встала с постели и подошла к туалетному столику. Спать ей совсем расхотелось, а все тело ныло и болело после «ласок» Брюса. Присев и включив ночник, Вика посмотрела на себя в зеркало и, найдя себя весьма взлохмаченной, начала приводить волосы в порядок. Причесавшись и слегка накрасившись, Вика уже хотела по привычке надеть браслет, но стоило ей дотронуться до украшения, как рука девушки застыла.

– Нет, – тихо сказала она самой себе, – не сегодня.

Встав из-за столика, Вика оделась и, перед тем как выйти из спальни, еще раз взглянула на спящего Брюса. Покачав головой и решив пока что не поднимать эту тему и посмотреть, как станут развиваться их отношения дальше, девушка вышла из комнаты.

Стоило ее шагам раздаться на лестнице, Брюс перевернулся на спину и слегка приоткрыл рот, как это иногда случается у спящих людей. Изо рта мужчины начала подниматься темная масса. Туман выходил из тела Брюса и заполнял собой пространство над кроватью. Когда последние темные клочки тумана покинули рот мужчины, масса начала приобретать форму: ту же самую, что она до этого уже приобретала в этой же спальне. Темный туман превратился в совершенно чёрного непропорционально долговязого мужчину. Однако теперь его конечности, казавшиеся тощими в первый раз, стали крепче, а на лице, не смотря на черноту из которой оно состояло, вырисовывались едва различимые черты.

Темная сущность прошлась по комнате и, дойдя до шкафа, где висела одежда Брюса и Виктории, попробовала взяться за его ручку, но черные руки прошли сквозь металл. Поняв, что у нее еще не так много сил, как она думала, сущность развернулась и подошла к вентиляционной решетке, расположенной недалеко от кровати, где спал Брюс. Встав рядом с решеткой, фигура начала распадаться, вновь превращаясь в туман. Когда последние очертания сущности полностью размылись, туман начал просачиваться в вентиляционное отверстие и очень скоро полностью исчез в нем. В комнате ничто больше не напоминало о недавнем присутствии здесь потусторонних сил, но откуда-то из вентиляционных шахт старого дома донеслось лишь одно слово, произнесенное низких хриплым голосом: «скоро».

Глава 10.

Открыв глаза, Брюс какое-то время не мог сообразить, где находится. Вспомнив, что гостит у отца, Брюс догадался, что лежит в своей постели на втором этаже дома, но где же Виктория? В комнате совсем стемнело и, нашарив рукой настольную лампу, стоявшую на прикроватном столике, Брюс включил ее, осветив комнату хоть немного. Присев на кровати, мужчина провел рукой по волосам, силясь вспомнить, как он тут оказался, но так и не смог этого сделать. Он помнил, что оставил Викторию спящей в комнате, после чего спустился вниз и пошел на кухню, а дальше – провал. Обнаружив свою скомканную одежду на полу, Брюс растерялся еще больше. Он уже хотел надеть рубашку, поднятую с пола, но заметил отсутствие на ней нескольких пуговиц.

«Что за дела?!», – тихо прошептал мужчина и перевел взгляд на часы, после чего удивился еще больше. Стрелки на часах показывали без пятнадцати одиннадцать вечера. Вернулись домой они примерно в полчетвертого. Получалось, что Брюс проспал около семи часов. Мужчина не помнил, чтобы он притрагивался к отцовскому виски, что могло бы объяснить столь длительный сон, как не мог понять и того, почему Виктория до сих пор не разбудила его.

Решительно встав с кровати, мужчина направился к шкафу за новой одеждой, намереваясь как можно быстрее спуститься вниз. Брюса раздирали противоречивые мысли и чувства, словно где-то в глубинах его памяти события прошлых часов все-же отпечатались, причем отпечаток этот имел несколько скверный характер, но что точно произошло, он никак не мог вспомнить.

Уже спускаясь вниз по лестнице, он услышал переливчатый смех Виктории и низкий гогот своего отца. Успокоившись и решив, что все в порядке, уже более бодрым шагом Брюс преодолел последние ступеньки и зашел в гостиную. Однако стоило ему заявить о своем присутствии, как лицо Виктории из улыбавшегося и веселого сделалось строгим и сосредоточенным.

– Долго же ты спал, Брюс, – начал Эван, – мы уже поужинали, но тебе кое-что осталось. Можешь посмотреть на кухне.

Брюс и вправду хотел есть и при упоминании об ужине почувствовал сильный голод. Он ожидал, что всегда такая любезная и услужливая Виктория вызовется пойти с ним на кухню и хотя бы разогреет ему остатки еды, но девушка не шелохнулась. Она даже не смотрела на Брюса, устремив свой взгляд в стакан с виски, который она сжимала обеими руками, точно могла видеть в янтарном напитке что-то весьма примечательное.

Мужчина предположил, что, вероятно, девушка просто устала или, возможно, выпила лишнего и просто не хотела двигаться, поэтому, никак не выразив своего удивления, направился на кухню один. Найдя там оставшееся картофельное пюре, несколько сосисок и подливку, он сгрузил все в небольшую алюминиевую кастрюльку и поставил на огонь. Подумав, что пить алкоголь ему сегодня не стоит, он налил себе стакан молока и вновь вернулся к плите, не желая, чтобы его ужин подгорел.

Процесс подогрева на плите всегда занимал много времени, что немало раздражало Брюса, поэтому едва почувствовав, что картошка слегка потеплела, мужчина снял кастрюльку с огня и переложил ее содержимое в тарелку. По правде говоря, ему не терпелось вернуться в гостиную и присоединиться к общему разговору.

Взяв тарелку в одну руку и стакан в другую, Брюс вышел из кухни. В гостиной Брюс сразу же направилась к Виктории и сел рядом с ней. Девушка все также не смотрела на него, словно и не замечала и Брюс, проявив инициативу, чмокнул Викторию в щеку, положил руку ей на колено и спросил, как дела.

Девушка вздрогнула от его прикосновения, но руку не убрала. Она медленно подняла глаза на Брюса и, увидев их, у мужчины похолодело на душе. Взгляд девушки показался ему обиженным и пронзительным. Он еще никогда не увидел у Виктории такого выражения лица. Однако в противовес этому девушка мягко сказала:

– Все хорошо, но я устала. Пойду собираться ко сну.

– Все в порядке? – спросил обескураженный Брюс, не зная, что и думать.

Виктория кивнула, отставила стакан с едва тронутым виски на стол и, встав с дивана, пожелала спокойной ночи Эвану, после чего ушла, не обронив при этом ни слова.

Аппетит Брюса сразу куда-то пропал, и он начал вяло размазывать почти холодное пюре по тарелке.

– Как прогулка? – наконец прервал молчание Эван.

– А? – отозвался Брюс, полностью ушедший в свои мысли и прослушавший вопрос отца.

– Я спрашиваю, как прогулка? Виктории понравилось?

– Ах, да. Очень понравилось. Правда, она устала, и мы здорово промокли.

– Да, Виктория уже собрала ваши вещи, а сырая обувь все еще сохнет, как видишь, – сказал Эван, указывая на заляпанные грязью ботинки, стоявшие возле каминной решетки.

Брюс кивнул и вновь уткнулся носом в тарелку. Ему, конечно, хотелось узнать, о чем Эван разговаривал с Викторий до того, как он вошел в гостиную, и чем вызвано такое странное поведение девушки, но сдержался. В конец концов, ему ведь могло и показаться, а также она ведь действительно вымоталась за день. Возможно, не стоит удивляться ее реакции.

– Завтра Рождество. Ты хоть помнишь? – вновь обратился старик к сыну.

– Да, пап. Не волнуйся, про это я не забыл.

Брюс действительно помнил про праздник, а подарки для отца и Виктории хранил в своей дорожной сумке на самом ее дне под тёплыми джемперами и шерстяными носками. Отцу он купил красивый в кожаном переплете сборник стихов поэтов Шотландии. Книга была коллекционной и стоила немало, но зная любовь своего отца к поэзии, Брюс не удержался. Иногда его самого поражал романтизм, присущий Эвану, ведь всю свою жизнь тот проработал с цифрами в бухгалтерской компании, да и дома всегда проявлял себя, как человек сдержанный и ничуть не творческий, однако, это не мешало ему зачитываться перед сном стихами и балладами, а также посещать различные концерты, где барды играли музыку в стиле фолк.

Брюс не знал, захочет ли девушка вновь получить ювелирное украшение в подарок, поэтому решил выбрать кое-что другое и остановился на прелестном небольшом кожаном портфеле коричневого цвета. Его изготовили специально для Брюса в Кембридже и на внутренней стороне добавили тиснение: "От Брюса любимой Виктории. Для твоих новых начинаний и важных дел. Рождество 2018». Мужчина надеялся, что деловой портфель понравится девушке, ведь они так часто беседовали с ней о ее дальнейших планах в отношении карьеры и возможного развития собственного дела.

– Я, вот, что подумал, сынок, – продолжил Эван, – может, купим и рождественскую ель? МакГрегоры в пяти милях отсюда торговали ими. Думаю, парочка деревьев у них еще

осталась. Что скажешь? Виктории, наверняка, понравится такая идея, к тому же она сможет украсить ее старыми игрушками с чердака. Она мне сказала, что завтра не их Рождество, и ее семья отмечает этот праздник только в январе, но ей интересно посмотреть, как празднуем этот день мы.

Лицо Брюса тотчас просияло от новой идеи. И как он сам не додумался до этого?! Возможно, девушка заскучала в этой деревенской глуши с постоянно пропадавшим интернетом, что не давало ей толком общаться с близкими.

– Папа, это просто замечательная мысль! Спасибо тебе за нее! – радостно ответил Брюс, к которому внезапно вернулся аппетит, и он активно заработал вилкой с ножом.

– Нет проблем. Всегда к твоим услугам.

– Знаешь, что я завтра встану часов в шесть утра и сразу поеду к МакГрегорам за деревом, чтобы преподнести Виктории небольшой сюрприз. Если она проснется и не застанет меня дома, то скажи, что я отлучился в магазин.

– Но все магазины в милях двадцати отсюда завтра закрыты!

– А Виктория откуда об этом знает?! – подмигнул отцу Брюс.

– Хорошо, а я тогда займусь едой, – согласился отец, – и если Виктории станет скучно, то думаю, она мне с радостью поможет. Знаешь, она показалась мне сегодня какой-то грустной. Все в порядке?

– Да, – несколько неуверенно ответил Брюс, – она просто устала.

На этом разговоры о Виктории и предстоящем Рождестве закончились, и Брюс с отцом перешли к обсуждению последних новостей в стране, политики, а также, как это всегда случалось, автомобилей. В неспешном разговоре незаметно для обоих мужчин прошло немало времени и, когда стрелки на часах почти добрались до половины первого, Брюс, попрощавшись с отцом, поднялся наверх. Эван собирался еще немного посидеть перед камином в одиночестве, что уже не сильно удивило его сына.

Брюс зашел в спальню и тихо, как только мог, снял с себя одежду и подошел к кровати, где уже спала Виктория. Осторожно, чтобы не разбудить девушку, он лег рядом и, повернувшись на бок, вскоре уснул.

Услышав размеренное дыхание мужчины, Виктория открыла глаза. Все это время девушка не спала, а только лежала с закрытыми глазами, не шевелясь, дабы Брюс подумал, что она спит. Ей вовсе не хотелось вновь заниматься любовью с ним или даже говорить о чем-либо. Обида, закравшаяся к ней в душу, никуда не ушла, а только продолжала причинять девушке боль. В ту ночь ей отчаянно хотелось вернуться домой в свою питерскую квартирку и побыть какое-то время одной, но в привычной обстановке, а также поговорить с кем-то на родном языке. Ее совсем не волновало возведенное почти что в культ Рождество в Великобритании и, подумав о завтрашнем дне, девушка только тяжело вздохнула.

«Вот бы оказаться дома на Новый год, – думала Виктория, лежа в постели, – за пару дней до этого сходить с мамой и папой в магазин и закупить продуктов столько, словно мы собираемся накормить роту солдат. И потом весь день перед Новым годом заниматься приготовлением наших любимых блюд: салата оливье (какой же Новый Год без него!?), винегрета, мимозы, рулетиков из ветчины с сырно-чесночной начинкой, котлет по-киевски, жареного цыпленка, запечённой картошки с чесноком и многих других». При мыслях обо всех этих таких привычных и родных блюдах в животе у девушки заурчало, и она с тревогой посмотрела на Брюса, надеясь, что не разбудила его. Опасения девушки оказались излишними: мужчина спал, как убитый.

«А вечером, посмотрев ставший бессменной классикой фильм «Ирония судьбы или с легким паром», наевшись, а также прослушав новогоднее поздравление президента страны, открыть шипящее шампанское и чокнуться бокалами с родителями», – продолжала мечтать Виктория. После этого вся семья, прихватив с собой пару бутылок игристого, обычно шла на улицу, где собирались почти все жители дома, чтобы поздравить друг друга. Люди шли в ближайший парк, угощаясь шампанским и поздравляя всех с Новым годом, желая при этом всяческих благ. Неожиданно для самой себя девушка вдруг подумала о Кирилле: как он собирается отмечать Новый год и с кем? Виктория совсем не думала о нем все это время, и сама не поняла, почему вдруг его лицо так отчетливо всплыло у нее в памяти. Она не ощущала к нему ровным счетом ничего, и их прошлые отношения казались ей далеким сном, но именно в этот момент ей почему-то захотелось, чтобы он оказался рядом. С ним девушка чувствовала себя слабой и беззащитной, а он, казалось, всегда был готов прийти на помощь, как рыцарь в сияющих доспехах (вернее в дорогих брендовых одеждах). Брюс же каким-то образом заставлял Викторию чувствовать себя сильной и равной ему, и хоть ему было не занимать галантности, вежливости и заботы, девушка все же не ощущала его превосходства над собой. Конечно, это казалось замечательным, но с другой стороны, привыкшая к доминированию мужчин, Виктория пока еще так и не свыклась с эмансипированно настроенным обществом Европы, где партнерские отношения между мужчиной и женщиной стали нормой уже давно.

Около четырех утра девушка, вымотанная своими мыслями и переживаниями, все же заснула. Сон ее оказался таким глубоким, что прозвонивший в шесть утра будильник Брюса, не разбудил ее. Мужчина же, встав с постели и быстро одевшись, поцеловал в щеку свою спящую красавицу и вышел из спальни. Брюсу ужасно хотелось спать и темнота за окном, а также барабанивший по окнам дождь, еще больше навевали дремоту, однако, мужчина нацелился заполучить рождественское дерево во чтобы то ни стало.

Наспех выпив кружку горячего кофе, который ничуть не взбодрил его, Брюс вышел из дома и направился к машине, думая, что, возможно, старший МакГрегор окажется не в восторге от столь раннего гостя, но успокаивало то, что семья МакГрегоров занималась фермерством и обычно вставала довольно рано.

Путь по узким дорогам сквозь дождь занял чуть больше времени, чем предполагал Брюс и, подъехав к ферме соседей, он заметил свет на кухне, что немало обрадовало его: значит, кто-то из МакГрегоров уже встал и сможет продать ему елку.

Оставив машину возле входной двери большого кирпичного коттеджа, Брюс постучал в дверь. Через некоторое время он услышал шаркающие шаги и дверь отворилась, открыв взору мужчины заспанное лицо миссис МакГрегор.

– Доброе утро! – поздоровался Брюс.

– Доброе! – несколько вяло ответила женщина, но тут ее сонные глаза заблестели, и она чуть ли не вскрикнула, – ох, не уж то это ты, Брюс Бухан?

– Да, это я!

– Сто лет тебя не видела! Проходи, мой мальчик, – и она пропустила Брюса в дом, – пойдем, выпьешь со мной кофе. Джеймс-то еще храпит наверху. Вчера выпил чутка лишнего, – хихикнула Френсис МакГрегор, – к отцу, значит, приехал на Рождество? Молодец, какой! Как-сам-то поживаешь?

Вопросы обрушились на Брюса потоком, так, что мужчина не знал с чего начать. Приняв кружку с кофе из рук миссис МакГрегор, он ответил:

– Да, я решил навестить отца. Вернее, я и моя девушка. И я бы хотел…

–Девушка? – не дала ему закончить Френсис, – вот так дела! Твой отец, небось, на седьмом небе от счастья. А мама-то как бы обрадовалась! Ох, сохрани Господь ее душу, что за дивная женщина была! Мы все по ней до сих пор скорбим и скучаем.

– Я тоже. Да и отец, похоже, все еще не отошел от случившегося, – сказал Брюс.

– И не говори. Джеймс иногда навещает твоего старика. Ты за него не переживай. Мы приглядываем за Эваном, как можем, но, если честно, он слегка сдал.

– Знаю. Я думаю забрать его к себе в Стратфорд на время ремонта дома.

– Ты собрался ремонтировать дом? Вот это отличная идея! Здание пришло в упадок. Когда я заходила к Эвану последний раз, а это было около месяца назад, так я просто дар речи потеряла, от того, как все там заброшено.

Брюс кивнул и сделал еще один глоток горького кофе. Ему совсем не нравилось, куда зашел разговор, и он постарался вернуться к рождественскому дереву:

– Отец сказал мне, что мистер МакГрегор торговал рождественскими елями. У вас, случайно, не осталось лишнего дерева? Я бы хотел его купить.

– Для тебя, мой милый, всегда что-нибудь да найдется. Ты же мне почти, как родной. Я тебя еще совсем пупсиком помню, когда вы с родителями сюда на лето к тетке приезжали. Так, кто твоя девушка? Наверное, красавица. Ты сам выглядишь очень счастливым и довольным, что мой кот после того, как стащит что-нибудь лакомое со стола.

Стоило Френсис упомянуть кота, как тот размеренной и важной походкой зашел на кухню и, бросив на Брюса презрительный взгляд желтых глаз, подошел к хозяйке и сел у ее ног.

– Вот ты где, мой хороший! Сейчас-сейчас, дам тебе что-нибудь вкусненькое, – закудахтала миссис МакГрегор.

Брюсу порядком надоело находиться в обществе этой женщины, ему не терпелось купить дерево и вернуться домой. Поэтому, встав и поставив кружку с едва тронутым кофе на стол, он уже более деловым и серьезным тоном вновь обратился к Френсис.

– Так что на счет дерева? Я просто немного спешу.

– А, да. Пойдем, – отозвалась миссис МакГрегор после того, как поставила перед щекастой мордочкой кота миску с кормом.

Френсис повела Брюса на задний двор, где в большом сарае примостились четыре оставшиеся ели.

– Выбирай любую, – предложила ему женщина, – двадцать пять фунтов за штуку.

«А деловой хватки ей не занимать», – подумал Брюс, глядя на небольшие, видимо, самые неброские деревья, которые никто не захотел покупать.

– Возьму вот эту! – указал Брюс на ель, показавшуюся ему наиболее симпатичной, и протянул деньги Френсис.

Сунув вознаграждение в карман передника, миссис МакГрегор помогла Брюсу вытащить ель из сарая.

Френсис осталась стоять под навесом, защищавшим ее от дождя, и смотрела, как мужчина водружал деревцо на крышу автомобиля и привязывал его веревкой. Женщина явно нервничала и переминалась с ноги на ногу, словно хотела сказать Брюсу что-то важное, но все никак не решалась.

Закрепив свое недавнее приобретение, промокший и замёрзший, но весьма довольный собой Брюс обернулся к миссис МакГрегор, чтобы попрощаться, намереваясь после этого

незамедлительно отправиться домой.

– Спасибо за дерево и счастливого Рождества!

– Да, не за что! И вам всем того же!… Брюс! Мне надо тебе кое-что сказать, – наконец решилась Френсис.

– Конечно. Что такое? – вздохнув, спросил мужчина, несколько раздраженный тем, что его задерживают.

– Понимаешь, твой отец вел себя последнее время немного странно.

– Что вы имеете ввиду? – несколько напрягшись, спросил Брюс, уже предполагая, что услышит в ответ.

– Он пару раз говорил Джеймсу, что Лиза, ну, твоя мама, приходила к нему. Смекаешь, о чем я?

Брюс кивнул.

– Знаю, ему тяжело пришлось после ее смерти, но все же, может тебе поговорить с кем-нибудь из его врачей об этом?

– Думаю, когда я заберу его в Стратфорд, все прекратится. К тому же, не стоит забывать, что он любит виски.

– Это-то да, просто…

– Спасибо вам, миссис МакГрегор, за заботу, но уверен, что мы справимся со всеми проблемами. Не стоит волноваться.

Не дождавшись ответа от Френсис, Брюс сел за руль и, помахав на прощанье женщине, нажал на педаль газа и помчался прочь от фермы МакГрегоров.

Френсис какое-то время еще стояла и смотрела вслед автомобилю. Она так и не сказала Брюсу всего, что хотела. Просто не осмелилась. Да и как бы она смогла? Он бы поднял ее на смех и посоветовал бы ей самой обратиться к докторам, ведь Френсис не раз жаловалась мужу на то, что в доме старика Эвана, ей делалось не по себе. Краем глаз она иногда улавливала мимолётные движения теней, слышала странные звуки, похожие на шаги, а также ей иногда мерещился в комнатах дома запах туалетной воды Лизы Бухан. Миссис МакГрегор рассказала об этом только мужу, на что тот заключил, что жена у него через чур впечатлительная и просто все еще не может отойти от смерти Лизы. Посоветовав ей не принимать утрату соседки слишком близко к сердцу, Джеймс тогда закончил разговор, а Френсис не решилась поднимать эту тему еще раз, видя, что муж ей не верит. Когда она увидела Брюса на пороге своего дома, то подумала, что, возможно, стоит и ему поведать о том, что она испытывала в доме его отца, и что вполне вероятно разговоры Эвана о визитах его жены имеют под собой основу. Однако замявшись под конец, женщина отказалась от этой идеи.

– А, впрочем, пусть сами разбираются, – сказала она вслух и, махнув рукой, вернулась в тепло своего коттеджа.

– Вика еще спит? – первым делом спросил Брюс отца, зайдя в дом.

– Да, еще не вставала. Видать, ты оказался прав, и девочка вчера здорово устала, – ответил Эван.

– Нам это только на руку. Как думаешь, куда поставить елку?

– Как это куда? Туда, где она всегда стояла. Ты что забыл? – удивился отец.

Брюс улыбнулся и вспомнил несколько последних рождественских праздников, когда его мама была жива. Отец всегда ставил елку напротив окна в гостиной, а мама украшала ее

старыми и новыми игрушками, некоторые из которых Брюс доставал с чердака, а некоторые Лиза покупала заранее в супермаркетах Теско или Сейнсбери.

На это же самое место они с отцом и поставили небольшую елку МакГрегоров, по высоте еле доходившую Брюсу до плеча.

– Какая-то она хиленькая, – прокомментировал дерево Эван, – МакГрегоры не могли дать тебе что-нибудь получше?

– Это лучшее, что осталось, – пожал плечами Брюс, – думаю, что с рождественскими украшениями она станет смотреться куда веселее.

– Верно. Помнишь, где лежат игрушки?

– Еще бы, я ведь сам положил их на чердак после того последнего Рождества…

Оба мужчины замолчали, вспомнив те одновременно радостные и печальные моменты. То были последние месяцы жизни Лизы и на Рождество она, исхудавшая и больная, почти не вставала с кресла возле камина, пытаясь согреться и прогнать озноб, который, казалось, ни на секунду не оставлял ее. Она просидела с мужем и сыном почти до полуночи, а на утро у нее даже не хватило сил открыть подарки, предназначенные для нее. Брюс тогда подарил ей теплую шаль из шотландской шерсти, чтобы она могла кутаться в нее и греться, и мать со слезами радости и ясным пониманием скорой кончины все благодарила и благодарила Брюса, не в силах оторваться от его рук, крепко обнимавших ее.

– Я на кухню, – услышал Брюс откуда-то из далека хрипловатый голос отца. Подняв голову, он заметил блестевшие в глазах старика слезы.

– Давай, а я разбужу Викторию и устрою ей небольшой сюрприз, – ответил Брюс и, поднявшись, направился в спальню к девушке.

Виктория мирно спала, лежа на спине. Брюс, присев рядом, какое-то время умилялся ее красоте и нежности, но потом, склонившись над девушкой, легонько поцеловал в щеку.

– Просыпайся, принцесса! – тихо сказал он.

– Ммм, – протянула Вика и открыла глаза. Увидев Брюса, девушка обрадовалась и тут же улыбнулась мужчине, но воспоминания о прошлом вечере не заставили себя долго ждать и, ворвавшись в мысли Вики, несколько охладили ее пыл.

– Который час? – настороженно спросил она, приподнявшись на локтях.

– Почти десять, – ответил Брюс, – как поспала?

– Отлично, – соврала Виктория, пытавшаяся в те минуты разглядеть в Брюсе хоть какой-то намек на то, что на него нашло вчера.

– У меня для тебя небольшой сюрприз, – признался мужчина, улыбаясь.

– Да, и где же он? – поинтересовалась Виктория, несколько встревоженная словами Брюса. А что, если он сейчас преподнесет ей в подарок кожаную плетку, ошейник и еще что-нибудь в таком духе? Девушка уже не знала, что он него ожидать.

– Он внизу. Пойдем, – протянул ей руку Брюс.

Встав, Вика только накинула халат на ночную рубашку и надела теплые тапочки.

– Так, а теперь, закрой глаза и не открывай, пока я тебе не разрешу, – попросил ее Брюс, распахнув перед девушкой дверь.

– Но как же я спущусь по лестнице? – удивилась Виктория, в то же время обрадовавшись, что сюрприз внизу, ведь там его бы увидел и Эван, а значит, это не могло быть что-то из ряда вон выходящее.

– Я поддержу тебя. Ну, пошли, – попросил Брюс, осторожно обняв девушку за талию.

Вздохнув, Виктория все же закрыла глаза и доверилась мужчине. Медленно они начали

спускаться вниз. От Брюса не скрылось, как напряжено все тело и мышцы девушки, словно она жутко боится чего-то.

Не спеша они дошли до гостиной, где и остановились. Вика, как и обещала, держала глаза закрытыми и не подглядывала. В гостиной стояла тишина и только из кухни доносилась музыка, лившаяся из старого радиоприемника Эвана.

– Теперь можешь открыть глаза, – радостно сообщил девушке Брюс.

Послушавшись мужчину, Вика разжала плотно зажмуренные веки, но какое-то время ничего не видела перед собой кроме ярко-желтых бликов и пятен. Однако, как только ее глаза освоились и смогли фокусироваться, она тут же заметила небольшую елочку, стоявшую возле окна. Поняв, что это и есть сюрприз Брюса, на сердце у девушки отлегло.

– Как мило! Знаешь, у меня ведь не было настоящей новогодней елки уже несколько лет, – сказала Виктория, подойдя к дереву и прикоснувшись к его веткам, покрытым колючими иголками, – спасибо, Брюс!

Девушка обернулась, чтобы легонько поцеловать Брюса в губы, но мужчина крепко обнял ее и поцеловал так страстно, что ноги Виктории подкосились, и она, забыв обо всем на свете, ответила на его поцелей. Время словно остановилась, пока они целовались.

– Тебе правда нравится? – переводя дыхание, спросил Брюс.

– Да, очень, – ответила Вика, вновь повернувшись к елочке, – последние годы родители ставили искусственную ель, потому что так было дешевле, да и лучше для леса. Но все же ничто не сравнится с настоящей елкой и ее приятным хвойным ароматом! Хоть мне и жаль срубленное деревцо.

Девушка присела на корточки и полной грудью вдохнула хвойный запах дерева, окунаясь при этом в свои детские воспоминания.

– Ой, Брюс, у нас ведь нет украшений для нее! – спохватившись, сказала Виктория.

– А вот и не угадала! Они на чердаке. Пойдем, достанем их.

Как дети, они вдвоем наперегонки побежали наверх, толкаясь и смеясь при этом. У Брюса сразу поднялось настроение, как только он увидел радостный блеск в глазах и широкую улыбку Виктории. «Как хорошо, что все в порядке», – пронеслось у него в голове, когда они уже подходили к чердаку.

– Ого, я и не знала, что у вас есть чердак, – сказала Вика, наблюдая, как Брюс открывает люк, ведущий наверх, и ставит под него стремянку.

– Да уж, надо бы его разобрать. Там столько барахла, что ты себе не представляешь, – отозвался мужчина, забравшись наверх.

– А, можно и мне его осмотреть? – попросила Виктория, – но только не сейчас! Не хочется пачкать белый халат.

– Да, конечно, когда захочешь. А сейчас просто поднимись на пару ступенек, и я передам тебе елочные украшения.

Вика послушно выполнила просьбу Брюса и тот, свесившись из люка, протянул ей большую и увесистую коробку, в которой позвякивали рождественские украшения. Коробка весила довольно много и Виктория, еле удерживая ее на весу, поспешно спустилась со стремянки и поставила свой груз на пол.

– Можно открыть? – спросила девушка.

– Конечно, – раздалось сзади: Брюс уже почти спустился с чердака.

К своему удовольствию девушка обнаружила в коробке множество красивых старых и новых рождественских украшений для елки. Здесь были и алые шарики, напомнившее ей о

почти таких же советских из ее детства, и поблекшие вырезанные из дерева фигурки животных и играющих детей, принадлежавшие, по всей видимости, к началу двадцатого века, и яркие серебристые и золотистые гирлянды, и старые разноцветные леденцы, ставшие уже несъедобными, но сохранившие свое очарование.

– Да это же настоящий клад! – зачарованно сказала Виктория.

– Это точно! Давай, я помогу отнести коробку вниз, и ты сможешь заняться елью.

Вика, которой просто не терпелось разглядеть все содержимое коробки, радостно закивала головой и направилась вслед за Брюсом. Девушка даже не стала переодеваться и, как была в ночной сорочке и халате, опустилась на колени возле рождественского дерева и принялась наряжать его.

Видя, что девушка довольна сюрпризом и будет занята еще какое-то время, Брюс, вначале помогавший ей, встал с колен и обратился к ней:

– Я пойду на кухню. Узнаю, нужна ли отцу помощь.

Виктория кивнула и продолжила украшать елку. Девушка забыла, сколько радости ей приносило это занятие в детстве, и сейчас она словно перенеслась на годы назад и видела перед собой не обстановку в шотландском доме и небольшую ель, а гостиную в родной квартире и высокую, ароматную елку-красавицу, которую ее отец принес с рынка.

– Эх, мама и папа, хочется верить, что у вас все хорошо, – вслух сказала Виктория на русском языке, зная, что ее все равно никто не поймет.

Но ностальгические мысли о детстве и доме вскоре уступили место более творческим: какую игрушку куда повестить, как лучше украсить дерево гирляндой и какой из звезд (их оказалось две) увенчать макушку ели. Незаметно для себя Вика провозилась в гостиной около часа и, встав с колен и посмотрев на часы над камином, спохватилась, что до сих пор не одета. Решив, что помощь мужчинам на кухне может подождать, Виктория направилась наверх, чтобы сходить в душ и переодеться. Она понятия не имела, в чем обычно отмечают рождество в Великобритании, и все время пока мылась в душе, думала, что же ей выбрать: красивую черную блузку с золотистой вышивкой или же теплый шерстяной джемпер? В блузке она безусловно смотрелась бы куда красивей и элегантней, нежели в свитере, но зато на большинстве британских рождественских снимков, что ей довелось видеть в журналах, люди обычно были одеты в забавные теплые свитера с рождественской тематикой: снежинками, оленями, Санта Клаусом или эльфами.

«Пока что остановлюсь на свитере, а там посмотрим», – приняла решение девушка, натягивая теплый джемпер. Ее обида на Брюса отступила на второй план и Виктория по непонятным для нее самой причинам вдруг почувствовала какое-то приятное возбуждение от предстоящего праздника. Нечто похожее она ощущала ребенком перед Новым Годом.

Вспомнив про подарки, девушка достала из своей сумки заранее завернутый презент для Эвана: матрешку и изображение Санкт-Петербурга, выполненное акварелью. Все, как и посоветовал Брюс, которому девушка так ничего и не купила, решив узнать, что же он сам у нее попросит.

Прихватив пакет для Эвана, Виктория спустилась вниз, намереваясь положить под елку подарок, и крайне удивилась, увидев там уже четыре завернутых в красочные упаковки свертка.

– Ну, ничего себе! – сказала Вика, добавив свой подарок к остальным.

– Ты что-то сказала? – спросил Брюс, зашедший в тот момент в гостиную. От мужчины приятно пахло едой, от чего девушка вспомнила, что ничего не ела с прошлого вечера.

– Когда вы успели положить сюда все эти подарки? – удивилась Вика.

– Пока ты мылась в душе.

– Вам помочь на кухне?

– Па почти закончил начинять индейку крупой и черносливом. Поскольку ему помогал я, блюдо должно получиться изумительным.

– Еще бы! – рассмеялась, Вика, – самолюбия тебе не занимать. Давай, я хотя бы что-нибудь сделаю. К тому же я бы не отказалась от чашки кофе и легкого завтрака. Насколько я понимаю, сильно наедаться смысла нет. Вы собираетесь закормить меня за ужином, не так ли?

– Ты все правильно поняла, – ответил Брюс, подойдя к девушке и обняв ее за плечи, – и откуда ты узнала про наш коварный план?

– По-моему, вы все в этой стране так делаете, судя по тому, что я прочитала в Интернете и журналах. Видишь, я готовилась.

– Твои источники не соврали. Мы действительно едим довольно много в этот вечер, а также смотрим всякие нелепые телепередачи и фильмы, а под конец напиваемся и тихо и мирно идем спать.

– Как мило, – отозвалась Виктория.

– А как у вас отмечают Рождество?

– Рождество – все же религиозный праздник. Люди ходят в храмы, молятся. Словом, все очень миролюбиво. Без особого чревоугодия.

– Как-то скучно…

– Ты просто ни разу не отмечал в России Новый Год. Если бы отмечал, то не говорил бы так. Для всех нас – это едва ли ни главный праздник в году и веселимся мы в новогоднюю ночь по максимуму.

– Расскажешь мне об этом за едой, – сказал Брюс, увидев, что девушка не переставая смотрит на дверь, ведущую на кухню, откуда до них долетали аппетитные запахи и низкий тембр Эвана, напевавшего рождественские мелодии.

С того момента как девушка зашла на кухню и до самого вечера, она, казалось, не переставала есть. Легкий завтрак перешел в пробу всех рождественских блюд, после чего плавно перетек в поздний обед или же ранний ужин. И вот наевшаяся почти до дурноты Виктория сидела рядом с Брюсом и несколько отрешенно смотрела на дымящуюся рождественскую индейку, стоявшую перед ними. Девушка не привыкла столько есть и, когда Брюс, отрезав от птицы небольшой кусочек, положил ей его на тарелку, тяжело вздохнула.

– Что, наелась? – участливо спросил Эван.

Вика кивнула.

– Тогда немного виски поможет побыстрее переварить уже съеденную пищу и приняться за новую. Брюс, сынок, налей-ка нам всем по стаканчику.

Эван, на самом деле начавший употреблять виски еще с утра, решил, что сейчас самое время для официального начала распития алкоголя, и радостно потирал руки, глядя на бутылку виски двадцатилетней давности, стоявшую на столе.

– Это что, из запасов тетушки Энн? – удивился Брюс, беря бутылку.

– Да, из ее самых, – радостно согласился Эван, однако, упоминание о тете Брюса вызывало в душе у Виктории весьма неприятное чувство: девушка вновь вспомнила историю с браслетом и почему-то с облегчением подумала, что все же не решилась надеть его, не

смотря на, казалось бы, весьма подходящий повод – Рождество.

– Так, пьем до дна! – сказал Эван, как только Брюс, разлив всем виски, поставил бутылку на стол.

Брюс с Викой сделали только по глотку и оба слегка закашлялись, поскольку напиток отличался весьма терпким и несколько жестким вкусом.

– Эх, молодежь… – начал Эван, посмотрев на них, и тут же перешел к повествованию о годах своей юности.

Виктория, поначалу старавшаяся слушать старика внимательно, очень быстро потеряла нить его повествования отчасти из-за шотландского акцента, становившегося все более выраженным по мере того, как Эван пьянел. Девушка переместила свое внимание на телевизор, тихо работавший в углу гостиной, по которому показывали один из старых британских фильмов про Рождество, никогда до этого не виденный Викторией.

Заметив, что девушка несколько заскучала, Брюс, отложив вилку и нож, подвинулся поближе к ней.

– Ты как? – поинтересовался мужчина.

– Все хорошо. Я так наелась! Теперь стану толстой, и ты меня оставишь, – пошутила девушка.

– Не думаю, что твои пышные формы отпугнут меня. Скорее – наоборот, – ответил Брюс и поцеловал девушку в кончик носа, – мой отец еще долго может разглагольствовать ни о чем, не взирая на то, что его никто не слушает.

– Пусть. Мне даже интересно, но я не все понимаю.

– Знаешь, а у меня есть идея получше.

– И какая же? – удивленно спросила девушка, несколько испугавшись.

– Через десять минут увидишь, – подмигнул ей Брюс.

– Почему через десять?

– А ты глянь на па: он уже откинулся в кресле, да и говорить стал медленнее. Того и гляди заснет. Вот тогда-то ты и узнаешь.

Вике совсем не понравились слова Брюса, и она вновь вспомнила прошлый вечер и тот странный секс, что у них был. Ей совсем не хотелось повторения, и она немного нервно спросила:

– А с чем связана твоя идея?

– Помнишь, я говорил, что мне не нужно подарка на Рождество, а то, что я хочу, скажу тебе в рождественский вечер?

– Да, – тихо ответила Виктория, сглотнув. В голове у нее уже промелькнуло несколько диких предположений сексуального характера. «Хоть бы он не попросил чего-нибудь подобного», – подумала девушка, а сама сказала, – а что, если я не смогу сделать тебе такой подарок?

– Значит, так оно и должно быть.

Девушка кивнула, а сама взялась за стакан с недопитым виски и, превозмогая не понравившийся ей вкус напитка, покончила со своей порцией, чтобы хоть как-то расслабиться и успокоиться. Через время Эван действительно замолчал и, откинув голову на спинку кресла, задремал. Заметив это, Брюс, приложив палец к губам, прося тем самым тишины, встал из-за стола и поманил за собой Викторию.

Не хотя, девушка последовала за мужчиной в коридор.

– Я помогу тебе с пальто, – шепотом обратился Брюс к девушке.

– Мы что, идем на улицу? – удивилась Виктория.

– Пройдемся недолго. Ты не против? Я сам объелся и хотел бы растрясти индюшку со всеми подливами и овощами, что я съел.

– Хорошо, – согласилась девушка и вышла вслед за Брюсом из дома.

На улице сильно похолодало, и изо рта девушки вырывались огромные клубы белого пара, а отсутствие поблизости других домов и цивилизации как таковой, делали это место необычайно тихим и темным. Это придавало всей атмосфере несколько волшебный характер, поэтому Виктория решила не обращать особого внимания на холод, начавший щипать ее разгорячённые теплом, едой и виски щеки.

– Куда мы идем? – спросила девушка, стараясь ступать за Брюсом след в след, чтобы не потерять мужчину из вида и не наступить в лужу или грязь, – и как ты так хорошо ориентируешься в темноте?

– В темноте? Ты взгляни на небо! – ответил Брюс, остановившись.

Девушка подняла глаза и только тут заметила, что тучи рассеялись и весь небосвод сверкал звездами, словно бриллиантами, разбросанными на бархате, а в центре всей этой красоты сияла золотистая луна.

– Ух ты! Звезды кажутся такими низкими и… сверкающими! – восхитилась Виктория, давно не видевшая ничего подобного. На природу за последние годы она почти не выезжала и воспоминания о звездном небе относились только к ее детству, часть которого она провела у бабушки под Смоленском.

– Да, небо очень красивое, – согласился Брюс, – но ты красивее.

Мужчина обнял девушку и нежно поцеловал в лоб.

Они отошли совсем недалеко от дома и сейчас стояли под большим раскидистым дубом, росшим возле некогда стоявших на въезде ворот.

Некоторое время молодые люди стояли молча, обнявшись. Никто не хотел говорить: обоим было так хорошо, что ни один из них не хотел прерывать этого момента, наполненного счастьем и спокойствием. Страхи Виктории вдруг показались ей самой глупыми и беспочвенными. И как она могла допустить такие грязные и низкие мысли о Брюсе? А эта история с браслетом – просто родовое предание, к которому не следует относиться так серьезно. Пока Вика думала обо всем этом, Брюс достал из кармана что-то совсем крохотное и сжал предмет в ладони.

– Виктория, – серьезным и немного сиплым голосом начал он, – я вот, что хотел сказать.

Но после этих слов мужчина вновь смолк.

Девушка насторожилась и добавила:

– Я слушаю, продолжай.

– В общем, я думаю, что мне с тобой так хорошо, как ни с кем никогда не было и не будет. Глупо с моей стороны надеяться, что ты так быстро почувствуешь ко мне тоже самое, да и, возможно, никогда не почувствуешь, но все же. Я знаю и вижу, как тебе иногда одиноко и как ты скучаешь по близким и по своей стране. Но я-то ведь эгоист и невероятно рад, что ты сейчас со мной, а не в далекой России. Мне бы хотелось, чтобы так было всегда. То есть, я хочу сказать, что, конечно, не имею ничего против твоих поездок домой, таких частых, каких ты сочтешь нужными, но все же мне бы хотелось, чтобы большую часть времени ты проводила со мной. Конечно, мы мало знаем друг друга и все такое, и я даже не представляю, насколько глубоки твои чувства, но в своих я точно уверен и не отступлюсь.

Как всегда, говоря что-то важное Вике, Брюс, обычно такой уверенный в себе, начинал путаться и запинаться и до Виктории так полностью и не дошел смысл всего того, что хотел сообщить ей мужчина.

– Брюс, что ты хочешь этим сказать? Я немного не понимаю. Прости, это все мой дурной английский и выпитое виски…

– Твой английский прекрасен, и ты совсем не пьяна. Просто я, как дурак, не могу сказать того, что хочу. Может быть, так станет понятнее.

Выпустив Викторию из своих объятий, мужчина немного отошел от нее и, опустившись на одно колено, протянул ей тот предмет, что до этого скрывал в кармане.

Поняв, что все это значит, Виктория ахнула. Она никак не ожидала, что все может зайти так далеко за такое короткое время. Если бы луна светила еще ярче, то Брюс бы увидел, как и без того розовые щеки девушки сделались красными, как свекла. Сердце Вики стучало, как бешеное, а во рту вдруг резко пересохло.

– Я… я…я не знаю, что и сказать, – наконец выдавила из себя девушка, так и не притронувшись к сверкавшему кольцу, находившемуся в открытой коробочке, которую держал Брюс.

– А ты ничего пока и не говори, – ответил за нее Брюс, встав и взяв ее за руку, – ты просто подумай, – закончил он, надев кольцо на безымянный палец ее левой руки.

Из-за темноты девушка не могла хорошенько разглядеть кольцо, но все же блеск камней не скрылся от ее глаз.

– Но, Брюс, я не могу это принять. Ты ведь меня толком не знаешь, и вообще мы оба еще не знаем, что произойдет с нами дальше. Честно, лучше не стоит.

– Я не хочу думать о далеком будущем. Я хочу жить настоящим. И сейчас ты моя и только моя. А кольцо на твоем пальце пусть станет символом того, что мое сердце в твоих руках и ты в воле распоряжаться им как хочешь: можешь выбросить и растоптать или оставить себе.

– Ох, первый вариант просто ужасен.

– Знаю, знаю, – рассмеявшись, ответил Брюс, – я немного переборщил. Ну так что, ты готова услышать мое рождественское желание?

– А разве то, чему я сейчас стала свидетельницей и даже участницей, не являлось им? – удивилась еще не пришедшая в себя Виктория.

– Только отчасти.

– Хорошо. Говори.

– Я прошу тебя подумать. Только и всего. Подумать о том, что я тебе только что сказал. Не нужно скоропалительных решений. Возможно, тебе даже следует съездить домой, чтобы собраться с мыслями. Я не против. Я готов ждать столько, сколько понадобится. Просто подумай.

– Ладно. Обещаю, – уже серьезно ответила девушка, – я действительно подумаю. Не стану говорить сейчас «нет» и приму кольцо.

– Замечательно! А теперь, второе желание.

– Но, Брюс! Это уже слишком! Речь ведь шла только об одном, – запротестовала девушка.

– Знаю-знаю, но в рождественскую ночь ведь возможны чудеса? Прошу, не отказывай бедняге, сердце которого ты и так покорила.

– Ну, что там еще? – смеясь, спросила Виктория.

– Можно я тебя поцелую?

– Это и есть твое желание? – удивилась девушка.

Брюс кивнул, пристально глядя Вике в глаза.

– Хорошо, – уже серьезно ответила она, чувствуя, как от взгляда мужчины все внутри нее сжимается, а земля уходит из-под ног.

Брюс обнял девушку и, прикоснувшись губами к ее губам, целовал сначала робко и нежно, но со все нарастающей страстью, то легонько касаясь ее губ, то впиваясь в них, как в спелый сочный фрукт, дразня и сводя с ума Викторию, еле стоявшую на ногах от приятного головокружения.

Незаметно для них обоих пошел снег, обещанный синоптиками только через несколько дней. Мягкие белые хлопья ложились на плечи, волосы и пальто Брюса и Виктории, но они этого не замечали, как не обращали внимания и на то, как все вокруг покрывалось белой тонкой вуалью из снега. Снежинки все падали и падали, и только когда порыв сильного северного ветра вдруг резко ударил по влюбленным, они наконец оторвались друг от друга.

– Пойдём в дом? – спросил Брюс, придя в себя первым, – ты, наверное, замерзла?

– Нисколько, – ответила Виктория, что являлось сущей правдой, – мне ужасно жарко!

Брюс только улыбнулся и обнял девушку за талию.

– Смотри, как красиво вокруг! И снег пошел, – только заметила девушка, все еще ошеломленная словами Брюса.

– Действительно.

– Снег на Рождество – это ведь здорово? – спросила Виктория.

– Это замечательно! – подтвердил Брюс, – это хороший знак, да и завтра, если он не растает, можно будет поиграть в снежки.

– Честное слово, ты как ребенок! – смеясь, сказала Виктория.

Когда они уже дошли до входной двери, девушка взяла Брюса за руку и остановилась.

– Все в порядке? – спросил он, повернувшись к ней.

В тот момент Виктория выглядела, как снежная королева. Ее волосы покрывали блестящие снежинки, создававшие необычайной красоты ореол вокруг ее головы. Раскрасневшиеся щеки и слегка припухшие от поцелуя губы делали ее похожей на ребенка, а глаза – большие, яркие и широко раскрытые проникали, казалось, в самую душу Брюса.

– Ты самая красивая женщина на свете! – только и смог выговорить он.

– Спасибо, – ответила Виктория.

Брюс нагнулся, чтобы вновь поцеловать ее, но девушка остановила его, прижав на несколько секунд ладонь к губам мужчины.

– Я бы хотела сказать тебе кое-что.

– Я весь внимание, – ответил Брюс.

– Когда ты делал мне предложение, то сказал, что не знаешь, насколько сильны мои чувства к тебе. Так вот, со всей серьезностью, на какую я только способна, заявляю, что люблю тебя всем сердцем.

Брюс застыл, словно пораженный молнией, но уже через пару секунд пришел в себя и, обхватив Викторию за талию, притянул девушку к себе.

– Вики, и я тебя очень сильно люблю! Ты не представляешь, каким счастливым ты меня сейчас сделала.

Виктория рассмеялась и посмотрела в глаза мужчине.

– Ты тоже делаешь меня очень счастливой. Такой счастливой, что я иногда боюсь, что

все это – сон и очень скоро я проснусь и от тебя не останется ничего, кроме воспоминаний, – ответила Вика.

– Ну, уж моего исчезновения, вы мисс, точно не дождетесь. Это я должен быть все время на чеку, чтобы ни в коем случае не потерять тебя.

– Не думаю, что тебе стоит беспокоиться об этом.

– И все же ты стала мне так дорога, что я уже не представляю жизни без тебя, – сказал Брюс и Виктория, глядя в его глаза, полные любви и нежности, поняла, что это правда. Мужчина действительно любил ее и Виктория, решив, что слова окажутся лишними, просто поцеловала Брюса со всей нежностью, на какую была способна.

Глава 11.

В ту ночь все казалось Вике волшебным: и невероятно нежные ласки Брюса, и мягкий сверкающий снег за окном, и тихое поскрипывание старого дома. Девушка какое-то время лежала без сна на спокойно вздымавшейся груди Брюса, который уже давно уснул. Счастье и внутреннее спокойствие переполняли ее душу и были готовы вырваться наружу.

«Если бы сейчас за мной пришла Смерть, – думала Виктория, глядя в незанавешенное окно, за которым снег, медленно кружась, падал на землю, – то я бы умерла счастливой. И не важно, что меня бы не стало, ведь мне так хорошо сейчас. А что еще нужно для счастья?».

Закрыв глаза, девушка какое-то время пыталась заснуть, но не смотря на приятную истому, усталость и сытость ей не удавалось этого сделать. Перевернувшись на другой бок, она открыла глаза и вновь оглядела комнату, наполненную тенями. Но темнота не испугала Вику. Даже воспоминания о темной фигуре не тревожили ее. Наоборот, девушка чувствовала себя уверенно и комфортно.

Решив попить, Виктория встала с постели и подошла к туалетном столику, где стояла недопитая бутылка минеральной воды Эвиан. Сделав пару глотков, девушка перевела взгляд на старый фотоальбом и браслет, лежавший рядом. Отставив бутылку, Вика взяла браслет в руки и подошла к окну. Лунный свет и снег давали достаточно освещения, чтобы разглядеть замысловатое переплетение серебра и кроваво красные блики камней. Хорошенько присмотревшись к орнаменту украшения, девушка перевела взгляд на свою левую руку, на безымянном пальце которой сверкало подаренное Брюсом кольцо. Переплетения белого золота, державшего камни, сильно напоминали дизайн браслета, что немало удивило девушку. «Не уж то Брюс специально заказал кольцо в дополнение к браслету?», – подумала она, вглядываясь еще пристальнее. В середине кольца красовался небольшой бриллиант, грани которого переливалась и сверкали, точно снежинки за окном, а по обе стороны от бриллианта были вставлены красные камни. «Рубины и гранаты, как и в браслете? – задумалась Виктория, – наверное, Брюсу действительно дорог этот браслет, если он и кольцо решил выбрать под стать ему. Только, вот, не слишком ли быстро все происходит?».

Поняв, что тревожить себя навязчивыми мыслями не имеет смысла, Виктория вернула браслет на прикроватный столик, но кольца не сняла, и еще какое-то время смотрела на него в полумраке, думая, что ей теперь делать. Брюс по мнению девушки сильно поторопился с предложением руки и сердца, ведь толком они так и не узнали друг друга. Да и к тому же сам процесс женитьбы британца на иностранке казался Виктории весьма сложным и длительным из-за бумажной волокиты, связанной с российским гражданством Вики. Однако мучало девушку вовсе не это: Вика боялась своих чувств и того, что она готова хоть сейчас сказать Брюсу «да», совсем не думая о последствиях, как для самой себя и Брюса, так и для остальных.

«Как же родители, например, – рассуждала про себя девушка, – как я им объясню такой поспешный шаг? И как часто мы сможем видеться? Они ведь вряд ли станут летать ко мне в Англию, а часто ездить в Россию довольно накладно. Да и что я стану делать здесь? Я и у себя на родине не знаю, чем заняться и в каком направлении двигаться, а что уж говорить про чужую страну, которую я совсем не знаю? Нет, так не пойдет. Сначала я сама должна встать на ноги, найти себя, и только потом выходить замуж, иначе, я просто попаду в золотую клетку и стану материально и психологически зависеть от Брюса».

Виктории очень нравился Брюс во всех отношениях: как человек, как друг, как любовник. С ним ей было легко и хорошо, словно они знакомы уже много лет. Но действительно ли это настоящая любовь? Или всего лишь страсть и эйфория новых отношений? Какова вероятность того, что и через десять лет чувства Виктории не изменятся?

Уставшая от подобных мыслей, Вика наконец легла и решила отрешиться от всего, начав считать про себя от ста до одного. Примерно на шестидесяти пяти девушка зевнула и почувствовала, как ее веки тяжелеют, а спутанные мысли отступают назад, давая дорогу безмятежной легкости сна. На пятидесяти семи Виктория уснула.

Ни тени, ни свет, ни какие-либо другие явления природы или сверхъестественного не потревожили сон обитателей дома, и только холодный ветер с гор со все усиливавшейся силой кружил снег, начавший постепенно покрывать все вокруг.

– С Рождеством, соня, – прошептал Брюс в ушко Виктории.

– Ммм… который час? – сонно протянула девушка.

Утренний свет заливал комнату и холодное низкое декабрьское солнце светило ей прямо в лицо.

– Почти одиннадцать, – ответил Брюс, потягиваясь.

– Пора вставать, да? – спросила она, зевая, – я как-то не выспалась.

– Ты что, не хочешь открыть свои подарки? – удивился Брюс, – когда я был маленький, я всегда вставал на Рождество, как только поднималось солнце, и сразу бежал к елке распаковывать подарки.

– Ммм… – только и смогла выдать Вика, продолжая дремать.

– Давай, вставай! – начал легонько трясти ее Брюс, – а то проспишь весь день, а завтра мы, между прочим, уезжаем домой.

– Точно, – вспомнила Вика, – ты прав. Нужно вставать. Твоему отцу будет приятно провести с нами сегодняшний день, не так ли?

– Думаю, что да. Но мы могли бы и немного прогуляться, – предложил Брюс.

– Хорошо, хорошо. Я встаю. Заскочу в душ и через пятнадцать минут спущусь. Можешь поставить мне кофе? – попросила Вика, вставая с кровати.

– Идет. И да, вчера все было просто чудесно!

– Ты это о Рождественском ужине, твоем предложении или же о том, что случилось в этой постели? – усмехнувшись, спросила девушка.

– Обо всем. Ты невероятная! Правда, Виктория. Я хочу, чтобы ты это знала.

Брюс не сказал девушке «люблю тебя», но за его словами и взглядом явно угадывалось именно это чувство.

– С Рождеством и добрым утром! – поприветствовал Эван Вику, как только она спустилась вниз, – Спасибо за подарки! Они изумительные.

– Рада, что вам они понравились, – ответила девушка.

До ее носа доносился аромат крепкого кофе из кухни, но ей казалось невежливым сначала не открыть подарки, заботливо приготовленные для нее Эваном и Брюсом.

– Сейчас посмотрим, что же досталось мне, – сказала Вика, подойдя к рождественской ели и взяв в руки два свертка с ее именем на них.

Завернутый в ярко-красную бумагу подарок, подписанный уверенным и наклонным

почерком Брюса, девушка открыла первым. Чудесный деловой портфель пришелся ей по вкусу и весьма кстати подходил для ее деловых планов, касающихся поиска работы, о коих она поведала присевшему неподалеку от нее на диван Эвану. Вторым подарком оказался широкий и теплый плед с рисунком тартан. Эван выбрал этот подарок для Виктории, решив, что она непременно замерзнет в Шотландии, ведь старик не знал, что девушка весьма привычна к холоду.

– Плед просто восхитителен, – закутавшись в него, девушка подошла к Эвану и поцеловала старика щеку, отчего тот слегка покраснел.

– Хорошо, если нравится. Это наша местная шерсть и рисунок клана матери Брюса, а значит и рисунок Брюса.

– Он не рассказывал мне об этом: о кланах и тартане.

– На него это не похоже. Я думал, что он в первый же вечер завалил тебя подробностями своей генеалогии.

– Нет, ничего такого.

– Странно-странно. А как же альбом? Он ведь достал его с чердака специально для тебя.

– Мы его еще не смотрели. Я видела только одну фотография, – после этих слов девушка запнулась, вспомнив историю женщины со снимка.

– И?

– Я, пожалуй, пойду на кухню. Очень хочется кофе, – сказала Виктория, не желая продолжать.

«Пусть мертвые покоятся с миром», – думала девушка, направляясь на кухню.

Брюс стоял к ней спиной и намазывал арахисовое масло на тосты. Две кружки с черным кофе стояли рядом с плитой и Виктория, подойдя, взяла одну из них.

– Вот и ты! Посмотрела подарки? – спросил Брюс.

– Да. Спасибо за портфель! Он классный! – поблагодарила Виктория.

– Гравировку видела?

– Да, конечно. Ты все хорошо придумал. Осталось только, чтобы у меня хватило сил, мозгов и умений на все то, о чем мы с тобой иногда говорили: на претворение моих планов и идей в жизнь.

– Думаю, что у тебя все получится. Я даже не сомневаюсь в этом, – подбодрил ее Брюс, понимая, что ей это необходимо.

– Но я пока сама толком не поняла, чем хочу заниматься: хочу ли работать на кого-то или же на саму себя, – застонала Виктория, понимая, что, наверное, выбирает неверный путь. Она же финансист, в конце концов, и проще и надежнее идти по проторённому пути, найдя стабильную работу в крупной финансовой компании в России или даже в Великобритании.

– Ты еще успеешь разобраться в себе, – ответил Брюс, – живешь только один раз и пока не попробуешь все, что тебе интересно, не узнаешь, стоила ли игра свеч. К тому же ты всегда сможешь вернуться на то же место, с которого начала. Ладно, не стоит загружать сегодняшний день такими серьезными мыслями. Пойдем-ка лучше к отцу в гостиную. Похвастаюсь тебе своим подарком от него.

Обняв девушку за талию одной рукой, а в другой держа тарелку с тостами, Брюс повел ее прочь из кухни, надеясь за приятным и легким разговором развеять мысли девушки о неуверенности в себе.

Весь день пролетел для Виктории, как один миг. Она уже давно подметила, что все

приятные события в ее жизни, будь то встреча с друзьями, отпуск или же, как сейчас, праздничный уик-энд, проходят очень быстро, уступая место суровым рутинным будням. А воспоминания о замечательно проведенном времени кажутся не более, чем сном, приснившемся давным-давно и оставившим сладкий осадок в душе.

Вика почти ежечасно ловила себя на мысли о том, как же быстро пролетело время и как ей хорошо сейчас. Она хотела запомнить каждый миг этого дня, чтобы потом, где бы она ни оказалась, в родном Питере или в пока что чужом Стратфорде, могла вспоминать эти моменты уюта и радости. Сама от себя того не ожидая, но за пару дней девушка привязалась к Эвану, забыв о том, что он ей совсем чужой человек, к тому же иностранец. Их шутки, мысли и мнения по различным вопросам, казалось, были настроены на одну волну. Вика знала, что ей станет не доставать Эвана, стоит ей только покинуть его дом, а еще она искренне надеялась, что и старику она понравилась. Ведь пару раз девушка ловила на себе его пристальный взгляд, несколько холодный и отстранённый, что казалось совсем нехарактерным для мягкосердечного и добродушного Эвана. Но буквально через мгновение старик менялся в лице и снова смотрел на девушку с привычной добротой в глазах.

После завтрака, когда Брюс и Виктория вышли на прогулку по заснеженным полям, девушка наконец осмелилась спросить мужчину:

– Как думаешь, я нравлюсь твоему отцу?

– Что за глупости!? Конечно, нравишься, – ответил Брюс

– Сначала я тоже так решила, но иногда он так странно смотрит на меня, словно ждет чего-то недоброго.

– Ерунда. Просто он порой выпьет лишнего, вот и взгляд у него становится таким, – постарался успокоить Викторию Брюс, хотя сам немного напрягся, вспомнив свой разговор с отцом о девушке.

– Не знаю. Хочется верить, что ты прав, потому что мне он жутко нравится.

– Не переживай. Кстати, ты не против, если он какое-то время поживет с нами в Стратфорде? Пока здесь займутся ремонтом.

– Нет, конечно. Нисколечко. Хотя, погоди. Что значит «не против» и «поживет с нами»? Это ведь твой дом, Брюс! К тому же, мы ведь сами еще не знаем, как все сложится. Да и виза у меня не вечная.

– Ах, да. Эта дурацкая виза! Постоянно про нее забываю, – вздохнул Брюс, – но ты же знаешь, что если станешь моей женой, то эта проблема отпадет сама собой.

– Не стоит опережать события, – вздохнув, ответила Вика.

– Ладно, попридержу коней.

Какое-то время молодые люди шли молча, каждый думал о своем, и мысли эти были отнюдь не самыми радостными. Брюсу ужасно не хотелось терять любовь, которую он так долго искал и наконец обрел. Он знал, что рано или поздно девушке придется покинуть его, но пока что старался об этом не думать, утешая себя тем, что пока она рядом, а если и уедет, то ненадолго и вскоре вернется. Его несколько поразила ее реакция на его предложение руки и сердца. Наслышанный о желании девушек из Восточной Европы как можно быстрее выйти замуж за иностранца и уехать заграницу, он полагал, что Вика обрадуется и сразу даст согласие на брак. Конечно, он не относил свою избранницу к классическому типу «русских невест», о которых ему талдычили все его знакомые, но в душе все же склонялся к тому, что дыма без огня не бывает и, следуя стереотипам, девушка все же должна была согласиться. «Наверное, я поспешил с этим, – думал про себя мужчина, – Виктория – совсем особенная и

подход к ней нужен особенный, а я, дурак, напугал ее своим напором. А, возможно, она все еще не забыла того русского парня, и вся причина в этом?» Брюс ощутил острый укол ревности в самое сердце, от чего даже несколько скривился, словно представил Викторию в объятиях другого мужчины. По какой-то причине он увлекся этими мыслями и продолжал угрюмо молчать, что не скрылось от Виктории, решившей, что британец обижается на нее из-за ее желания повременить с замужеством.

– Завтра мы выезжаем рано утром, так что я лягу пораньше, – сказал Брюс, когда они уже вернулись к дому.

– Хорошо, – только и ответила Вика, удивившись его несколько отстранённому и холодному тону.

– Я, пожалуй, поговорю с отцом и спрошу, нужна ли ему помощь в доме. Он, кажется, говорил, что на кухне иногда мигает свет. Я обещал посмотреть проводку.

– Конечно, иди. Я найду, чем себя занять.

– Точно? Скучать не станешь? – смягчившись, спросил Брюс и прижал девушку к себе.

– Не беспокойся. Я пока что соберу вещи.

Оставив девушку одну в холле, Брюс быстрым шагом прошел в гостиную, словно желая поскорее остаться наедине с собой. Ничего не понявшая Виктория начала медленно подниматься наверх, все еще недоумевая от странного поведения мужчины.

Зайдя в спальню, девушка с грустью оглядела ее скудную, но весьма уютную обстановку. Виктории совсем не хотелось покидать это место, хотя ее безусловно тянуло домой, правда, не к Брюсу в Стратфорд, а к себе – в Питер.

Подойдя к шкафу и вывалив оттуда часть его содержимого на постель, она начала медленно складывать вещи в дорожную сумку. Когда почти все кроме того, что она планировала надеть завтра, оказалось уложенным, девушка вспомнила про плед, подаренный Эваном. Он лежал на подоконнике рядом с кожаным портфелем Брюса. Взяв оба подарка и присев на край кровати, девушка вздохнула. Она знала, что эти вещи навсегда останутся для нее символом домашнего очага, уюта и, конечно, Шотландии.

Набросив на плечи теплый плед, Виктория хотела уже встать, чтобы положить подаренный портфель в сумку, но тут ее взгляд упал на фотоальбом, все еще лежавший на туалетном столике. Взяв толстый и тяжелый альбом, и забравшись на кровать с ногами, девушка открыла его и погрузилась в чью-то чужую и такую далекую жизнь. Виктории всегда нравилось разглядывать старые фотографии. Ей казалось, что таким образом она как бы сама переносилась на годы назад и становилась невольным свидетелем некоторых моментов жизни людей, иногда совершенно ей незнакомых.

Большинство снимков были сделаны в середине двадцатого века, и по всей видимости на них были запечатлены семья тети Брюса и его дальние родственники. Только на двух фотографиях девушка смогла узнать молодого Эвана, обнимавшего симпатичную женщину с короткими вьющимися волосами, вероятно, маму Брюса.

Пролистав примерно половину альбома, девушка начала замечать, что то тут, то там стали попадаться более старые снимки, относившиеся к началу двадцатого века. С замиранием сердца Виктория переворачивала страницу за страницей, одновременно боясь и желая увидеть столь похожую на нее внешне женщину. Желтоватые и потертые фотокарточки не всегда четко передавали лица людей, но ЕЕ Виктория бы узнала из тысячи. Откуда появилось это чувство, девушка не знала, но ни капли не сомневалась в нем.

Последнюю четверть альбома составляли фотографии фермы и дома семьи Брюса. Судя

по снимкам, мало что изменилось в окрестностях: все те же постройки из камня, суровые и массивные стены самого дома, холмистые поля и дикая природа.

Один снимок особенно заинтересовал Викторию: на нем был заснят фасад дома и двое мужчин на его пороге, навсегда застывшие в своих позах. Один из мужчин выглядел довольно зрелым, а его густые усы и очки на кончике носа придавали ему строгий и даже суровый вид. Второму мужчине можно было дать лет тридцать пять. Он смотрелся весьма элегантно и даже по-щегольски. Его тонкие усики, уложенные по моде кончиками наверх, напомнили девушке виденные ею фильмы о лондонских джентльменах или военных начала двадцатого века.

«Стоп! – пронеслось в голове у Вики, – военные! А вдруг это тот самый человек, кто изнасиловал, а потом пытался убить ЕЕ?». Виктория поспешила вытащить снимок из альбома и перевернула его в надежде увидеть подпись, год или еще что-либо на обратной стороне фотографии. Однако, к разочарованию девушки, там ничего не обнаружилось кроме пары темных пятнен.

Поместив фото обратно в альбом, девушка закрыла его и положила обратно на столик, решив закончить на сегодня со знакомством с прошлом. И тем не менее мысли о страшных событиях, произошедших в этом доме, не покидали головы Виктории, и девушка потянулась, чтобы взять браслет со столика.

Изделие показалось ей необычайно холодным и тяжелым, но списав это на то, что она просто отвыкла от него, девушка все же надела украшение на руку. Задумавшись о бывшей владелице браслета, Виктория закрыла глаза.

Теплый плед приятно согревал девушку, а тишина в доме и за окном успокаивали и расслабляли. Перевернувшись на бок, Вика уютно свернулась калачиком и незаметно для себя самой задремала. Девушка точно не помнила, что ей снилось, но сон был явно неспокойным, ведь проснувшись уже в сумерках, она обнаружила плед на полу, а всю свою одежду измятой, словно она не переставала ворочаться.

– Пора вставать, – по-русски сказала девушка и уже приготовилась поставить ноги на пол, как вдруг в холе раздались шаги, эхом отдававшие во всем доме. Шаги показались Виктории невероятно громкими, точно кто-то вбивал гвозди тяжелым молотком, только все же то были шаги, причем человека весьма крупного и тяжелого.

«Неужели Брюс?» – пронеслось в голове у Виктории, но внутри все замерло от страха. Ей хотелось позвать кого-то на помощь, но голос неожиданно пропал, а все тело словно парализовало. Не в силах пошевелиться, девушка продолжала полулежать на кровати, вздрагивая от каждого приближавшегося шага.

Кто бы то ни был, но он замер перед дверью в спальню, где находилась Виктория: шаги резко прекратились. Округлившимися от страха глазами девушка не отрываясь смотрела на дверь, ожидая, когда она откроется. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем ручка двери слабо повернулась. Сердце Виктории ушло в пятки, а в ушах послышался странный звон, точно девушку ударили чем-то по голове. Она по-прежнему находилась в постели, но теперь перестала ощущать свое тело, как если бы ее душа покинула его, и Вика наблюдала за собой со стороны.

Дверь отворилась, но за ней не оказалось никого: только темнота, глубокая и насыщенная, готовая засосать вовнутрь себя кого угодно. Удивленно выдохнув, Виктория наконец обрела над своим телом хоть какую-то власть и медленно встала.

«Почему в коридоре так темно? Почему не льется свет снизу?», – думала девушка,

поднимаясь с постели. Она хотела сама подойти к двери и проверить, каким образом она открылась, но тут звук шагов, раздавшихся уже в спальне, остановил ее. Волосы на голове девушки зашевелились от ужаса, а все тело покрылось мурашками. Нет, ей не мерещилось! Кто-то невидимый ходил в спальне рядом с ней. Кто-то явно тяжелее ее. Кто-то, кого она не могла видеть.

Сотни мыслей пронеслись в голове у девушки и ни одна из них не объясняла происходящего. Слуховыми галлюцинациями Виктория никогда не страдала, да и казалось все слишком реальным, чтобы списать звуки на воображение.

– Кто здесь? – по-английски спросила она.

Звук шагов прекратился: невидимка, услышав ее, застыл на месте.

Не зная, что делать дальше, Виктория сделала пару шагов назад и оказалась недалеко от туалетного столика, на самом краю которого она оставила свой телефон. Девушка думала набрать номер Брюса, чтобы он, если мужчина, конечно, внизу и телефон при нем, поднялся к ней в спальню. Не сводя глаз с пространства перед собой, девушка рукой попыталась нащупать телефон, но попались ей только расческа и баночка крема. Решив на секунду оторваться от созерцания спальни, Виктория быстро посмотрела на туалетный столик и, увидев мобильный, лежавший под пачкой салфеток для лица, потянулась к нему, но тут ее рука застыла в воздухе и задрожала.

В зеркале туалетного столика отражалась часть спальни: сама Виктория, шкаф напротив нее, окно справа, часть кровати слева. И рядом с этой самой кроватью девушка увидела ноги человека, одетого в брюки! Человек стоял у подножья кровати прямо напротив нее. Она не могла видеть всего незнакомца, поскольку смотрела на зеркало сверху вниз и ей открывался вид только на его ноги до колен в отглаженных брюках темно коричневого цвета.

Время для Виктории остановилось и только частые и громкие удары ее сердца напоминали ей, что она еще жива. Медленно повернув голову в сторону, где должен был стоять человек, она, конечно, ничего не увидела. Спальня выглядела совершенно пустой! Но вновь обратив взгляд на зеркало, Виктория убедилась, что ей не привиделось: ноги по-прежнему отражались в нем.

– Что вам нужно? – осмелилась спросить Виктория. Голос ее при этом дрожал.

В ответ не раздалось ни звука, а ноги все также стояли, не двигаясь.

«Наверное, я схожу с ума. Не может этого быть! А что, если с зеркалом, что-то не так?», – подумала Виктория, но наклониться и посмотреть на полное отражение человека, которое она бы увидела присев, побоялась. Взяв со столика телефон и продолжая следить за ногами в отражении зеркала, девушка дрожащими руками выбрала из меню номер Брюса и нажала на кнопку вызова. К ее огорчению мелодия раздалась не внизу дома, а в этой же спальне, и доносилась она из шкафа, куда Брюс вешал свою верхнюю одежду.

– Ох, нет, – тихо сказала девушка, но тут заметила, что телефонный звонок заставил и ее невидимого компаньона напрячься. Вике показалось, что ноги слегка сдвинулись, словно человек попытался сделать шаг ей навстречу.

– Только этого мне еще не хватало! – сказала Виктория и в ужасе отшатнулась, а шаги вновь начали раздаваться в комнате. Девушка начала пятиться к окну, не переставая смотреть по сторонам, желая увидеть того, кто находился с ней рядом, но ей не удавалось этого сделать.

Упершись спиной в подоконник, девушка остановилась. Отступать некуда. Шаги,

грозно приближавшиеся к ней, тоже замерли. Оставшись без зеркала, Виктория не могла сказать, где находился невидимый гость, но всем своим телом ощущала, что он где-то поблизости.

До нее донесся странный запах похожий одновременно на запах тухлого мяса, табака, гари и пота. Тошнотворной волной он ворвался в ноздри девушки и заставил ее желудок сжаться от дурноты. Запах, казалось, исходил отовсюду и все же Виктория прекрасно понимала, что его эпицентром являлось нечто невидимое в спальне.

Скорее в своей голове, нежели в комнате, Виктория вдруг услышала сиплый голос, полный одновременно боли, отчаянья, злости и любви: «Ты», – повторял он вновь и вновь.

– Что тебе нужно? – не зная, что делать, еще раз спросила Виктория.

Никто не ответил ей, но девушка почувствовала легкое прикосновение чьей-то руки к своей щеке. Дернувшись от страха, Вика отпрыгнула в сторону и побежала к двери спальни, поняв, что из комнаты нужно бежать как можно скорее, но чьи-то незримые руки схватили девушку, когда она оказалась возле кровати, и опрокинули ее на постель. Не видя своего противника, Вика не знала, как защищаться, да и силы вдруг начали покидать ее тело, точно кто-то вытягивал из нее всю энергию и жизнь. Виктория больше не ощущала прикосновений, но чувство, что на нее навалился кто-то, никуда не исчезло.

Комнату освещал один единственный ночник, дававший мало света. За окном совсем стемнело, и спальня постепенно погружалась в полумрак, равно как и сознание Виктории. Из последних сил девушка повернула голову в направлении окна и тут ее глазам открылось то, что не давало ей двигаться, придавив ее. В темном окне благодаря тусклому свету ночника отражалась фигура мужчины, лежавшего на ней. Со стороны казалось, что он хотел заняться с ней любовью, но в тоже время мужчина лежал не двигаясь. На нем были брюки и пиджак, волосы коротко острижены, но черты лица Виктория не смогла разглядеть, поскольку мужчина смотрел прямо на нее, слегка повернув голову так, что в отражении виднелся только его затылок.

– Кто ты? – заплетавшимся от усталости языком спросила Виктория и тут почувствовала, как чьи-то руки легли ей на грудь и начали медленно двигаться по всему телу, то ли лаская, то ли желая причинить боль, – что тебе нужно?

Когда невидимые пальцы коснулись бедер Виктории, девушка не выдержала и, собрав все силы воедино, начала бороться, стараясь вылезти из-под невидимки. И тут ей вспомнилось, как ее бабушка всегда говорила, что если снится дурной сон, то стоит только прочитать молитву, как все плохое исчезнет. Виктория не считала себя верующей, и религиозность и набожность были ей не присущи, но еще в детстве бабушка заставила выучить ее «Отче наш», и слова молитвы девушка помнила по всей день, но, конечно, на русском языке. В голове у Вики молниеносно пронеслась мысль, что даже русский язык при данных обстоятельствах не станет помехой и, набрав воздуха в легкие, девушка начала читать молитву как она ее помнила:

«Отче наш, сущий на небесах,

Да святиться имя твое, да прибудет царствие твое…»

Невидимые руки перестали скользить по ее телу и замерли.

«…Да будет воля твоя, как на земле, так и на небе».

Виктория почувствовала, что ей стало легче дышать, а руки и ноги вновь начали наполняться силой. Повернув лицо к окну, чтобы видеть в отражении происходящее, девушка продолжила:

«Хлеб наш насущный дай нам на сей день.

И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим…»

Мужчина, только что лежавший на Виктории, привстал и отпрянул от девушки, как от прокаженной. Виктория оказалась права: несмотря на то, что молитва читалась на русском языке, сила и смысл священных слов все же дошли до невидимой сущности. И теперь человек, встав с кровати, пятился от Виктории, точь-в-точь как она от него совсем недавно. Его голова оставалось все также повернутой от окна, поэтому лица девушка все еще не видела.

«…И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого,

Ибо есть Царствие твое и сила, и слава во веки веков. Аминь».

Девушка закончила молитву, но продолжала лежать не двигаясь, в ожидании того, что случится дальше. Мужчина, застыв на мгновение, развернулся спиной к кровати и пошел прочь из спальни. Его все также не было видно в комнате, но шаги Виктория слышала: такие же громкие и тяжелые, как и когда он пришел. Дойдя до порога, фигура остановилась. Человек обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на лежавшую Викторию, перед тем как раствориться в темноте. Повернув голову к девушке, он тем самым повернул ее и к окну, и Вика наконец-то увидела, как выглядел ее невидимый гость. В ужасе закричав, девушка закрыла лицо руками и сжалась в комок. Рыдания начали сотрясать плечи девушки, а мысли, казалось, напрочь покинули ее голову, оставив место страху и отчаянью. В таком виде через несколько минут после случившегося Брюс и застал Викторию. Он как раз заканчивал починку электропроводки, когда ему вдруг послышался шум наверху и он решил проверить, как там Виктория. Еще поднимаясь по лестнице, он уловил странный тяжелый запах, но подумав, что это из-за старых труб в туалете, которые давным-давно пора менять, мужчина не придал запаху значения и зашел в спальню, ничего не подозревая, но увидев скрюченную Викторию и услышав ее рыдания, тут же бросился к ней.

– Вики, Вики! Что с тобой? Что случилось? – пытался узнать он, но девушка не переставая плакала и дрожала всем телом.

– Тебе плохо? Я тебя чем-то расстроил? Приснился кошмар? – спрашивал Брюс, но добиться от Виктории в таком состоянии чего-либо вменяемого было невозможно.

Сдавшись, Брюс просто лег рядом и крепко обнял девушку. Он начал медленно и осторожно покачиваться вместе с ней, стараясь убаюкать, как младенца. Заметив, что рыдания несколько поутихли, мужчина продолжил в том же духе, добавив к укачиванию детскую колыбельную на гаэльском, какую ему пела его мать. У мужчины отсутствовал музыкальный слух, и он ужасно фальшивил, но в тот раз он вложил всю свою душу в незатейливую и успокаивающую песенку о маленьком барашке, отбившемся от стада и искавшем свою маму. Брюс знал, что Виктория не понимала ни слова из песни, и тем не менее тихо пропел ее несколько раз, пока не удостоверился, что приступ девушки прошел и она забылась сном. Рыдания больше не сотрясали ее хрупкое тело, а слезы перестали течь из глаз.

Решив пока что не будить ее, мужчина заботливо накрыл девушку пледом, поднятым с пола, а сам устроился рядом и, достав из-под кровати свой ноутбук, продолжил работу над одним из проектов. Ему совсем не хотелось покидать Викторию и оставлять ее одну. Он думал, что выйдет гораздо лучше, если проснувшись, она застанет его рядом и объяснит, что случилось и что ее так расстроило или напугало. Брюса самого слегка трясло от увиденного, ведь раньше ему никогда не доводилось видеть никого в таком состоянии, и он просто не

знал, что делать в таких ситуациях.

«Может, она не сказала мне, что у нее эпилепсия? Постеснялась или решила, что я откажусь от нее из-за этого?» – подумал Брюс. Ему не приходилось наблюдать приступов у эпилептиков, но он был наслышан о них и то, чему он стал свидетелем совсем недавно, вполне походило на один из таких припадков.

Теряясь в догадках, мужчина постарался углубиться в изучение сметы проекта, но цифры прыгали перед его глазами, а в голове всплывали образы Виктории, бившейся в странной истерике. «Что если я поторопился с кольцом и предложением? Вдруг у этой девушки есть свои скелеты в шкафу? – задумался мужчина и, еще раз взглянув на Викторию, тяжело вздохнул, – и все равно я люблю ее». Придя к такому заключению и слегка успокоившись, Брюс вернулся к работе и незаметно для себя посвятил ей около часа, пока его не прервал хриплый голос подруги:

– Который час? – немного неразборчиво спросила Виктория, пытавшаяся понять, где она находилась. Спросонья мысли путались, а тело ломило, как от гриппа.

– Пол девятого, – ответил Брюс и тут же отложил свой ноутбук, – ты как себя чувствуешь?

– Не могу понять. Как-то странно. Я совсем не помню, как легла спать.

– Не помнишь? – удивился Брюс, не зная, как поступить дальше: спросить ее про истерику или промолчать.

– Да, как-то нелепо. Я пришла сюда, чтобы собрать вещи, потом присела на кровать и дальше… провал. Наверное, я просто легла и задремала. Я даже не слышала, как ты вошел в спальню.

– Правда? Ты кажешься немного бледной. Ты, случайно, не заболела?

– Понятия не имею. Я действительно необычно себя ощущаю. Все тело болит.

– Хочешь чаю? Я могу принести сюда, – предложил Брюс.

– Не нужно, – ответила Виктория, вставая с постели, – я в состоянии спуститься вниз. Только в туалет забегу.

– Мне подождать тебя здесь? – спросил мужчина.

– Да, если можно, – попросила девушка и, выйдя из комнаты, направилась в уборную.

Ее слегка шатало и ноги казались ватными, как при высокой температуре, но жара девушка не ощущала. Она действительно никак не могла припомнить того, что с ней произошло, но какое-то неприятное чувство не покидало ее. Казалось, воспоминания вот-вот вырвутся наружу, но какой-то непреодолимый барьер мешал им это сделать.

Умыв лицо холодной водой, девушка почувствовала себя немного лучше и бодрее и уже хотела покинуть ванную комнату, как вдруг что-то в отражении зеркала заставило ее остановиться. Встав под лампу, девушка удивленно закатила рукава своего свитера и в шоке уставилась на запястья и руки до локтя: их поверхность оказалась покрыта синяками, точно кто-то насильно держал Вику, сдавливая ее руки и подчиняя ее волю себе.

«Не может быть, – тихо прошептала девушка, – это невозможно». Зажав рот одной рукой, чтобы не закричать, она присела на корточки, опершись спиной о ванну.

«Этому есть только одно объяснение, – думала Вика, изо всех сил стараясь соблюдать спокойствие, – Брюс! Вероятно, он просто воспользовался мной, пока я спала. И не помню я ничего только потому, что все было так мерзко и против моего желания, что мой разум решил скрыть от меня самой эти воспоминания. О, Господи! И как я могла так ошибиться в нем!? Ведь это не первый раз, когда он проявил жестокость. Как я теперь смогу оставаться с

ним один на один? Здесь есть хотя бы Эван, а что случится в Стратфорде, когда мы вернемся туда?», – в ужасе подумала девушка.

«Я ничем не должна показывать своего страха. И мне необходимо как можно быстрее вернуться домой в Россию!», – приняла решение Вика и, немного успокоившись и взяв себя в руки, встала и еще раз подошла к зеркалу удостовериться, что выглядит вполне нормально: неиспуганной и уверенной в себе.

В это время Брюс мерил спальню шагами, не зная, что думать и как лучше поступить. Виктория вела себя как ни в чем не бывало, словно она и вправду ничего не помнила, но как узнать, так это на самом деле или нет? «Даже если это какая-то болезнь, – рассуждал мужчина, – то в этом нет ничего ужасного. Главное, чтобы она не причинила себя вреда во время очередной вспышки. Да и потом, возможно, есть лечение, гипнотерапия или еще что-то. Только, вот, почему она молчит? Хотя вполне допустимо, что она ничего не помнит. А если это все же был просто кошмар? Дурной сон?».

Поняв, что догадками он только еще больше изведет себя и запутает мысли, Брюс сел на край кровати и обхватил голову руками. Он просидел так совсем недолго, ведь через пару минут в комнату зашла улыбавшаяся Виктория. Правда ее улыбка показалась мужчине несколько наигранной, но Брюс все же обрадовался, что она чувствовала себя вполне нормально.

– Пойдем вниз, – предложила Вика, продолжая стоять в дверях, не делая попытки подойти ближе.

– Да, конечно, – согласился мужчина и последовал за девушкой.

Эван как обычно дремал перед телевизором, когда они зашли в гостиную. Старик встрепенулся и радостно улыбнулся молодым.

– Много же ты спишь, девочка, – сказал ей Эван, улыбаясь.

– Это все ваш горный воздух. Пойду поставлю чай, – ответила Вика и оставила мужчин вдвоем.

Брюс молча сел на диван и ничего невидящим взглядом уставился на экран телевизора.

– Сынок! – позвал его Эван, – эй, сынок!

– Да, пап, – наконец отозвался Брюс.

– У вас все хорошо?

– Просто отлично.

– По тебе не скажешь. Что-то стряслось? Ты знаешь, своему старику ты можешь рассказать обо всем.

– Не о чем беспокоиться. Просто волнуюсь за завтрашнюю поездку и то, как ее перенесет Виктория, к тому же некоторые дороги покрыты снегом.

– Ах, а я-то уж подумал… Ты всегда отлично водил. Справишься! Утром только прикрепи цепи на шины и все дела. Долетишь до своей Англии, как миленький.

Брюс действительно переживал за поездку, но в тот момент, конечно, его мысли занимала Виктория, а не заледенелый асфальт. Через пару минут в комнату вошла и сама Вика, держа в руках поднос с чашками чая на нем: для Брюса и Эвана с молоком, а для себя с лимоном. Оба мужчины всегда потешались над ее привычкой класть в чай лимон, да еще и пить его без сахара и молока, на что Вика обычно просто закатывала глаза. Ей самой казалась странной их нелепая и где-то даже навязчивая привязанность к чаю с молоком, который они пили чуть ли не каждый час. Однако в тот вечер никто не обмолвился о чае. Все говорили о чудесно проведенном времени, Шотландии, местах, которые обязательно

нужно посетить в следующий приезд Брюса и Вики, а также об истории страны. Говорил в основном Эван и только Брюс иногда добавлял что-то от себя, в то время как Виктория молча кивала и улыбалась им обоим. Девушка хоть и сидела рядом с Брюсом, старалась не прикасаться к нему даже коленом, что не укрылось от мужчины, который пару раз сделал попытку подвинуться ближе, но девушка едва заметно отстранялась.

В такой странной атмосфере и прошло все чаепитие, после которого Вика, пожелав спокойный ночи Эвану и Брюсу, поднялась наверх. Ее примеру вскоре последовал и Брюс, в тайне желая поговорить с девушкой наедине и выяснить причину ее холодности. «Не могла же она прочитать мои мысли», – рассуждал Брюс, заходя в спальню.

Виктория уже переоделась в ночную сорочку и сидела напротив туалетного столика, расчесывая волосы. Брюсу показалась, что девушка слегка вздрогнула, стоило ему зайти в комнату.

– Уже ложишься? – спросил он, хотя это и так было очевидно.

Вика кивнула и продолжила заниматься волосами. Решив пока что помолчать, Брюс повернулся к ней спиной и начал раздеваться и складывать свои вещи в шкаф. Пока мужчина снимал с себя одежду, он не переставал ощущать у себя на спине взгляд Виктории, прожигавший, казалось, до костей. Однако повернувшись к девушке, он застал ее наносившей крем на лицо.

– Я почитаю немного перед сном. Ты не против, если пока ночник останется включённым? – спросил мужчина, ложась в кровать.

– Нет, – только и ответила девушка.

– Все в порядке? Ты очень тихая сегодня.

– Все отлично. Немного нервничаю перед поездкой назад. Вот и все. Не о чем беспокоиться, – сказала Вика и, забравшись в постель, поцеловала Брюса в щеку.

Мужчина, конечно, хотел большего, но после легкого поцелуя, Виктория тотчас отвернулась от него и легла на бок.

– Спокойной ночи. Утром разбудишь меня? – спросила она напоследок.

– Да, конечно. Хороших снов, дорогая.

Проклиная себя за нерешительность, Брюс скрестил руки на груди и уставился на стену. Он понимал, что делает что-то не так и, похоже Виктория явно озабочена чем-то, но спросить напрямик так, чтобы девушка наконец заговорила, у него не хватало духу. «Она такая хрупкая и так резко реагируют на разные вещи. Что, если она испугается и просто уйдет?», – думал Брюс, не желавший терять девушку. Пролежав без движения несколько минут, мужчина все же взял книгу – детектив, купленный на заправке по дороге в Шотландию, и принялся за очередную главу довольно скучной и предсказуемой истории.

Прошло около получаса пока Вика заснула. Девушка слегка дернулась, проваливаясь в сон, после чего все ее тело расслабилось, а напряженное выражение пропало с лица. Заметив, что девушка спит, Брюс слегка склонился над ней, желая удостовериться, что все в порядке. Одна рука девушки лежала под головой, а вторая возле щеки. Мужчина обратил внимание, что подаренное им кольцо все еще у нее на пальце и несколько успокоился, но тут он заметил темные кровоподтеки по всей длине руки девушки.

– Ох, нет, – тихо сказал Брюс и сердце его болезненно сжалось.

«Она все же может причинить себе вред», – подумал он и, отодвинувшись, лег на свою половину кровати. Синяки на руках говорили ему о том, что во время припадка девушка не контролировала себя и, вероятно, ударяла руками по всему, что находилось вокруг нее, а

возможно, и просто сжимала саму себя настолько сильно, что оставила синеватые следы.

«Это ведь не первый случай такого странного поведения, – начал вспоминать Брюс, – первый раз это случилось тогда в Стратфорде, когда она заплаканная вышла ко мне. Я тогда ничего не понял и поверил в ее историю с кошмаром, но потом она заснула также крепко, как и сегодня. Да и тут она вела себя странно и смотрела на меня порой, как на врага».

Поняв, что другого выхода, кроме как разговора на чистоту нет, Брюс решил, что, приехав домой в Англию и дав девушке отдохнуть, обязательно переговорит с ней. Возможно, все не так уже и плохо, и он ее не потеряет. Несколько приободрённый этой мыслью и в то же время напуганный увиденными кровоподтеками, Брюс выключил ночник и лег спать, ведь завтра ему предстояла долгая и утомительная поездка.

Эван в это время только выключил телевизор и собирался направиться в спальню, как вдруг во входную дверь кто-то тихо постучал. Улыбаясь, старик поспешил в коридор. Провозившись некоторое время с замками, он открыл дверь, за порогом которой никого не оказалось, но Эван продолжал улыбаться и какое-то время держал дверь открытой, словно пропуская кого-то невидимого внутрь дома.

Закрыв дверь, старик, радуясь, как ребенок, начал подниматься наверх, тихо напевая себе что-то под нос и постоянно оглядываясь назад. Пройдя мимо комнаты сына, он зашел в свою спальню, оставив дверь приоткрытой. Какое-то время старик потратил на переодевание в пижаму, после чего выключил свет и лег в постель, продолжая время от времени коситься на щель в дверном проеме. Прошли минуты, показавшиеся Эвану часами, прежде чем в коридоре раздались легкие шаги. Улыбка облегчения озарила морщинистое лицо старика, а глаза его заблестели от слез. Шаги застыли у входа в его спальню, точно кто-то не решался зайти.

– Проходи. Иди сюда! – позвал Эван и уже через мгновение шаги раздались в комнате, дверь в которую закрылась сама собой.

Если бы Брюс и Виктория не спали в ту ночь, то они могли бы услышать шёпот, доносившийся из комнаты Эвана, и голоса, разобрать которые, правда, было бы весьма сложно: говорили очень тихо и очень быстро, словно торопились сообщить весьма важную весть. Все можно было бы списать на пьяные дурачества старика, если бы не два странных фактора: голоса принадлежали двум людям, а из-под двери, ведущей в спальню Эвана, лился странный мягкий свет.

Глава 12.

Дорога в Стратфорд показалась Виктории менее утомительной, чем путь в Шотландию. Половину пути девушка продремала, сидя на пассажирском сиденье, а вторую половину пыталась рассеивать свое внимание и ни о чем не думать, чтобы не вызывать неприятные чувства, сопутствовавшие укачиванию. Брюс поначалу говорил что-то или же задавал девушке вопросы, но видя ее нежелание отвечать, вскоре сдался и почти все время молчал. Тишину в салоне нарушало только радио, перепрыгивавшее с волны на волну по мере того, как они пересекали графства Великобритании, приближаясь к Стратфорду.

Домой они приехали только поздно вечером, сделав по пути всего две остановки, чтобы подкрепиться и дать отдых затекшим ногам и спине. Оказавшись в доме, Виктория тут же поспешила наверх, чтобы принять душ и освежиться. Брюс же переносил вещи из автомобиля в гостиную. Долгая дорога со множеством пробок и нервных водителей вымотала мужчину под конец и все, о чем он мечтал, так это просто выпить чаю и лечь спать. В тот момент он даже и не думал о странностях своей россиянки и надеялся лишь на то, что утром его голова окажется в куда более лучшем состоянии для таких размышлений и разговора с девушкой.

Устав дожидаться Викторию, мужчина сделал себе чаю и, отпив пару глотков, прилег на кушетку в гостиной. На виски давило, да и спина болела невыносимо, но горизонтальное положение сразу же расслабило тело мужчины, и он блаженно закрыл глаза. Часы над искусственным камином громко тикали, то ли усыпляя Брюса, то ли вводя его в транс. Тиканье стало доноситься несколько громче и вскоре перекрыло все остальные звуки в доме. Казалось, что в мире не существовало больше вообще ничего, кроме как темноты и глухого, отчетливого тиканья часов, напоминавшего размеренные шаги. Брюс прекратил бороться с тяжестью век и сонливостью, одолевавшей его, решив сдаться на милость такому манящему и спокойному блаженству сна. Вдохнув полной грудью, мужчина расслабился и погрузился в сон, так необходимый его телу и разуму.

Виктория уже давно закончила мыться в душе и стояла в ванной комнате напротив зеркала, пристально вглядываясь в свое отражение. Белок вокруг ее стального оттенка глаз покрылся кроваво-красной сеточкой из-за усталости и переживаний, а мягкие и пухлые губы, изогнутые словно специально для поцелуя, вдруг превратились в прямую, жесткую линию. С короткими мокрыми волосами, зачесанными назад, без косметики и суровым выражением лица, Вика походила на женщину-воительницу, увидев которую, Брюс явно растерялся бы и вряд ли бы начал свои жестокие игры в господина, в которых его подозревала Виктория. Примерно этого и хотела девушка в тот момент: чтобы мужчина не смел к ней приближаться и даже думать забыл о том, чтобы снова использовать ее тело.

Выйдя из ванной комнаты, девушка быстро натянула на себя ночную сорочку и плотно завернулась в халат, старясь скрыть как можно больше обнаженных участков тела. Длинные и просторные рукава халата спрятали синяки на руках девушки, но сама Виктория про них отлично помнила.

«Лучше ничего не объяснять, а просто завтра купить билет в Россию на ближайший рейс и уехать домой, забыв все, что здесь произошло, как дурной сон», – размышляла девушка, как вдруг подумала, а так уж и плохо все было и ничего ли она не упускает?

«Брюс, такой мягкий и нежный в начале, почему ты так изменился? Нам ведь было так

хорошо вдвоем! По крайней мере, мне точно», – продолжала рассуждать девушка, присев на край кровати.

Виктория все еще помнила любящие касания мужчины, невероятное наслаждение, которое она испытывала от них, а также все шутки и разговоры с Брюсом, и то, как они замечательно проводили время в Питере, Лондоне, Стратфорде и в гостях у Эвана. Девушка не знала, правильно ли поступает, решив уехать, не дав мужчине шанс. Возможно, следовало просто поговорить с ним и выяснить причину его поступков? Что, если всему есть объяснение?

Эта мысль казалась Виктории весьма хрупкой и маловероятной, но девушка все же испытывала чувства к Брюсу и бросать его, ничего не объяснив, не хотела. Поняв, что единственным решением являлся откровенный разговор, девушка громко позвала мужчину по имени, но никто не откликнулся.

Удивленная, Виктория, встав с кровати, вышла на лестницу и позвала еще раз, но ответом по-прежнему было молчание. И только начав спускаться вниз в гостиную, девушка поняла, что мужчина просто-напросто уснул: со стороны кушетки раздавалось довольно громкое посапывание.

– Ах, ты храпун! – тихо сказала девушка по-русски и подошла к мужчине.

Брюс спал на спине, сложив руки на груди, словно перед тем как уснуть, серьезно рассуждал над какой-то проблемой. Усмехнувшись, Виктория взяла плед, лежавший неподалеку на кресле, и укрыла им Брюса, решив не будить его и дать выспаться.

– Завтра. Мы поговорим завтра, – сказала девушка и, сама не понимая почему, наклонилась и поцеловала мужчину в щеку.

В тот момент она не испытывала к Брюсу никаких враждебных чувств, а только любовь и нежность, а также грусть перед предстоявшей разлукой. Слезы тут же выступили на глаза девушки, и она попыталась проморгать их, но все же пара слезинок скатилась по ее щекам. Сама себя не понимая, девушка чуть ли не бегом бросилась наверх, не в силах больше смотреть на Брюса, успевшего стать таким родным и близким.

Брюс проснулся около девяти утра и, не открывая глаз, решил потянуться, но его руки и ноги тут же уперлись о подушки дивана, немало удивив этим мужчину. Распахнув глаза и оглядевшись, Брюс неожиданно для себя понял, что все еще лежал на диване в гостиной, забытый Викторией и всем остальным миром. Он помнил, что прилег на диван, но ему хотелось верить, что девушка все же разбудила его среди ночи и отвела в спальню. Однако, к его разочарованию, этого не случилось. Встав и взъерошив и так лохматые волосы, мужчина решил подняться наверх, чтобы сходить в душ, переодеться и, конечно, поговорить Викой.

Чувство легкой обиды все еще не покинуло британца, когда он зашел в спальню. Брюс думал, что девушка еще нежится в постели, но она, судя по всему, уже давно встала и сейчас заканчивала накладывать макияж на лицо.

– Доброе утро! – приветливо поздоровалась Вика, повернувшись к мужичине. Стоило тому только преступить порог спальни.

– Привет! – несколько обескураженно ответил Брюс.

– Как спалось внизу?

– Неплохо, но честно говоря, ты могла бы разбудить меня и проводить в спальню.

– Сначала я хотела, но ты так сладко и крепко спал, что я решила просто накрыть тебя и дать выспаться, надеясь, что среди ночи ты сам проснешься и придешь ко мне, – объяснила

девушка.

Брюс только пожал плечами и, повернувшись спиной к Вике, стал стаскивать с себя вчерашнюю мятную одежду. Ему не слишком хотелось продолжать эту тему и все, о чем он мечтал на тот момент, так это постоять под струями теплого душа, а после выпить кружку горячего кофе.

Неожиданно для Брюса прохладные нежные руки Виктории обняли мужчину сзади. Девушка прижалась к спине Брюса и легонько поцеловала его между лопаток.

– Ты что, злишься? – тихо спросила она.

– Нет, конечно, – выдохнув, ответил Брюс, обида которого испарилась с поцелуем Виктории.

– Вот и хорошо. Потому что мне совсем не хочется с тобой ссорится.

– Понимаю, – ответил Брюс и, решив, что сейчас, возможно, не самый плохой момент, добавил, – я бы хотел кое о чем поговорить с тобой.

– И о чем же? – удивилась девушка.

– Это серьезный разговор, давай присядем.

Несколько встревоженная таким поворотом дел, девушка отпустила мужчину и отступила на пару шагов назад. Брюс, как был в одних брюках и без рубашки, повернулся к ней. Его лицо и глаза в тот момент выражали любовь и участие, но также и тревогу.

– Что-то случилось? – спросила Виктория, присаживаясь на край кровати.

– Нет. То есть да. Вернее, я даже не знаю, – ответил Брюс, сев рядом.

Он взял руки девушки в свои и, поднеся к губам, нежно поцеловал.

В голове Виктории пронёсся, казалось, миллиард различных мыслей. Девушка не знала, что и думать и к чему готовиться: к тому, что Брюс сейчас порвет их отношения, ничего не объяснив; признается в своей нетрадиционной сексуальной ориентации; или же, что показалось Вике еще хуже, в наличии жены в другом городе.

– Ты мне очень дорога, моя Виктория, и надеюсь, ты это знаешь, – начал он.

«Ох, нет! Понеслось. Опять тоже самое», – подумала девушка и тяжело вздохнула, вспомнив расставание с Кириллом.

– И ты должна понимать, что я беспокоюсь о тебе. Я очень рад, что ты приехала и что у нас установились весьма доверительные отношения, но мне иногда кажется, что ты мне что-то не договариваешь.

– О чем ты? – нахмурившись, спросила девушка, не понимая, куда клонил Брюс.

– Иногда мне представляется, что ты чем-то сильно расстроена и сторонишься меня.

– Ах, ты об этом, – ответила девушка, – ну, тогда ты сам должен понимать, отчего я себя так веду.

После этих слов Виктория высвободила свои руки из рук Брюса, якобы чтобы поправить одежду, но назад их так и не подала.

– Но я не знаю! Я теряюсь в догадках, – честно ответил мужчина.

– Неужели?

– Да. Может быть, я что-то делаю неправильно или говорю так, что ты меня не понимаешь, но все равно это не объясняет твоего состояния по ночам.

– Моего состояния по ночам? – громко спросила Виктория, – о чем ты?

– О твоей недавней истерике и слезах, а потом и об этом, – Брюс осторожно взял девушку за руку и приподнял рукав ее кофты, оголив тем самым руку Виктории со множеством синяков на ней.

– Что? – уже в ярости спросила девушка, выдернув руку и резко встав, – и ты еще смеешь спрашивать меня об этих синяках?

Вика, чьи щеки стали красными, как свекла, гневно смотрела на Брюса сверху-вниз, сверкая при этом глазами, как разъяренная кошка. Она тут же опустила рукав кофты и прижала руку к себе.

– Но почему я не могу знать правду? – растерянно спросил Брюс, не ожидавший такой реакции.

– Какую правду? Ту, что ты просто фрик?! И любишь подчинять себе всех, не считаясь с желаниями других! Такую правду ты хочешь услышать?!

– О чем ты? – спросил Брюс, встав и подойдя к девушке поближе. Виктория же отпрыгнула от него, как от какой-то заразы и с ненавистью в голосе сказала:

– Мне неприятно то, что доставляет тебе столько удовольствия и я рада, что сейчас мы наконец выговорились. Теперь мне стало все ясно.

– Для меня ничего не ясно. Я не оставлял тебе этих синяков. Ты сама нанесла их себе, когда билась в той ужасной истерике в спальне в доме моего отца. Я испугался за тебя и до сих пор боюсь. Если у тебя проблемы со здоровьем или…с психикой, то скажи. Мы вместе справимся с этим.

– Проблемы с психикой? Это ты спятил! Нет у меня никаких проблем с головой, это у тебя что-то не в порядке, – рьяно защищалась Вика, чем вызвала у Брюса очередную мысль о своей легкой невменяемости и истеричности.

Мужчина ничего не ответил, а только серьезно посмотрел на девушку и решил дать ей время успокоиться и перевести дух. Они молча стояли, уставившись друг на друга, как два упрямых барана на шотландском поле: британский бизнесмен и русская красавица. Никто не хотел сдавать позиции и пытаться разобраться в случившемся. Воспитание Брюса не давало ему высказать всего, что он хотел, а шотландская упертость не позволяла ему посмотреть на ситуацию другими глазами и прислушаться к тому, что говорила Виктория.

Вике же мешал ее горький опыт общения с мужчинами, в особенности с Кириллом. Она знала, что мужчины любят оправдываться и сваливать вину на других, и ей совсем не хотелось попадаться на ту же удочку.

– Ладно, – в конце концов, сказал Брюс, сделав перед этим глубокий вдох, – давай, обсудим все чуть позже, когда оба успокоимся. Встретимся на кухне через пятнадцать минут? Я схожу в душ и сразу спущусь.

– Нам нечего больше обсуждать, – ответила Виктория и вышла из спальни, оставив Брюса стоять посреди комнаты в полной растерянности.

– Хорошенькое начало нового дня, – заметил Брюс и, сняв с себя остатки одежды, пошел в ванную комнату.

Он старался не думать о неприятной сцене в спальне, пока мылся и надеялся, что все же сможет спокойно поговорить с Викторией чуть позже. Ее взрыв агрессии немало удивил его, как и то, что она винила его в синяках, оставленных на ее теле. Но это просто неправда! Брюс и пальцем тогда не дотронулся до девушки, а днем на ее теле никаких синяков не было. Значит, только она сама их себе и могла наставить. Причем тут он?! Это мужчина никак не мог взять в толк, как и то, почему Виктория назвала его «фриком». Чем он это-то заслужил? Вроде бы обращался с ней, как с принцессой, а тут на тебе и «фрик».

В глубине души он понимал, что этот первый серьезный конфликт с Викторией может положить конец их отношениям, но с другой стороны оставлять некоторые вещи

недосказанными он не хотел. Надеясь, что решение все же найдется, и они вновь скоро станут счастливой парой, Брюс вышел из душа и, переодевшись в чистые джинсы и футболку, направился вниз.

Снизу доносился потрясающе бодрящий запах кофе, но зайдя в гостиную, он увидел только одну кружку, стоявшую перед Викторией. Сама девушка отстранённо смотрела в окно, словно мужчины в комнате и вовсе не было. Обычно она всегда заботливо делала кофе и для Брюса, но на этот раз, видимо, оказалась к этому не расположенной.

Решив не возиться с кофеваркой, Брюс поставил чайник и насыпал в кружку побольше растворимого кофе, надеясь, что это хоть немного взбодрит его и прояснит мысли. Пока он делал себе кофе, девушка упрямо молчала. Брюс не хотел начинать разговор, но понимал, что скорее всего ему придется это сделать.

Сев напротив девушки, он сказал:

– Виктория, прошу, не веди себя так, словно все что между нами было ничего для тебя не значит. Если я повел себя не так, как ты хотела, то прости меня. Я не могу не беспокоиться за тебя, ты мне стала дорога.

– Неужели? – с издевкой в голосе спросила Виктория, переведя взгляд с пейзажа за окном на мужчину, – и когда ты это понял? Когда брал меня против моей воли?

– О чем ты? – опешив, спросил Брюс.

– Ты знаешь, о чем я. Зачем ты упираешься?

– Я? – все также растерянно спросил Брюс.

Виктория глубоко вздохнула и на этот раз медленно и спокойно, как говорила бы с ребёнком, сказала:

– Послушай, если тебе нравится такой вид любви, то в этом нет ничего дурного. Просто это не для меня. Тебе следовало предупредить меня изначально, тогда все стало бы проще. Я не держу на тебя зла, но и не вижу смысла продолжать отношения, точно ничего не случилось. И мне не хочется жить в постоянном страхе, что ты можешь сделать что-то такое, что мне не понравится или же причинит мне боль.

– Вики, Господи, о чем ты, милая? – британец смотрел на нее расширенными от удивления глазами, – я совсем не понимаю тебя. Какой еще вид любви? Что я сделал не так?

Девушка только вздохнула. Она думала, что Брюс просто не хотел признаваться ей в своей склонности к мазохизму и, возможно, даже стеснялся самого себя и своих желаний. Хоть вчера вечером Виктория и надеялась, что их отношения могут выстоять и иметь продолжение, теперь же она понимала, что в очередной раз ошиблась и зря пошла на поводу у своих чувств. Во многом оказались правы ее знакомые, предупреждавшие о странностях иностранных мужчин и об их необычных пристрастиях в постели и соответствующих требованиях от русских девушек и жен.

– Я ведь ни разу тебя пальцем не тронул, если ты сама этого не хотела. А если что-то и случилось между нами против твоей воли, то ты могла сказать. Я бы сразу прекратил. И ты не права, я никогда не оставлял тебе синяков и мне совсем не понравится, если я или кто-либо другой причинит тебе боль, – попытался оправдаться Брюс, огороженный словами Виктории.

– Да не уж то?

– Вики, с тобой точно все в порядке? Ты от меня ничего не скрываешь? – осторожно спросил мужчина, все же склоняясь к мысли о психическом расстройстве девушки. Вероятно, этим и вызваны ее настойчивые обвинения в его адрес, не имевшие под собой

основы. Его опасения на счет непредсказуемого поведения девушки оказались отчасти оправданы. Пусть Виктория и не жаждала денег и переезда заграницу, но зато у нее с головой не все в порядке, раз она не помнит, как сама наносила себе синяки, а также клевещет на него. «Моя прекрасная и безумная Вики», – с любовью подумал Брюс, не желая отказываться от девушки, несмотря ни на что. «Пусть она со странностями, но нет проблем, которые мы бы не смогли решить».

– Ладно, Вики, неважно. Давай допьем кофе и прогуляемся. У нас обоих нервы на переделе, и мы сейчас только делаем друг другу хуже этим нелепым разговором, – предложил Брюс.

– Хорошо, – согласилась Вика, – но сначала мне бы хотелось купить билет в Россию, – холодно ответила Виктория, все уже для себя решившая.

– Билет? – удивился Брюс и в душе у него все похолодело. «Она хочет уехать», – понял он.

– Да, мне нужно домой.

– Что-то случилось в Санкт-Петербурге? Что-то с твоими родителями? – спросил Брюс, надеясь услышать, что угодно, но только не то, что она навсегда покидает его.

– Нет, слава Богу, с ними все в порядке. Мне просто нужно уехать домой, – ответила Вика, все же сохранившая фразу «ошибкой было приезжать сюда» при себе.

– Но ты ведь вернешься? Это на время ты уезжаешь, не так ли?

– Не знаю, Брюс. Я не хочу тебе врать.

Какое-то время они оба молчали. Потом Брюс встал и подошел к своей дорожной сумке, все еще стоявшей возле входной двери. Достав оттуда лэптоп, он вернулся на свое место и включил компьютер.

– На какое число ты хочешь билет? – с хрипотцой в голосе спросил он.

– Как можно раньше. Желательно на завтра, – так же хрипло ответила Виктория, до которой только в тот момент дошло, что она делала: она навсегда покидала мужчину, которого успела полюбить.

– Завтра в семь вечера из Хитроу подойдет? – спросил Брюс, продолжая смотреть на экран компьютера, не поднимая глаз на Викторию. В его душе все просто кричало и умоляло его отложить лэптоп в сторону, встать на колени перед девушкой и слезно умолять ее остаться, но гордость и понимание того, что «насильно мил не будешь» останавливали его. Если он так ей противен, то какой смысл стараться задержать ее? Нет, он никогда так не сделает. Виктория вольна поступать, как считает нужным.

– Да, – тихо ответила Виктория, – только объясни, как туда добраться.

– Не переживай. Я отвезу тебя, – достав из кошелька, лежавшего на журнальном столике, кредитную карту, Брюс ввел ее данные на сайте покупки билетов Британских авиалиний, после чего холодно сообщил Вике, – готово: билеты куплены.

– Спасибо, – поблагодарила Виктория, но с места не сдвинулась.

– Что ж, не стану тебе мешать. У тебя наверняка много дел на сегодня.

Сказав это, Брюс встал с дивана и пошел в коридор.

Девушка слышала, как мужчина одевался и искал ключи от машины, а потом только тихий хлопок дверью сообщил ей о том, что Брюс оставил ее одну. Оказавшись в полном одиночестве в чужом доме и более того в чужом городе и стране, девушка наконец дала волю слезам, потоком хлынувшим из ее глаз.

– Господи, я ведь люблю его, – шептала девушка сама себе, – и почему все так

получилось? Почему я не заслуживаю счастья? – причитала она, свернувшись калачиком на диване.

Прошло некоторое время, пока слезы Виктории иссякли, и девушка немного пришла в себя. Ее опухшие глаза болели и с трудом видели, а ноги слегка дрожали, когда она поднималась на второй этаж, чтобы собрать свои вещи. Сначала она хотела предупредить родителей о своем возвращении, но предчувствуя ряд вопросов, решила отложить этот разговор на потом и сообщить о своем приезде уже из Питера.

«Моя сказка подошла к концу, как прекрасный сон, в который так хотелось поверить. Пора возвращаться в реальность», – рассуждала девушка, доставая свой чемодан, находившийся до этого в шкафу.

В чемодан отправились все ее старые, а также приобретенные в Англии вещи и те немногие сувениры, что она успела купить. Виктория не планировала уезжать так рано и думала, что еще успеет прикупить подарков родным. Теперь же времени у нее не оставалось, а ходить по магазинам в данный момент ей вовсе не хотелось. Чего уж там, девушка мечтала только о том, чтобы скорее наступило завтра и самолет приземлился на ее родной земле, оставив Туманный Альбион далеко позади.

Аккуратно сложив одежду, Виктория перешла к туалетному столику, чтобы собрать всю стоявшую на нем косметику, но тут увидела браслет, подаренный ей Брюсом, и застыла на месте, глядя на изящную вещицу, которую она сняла с себя вчера вечером перед сном. С одной стороны, ей ужасно хотелось оставить украшение с мужчиной, но с другой, что-то толкало ее на то, чтобы побыстрее бросить браслет в косметичку и увезти с собой в Россию. По непонятным для самой себя причинам Вика ощущала некую связь с браслетом, словно он стал частью ее, пусть и не самой лучшей, со своими темными тайнами прошлого, но тем не менее теперь он принадлежал ей и никому больше. Она понимала, что не станет носить его каждый день, но одно сознание того, что украшение рядом, делало бы ее в какой-то мере счастливой.

– Нет, я не могу его взять, – сказала Виктория, – так же, как не могу принять и кольцо.

Девушка тут же сняла кольцо, подаренное Брюсом, и положила его на столик рядом с браслетом. Удивительно, но с кольцом она не ощущала такой же близости, как с браслетом, несмотря на то, что оно должно было значить для девушки гораздо больше.

Не желая больше смотреть на ювелирные изделия, Виктория отвернулась от туалетного столика и продолжила сбор чемодана. Ей во что бы то ни стало хотелось отвлечься на что-то, только бы не думать о Брюсе и случившемся.

Собрав все вещи, Виктория оглядела комнату в поисках чего-либо, оставленного ею, но не увидев ничего подобного, вздохнула с облегчением. Посмотрев на часы, она поняла, что потратила не так уж много времени и впереди еще целый день: стрелки часов едва перешли за двенадцать часов дня. Не зная, что делать дальше, Виктория решила навести порядок в доме. Она понимала, что это выглядело ужасно глупо и неразумно с ее стороны: делать уборку в доме у уже бывшего партнера, но Виктория не могла с собой ничего поделать. Она просто не привыкла оставлять помещение после себя неприбранным. Найдя все принадлежности для уборки, а также домашнюю химию, девушка закатила рукава и принялась усердно вытирать пыль со всех поверхностей, до которых могла дотянуться, пылесосить ковры, мыть полы, а также кафель в ванной комнате и перемывать и без того чистую посуду.

«Неплохо бы еще и постирать, – подумала слегка уставшая Вика, когда только отложила

швабру и поставила пылесос обратно в кладовку под лестницей, – но это уже слишком. Пусть сам возится или же попросит свою домработницу».

Уборка забрала еще два с половиной часа, что приятно порадовало Викторию, на тот момент более-менее успокоившуюся. Однако стоило ей простоять в холле пять минут, оглядываясь по сторонам и оценивая свою работу, как грустные и сбивчивые мысли вновь начали приходить к ней в голову. Оставаться в доме ей больше совсем не хотелось, да и делать там было нечего, поэтому, накинув теплое пальто и надев кожаные полусапожки, Виктория вышла на улицу.

Ее не волновало, что лицо ее выглядело все еще красным после слез, глаза сильно опухли, а волосы сбившимися патлами спадали на лицо. Нет, в тот момент ей лишь хотелось оказаться подальше от этого дома и воспоминаний, связанных с ним. Не беспокоил девушку и легкий, но промозглый дождь, начавший моросить, стоило ей только выйти из дома.

Виктория сама не знала куда идет и сначала шла просто прямо, как после расставания с Кириллом, но очень скоро поймала себя на мысли о том, что она все же находится в чужой стране и найти помощь случись что тут может оказаться не так-то уж просто. Остановившись и оглядевшись по сторонам, девушка поняла, что находилась рядом с домом-музеем дочери Шекспира, совсем недалеко от церкви и прекрасного парка с ивами, ветви которых доставали до самых вод реки Эйвон. Виктория сбавила темп и медленно побрела к церкви, желая немного побродить в тихом парке, и если найдется скамейка под деревом, то посидеть на ней и в последний раз взглянуть на живописный городок.

Все усиливавшийся дождь разогнал всех туристов и местных жителей, так любивших гулять вдоль реки и, оказавшись возле церкви, Виктория поняла, что рядом никого нет. Это даже обрадовало девушку, в тот момент желавшую остаться наедине с собой. Пройдя через церковный двор и стараясь не смотреть на навевавшие грусть старые, изъеденные временем и непогодой каменные надгробия, Виктория вышла к реке и направилась к скамейке, стоявшей прямо под раскидистым дубом.

Сиденье скамьи, несмотря на некоторое укрытие от дождя, все же оказалось слегка мокрым, но девушку это совсем не беспокоило. Сев, она откинулась на спинку и уставилась в даль, словно впав в транс. Ее разум наконец отчистился от навязчивых мыслей о Брюсе, и девушка глубоко вздохнула. Когда-то в юности Виктория пробовала медитировать и полностью останавливать внутренний разговор у себя в голове, но так толком и не научилась ни первому, ни второму. Все время что-то настойчиво внедрялось в расслабленный разум девушки, уводя ее от безмолвного спокойствия и тишины. Теперь же сидя на скамейке возле церкви, Виктория ощутила некий внутренний полет, как если бы ее душа на некоторое время вырвалась из оков тела и воспарила вверх. Чувства облегчения и свободы вдруг снизошли на нее, словно дверь, которую так долго держали на замке, в конце концов широко распахнулась, позволив свежему ветру ворваться внутрь. Так и случилось с Викторией: в один момент она почувствовала небывалый подъем, приятную пустоту и расслабленность, а в другой неожиданно поняла, что в ее разум пытается проникнуть что-то совсем другое, что-то темное и зловещее, все это время находившееся где-то поблизости. Девушка ощутила, как чьи-то невидимые руки сомкнулись у нее на шее и начали душить ее. Хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, Виктория пыталась избавиться от рук душителя, но не могла, ведь никто на самом деле не держал ее, хоть хватка при этом не становилась слабее. Понимая, что сейчас потеряет сознание, Виктория, не отдавая себе в этом отчета, начала шептать молитву, совсем как в тот раз в спальне в Шотландии, только на этот раз ее

сбивчивое хриплое бормотание не помогло: что-то по-прежнему стискивало тонкую шею девушки. Когда в глазах у Вики потемнело, она вдруг почувствовало прикосновение к своему плечу, при этом тиски на шее тут же куда-то исчезли, и девушка смогла сделать вдох, обжегшей ее горло и заставивший зайтись в кашле. Руку с плеча так и не убрали и, обернувшись, Вика увидела, что коснувшаяся ее кисть затянута в черную перчатку и принадлежала высокому и худощавому седовласому человеку лет пятидесяти с тревогой смотревшему на нее.

– Вам нехорошо? Мне как-то помочь вам? – вежливо поинтересовался он.

Вика в тот момент еще не могла говорить и только покачала головой. Она была рада этому возникшему из ниоткуда незнакомцу, спасшему ее от возможной смерти.

– У вас приступ астмы? Может, вызвать скорую? – не унимался мужчина, обошедший к тому времени скамейку и стоявший напротив девушки.

– Нет, – наконец прохрипела Виктория, – все хорошо. Спасибо.

– Вы совсем промокли. Уж не подхватили ли вы простуду? У вас есть куда идти?

Видимо, из-за жалкого и испуганного вида девушки, а также ее промокшей к тому времени одежды, прохожий принял ее за бездомную.

– Да, я только отдышусь немного и пойду домой. Здесь недалеко, – сказала Вика, но слова дались ей с трудом.

– Может быть, выпьете пока чаю? Я живу совсем рядом. Заодно согреетесь и обсохните, а к тому времени и дождь пройдет, – предложил мужчина.

Виктория с недоверием посмотрела на него и снова вспомнила все предостережения ее близких о том, чтобы она не смела идти на встречи с незнакомцами и уж тем более заходить к ним в дом.

– Спасибо, но не стоит беспокоиться, – ответила она, решив, что лучшим для нее окажется просто побыстрее покинуть этот парк и отправиться домой к Брюсу.

«А что, если он уже вернулся? – пронеслось в голове у девушки, – не хочется мне сейчас сталкиваться с ним».

– Извините, я забыл представиться. Я местный викарий Джеймс Робертс. Я как раз прибирал в церкви, когда увидел, как вы шли к скамейке. Еще подумал, что в такую погоду только весьма отчаянные особы могут совершать прогулку, а когда я уже закрыл двери церкви и направлялся домой, то заметил, что вы задыхаетесь, и решил помочь.

– За что я вам очень благодарна, – искренне поблагодарила его Виктория.

– Возможно, вы все же согласитесь на чашку чая? Мой дом вон там, – указал мужчина на симпатичный рядный домик, находившийся в примерно пятистах метрах от церковного парка.

Сама не понимая почему, но Вика начала испытывать симпатию к этому невзрачному, но судя по всему, доброму человеку и, подумав несколько секунд, согласно кивнула. Не похоже, чтобы мужчин врал, к тому же, приглядевшись, девушка заметила на нем характерный для священнослужителей Англии воротничок.

– Вот и отлично, – викарий протянул девушке руку и она, опершись о нее, встала и последовала за мужчиной.

– У меня нет с собой зонта, а не то обязательно одолжил бы вам, – сказал Джеймс.

– Ничего страшного. Я и так уже мокрая с головы до ног.

– У вас интересный акцент. Откуда вы? – поинтересовался священник и с любопытством посмотрел на девушку.

– Из России.

– Из России? Вот это да! Всегда интересовался этой страной. У вас так много прекрасных писателей и поэтов: Пушкин, Достоевский, Толстой. А сколько художников и работников балета!

– А вы неплохо осведомлены о моей стране, – ответила Виктория, удивившись интересу мужчины к русской культуре. За свое пребывание в Великобритании она не так часто встречала людей, знавших о России что-либо кроме «вечной зимы», «медведей», «русской мафии» и «матрешек».

Путь до дома викария занял совсем немного времени и, подойдя к входной двери, мужчина несколько замешкался в поисках ключа, по забывчивости положенного в нагрудный карман черного жилета, а не в задний левый карман брюк.

– Дамы вперед, – сделал пригласительный жест священник, открыв дверь и пропустив Вику вперед.

Домик викария оказался очень просто, но весьма уютно обставлен. Современная техника, как дома у Брюса, отсутствовала, но в то же время и запустения, как у Эвана, не наблюдалось. На подоконниках стояли глиняные горшки с цветами, на окнах висели кружевные шторки, а деревянный пол покрывали ковровые дорожки, почти как в некоторых российских квартирах, где приходилось бывать Вике. Показавшаяся ей в чем-то родной и близкой обстановка дома тут же расположила девушку к себе, и Виктория перестала беспокоиться о том, что зашла в дом к совершенно незнакомому человеку.

– Присаживайтесь возле радиатора, я сейчас его включу, а пальто давайте повесим над электрическим камином, – предложил мистер Робертс, как только они прошли в гостиную, обстановку которой, не считая обогревателя и электрического камина, встроенного на место настоящего, составляли только два старых кресла, журнальный столик и шкаф с книгами.

Вика села в одно из кресел и вытянула ноги поближе к начинавшему разогреваться радиатору.

– Как хорошо, – в блаженстве сказала девушка, – спасибо вам!

– Пустяки! Желаете чаю? – поинтересовался Викарий.

В любом другом случае Виктория постеснялась бы соглашаться еще и на чай, но в тот момент ее недавно сдавленное кем-то или чем-то горло саднило так сильно, что она не устояла и с радостью приняла предложение викария, поспешившего тотчас на кухню.

Пока мужчина заваривал чай, девушка наконец задумалась о том, что произошло с ней буквально несколько минут назад. Сидя в небольшой гостиной викария, она не ощущала страха, а только какую-то непонятную ей самой растерянность и беспомощность. Словно глубоко в душе она прекрасно понимала, что к чему, но пока что не могла в этом разобраться.

Размышления Вики прервал улыбавшийся викарий, принесший в гостиную две кружки горячего чая. Вика тут же потянулась за напитком, но тут заметила, что в обе порции мужчина добавил молока. Помедлив несколько секунд, девушка все же взяла кружку и сделала пару глотков. Непривычная на вкус теплая жидкость показалась на этот раз не такой противной, как обычно (Вика несколько раз до этого пробовала чай с молоком по совету Брюса, но каждый раз только разочаровывалась в этом напитке), или, возможно, девушка слишком замерзла и перенервничала, чтобы обращать внимания на такие мелочи.

– Все в порядке? Вы выглядите несколько растерянной, – поинтересовался священник, сев в кресло напротив.

– Все хорошо. Просто я не привыкла пить чай с молоком, – честно ответила девушка.

– Ах, вот оно что! Я как-то не подумал. Давайте, принесу вам новую кружку.

– Нет-нет. Не стоит беспокоиться. Сейчас я могу пить чай в любом виде, главное, чтобы он был теплым.

Викарий усмехнулся и сам сделал несколько глотков чая. Морщинки вокруг карих глаз придавали его лицу мягкое и доброе выражение, а приподнятые уголки рта наводили на мысль о добродушном и веселом нраве этого англичанина.

– Не знаю, как вы, а я жутко устал после Рождества, – решил начать разговор Джеймс.

– Представляю, у вас ведь столько работы в эти дни.

– Да, разумеется. А ваше Рождество ведь в январе, если мне не изменяет память?

– Верно. Вы первый человек из тех, кого я встретила в Англии, кто знает об этом, – заметила девушка.

– Ну, мне положено по статусу. Это ваше первое Рождество в Англии?

– Да, правда, отмечали мы его в Шотландии. Только вчера вернулись.

– До Шотландии путь неблизкий, да и с погодой там похуже. Снег не помешал?

– Нет, нисколечко, – ответила Виктория и тут же замолчала, вновь предавшись воспоминаниям.

– Вы так и не сказали, как вас зовут, – после нескольких секунд молчания напомнил священник.

– Виктория. Меня зовут Виктория.

– Очень приятно. А могу я узнать, Виктория, как вы оказались у нас в городе? Да и вообще, что вас привело в Англию? Простите, если мои вопросы бестактны и, если не хотите, можете не отвечать. Просто я всегда отличался любопытством.

– Все в порядке, не беспокойтесь, – успокоила мужчину Вика, – в моем пребывании здесь нет никакой тайны. Мой…молодой человек живет здесь. Я приехала навестить его, и мы вместе отпраздновали Рождество в Шотландии.

– Ох, как здорово! Я могу его знать?

– Понятия не имею, но не думаю. Он совсем не религиозный, да и живет здесь всего несколько лет. Его зовут Брюс Бухан.

– Хм…что-то знакомое, – задумчиво произнес священник, – впрочем, неважно. Надолго вы у нас?

– Завтра уезжаю домой.

– Понятно. Если вы, когда вернетесь, захотите навестить меня в церкви, я буду только рад, – предложил мистер Робертс.

– Вряд ли это возможно, – с грустной усмешкой ответила Виктория.

– Почему же? Если вы переживаете из-за конфессии, то не стоит. Я весьма толерантен в этом вопросе. У меня много друзей принадлежащих к другим вероисповеданиям: исламу, индуизму, буддизму и атеисты есть…

– Дело не в этом, – перебила его девушка, – а в том, что я больше сюда не вернусь.

Сказав это, девушка опустила голову и замолчала. Ей хотелось разрыдаться, но она изо всех сил сдерживала эмоции, понимая, что не к чему загружать ими совершенного чужого и незнакомого ей человека.

Какое-то время священник молчал, а потом, отставив кружку с чаем на столик, протянул руку к девушке и накрыл своей ладонью кисть ее руки.

– Ну-ну, не переживайте так. В жизни всякое бывает, а пути Господа, как вы сами

наверняка знаете, неисповедимы.

Виктория кивнула, но ничего не ответила. Тогда викарий, подвинув свое кресло ближе к креслу девушки, обратился к ней еще раз.

– Отношения между мужчиной и женщиной не всегда полны радости. Случаются и моменты грусти, обиды и даже боли, но поверьте моему опыту (я ведь сам был когда-то женат) через все трудности можно пройти, если поддерживать друг друга и не сдаваться. Но это при условии, что оба человека любят друг друга, а коли любви нет, то и продолжать, конечно, не стоит.

– Ох, если бы я только его не любила, – наконец сказала Виктория и слезы, так долго сдерживаемые, потекли у нее из глаз, – тогда все было бы легче. Сейчас же у меня словно что-то разрывается в груди, от боли. Но я должна уехать, другого выхода я не вижу.

– Возможно, вы не там ищите выход? Вы пытались поговорить с ним?

– Конечно! Это-то все и решило. Он не тот, за кого себя выдавал, совсем не тот. Да что там, я боюсь его.

– Боитесь? Он с вами плохо обращался? – с тревогой в глазах спросил священник и протянул девушке носовой платок.

Вытерев слезы, Вика ответила:

– И да, и нет. Сама не пойму. Я уже ничего не понимаю. Даже то, что сейчас случилось в парке, когда мне стало нечем дышать. Я словно сума схожу.

– Вам нужно выговориться, а я умею слушать, как никто другой, и обещаю, что все останется в этой комнате и никогда не выйдет за ее порог.

Девушка посмотрела на Джеймса и почувствовала, что он говорил правду. Терять ей было все равно нечего, а поговорить с кем-то, кто не стал бы осуждать ее или же тут же поливать Брюса грязью, ей действительно хотелось. Возможно, викарий смог бы дать совет или же хотя бы посочувствовал ей и подтвердил бы, что решение об отъезде, принятое девушкой, единственное правильное в данной ситуации.

Дождь все не переставал барабанить по окнам дома, а глухие порывы ветра завывали на улице, словно голодные собаки. Слова лились из Виктории, как из рога изобилия, и без прикрас и излишних преувеличений она рассказала викарию всю историю ее отношений с Брюсом, как ее помнила, начиная с их неожиданной встречи в Санкт-Петербурге. Все это время Джеймс Робертс слушал ее не перебивая, даже не задавая уточняющих вопросов. В какой-то момент девушке даже показалось, что мужчина задремал, но подняв глаза она встретилась с серьезным и сосредоточенным взглядом священника, который не отрываясь смотрел на девушку. Смутившись, Вика вновь опустила голову и продолжила говорить, желая тем самым избавиться хотя бы от части негатива, накопившегося у нее в душе.

Когда история подошла к концу, Вика почувствовала, как с ее плеч словно бы упал неимоверно тяжелый рюкзак, наполненный различными тяжкими думами, переживаниями, обидой и болью. Она даже физически почувствовала себя лучше и, распрямившись в кресле, сделала глубокий вдох. Джеймс все молчал, но теперь он уже не смотрел на Вику, а наблюдал за оранжевым пламенем искусственного камина.

– Весьма печальная история, – наконец сказал он, – и крайне таинственная.

– Таинственная? – удивилась Вика.

– Ну да, разве вы сами этого не видите?

– Если честно, то нет.

– А как же жуткая история той родственницы вашего партнёра, темная тень, что вы

видели, невидимая сила, одолевшая вас на скамейке?

– Ах, вы про это, – сглотнув, сказала девушка и уже менее уверенным тоном продолжила, – что касается происшествия на скамейке, то думаю, что на меня накатил приступ паники, плюс усталость и холод одолели меня. В общем, все в месте. Я читала, что в моменты стресса человеческий организм может преподносить сюрпризы разного рода, в том числе и малоприятные. Тень в спальне, думаю, просто приснилась мне, а что касается несчастной родственницы, то это всего лишь грустное семейное предание. Я ведь даже не знаю, случилось это на самом деле или нет.

– Вы размышляете весьма трезво, логично и по-современному, – усмехнулся Джеймс, – молодости присущи такие умозаключения, но мне, как человеку более зрелому, кажется, что все тут не так просто, как вам видится.

– О чем вы? – спросила удивленная Вика.

– Была у меня одна прихожанка. Славная женщина. Бедняжке не повезло, и она рано овдовела. После смерти мужа стала часто ходить в церковь, вся ушла с головой в религию, а про дитя свое почти забыла. Крошке тогда только стукнуло три года. Сначала они вместе ходили на службы, а потом я стал видеть ребенка все реже и реже, зато мать заходила в церковь почти каждый день. Она все словно пыталась мне что-то сказать, только я, дурак, не мог этого разглядеть, а у нее, видимо, смелости не хватало начать разговор. Вскоре она пропала и не появлялась у меня несколько дней, что меня сильно удивило. Помню, я тогда еще подумал, что они уехали к родственникам. Однако вскоре мне позвонили из полиции и попросили явиться в участок. Та женщина уже несколько дней находилась под арестом… за убийство своего же ребенка. Я как узнал об этом, так чуть на пол не рухнул прямо перед следователем. Может быть, она и не являлась идеальной матерью, но чтобы убить свое дитя? Я в такое просто не мог поверить. Мне сказали, что ребенка обнаружили утопленным в ванной, а на теле нашли следы от побоев. Бедная кроха!

– Я немного не понимаю, зачем вы мне это рассказываете? – спросила встревоженная Вика, которой вовсе не хотелось выслушивать очередную неприятную историю. Хватало и семейных преданий семьи Бухан.

– Дело в том, что та женщина попросила полицию связаться со мной, чтобы исповедаться. Когда я зашел к ней в камеру, то просто не узнал ее. Передо мной явно был другой человек: вместо тридцатилетней женщины на узкой кровати сидела старуха: волосы седые, все лицо в морщинах, кожа желтая, как папиросная бумага. А худая какая! Она посмотрела на меня умоляющими глазами и начала рыдать и причитать, что она ничего плохого своему ребенку не делала и ни за что в жизни не сделала бы. Я тогда спросил, если не она, то кто, и говорила ли она об этом с полицией. Женщина покачала головой и сказала, что те все равно не поверили бы, ведь ребенка убил его отец. Я решил, что она умом тронулась, раз на покойника клевещет, но после услышанного в той камере засомневался. Женщина рассказала, что после похорон ее покойный муж начал захаживать к ней. Сначала не часто, может, раз-два в месяц, потом чуть ли не каждую неделю, а перед трагедией почти каждый день. Когда это только началось, он приходил к ней во снах весьма фривольного содержания. Бедняжка думала, что просто сильно тоскует по мужу, но потом как-то среди ночи услышала шаги на лестнице, только на ней никого не оказалось, а шаги все же раздавались и как дошли до ее кровати, так кто-то невидимый набросился на нее. В ту ночь она не видела с кем занималась любовью, но во снах до этого четко различала своего супруга.

Ее дочка тоже начала чувствовать неладное: то расплачется просто так, то зайдется в жуткой истерике и все смотрела на кого-то или на что-то, так что даже глаз не отводила, но матери упорно не говорила, что видела. Когда та ее спросила, не папу ли она видела, то дочурка испуганно глянула на мать и прокричав «Нет», снова захныкала.

Ночные визиты все продолжались, но женщина перестала получать от них удовольствие. Она призналась, что сильно боялась призрака своего покойного мужа: просто трепетала от звуков его шагов или холодного дыхания, обдававшего ее лицо, когда он на нее забирался. Да и соития их стали жестокими и болезненными для нее. Она шептала, просила, умоляла, чтобы он покинул ее, но ничего не помогало. Тогда-то она и зачастила ко мне в церковь. Думала, что молитвы помогут, но становилось только хуже. Помимо того, что он ее тело использовал, так он еще и бить ее начал. Она, конечно, не видела, как призрак наносил удары, но боль от них ощущала, а на утро синяки напоминали ей, что произошедшее накануне сном отнюдь не являлось. Она хотела рассказать мне уже тогда о своей беде, но стеснялась. Думала, что я ее за сумасшедшую приму. Что ж, возможно, тогда так бы и случилось.

Викарий замолчал на некоторое время, задумавшись, но, прочистив горло, продолжил:

– Потом она и на дочке синяки увидела. Пыталась узнать, как та их получила, но малышка упорно молчала и только мочиться во сне начала. Видимо, боялась чего-то каждую ночь. Моя прихожанка что только не перепробовала, чтобы избавиться от непрошенного и уже опасного гостя: и святой водой окропляла дом, и кресты везде навешала, и даже пробовала не спать ночами, а сидеть рядом с кроваткой ребенка, но наутро все равно просыпалась у себя в постели избитая и уставшая, а дочка вся зареванная лежала в своей кроватке и никак не хотела говорить, что ее так напугало. Тогда не посоветовавшись со мной, о чем она позже очень сожалела, женщина решила пригласить в дом медиума, об услугах которого узнала из рекламы в газете. Приехал мужчина, походил по дому, посмотрел на фотографию ее мужа и сказал, что ничего толком не чувствует, но сеанс проведёт. Она ему не сказала, что на самом деле происходило по ночам, только намекнула, что ощущает присутствие мужа в комнатах, а также слышит чьи-то шаги.

Вечером медиум пытался связаться с духом ее покойного супруга, держа в руках его рубашку, но ничего не получилось, как бы тот ни старался. В итоге он даже плату с женщины не взял и уже хотел покинуть ее дом, как вдруг резко остановился у порога, словно почувствовал что-то неладное. Обернувшись, он уставился на лестницу, ведущую на второй этаж и так стоял некоторое время, как изваяние, не двигаясь, не произнося ни слова и едва дыша. Когда хозяйка дома спросила его, все ли в порядке, тот только безумными глазами посмотрел на нее и сказал, что он ей помочь не в силах. Ничего не объяснив, мужчина пулей выбежал из ее дома, оставив бедную женщину стоять в растерянности. Уж не знаю, что он там такого увидел, но в ту ночь и произошла трагедия. Женщина хотела погреться в теплой воде и набирала себе ванну. Она уже думала залезть в нее, как вдруг услышала крик из комнаты ребенка и помчалась туда в чем мать родила. Стоило ей забежать в детскую, дверь за ней захлопнулась и, как ни пыталась она ее открыть, так и не сумела, словно что-то тяжелое подпирало дверь снаружи. Детский крик все продолжался, но теперь уже в коридоре. Мать ребенка, волнуясь за него, хотела вылезти через окно, чтобы попасть в дом, но кто-то нанес ей удар по голове, и она рухнула на пол. Там ее и нашел курьер, принесший посылку. Подъехав к дому, он увидел, что входная дверь распахнута настежь, и решил зайти. Парень думал, что в доме побывали воры, но бардака присущего кражам или взломам не

заметил, поэтому он, зовя хозяев, поднялся наверх. Сначала зашел в ванную, расположенную прямо рядом с лестницей, где к своему ужасу увидел избитую, утопленную маленькую девочку, а потом рискнул открыть дверь в комнату напротив, где обнаружил скрюченную, голую женщину, лежавшую у двери без сознания. Парень вызвал полицию и те, не став разбираться, обвинили во всем мать, которая из-за шока не могла ничего возразить и только смотрела на всех круглыми от ужаса глазами. Я, конечно, принял ее историю за плод больного воображения, но все же спросил, посещал ли ее супруг теперь, на что та ответила, что его визиты после гибели их дочери прекратились. Посоветовав ей рассказать все, что она поведала мне, полиции, я ушел. В ту ночь я не спал, все ворочался и думал о бедняжке, а наутро мне позвонил участковый и сообщил, что женщину нашли мертвой в камере: сердечный приступ.

Викарий вновь смолк и Виктория, на которую эта история произвела крайне неприятное и пугающее впечатление, осмелилась спросить:

– Это все, конечно, очень печально и страшно, но только я не пойму, какая тут связь с тем, что произошло у меня с Брюсом?

– После похорон обеих я пытался связаться с медиумом, телефон которого мне дал знакомый полицейский. Полиция ведь проверила все телефонные звонки женщины на накануне убийства ребенка. Только тот мне сразу сказал, что медиум не причастен к преступлению и весь вечер провел в пабе в нескольких милях от дома погибших, а напившись, отправился к своей подружке, которая и приютила его на ночь. Все соседи в округе подтвердили этот факт, так как парень вел себя крайне шумно. Да и вообще, по словам полиции он был всего-навсего шарлатаном, зарабатывавшим деньги на слабостях несчастных людей. Я решил позвонить ему, но тот, услышав, кто я и по какому делу звоню, сразу положил трубку, но через пару дней он сам пришел ко мне в церковь. Весь бледный и дрожащий, парень попросил, чтобы я защитил его ото зла. Я помолился вместе с ним, а после отвел к себе в комнату, где и услышал, что муж погибшей женщины не причастен к смерти ребенка и дух его давно уже перешел в другой мир, а в наш не приходит и вряд ли когда-либо наведывался. А вот некая злая сила действительно атаковала ту женщину и дочь ее убила именно она, а не родная мать ребенка, и теперь это зло ходит и за ним. Он не знал, кто это или что это. Только видел жуткие черные очертания человеческой фигуры, от которой веяло злом и ненавистью. Каким-то образом она оказалась связана с моей прихожанкой и ее дочерью.

Я не знал, что и думать. Я верю в Бога, но во всякую чертовщину вроде призраков или полтергейста не особо. Сам я с подобным ни разу не сталкивался и, надеюсь, не придется. Мы еще немного поговорили с медиумом, я дал ему Библию, указал некоторые стихи, которые следовало читать в моменты страха или отчаянья, но в то же время посоветовал проверить нервы у специалиста. Ведь могло случиться и так, что он по каким-то причинам принял вину за смерть матери и дочери на себя.

Вскоре парень пропал. Я позвонил ему через несколько дней, но его сосед по дому сообщил, что тот уехал в Девон к матери, чьих контактов он не знал. Так я и не сумел разобраться во всей этой истории и до сих пор отчасти чувствую себя виноватым в том, что произошло с женщиной и ее малюткой, но мне также неспокойно и за медиума. Почему я тогда не настоял на том, чтобы поглубже разобраться во всем произошедшем? Или, возможно, следовало пригласить его пожить у себя? Вполне вероятно, это могло помочь. Мое недоверие и неверие в сверхъестественное помешали мне помочь человеку.

– Почему вы так в этом уверены? Вы знаете, где этот молодой человек сейчас? – спросила Виктория.

– Нет. Он словно пропал. Мой знакомый полицейский не смог помочь, потому что никакой матери в Девоне, как выяснилось, у парня не было, и куда он тогда уехал никто не знает.

– Да, загадочная история, – согласилась Виктория, до сих пор толком не понявшая зачем викарий рассказал ей все это.

– Это точно. Я поведал вам ее потому, что она чем-то походит на вашу, а я не хочу, чтобы вы совершили мою ошибку и просто отмахнулись от того, чего не можете объяснить. Возможно, Брюсу нужна помощь и без вашей поддержки он просто не справится сам. А, может быть, помощь необходима вам, и скорый отъезд в Россию нисколько не спасет вас, а только усугубит ситуацию.

– О чем вы? Поясните, прошу.

– Вы рассказали о темной фигуре, которую видели, о странном поведении вашего партнёра, синяках на вашем теле и отсутствии воспоминаний о том, как они появились, а также о том, что вас душила невидимая сила. Все это похоже на историю моей прихожанки. К тому же есть еще эта кровавая история с браслетом. Что если это вовсе не Брюс воспользовался вашим телом, а нечто вселившееся в него?

Виктория, сама не отдавая себе в этом отчета, дико рассмеялась.

– Кто мог вселиться в него? Что за ерунда!? И потом, один раз я помню, как это происходило именно с ним. Да он просто обыкновенный извращенец, вы уж меня простите. Призраки и потусторонние силы тут не при чем.

– Виктория, вы так уверенно об этом говорите. Наверное, вы все же правы. Это меня, старого болвана, мучает совесть, вот я и вспомнил эту историю. Просто описанная вами темная фигура уж очень напомнила мне о ней.

– Думаю, что черный силуэт в спальне все же был сном…

Сказав это, девушка запнулась. Неожиданно она вспомнила, что видела странный тревожный сон еще в России, не зная ничего о браслете и его истории. Тогда действие сна происходило в незнакомой для нее комнате, но сейчас она поняла, что еще даже не побывав в Шотландии, она видела во сне спальню Брюса и часть ее обстановки, вероятно, относившуюся к более раннему времени. Она тогда была одета в старинное платье, и ей с ножом в руке угрожал коренастый мужчина, которого она не знала, а Брюс беспомощно сидел в кресле.

– Мужчина…это он… – прошептала Вика и резко встала, задев столик, на котором стояли полупустые кружки с уже давно остывшим чаем. Одна из кружек не выдержала легкого удара и, съехав к краю стола, упала на пол, обрызгав синие тапочки викария остатками холодного чая с молоком. Джеймс, однако, этого совсем не заметил и продолжал изумленно смотреть на девушку. Поспешно поднявшись, он взял ее за руки и спросил:

– Что с вами? Вам нехорошо?

– Нет… то есть да. Я просто вспомнила кое-что.

– И что же?

– Еще до приезда в Англию мне снился сон, где на меня напал мужчина с ножом, лицо которого мне на тот момент было незнакомо. Но теперь я знаю, что им являлся тот человек с фотографии – убийца девушки, дальней родственницы Брюса. Да, я точно вспомнила – это он!

– Откуда такая уверенность? Сны иногда играют с нами злую шутку. Вам теперь может казаться что-то, чего на самом деле вы никогда не видели.

– Я сидела на кровати и листала семейный альбом Брюса, – начала быстро и сбивчиво говорить Виктория, взгляд которой потупился, словно она полностью отдалась воспоминаниям, – когда вдруг заметила фотографию с мужчиной, привлекшим моем внимание. Я подумала, что это он, но вскоре задремала, а проснулась из-за того, что на лестнице раздались шаги. Я слышала их! Точно слышала! Даже в комнате! Но никого при этом не видела, а потом он повалил меня на кровать и попытался изнасиловать. Я сопротивлялась, как могла, но только прочитав молитву, смогла избавиться от него. Ох, Господи, оттуда у меня и появились синяки! Значит, это все же не Брюс их наставил мне, а это нечто… а я с таким рвением сегодня утром обвиняла Брюса в рукоприкладстве! И потом возле реки невидимые руки душили меня – это снова был он, тот человек со старого снимка!

– Виктория, помедленнее, прошу. Я не совсем понимаю, о чем вы говорите, – сказал священник, и вправду разобравший совсем немного из ее сбивчивого монолога с сильным русским акцентом, к которому Джеймс еще не привык.

– Вы, возможно, правы. Я должна рассказать обо всем Брюсу. Мы оба можем быть в опасности, но вместе мы с ней справимся, как он и говорил.

– Из ваших слов я только разобрал, что это не Брюс вас побил. Но кто или что тогда? Мужчина из сна? Призрак убийцы?

– Не знаю, но я выясню, – немного придя в себя, сказала Виктория, – мистер Робертс, было приятно с вами познакомиться, и спасибо вам огромное за чай и то, что помогли мне, но сейчас я должна бежать.

– Конечно, но, может быть, вызвать вам такси или позвонить Брюсу? – предложил священник.

– Отличная идея! И как я сама не додумалась?!

Вытащив из кармана влажного пальто мобильный телефон, Вика набрала номер Брюса, но никто не взял трубку. На том конце слышались только длинные протяжные гудки.

«Возможно, телефон остался в машине, и Брюс просто не слышит звонка», – попыталась утешить себя Вика, но сердце в груди девушки болезненно сжималось, а женская интуиция, проснувшаяся так внезапно, зашептала на ухо различные ужасные предположения.

– Он не берет трубку. Я пойду домой, – сказала Виктория, убрав телефон обратно в карман.

– Хорошо, но прошу вас, позвоните мне, как только узнаете, что все в порядке. Вот моя визитная карточка, – с этими словами викарий протянул Вике несколько помятую визитку, которую девушка тут же засунула в карман, даже не взглянув на нее.

В коридоре девушка надела все еще мокрые ботинки, не обратив на этот факт никакого внимания, настолько мысли о Брюсе поглотили ее сознание. Закончив со шнуровкой, Вика выпрямилась и протянула священнику руку на прощание. Ей очень понравился этот добродушный человек и сейчас, поспешно покидая его дом, она чувствовала себя несколько неловко. Однако тревога не покидала девушку и ей не терпелось увидеть Брюса и рассказать ему все, что она только что вспомнила. Возможно, он примет ее за помешанную, на что он уже пару раз намекал ей, но она хотя бы сможет сказать ему, что больше не обвиняет его в побоях. Вдруг у них все же есть будущее? По крайней мере, Виктория решила рискнуть и узнать это.

– Всего доброго, – только и успел прокричать Джеймс Робертс в след убегавшей

россиянке, молнией вылетевшей из его дома сразу после рукопожатия, – да хранит тебя Господь, – добавил священник и закрыл дверь, чтобы не впускать холод и сырость в дом, уже успевший немного прогреться.

Невысокие каблучки полусапожек Виктории отбивали отчаянную дробь по тротуарам Стратфодра, пока девушка бежала домой. Не смотря на прохладу, девушке стало жарко, но она не замечала липкого пота, выступившего на ее лице и спине. Ей казалось, что путь домой стал вдруг в несколько раз длиннее обычного, что, конечно же, являлось неправдой, а когда она наконец увидела дом Брюса, то сердце ее невольно сжалось от страха и разочарования: автомобиль все еще отсутствовал на парковке, а в окнах по-прежнему было темно. Тем не менее девушка громко позвала Брюса по имени, как только зашла в дом, но ответом ей было молчание.

«Как же мне найти тебя?», – судорожно думала Виктория, но на ум ничего не приходило, а на телефонные звонки Брюс по-прежнему не отвечал. В отчаянье девушка рухнула на диван в гостиной и обхватила голову руками, совсем как это делал в минуты тревоги сам Брюс.

«Ничего, рано или поздно он вернется. Обещал же он отвезти меня завтра в аэропорт. Возможно, он выпил лишнего и решил заночевать у друга, раз решил, что между нами все равно все кончено. Если не сегодня вечером, то утром он обязательно приедет. Он бы никогда не подвел меня, даже если бы возненавидел», – несколько успокоила себя этой мыслью Виктория, предположив, что мужчине понадобилось просто залить горе алкоголем. Приободренная, девушка встала с дивана и направилась наверх, намереваясь сходить в горячий душ и лечь спать, чтобы хотя бы на утро выглядеть не так жалко и ужасно, как сейчас. «Хочется верить, что у нас еще есть шанс», – утешила себя Вика.

Глава 13.

Утром Виктория еле разомкнула глаза. Все тело ныло, нос оказался заложен, горло болело, а в голове была полная каша.

«Что вчера произошло?», – сперва подумала девушка, привстав на локтях в кровати и обнаружив отсутствие Брюса. Через мгновение воспоминания прошлого дня и вечера вернулись к ней, и девушка в отчаянье упала на подушки, поняв, что Брюс так и не вернулся. Оставалась слабая надежда, что мужчина лег внизу на диване, но Вике она показалась маловероятной.

Встав и даже не сходив в душ, девушка быстро натянула на себя теплую одежду, в которой собиралась позже лететь домой. Сердце бедняжки отчаянно билось, пока она спускалась по лестнице на первый этаж дома, продолжая уповать на то, что мужчина спал вниз, но увидев пустую кушетку, Вика не слишком удивилась. Брюс по мнению девушки отличался рассудительностью и осторожностью и, если он вчера выпил лишнего у кого-то из друзей, то не сел бы за руль в нетрезвом состоянии. «Скорее всего, он приедет к обеду», – подумала Вика и направилась на кухню сделать себе кофе и съесть пару ложек меда, чтобы облегчить первые симптомы простуды.

Вчерашняя «прогулка» под дождем обернулась для россиянки весьма неприятной слабостью во всем теле, однако, несмотря на это, после кофе Виктория решила приготовить что-нибудь вкусное на обед для Брюса. Остановив свой выбор на блинчиках с фаршем и курином бульоне, шмыгая носом, девушка принялась за приготовление еды. Она надеялась, что если Брюс приедет к обеду, то они смогут вместе поесть, обсудить сложившуюся ситуацию и, кто знает, возможно, даже сдвинуть дату ее отлета на несколько дней вперед. Для себя она решила, что непременно поедет в Питер в ближайшие дни, вне зависимости от того, помирится она с британцем или нет. Вике не терпелось оказаться на родине, в кругу близких ей людей, а также обдумать отношения с Брюсом вдали от него самого и Англии.

Пока девушка обжаривала ароматный лук с фаршем, готовила тесто для тонких золотистых блинчиков и варила насыщенный куриный бульон, она невольно думала и о своих загадочных снах, а также о странном случае в доме отца Брюса, когда на нее напало нечто, последовавшее, судя по всему, за ней из Стратфорда. Утром мрачный рассказ священника, а также собственные мысли о призраках, демонах и прочей нечисти, не казались ей такими уж страшными, скорее волнующими или неприятными. Пока что она не знала, как объяснить все случившееся и, вполне вероятно, что Брюс в чем-то отчасти прав, предположив, что у нее не все в порядке с психикой. Однако объяснение могло быть и более простым: сказался стресс из-за переезда и резкой смены обстановки. Она слышала похожую историю от своей двоюродной сестры Ирины, уехавшей в Германию пару лет назад. Ирина рассказывала, что события первых месяцев ее жизни в новой стране казались ей нереальными, словно она являлась лишь участницей странного спектакля и видела свою жизнь как бы со стороны, не участвуя в ней. Запутавшись в своих чувствах, девушка даже обратилась к психологу, который и объяснил ей, что так может выглядеть защитная реакция мозга на стресс, желавшего оградить своего хозяина от излишних эмоций и переживаний, представив его не участником действия, а наблюдателем. С Викой и в правду могло произойти нечто подобное, но полностью отвергать предположение о потусторонних силах девушка все же не хотела и, чтобы не чувствовать себя совсем уж одиноко, включила радио.

Кухня тут же наполнилась не только запахами готовившихся блюд, но и ритмичной музыкой одной из радиостанций Стратфорда.

Закончив с обедом, девушка поднялась наверх, чтобы хоть как-то привести себя в порядок: скрыть отеки под глазами, припудрить раскрасневшийся нос и нанести немного румян на бледные щеки. Пока девушка занималась макияжем, она не переставая смотрела на часы в ожидании, когда в двери повернется ключ, и Брюс зайдет в дом. Виктория несколько раз прокрутила в голове монолог, объяснивший бы ее странное поведение, а также перебрала возможные варианты реакции Брюса: от безразличия к ней, до лютой ненависти. Как бы то ни было, предугадать его отношение к тому, что она собиралась сказать, Вика не могла, поэтому решила просто подождать возвращения мужчины.

Минуты тянулись, как часы, и Виктория просто не знала, куда себя деть и чем заняться. Девушка пробовала читать книгу, взятую с собой из дома, но предложения расплывались в непонятные фразы, не имевшие никакого смысла, и после того, как Вика перечитала один и тот же абзац пять раз и так ничего и не поняла из него, отбросила это занятие. Она включила свой небольшой ноутбук и поставила новый комедийный фильм, чтобы не только скоротать время, но и поднять себе настроение, однако, и это не помогло: на протяжении всего фильма, девушка то и дело смотрела в правый нижний угол монитора ноутбука, где располагались часы.

Знай она друзей Брюса и их телефоны, она бы уже давным-давно обзвонила каждого из них, чтобы узнать, куда мог пропасть Брюс, но мужчина так и не познакомил ее ни с кем из своего окружения, кроме Эвана. Конечно, Вика могла позвонить и отцу Брюса, но решила припасти этот вариант напоследок.

К двум часам дня девушка спустилась вниз и начала шагами мерить гостиную, ходя туда-судя, и то и дело выглядывала в окно, надеясь увидеть подъезжавшую машину Брюса. В конце концов, если он и решил порвать с ней, то он ведь обещал отвезти ее в аэропорт, а сейчас часы показывали как раз подходящее время, чтобы тронуться в путь.

«А что, если с ним вчера что-то случилось? Авария или несчастный случай?», – вдруг подумала Виктория и присела на диван. «Как же я раньше не додумалась до этого? Что, если викарий прав, и существует некая злая сила, способная причинять вред людям, и вчера она напала на Брюса?», – испугалась Вика. В таком случае единственным верным решением было бы обзвонить больницы, но их номеров Вика не знала. Девушка вообще не представляла, что ей теперь делать, и какое-то время сидела неподвижно, явно находясь в ступоре.

Она знала рабочий адрес Брюса с его визитки, но ни разу не посещала его офис, да и потом в субботу вряд ли там оказался бы кто-либо. Телефонной книги с контактами знакомых, как это было принято у нее в семье, мужчина не держал, ведь все номера он сохранял в мобильном телефоне, который забрал с собой. Единственной возможной подсказкой мог оказаться лэптоп мужчины, где в электронных письмах и документах могли находиться контакты его друзей или лечащего врача.

Не в правилах Вики было трогать чужие вещи без спроса и уж тем более рыться в чужих документах, но другого выбора, кроме как изучить файлы компьютера Брюса, девушка не видела. Включив ноутбук, девушка уже хотела приступить к поиску, однако, оказалась перед окошком, спрашивавшим пароль, который, конечно, Вика не знала. Пару раз он рискнула набрать имя и фамилию Брюса в качестве запрашиваемых слов, но это ничего не дало. Отложив компьютер в сторону, Виктория в ужасе поняла, что просто не знает, что делать

дальше, кроме как позвонить в 911 и попытаться объяснить сложившуюся ситуацию. Она понимала, что вряд ли сотрудники службы спасения молниеносно кинутся на поиски Брюса, но это все же казалось лучшим, нежели продолжать бездействовать.

Слегка дрожавшей рукой девушка уже потянулась к телефону, как вдруг в дверь громко постучали. От неожиданности Вика подпрыгнула на диване и, сорвавшись с места, тут же бросилась открывать дверь в надежде увидеть на пороге Брюса. Тогда она даже не подумала, зачем мужчине могло понадобиться стучать в дверь, если у него были свои ключи. На крыльях радости и с невероятным облегчением Виктория поспешила к двери и, широко улыбаясь, отворила ее. Улыбка еще какое-то время сияла на лице девушки, но постепенно начала исчезать, оставляя место разочарованному и озадаченному выражению, ведь перед ней стоял вовсе не Брюс, а миловидная женщина среднего возраста со светлыми волосами и довольно ярким макияжем. Женщина выглядела весьма привлекательно, и Виктория почувствовала укол ревности. «Что нужно этой симпатичной женщине от Брюса?», – подумала она, а сама спросила:

– Чем могу помочь?

– Брюс дома? – поинтересовалась дама, с любопытством разглядывая Вику.

– Нет, его нет, – ответила россиянка и тут же добавила, – а вы кто?

– Меня зовут Агнежка. Я прибираю в доме Брюса.

«Ах, точно! – вспомнила, Виктория, – он ведь говорил мне о домработнице».

– Я могу зайти попозже, если хотите, или приступлю к уборке прямо сейчас, – предложила женщина.

– Не знаю даже как лучше поступить, – честно ответила Вика, – нам скоро уезжать. Я сегодня улетаю, и Брюс обещал отвезти меня в аэропорт.

– Значит, он скоро приедет?

– Надеюсь. Вернее, не знаю.

Агнежка настороженно посмотрела на Викторию. Девушка показалась ей весьма взволнованной, если не напуганной.

– У вас все хорошо? – поинтересовалась она.

– Да, просто…просто, вы не знаете телефонные номера близких друзей Брюса? Дело в том, что он вчера ушел, не сказав к кому, а я переживаю, что мы можем опоздать на рейс, и хотела бы узнать, когда он приедет.

– Хм. А звонить ему вы пробовали? – спросила Агнежка.

– Да, много раз. Вчера вечером и сегодня днем, но никто не берет трубку, что меня тоже несколько пугает. Это так непохоже на него. Вдруг, что-то случилось, что если он…

– Ну-ну, – перебила ее Агнежка, – позвольте зайти в дом. Выпьем чаю, и я подумаю, кому можно позвонить, чтобы узнать что-нибудь.

Выдохнув с облегчением от сознания того, что у нее появилась помощница, Виктория с радостью пропустила женщину в дом. Со знанием дела Агнежка тут же пошла на кухню и, достав из кухонного шкафа чай с ромашкой, включила чайник.

– Думаю, вам не помешает немного горячего и успокаивающего, – предположила Агнежка, глядя на простывшую Вику, нервно отбивавшую дробь пальцами по кухонной столешнице, – присядьте на диван. Я принесу чай, а потом мы позвоним некоторым из друзей Брюса, которые наверняка нам помогут. Не изводите себя заранее. Уверена, что с Брюсом все в порядке. Я его знаю с того самого дня, как он въехал в этот дом. Весьма ответственный и аккуратный человек, поэтому вам не стоит так убиваться.

Слова Агнежки немного успокоили Вику, но подсознательно девушка понимала, что что-то не так, и ни один из друзей Брюса не сможет им помочь.

Вскоре вернулась Агнежка с кружкой горячего чая для Виктории в одной руке и своим мобильным телефоном в другой. Женщина села напротив Вики и, продолжая искать что-то в телефоне, не отрывая от него взгляда, обратилась к Вике:

– Откуда вы?

– Из России.

– А, понятно. То-то ваш акцент показался мне чуточку знакомым. Я сама из Польши. Вот уже как восемь лет здесь живу.

– И как вам? Нравится? – спросила Вика, хотя в тот момент ее это совсем не волновало.

– Да, не жалюсь. Работа всегда есть, люди вокруг хорошие… Так. Кажется, нашла. Сейчас позвоню Стивену. Он живет в миле отсюда и часто ходит с Брюсом в паб.

– А откуда вы знаете Стивена и других друзей Брюса? – все же спросила Виктория.

– Я тоже помогаю им по хозяйству, даже детей из школы иногда забираю, если нужно. Город-то маленький, все друг друга знают, вот и рекомендуют меня, как достойную и ответственную работницу.

Эти слова несколько приободрили Вику, сначала принявшую Агнежку за возможную бывшую подружку Брюса.

– Стив? Стив! Это Агнежка… Да, все хорошо. А ты как? Понятно. Слушай, ты Брюса вчера не видел?

Виктория с замиранием сердца ждала ответа, но услышав его, только еще больше расстроилась.

– Не видел, значит? Ладно, спасибо… Нет, ничего не случилось. Я просто убираю у него сегодня, а его нет дома, вот и хотела узнать, где он может быть, – подмигнув Вике, ответила Агнежка Стивену.

Виктория обрадовалась, что женщина не стала говорить знакомым Брюса о ней и том, что он уехал из дома, ничего не сказав.

– Ладно, Стивен отпадает, – сказала Агнежка, закончив разговор, – сейчас обзвоню остальных.

Каждое новое имя в телефонном списке Агнежки давало Вике слабую надежду на то, что она все же узнает, где пропадал Брюс прошлой ночью и когда он думает вернуться, однако, с каждым набранным номером ее вера в это постепенно гасла. Никто из знакомых Брюса не видел мужчину, никому он не звонил, и никто даже не мог предположить, куда мог подеваться столь ответственный и рассудительный человек. Благодаря стараниям Агнежки никто из друзей так и не узнал о том, что это именно Вика искала покинувшего ее британца.

Когда женщина набирала номер последнего общего знакомого, Вика уже понимала, что и этот человек вряд ли окажет им какую-либо помощь и с трудом сдерживала сильную дрожь, начавшую колотить все ее тело, то ли от переживаний, то ли от озноба и температуры. Заметив это, Агнежка слегка побледнела, поняв, насколько серьезно состояние Виктории, и постаралась как можно быстрее закончить бесполезный звонок, не принесший никаких новостей.

– Милая, да вам совсем плохо. Шли бы вы в постель, – посоветовала Агнежка Вике, – а я принесу вам горячий чай и пару таблеток парацетамола.

– Нет, не хочу таблеток. Нужно узнать, где Брюс, – нервно ответила Вика.

– Но мы обзвонили всех, кто мог помочь, также сделали несколько звонков в его офис,

но никто ничего не знает. Вы, случайно, вчера не ссорились? Вдруг он просто поехал в какой-нибудь отель, напился в баре, а сейчас спит? – предположила Агнежка.

– Не думаю. Он ведь знал, что у меня рейс и обещал подвезти.

– Мужчины, сами знаете, какими могут быть, когда выпьют лишнего. Он мог просто забыть об этом или из-за обиды на вас не хочет этого делать.

– Не знаю, не уверена в этом. Это так не похоже на Брюса.

– Вы правы, – согласилась Агнежка, – на него это совсем не похоже. Что ж, остаются больницы и полиция. Не так ли? Давайте, и им позвоним.

Вика согласно кивнула и, забравшись на диван с ногами, поплотнее закуталась в плед, чтобы хоть как-то согреться и перестать трястись.

Сначала Агнежка позвонила в полицию и вкратце объяснила ситуацию, не став утаивать, что между молодыми людьми произошла ссора, а также сообщила, что все друзья Брюса не в курсе, где мог находиться мужчина. Полиция, в свою очередь, заверила, что машина Брюса в аварию не попадала, и о самом Брюсе они не слышали, но все же записали все показания и попросили позвонить завтра снова, если мужчина так и не вернется домой. Также, взяв номер телефона Агнежки, они обещали позвонить ей, если узнают что-нибудь о Брюсе или его автомобиле.

В местной больнице, звонок в которую оказался куда короче, нежели в полицию, о Брюсе также ничего не слышали, и пострадавших, походивших на него, также не получали. Агнежка позвонила еще в несколько крупных госпиталей, находившихся по близости, но и туда Брюс не поступал.

«Он как сквозь землю провалился!», – подумала Виктория и еще раз набрала его номер телефона, на который звонила вот уже, наверное, сотый раз за день, но и на этот раз кроме длинных гудков девушка ничего не услышала. Решившись наконец позвонить Эвану, Вика набрала его домашний номер, поскольку мобильного у него не было, но и в этом случае ее приветствовали лишь заунывные длинные гудки, после череды которых раздалось предложение оставить голосовое сообщение. Собравшись с духом и стараясь говорить четко и ясно, так, чтобы голос не дрожал и русский акцент не слишком выделялся, Виктория попросила Эвана перезвонить ей, сразу же как только он услышит это сообщение. Закончив говорить, Виктория отложила телефон и закрыла лицо руками, желая таким образом успокоиться и хоть на несколько мгновений исчезнуть из этого мира.

Увидев плачевное состоянии девушки, Агнежка села поближе к Виктории и заботливо обняла ее рукой.

– Не переживайте, милая. Найдется ваш Брюс. Знаю, что вы волнуетесь, но скорее всего с ним все в порядке.

Такое проявление чувств растрогало Викторию, и она обняла Агнежку в ответ. Девушка видела по лицу полячки, что и та начинала волноваться.

– Что же нам теперь делать? – спросила ее Вика.

– Ничего. Только ждать. Мы сделали все, что могли.

– Может, пойти поискать его в городе? – предложила Вика и уже хотела встать с дивана, но Агнежка придержала ее.

– В таком состоянии? И много вы пройдете? Только еще больше заболеете.

– Но я не могу сидеть сложа руки, – запротестовала Виктория.

– Я сама пройдусь по округе и загляну в местные пабы. Мало ли, кто-то его видел, – предложила Агнежка, – а вы ложитесь-ка лучше в постель и попробуйте поспать.

Накручивая себя, не поможете ни найти Брюса, ни поправить свое здоровье.

– Не стоит вам этого делать! Вы ведь тут вообще не причем.

– Я знаю Брюса давно и считаю его своим другом, а его друзья – это мои друзья. Значит, и вы мой друг, а для друзей я делаю все, что в моих силах. Поэтому перестаньте отпираться и давайте поднимемся наверх, где я уложу вас в постель, после чего покину на пару часов. Уверяю, что вернусь сразу, как только смогу.

Понимая, что Агнежка права, и сама Виктория вряд ли осилит поход в город, девушка встала с дивана и, разрешая Агнежке поддерживать себя рукой за талию, пошла по направлению к лестнице.

Озноб уже бил девушку так сильно, что она просто не могла этого скрывать, а перед глазами все плыло, стоило ей начать двигаться.

«Как же мне не везет, – думала измученная Виктория, поднимаясь по лестнице в спальню, – мало того, что испортила отношения с Брюсом и стала причиной его исчезновения, так меня еще и заболеть угораздило!»

Когда обе женщины оказались на втором этаже, Вика уже ничего толком не соображала и хотела просто прилечь, закрыть глаза, а открыв их, увидеть рядом улыбавшегося Брюса.

Агнежка провела Викторию в спальню и уложила девушку прямо в одеже в постель. Оставив ее на несколько минут одну, женщина отошла в ванную комнату, где в шкафчике нашла жаропонижающие таблетки и смочила одно из полотенец холодной водой. Вернувшись к Виктории, она дала девушке лекарство и положила мокрое и прохладное полотенце на лоб россиянки. К тому времени Вика уже почти провалилась в сон, смутно осознавая, что Агнежка хлопотала над ней, как над больным ребенком.

Решив, что на данный момент она сделала все возможное, Агнежка тихо вышла из спальни. Она нутром чувствовала, что с Брюсом что-то стряслось, но не хотела говорить об этом и пугать тем самым бедную больную девушку. Наскоро накинув куртку, женщина выскочила из дома и сломя голову понеслась по улицам Стратфорда, надеясь, что хоть кто-то вчера видел Брюса и сможет помочь ей найти мужчину.

Вика проспала несколько часов не просыпаясь, лишь слегка постанывая, словно раненое животное, то ли от температуры, то ли от волнения, то ли от кошмаров, вновь вторгнувшихся в сны девушки. Она и сама не могла потом вспомнить, что именно ей снилось, но ощущение чего-то неприятного, тяжелого и давящего не покидало девушку еще некоторое время и после того, как она открыла глаза.

В комнате было очень жарко и душно, и Вика проснулась вся в испарине. Агнежка специально оставила отопление включенным на полную мощность, чтобы согреть больную, что ей явно удалось. Откинув одеяло, Вика села и включила торшер. На улице уже стемнело, и спальня погрузилась во мрак. Девушка посмотрела на часы и с грустью поняла, что на свой рейс в Санкт-Петербург она уже никак не успеет: часы показывали без пятнадцати шесть. Судя по тому как тихо было в доме, ни Брюс, ни Агнежка еще не вернулись.

Все суставы и мышцы Виктории ломило от температуры и слабости, но все же девушка нашла в себе силы, чтобы встать и дойти до ванной комнаты. Там, взглянув на свое отражение, Виктория увидела, что из зеркала на нее смотрела уставшая и измученная женщина со взлохмаченными волосами, красным носом и воспаленными глазами.

«Не везет, так не везет», – пронеслось в голове у девушки, пока она ополаскивала прохладной водой лицо. Вика понятия не имела, что ей делать дальше и к кому обратиться

за помощью, она ведь даже не взяла номер телефона Агнежки и не могла узнать, где находилась женщина и удалось ли ей что-либо узнать. Однако, когда девушка вытирала лицо, ей вдруг послышались знакомые звуки. Отложив полотенце, она вновь прислушалась и поняла, что не ошиблась: звонил ее мобильный телефон, оставленный Викой внизу.

Забыв обо всем на свете, в том числе о своем плохом самочувствии и слабости, Вика стремглав бросилась вниз, перепрыгивая через ступеньки. В тот момент ее даже не волновало то, что она могла упасть и сломать себе шею. Девушка хотела только оказаться рядом с телефоном. Сбив дыхание и подвернув ногу на последней ступени, девушка все же добралась до гостиной, где на журнальном столике трещал и вибрировал ее мобильный. Стоило девушке взять его в руки, как звонок прервался: на том конце так и не дождались ответа и положили трубку.

Взглянув на номер звонившего, Вика узнала в нем номер Эвана и, чуть не выронив телефон от волнения, нажала на кнопку обратного вызова. Ответа не пришлось долго ждать и трубку сняли почти сразу же:

– Эван! Эван! Это Виктория, – громко сказала девушка, но в ответ услышала лишь треск, словно на линии вдруг неожиданно возникли помехи.

– Эван, вы меня слышите? – уже почти что кричала Вика, точно это могло помочь ей установить связь с Шотландией.

Девушке показалось, что на том конце ей кто-то ответил, скорее всего Эван, но из-за ужасного шума Вика не смогла разобрать ничего из сказанного им.

– Я ничего не слышу! Сильные неполадки. Попробуйте перезвонить мне. Я не знаю, где Брюс, – сказала Виктория и, подождав еще несколько секунд и так ничего и не услышав в ответ кроме помех, положила трубку.

Замерев, девушка не отрываясь смотрела на телефон в ожидании ответного звонка от Эвана, но прождав минуту, а затем и две, и так ничего и не дождавшись, девушка решила сама позвонить старику. Набрав номер, она снова приготовилась услышать помехи, но на этот раз приятный женский голос сообщил ей, что номер, на который она пыталась дозвониться не отвечает, поскольку абонент не доступен.

– Что за ерунда? – удивленно спросила девушка, понимая, что ей никто не ответит.

Она попробовала вновь позвонить Эвану, но и на следующий раз услышала сухое и вежливое автоматическое сообщение. Причин того, что до старика невозможно дозвониться могло быть сколько угодно: начиная от непогоды в Шотландии и вызванных этим неполадках на телефонных линиях, заканчивая тем, что в доме что-то стряслось и кто-то просто лишил отца Брюса связи с окружающим миром. Это объяснение казалось самым нелепым, но тем не менее Вика чувствовала себя крайне напуганной и встревоженной.

Близилась ночь и темнота за окном, а также пустота и тишина в доме начинали вновь навевать Вике неприятные мысли о призраках и демонах, возможно, преследовавших крайне неудачливых и несчастливых людей.

«Мне нужно поговорить с викарием и спросить у него совета», – подумала Вика. Еще пару дней назад эта нелепая на первый взгляд идея ни за что не пришла бы ей в голову, но сейчас, находясь на распутье между верой и неверием в потусторонние силы, девушка колебалась и ей как никогда требовалась чья-то поддержка.

Забыв на время о своей болезни, Виктория уже направилась в коридор и накинула пальто, чтобы пойти к Джеймсу Робертсу, как дверь открылась и в дом вошла явно уставшая и запыхавшаяся Агнежка.

– А вы куда собрались? – спросила она, удивленно глядя на Викторию.

– Хотела сходить к местному священнику.

– Это еще за чем?

– Мы с ним вчера долго говорили, и он рассказал мне много хм… интересного.

– Думаю, это не лучшая идея в вашем состоянии. У вас щеки пылают из-за жара. Вам бы снова прилечь.

– Нет, я не хочу в постель. Лучше расскажите, удалось ли что-нибудь узнать? – пропустив Агнежку в гостиную, спросила Вика.

– И да, и нет, – ответила полячка, – я обошла почти весь город, и никто ничего не знал о Брюсе, равно как никто и не видел его. Но на заправке возле выезда из Стратфорда продавщица все же сообщила мне кое-что интересное. Она там новенькая и еще не знает всех местных, но вроде бы видела похожего по описанию мужчину вчера днем. Он заправил полный бак и уехал, даже не став забирать сдачу, чем и запомнился девушке: там оставалось около десяти фунтов чаевых. Она хотела поблагодарить мужчину и окликнула его, но тот только посмотрел на нее слегка затуманенным взглядом, ничего не ответил и вышел из магазина.

– Хм. И это все? – спросила Вика, – как-то не очень информативно.

– Да, знаю. Но это говорит о том, что Брюс скорее всего уехал из города и о том, что он был крайне расстроен.

– Это понятно. Пока вы отсутствовали, случилось еще кое-что: звонил отец Брюса, но связь оказалась ужасной, и я ничего не поняла из того, что он пытался сказать. А потом связь и вовсе пропала. Знаете, мне кажется Брюс в Шотландии и там могло случиться нечто ужасное.

– С чего вы взяли? Проблемы на линии в шотландской глуши – дело не редкое.

– Я знаю, но в то же время, чувствую, что что-то не так.

– Все что мы сейчас можем делать – это ждать. Ничего другого не остается. Утром позвоним в полицию и, возможно, они что-то предпримут. Сдается мне, что Брюсу просто захотелось побыть одному и вскоре он вернется. Вы только зря себя накручиваете.

– Но я действительно чувствую, что нужна ему сейчас, – попыталась объяснить Вика то, что простому объяснению не поддавалось. Жар, слабость и учащенное сердцебиение превращали всю ситуацию в кошмар наяву для Вики, желавший только одного – узнать, что с Брюсом все в порядке.

– Давайте, я сделаю нам обеим горячий чай. Признаться, я ужасно продрогла, бегая по улицам. А потом вы снова приляжете, если захотите. Ну, или я могу вновь попытаться связаться с полицией.

Вика рассеянно кивнула и, как была в пальто, вернулась в гостиную и села на диван. Девушка уставилась куда-то в пол и продолжала так сидеть все время, пока Агнежка делала чай на кухне. Только когда фарфоровая чашка из сервиза Брюса звонко ударилась о блюдце, Виктория наконец вышла из некого транса и огляделась по сторонам. Рядом с ней уже сидела Агнежка, держа в руках свою чашку чая и озабоченно глядя на россиянку.

– Я уже думала, что вы заснули с открытыми глазами, – призналась Агнежка.

– Спасибо за чай, – поблагодарила Вика, – у вас нет номера телефона местного викария? – тут же добавила девушка.

– Нет. А зачем вам? Думаете, он сейчас нам поможет? – удивилась Агнежка.

– Я бы хотела поговорить с ним. Вот и все.

Агнежка хоть и считала себя верующей в церковь не ходила и никак не могла взять в толк, почему Виктория захотела поговорить со священником.

– Я могу посмотреть в интернете, – предложила Агнежка, – наверняка, у местного прихода есть свой сайт или же их данные занесены в телефонный справочник.

Достав из кармана телефон и открыв в нем мобильный браузер, женщина тут же принялась искать любые упоминания о местной церкви, но нашла только телефон информации, доступный в рабочие часы.

– Придется ждать до завтра, – подытожила Агнежка, все же набрав перед этим номер, указанный на сайте. Как женщина того и ожидала, трубку никто не снял.

Агнежка отнесла свою пустую чашку и так и не тронутую чашку Вики на кухню, после чего подойдя к девушке и положив руку ей на плечо, сказала:

– Думаю, что наилучшим для вас сейчас окажутся теплая кровать и сон. Время уже позднее и мне нужно идти. Вы сами справитесь тут? Я приду утром часам к девяти. Я бы переночевала у вас, но у меня дочь-подросток одна дома и мне не бы не хотелось оставлять ее одну.

Виктория, услышав слова Агнежки, тут же устыдилась своего эгоизма. Женщина весь день посвятила проблемам Вики, обежала весь город и присматривала за россиянкой, а та даже толком не поблагодарила ее. Яркий румянец залил и без того розовые от температуры щеки Виктории.

– Как же это я сама не подумала?! – спохватилась она, – заставила вас заниматься совершенно посторонними делами. Конечно, ступайте домой. Вы мне очень помогли. А со мной все будет в порядке! Можете не беспокоиться.

Агнежка обняла на прощание Вику и помогла ей снять пальто. Взяв с Виктории обещание, что россиянка отправится спать и попробует успокоиться, Агнежка покинула дом Брюса Бухана и оглянулась только один раз, когда перешла на другую сторону дороги. Виктория все также стояла в дверях и смотрела в след удалявшейся женщине. Агнежка помахала девушке, и Вика подняла руку в ответ. Чуя сердцем беду, Виктория ничего не сказала Агнежке о своих планах. Она не хотела загружать бедняжку своими проблемами, как и не хотела слышать доводы, которые могли бы заставить ее поменять свое решение.

Пока Агнежка готовила чай на кухне, а Вика сидела, как истукан в пальто в гостиной, уставившись в одну точку, последняя наконец-то догадалась, что она должна сделать. Виктория сама не понимала откуда к ней пришло решение и почему она чувствовала такую уверенность в нем, но она знала, что на этот раз послушает сердце, а не разум, как поступала обычно. В какой-то момент, когда мысли роились в голове девушки, она ощутила, что должна отправиться в Шотландию. Звонок Эвана, странное поведение Брюса накануне, все эти загадочные сны и видения каким-то образом оказались связаны с домом отца Брюса и все ответы на вопросы можно было найти только там и нигде больше. Однако Виктория вначале намеревалась посетить отца Джеймса – единственного человека, кто, возможно, поверил бы ей и помог бы сложить кусочки головоломки в одно целое.

Прождав минут десять после ухода Агнежки, Виктория вновь решительно надела пальто и, не смотря на поднимавшуюся температуру, вышла из дома. Девушка смотрела под ноги все время, пока шла к дому викария, и сама удивилась, как легко нашла дорогу к нему, хотя шла этим путем всего-то один раз прошлым вечером. Вику словно вело некое проведение или, возможно, ангел-хранитель, не желавший оставлять свою подопечную в беде.

Дойдя до дома отца Джеймса, Вика в задумчивости остановились. Мысли путались от

переживаний и плохого самочувствия, а девушке так хотелось сосредоточиться и решить, что же она станет спрашивать у викария. Вика и не думала просить благословения, но ей хотелось получить хоть какую-то поддержку, пусть и от человека едва знакомого с ней и, по всей видимости, как и она через чур впечатлительного.

Постучав в дверь, Виктория осталась ждать на пороге. Девушка хотела верить, что викарий дома. Однако тишина за дверью заставила девушку насторожиться. Она пробовала стучать вновь и вновь, но никто так и не открывал ей. Разочарованная и уставшая, Вика уже хотела отправиться обратно, как дверь соседнего дома отворилась, и на улицу вышла сгорбленная старушка в очках.

– Джеймса нет дома, – сказала она, с любопытством оглядев Викторию с ног до головы.

– Вы не знаете, когда он вернется? – спросила Вика.

Удивленно посмотрев на девушку и поняв по акценту, что та не британка, старушка причмокнула и с несколько надменным видом ответила, что понятия не имеет, когда вернется мистер Робертс. Женщина зашла в дом и уже хотела закрыть за собой дверь, но Виктория все же успела задать свой вопрос:

– А вы не в курсе, куда он мог поехать? – спросила она.

Видимо решив, что девушка задает через чур личные вопросы и проявляет крайнюю бестактность и напористость, старушка вновь показалась из-за двери. Правда, на этот раз она ограничилась тем, что всего лишь высунула свою голову и недовольно ответила:

– Я ничего не знаю о делах викария и о том, где и с кем он проводит свое свободное время. Вы ведь, вроде бы, заходили к нему вчера вечером. Я вас помню. Вы ушли довольно поздно. Вероятно, вам должно быть виднее, куда он мог отправиться. Всего доброго!

Старушка хлопнула дверью, и Виктория с грустью поняла, что большего ей от соседки Джеймса не добиться. Опустив голову, она побрела домой. Болезнь продолжала буйствовать в теле девушки и порой ей казалось, что она пребывает во сне и наблюдает за собой со стороны. Изо всех сил Вика пыталась вернуть своей голове ясность и, только придя домой и выпив несколько таблеток жаропонижающего, ей в какой-то мере это удалось.

– Я должна вернуться в Шотландию, – едва слышно пробормотала Вика, сев на диван, – я знаю, что найду его там.

Виктория не представляла, как можно доехать до дома отца Эвана. Она визуально помнила местность, где он жил, но прекрасно понимала, что рейсовые автобусы или поезда не ходят туда. Добираться на попутках Виктории совсем не хотелось, хоть она и слышала, что в Великобритании это довольно безопасный способ передвижения, но играть с огнем, тогда как ей самой угрожает непонятная опасность, все же не стоило.

Оставался еще один вариант: отправиться в Эдинбург на утреннем поезде, а оттуда поехать на взятой напрокат машине. Железнодорожная станция находилась в двадцати минутах ходьбы от дома Брюса и, насколько помнила Виктория, поезда начинали ходить с половины шестого утра. У Вики оставалось еще несколько часов в запасе, чтобы собрать кое-какие вещи, а также немного поспать.

Поднявшись наверх и покидав в сумку все самое необходимое, девушка рухнула в постель, предварительно поставив будильник на полпятого утра. Стоило голове Виктории соприкоснуться с подушкой, как девушка тут же провалилась в сон.

Будильник прозвенел тогда, когда девушке снилось, как она с Брюсом гуляли по родным ее сердцу улицам Питера. Вика не хотела открывать глаза и прерывать это столь приятное для нее видение. Если бы она могла, то осталась бы в этом сне с Брюсом навсегда, но, увы,

то были лишь ее фантазии.

Встав, Вика поняла, что болезнь все еще не покинула ее тела и температура так никуда и не делась. Девушка чувствовала себя сильно уставшей и сонной, но все же нашла в себе силы одеться, спуститься вниз и сделать кофе. Она также сделала звонок Брюсу, но никто так и не ответил, а также Эвану, однако, и его линия по-прежнему оставалась недоступной.

Горячий напиток и несколько таблеток парацетамола немного привели Вику в чувства, и она даже написала записку Агнежке, где сообщила, что уезжает в Шотландию к отцу Брюса и надеется застать там своего пропавшего мужчину. Оставив бумажку под камнем на коврике возле входной двери, Виктория вышла из дома и с сумкой на плече направилась к железнодорожной станции. Уже издалека она увидела небольшую кучку людей, стоявшую на платформе.

На улице было еще темно и легкие облачка пара вырывались изо рта Виктории каждый раз, когда она делала выдох. Ей казалось, что она видела Брюса в последний раз много недель назад, и теперь даже черты его лица представлялись ей немного смазанными и нечеткими. Словно он являлся лишь сном, который всего-навсего привиделся ей. Сама не понимая почему, девушка еще утром надела на руку браслет, подаренный Брюсом, и сейчас украшение холодило ее запястье, постоянно напоминая о своем присутствии и о том, сколько боли и волнений на своем веку видело это прекрасное изделие.

«Наверное, я сошла сума, если верю во все эти россказни о призраках. Я ведь раньше не была такой!», – думала Виктория, подходя к станции, на входе в которую стоял небольшой киоск, где, судя по всему, продавались билеты.

– Добрый день! Мне нужно попасть в Эдинбург как можно быстрее. Не могли бы вы подсказать, как это сделать? – обратилась девушка к служащему станции через специальное окошко в киоске.

– В дальний путь вы собрались, мисс, – улыбнувшись, ответил ей работник, – одну минуточку.

Мужчина некоторое время сверялся с компьютером, после чего, продолжая любезно улыбаться, сказал:

– Так-с, через десять минут прибудет поезд до Бирмингема. Он едет до станции Мур Стрит. Оттуда вам нужно перейти на станцию Нью Стрит, откуда каждый час отходит поезд до Эдинбурга. Справитесь?

– Думаю, да. Если что, то спрошу у прохожих. Во сколько примерно я окажусь в Эдинбурге?

– Ну, если не заблудитесь нигде и ничего не перепутаете, то весь путь займет часа четыре.

– Отлично! Давайте билеты.

Расплатившись и отдав за билеты в один конец умопомрачительно большую сумму, девушка пошла к перрону. Она и не думала, что передвижение на поездах в Англии настолько дорогое, но в тот момент была готова отдать любые деньги, лишь бы поскорее очутиться в доме Эвана.

Вскоре далекий желтый огонь поезда заставил всех ожидавших на станции людей сплотиться и подойти ближе к перрону, возле которого, переминаясь с ноги на ногу, уже стояла Вика. Она не отрываясь смотрела на поезд, приближавшийся к ней и думала, что, наверное, похожую картину наблюдала бы Анна Каренина из романа Толстого, если бы эта героиня на существовала самом деле. Виктория совсем не хотела прыгать под поезд, но

некое чувство обреченности и безысходности, которое в тот момент ощущала россиянка, вероятно, и заставило ее вспомнить об Анне.

Двери вагона распахнулись перед Викой, обдав ее волной жаркого воздуха. Радуясь долгожданному теплу, девушка зашла в поезд и села на ближайшее кресло возле окна. Собираясь, она даже толком не расчесалась, что уж говорить о макияже, и теперь выглядела через чур бледной и уставшей, отчего некоторые пассажиры утреннего поезда смотрели на нее с сочувствием.

Виктория не слишком хорошо знала географию Британии и расположение ее городов на карте и наивно полагала, что Бирмингем находился если уж не на пол пути до Эдинбурга, то все же довольно близко к нему. Но когда через двадцать минут езды поезд остановился на станции Мур Стрит, девушка поняла, что должна сойти.

Оказавшись на незнакомой станции, где толпы людей проносились рядом с ней, Вика растерялась. Она прошла турникет и старалась идти по указателям, направлявшим ее на станцию Нью Стрит, но пройдя несколько улиц, поняла, что заблудилась. Ей хотелось обратиться за помощью к прохожим, но, к ее удивлению, британцев в Бирмингеме оказалась куда меньше, чем она полагала, а приезжие жители выглядели через чур озабоченными и куда-то опаздывавшими, и девушка почему-то не рискнула спрашивать у них дорогу.

Она попыталась вернуться обратно к станции Мур Стрит, но каким-то образом оказалась на улицах, где большинство вывесок были написаны на китайском языке, а над домами висели красные бумажные фонарики. Виктория поняла, что забрела в китайский квартал Бирмингема и уже точно опоздала на ближайший по времени поезд до Эдинбурга.

Девушка зашла в первую попавшуюся лавку, где продавали деликатесы из Китая и Дальнего Востока, чтобы узнать дорогу у продавщицы, но последняя только удивленно посмотрела на Вику, так и не сказав ни слова по-английски. Виктория попробовала еще несколько магазинов, но нигде ей толком не смогли объяснить, куда идти. Когда уже чуть не плача от беспомощности и слабости, Вика вышла из последней забегаловки в конце улицы, то столкнулась с молодым индусом, нёсшим в руках коробку с бокалами. Бокалы весело звякнули, словно кто-то чокнулся во время тоста, но молодой человек не уронил свой груз и только удивленно посмотрел на Вику.

Не смотря на отсутствие косметики, красный нос и болезненный вид, она все же выглядела привлекательной, что не укрылось от глаз незнакомца.

– Вы в порядке? – спросил он.

– Да, то есть нет. Извините, что налетела на вас. Я просто ищу станцию Нью Стрит и совсем запуталась.

– Ничего страшного. Станция, которую вы ищите, находится в десяти минутах ходьбы отсюда. Просто идите прямо по этой улице, никуда не сворачивая, а на переходе поверните направо и дальше снова прямо. Там вы уже увидите большой указатель, показывающий на станцию.

– Ох! Правда?! Спасибо большое! – обрадовалась Вика. Девушка уже собралась идти на станцию и купить себе что-нибудь поесть в ожидании поезда до Эдинбурга, но тут индус вновь обратился к ней:

– Вы, наверное, устали. Не хотите выпить чаю и подкрепиться чем-нибудь? У моего отца здесь ресторан. Кухня пока что закрыта, но что-нибудь легкое я смогу вам предложить.

– Нет, спасибо, – хотела отказаться Вика, но молодой человек оказался настойчивее.

– Пойдемте. Я угощаю. Или вы боитесь опоздать на поезд?

– Нет, на него я уже опоздала, а следующий только через час.

– Тогда, тем более.

Виктория, сама от себя этого не ожидая, согласно кивнула, чего бы не сделала никогда раньше и пошла вслед за индусом. Она чувствовала себя такой уставшей и подавленной, что все страхи и предрассудки отошли на второй план.

Ресторан, куда молодой человек нес бокалы, находился недалеко от поворота, ведущего к станции Нью Стрит, и назывался «Манго». Внутри все выглядело невероятно уютно, изысканно и аккуратно, а в воздухе витали ароматы специй, карри и благовоний.

– Присаживайтесь, – предложил Вике парень, указав на ближайший к окну столик, тогда как сам направился в подсобное помещение за баром, чтобы отнести бокалы.

Вика обрадовалась короткой передышке и, воспользовавшись моментом, вновь попыталась дозвониться до Брюса и Эвана, но их телефоны не отвечали. Где-то глубоко внутри девушка боялась, что может ошибаться на счет Брюса, и мужчина, возможно, вовсе не находился в Шотландии, но что-то все же толкало девушку идти вперед до конца.

Вскоре перед россиянкой появился ее новый знакомый, держа в руках поднос с чаем, сэндвичами и сладостями. Поставив напиток и угощение на стол, парень сел рядом с Викторией и внимательно посмотрел на девушку.

– У вас точно все в порядке? Вы так взволнованно выглядите.

– Все нормально, – поспешила заверить его девушка и отпила глоток теплого и слегка подслащенного чая.

– Откуда вы? У вас очень красивый акцент.

– Я из России.

– О! Россия! «Привет», – попробовал сказать по-русски индус, что получилось у него весьма неплохо.

– Где вы научились? – спросила удивленная Вика.

– Моя бывшая девушка родом из Латвии. Она говорила по-русски. А вы что тут делаете и куда направляетесь?

– Я еду в Эдинбург… у меня там встреча.

– Встреча?

– Да, с бойфрендом, – на всякий случай добавила Вика, надеясь, что индус воспримет ее слова, как «стоп-сигнал» к возможным дальнейшим действиям.

– Понимаю. Но вы также чего-то боитесь. Я вижу это по вашим глазам.

– А вы умеете читать по глазам?

– Не то, чтобы умею, но в вашем случае это сделать легко.

– Хм, возможно, вы и правы. Мы не очень хорошо расстались и сейчас я пытаюсь найти его и сказать, что была не права, – сама не понимая почему, Виктория сказала незнакомцу чистую правду.

– Вот как? А он, значит, шотландец?

– Да, но живет в Стратфорде. Однако я думаю, что сейчас он в Шотландии.

– Думаете? Звучит не слишком уверенно. Вы знаете его адрес в Эдинбурге?

– Нет, он не из этого города, а из небольшой деревни где-то на севере Шотландии.

– И как вы собираетесь добраться туда? – все не унимался парень, явно заинтригованный историей росянки.

– Об этом я еще не думала. Возможно, по приезде в Эдинбург сниму машину. Правда, как точно проехать в ту местность я не знаю, но что-нибудь придумаю.

Индус украдкой хихикнул, надеясь, что Вика этого не заметит, но от девушки не укрылась улыбка молодого человека.

– Я сказала что-то смешное? – поинтересовалась она.

– Нет, конечно, нет. Но, смотрите сами: вы не знаете, где находится ваш бойфренд и собираетесь найти его, даже не имея адреса той деревни. Звучит все весьма необычно. К тому же вам хоть раз доводилось ездить за рулем в Великобритании?

– Нет, но не думаю, чтобы это сильно отличалось от езды в других странах, – парировала Вика.

– И тем не менее рисковать не стоит. Тем более учитывая шотландские дороги.

Вика, вспомнив путь до дома Эвана, когда из-за узких и извилистых дорог девушку укачало так сильно, как никогда в жизни, слегка поежилась. В словах ее нового знакомого была доля разумного, но пока что Виктория не видела другого выхода, кроме как самостоятельно добраться до толком неизвестной ей самой точки назначения.

– У вас есть телефон? – спросил индус, достав из кармана свой и начав в нем что-то искать.

– Да, конечно.

– Тогда запишите номер, который я вам сейчас продиктую. Это номер моего двоюродного брата. У него своя машина и он занимается частным извозом. Я ему позвоню и попрошу, чтобы он отвез вас, куда скажите.

– Это очень мило с вашей стороны, – начала Вика, но индус не стал ее слушать и, набрав номер, затараторил что-то на своем языке.

Виктория испугалась, что сумма, требуемая для найма частного водителя, окажется через чур большой, с учетом того, что наверняка придется делать круги и блуждать по дорогам. Понимая, что у нее может не хватить средств, девушка даже и не думала об услугах таксиста.

– Готово, Джей подъедет к вокзалу, как только вы ему позвоните из Эдинбурга. У него красный Ситроен с логотипом «Долче Карз» на дверях. Думаю, что узнаете его.

– Послушайте, это, конечно, хороший вариант, но у меня не так много денег, – объяснила Вика.

– Пожалуйста, не переживайте на счет этого, – заверил ее индус.

– Как это понимать? Я так не могу, – тут же запротестовала девушка, испугавшись, что знакомый этого приятного молодого человека может потребовать от нее расплатиться не деньгами, а телом.

– Конечно, можете. Я попросил брата сделать для меня одолжение. Поверьте, я не раз выручал его, и покатать хорошенькую дамочку по Шотландии окажется для него только в радость.

– Извините, я забыла спросить, как вас зовут? – опомнилась вдруг Вика.

– Джимми.

– Джимми, меня зовут Виктория, и принять от вас такую услугу я просто не могу.

– Когда я вас сегодня увидел, то понял, что вы в беде. Это написано у вас на лице, а также несчастье витает рядом с вами. Это сильно ощущается.

– О чем вы? – недоумевая, спросила Вика.

– Да ни о чем. Я просто знаю, что должен вам помочь. Если вам так хочется сделать мне приятное и отплатить благодарностью, то, когда все наладится, приходите к нам в этот ресторан со своим бойфрендом.

Обескураженная и встревоженная Вика не знала, что сказать и только беспомощно смотрела на индуса.

– Не стоит так бояться. Все у вас получится. А теперь поспешите на станцию.

Напомнив Вике тем самым о поезде, индус поднялся из-за стола и протянул ей руку. Девушка охотно приняла ее и, встав, пожала.

– Спасибо вам, Джимми!

– Нет проблем! Надеюсь, что найдете его.

Виктория только кивнула в ответ и, развернувшись, вышла из ресторана. Ей не хотелось оглядываться назад, но она чувствовала на себе взгляд этого добродушного незнакомого ей молодого человека. Пока девушка шла к станции Нью Стрит, она рассуждала о том, как ей поступить дальше. Решив, что все же позвонит двоюродному брату Джимми по приезде, девушка зашла в здание вокзала и направилась к информационному киоску, намереваясь уточнить платформу поезда, направлявшегося в Эдинбург.

Глава 14.

Эдинбург встретил Викторию холодным дождем и пронизывающим до костей ветром. Покинув вокзал, девушка решила зайти в ближайшее кафе, чтобы перекусить и позвонить Джею. Строгая и готическая красота города не тронула сердце девушки, обеспокоенной только благополучием Брюса. В другой ситуации Вика бы с удовольствием побродила по старинным улочкам города, посетила бы величественный замок и другие достопримечательности шотландской столицы, но в тот день россиянка смотрела только себе под ноги, быстрым шагом идя до забегаловки Сабвей, расположенной недалеко от железнодорожной станции.

Купив сэндвич и горячий чай, Вика заняла столик возле окна и сразу же набрала номер кузена Джимми. Трубку долго не снимали, и Виктория уже начала думать, что ничего из предложенного ее новым знакомым из Бирмингема не получится, но тут на другом конце раздался несколько заспанный голос Джея с сильным восточным акцентом.

– Джей, это Виктория. Ваш кузен дал мне этот номер и сказал, что вы сможете помочь.

– Ах, да, – протянул Джей, словно его двоюродный брат сообщил ему об этом не меньше недели назад.

– Я только приехала в Эдинбург, сейчас нахожусь возле вокзала.

– Понятно.

– Вы не могли бы заехать за мной сюда?

– Вы что, хотите отправиться в путь прямо сейчас?

– Ну да, я не могу медлить. Если вам неудобно, то ничего страшного. Я доберусь сама.

– Нет-нет, все в порядке. Я смогу подъехать к вам через пол часа. Где вы точно будете?

– В кафе Сабвей, налево от станции.

– Ок. Как приеду – позвоню.

Трубку на том конце положили и, несколько обескураженная странными ответами Джея, Вика отложила телефон и принялась за сэндвич. Ей все также не здоровилось, но стресс и волнения придавали сил девушке, поэтому последние пару часов она даже перестала обращать внимание на саднившее горло, заложенной нос и озноб.

Покончив с едой и чаем, Вика уставилась в окно кафетерия на людей, пробегавших мимо. Все куда-то спешили: кто на работу, кто на отдых, а кто-то просто гулял по улицам города. Виктория по-доброму завидовала всем этим людям и многое бы отдала, чтобы сейчас оказаться на месте простого рабочего Эдинбурга или заезжего туриста, а не покинутой девушкой британского бизнесмена, пропавшего без вести.

Дождь и серое небо, затянутое мрачными тучами, навевали еще более унылые мысли, а после очередного, ничего не давшего звонка Брюсу, Вика еле сдерживала слезы. Джей должен был приехать с минуты на минуту и плакать девушке сейчас совсем не хотелось. Откинувшись на стуле, она сделала глубокий вдох и попыталась успокоиться, но тут почувствовала несколько неприятное покалывание в руке. Удивившись, девушка положила руку на стол и закатила рукав свитера, чтобы найти причину странного болезненного ощущения.

Зудела правая рука Вики, на которой она носила браслет Брюса. На первый взгляд рука выглядела вполне здоровой, но присмотревшись к коже, девушка заметила легкое покраснение, опоясывавшее запястье. Небольшие красные точки, словно от уколов иглой,

проходили как раз под браслетом и очень походили на аллергическую реакцию, вызываемую некоторыми металлами при соприкосновении с кожей. Однако Вика аллергией никогда не страдала, к тому же браслет был сделан из чистого серебра и до этого никаких проблем с ним не возникало. Удивившись и несколько испугавшись, приняв это за дурной знак, девушка попыталась расстегнуть застежку браслета и снять украшение с руки, но замок заело. Как ни пыталась Вика освободиться от изделия, оно плотно сидело на ее руке, и даже если бы она намазала руку кремом или маслом, вряд ли браслет снялся бы с запястья. Возможно, девушке всего лишь показалось, но жжение вдруг стало сильнее и Вика с еще большим рвением принялась за заклинивший замок. За этим занятием ее и застал Джей.

Невысокого роста и плотного телосложения индус, зайдя в Сабвей и заметив хорошенькую девушку возле окна, сразу же направился к ней.

– Привет, – поздоровался он.

Подняв на него глаза, Вика не сразу поняла, что перед ней Джей.

– Я Джей, – представился индус, – твой водитель на сегодня.

Парень улыбнулся, и Вика невольно улыбнулась в ответ.

– Очень приятно, – тут же ответила Виктория, оставив браслет в покое.

– Готова к поездке?

– Да, пойдем.

Встав из-за стола, Виктория и Джей направились к выходу из кафе. Болезненное ощущение в руке никуда не пропало, но мысли о том, как добраться до дома Эвана, заняли первое место в списке проблем девушки.

По дороге к автомобилю Виктория попыталась объяснить индусу, куда ей нужно добраться. Сообразив, что место расположено неподалеку от Лох-Монар, Джей немного успокоился. Он понял, что в ближайшее время ему не стоило сильно переживать о поиске неведомого ему дома. Путь от Эдинбурга до Лох-Монар занимал часа три с половиной и, возможно, оказавшись в знакомых местах, девушка сама вспомнила бы дорогу. Джей поведал об этой идее Виктории, и она также вздохнула с облегчением. По крайней мере, у них имелось верное направление, а это уже что-то.

Неказистый с виду Ситроен индуса оказался весьма удобным внутри. Джей, видя что девушке не здоровится, сразу же включил обогрев и даже поинтересовался, не нужно ли ей заехать в аптеку. Виктория отказалась, сославшись на то, что она хочет поскорее очутиться у Эвана дома.

Сомнения и страхи, связанные с Джеем постепенно улетучивались, и индус начинал нравиться Виктории все больше и больше. Не смотря на несколько инфантильное поведение и спокойную, даже немного вялую манеру говорить, он оказался весьма интересным собеседником, не переставшим шутить. Джей рассказал Вике о своей жизни в Шотландии, работе таксистом, а также о нескольких забавных случая, связанных с пассажирами, которых он подвозил. Подвижная индийская музыка, лившаяся из магнитолы, и слабый аромат специй и благовоний, исходивший, казалось, отовсюду, успокоили Викторию и даже придали ей уверенности. Правда, девушка то и дело чесала запястье, даже не отдавая себе в этом отчет.

– Что у тебя с рукой? – не выдержав, спросил Джей.

– Ах, сама не знаю. Наверное, раздражение из-за браслета, – ответила девушка.

– Так сними его.

– Не могу. Застежку заело, а ломать ее не стоит. Это фамильное украшение семьи Брюса

и мне бы не хотелось его портить.

– Давай, я посмотрю, – предложил Джей и остановил машину на обочине, неподалеку от высокой горы, возле которой, не взирая на дождь, толпились туристы, беспрестанно делавшие снимки и позировавшие на фоне мрачной, скалистой возвышенности.

Виктория протянула руку индусу и, к своему ужасу, увидела, что едва заметные розоватые точки стали теперь ярко красными и запястье девушки охватывала кроваво-багровая полоса, оставленная точно от тисков или наручников.

– Ого! Да у тебя и в правду аллергия, – озабоченно посмотрев на руку девушки, констатировал Джей.

Мужчина попробовал разомкнуть замочек браслета вручную, но у него ничего не получилось. Серебренная защелка словно приварилась и ни в какую не хотела открываться. Достав из бардачка миниатюрную отвертку, мужчина попробовал и ее пустить в дело, но ничего не вышло.

– Странно. Я не понимаю, что случилось. Замок выглядит не сломанным, но никак не поддается.

– Я вижу, – грустно подтвердила Виктория.

– Очень больно?

– Не то чтобы больно, просто неприятно, – соврала девушка, рука которой к тому моменту просто горела от жжения.

– Что ж, давай я все же попробую сломать застежку. В конце концов, ты всегда сможешь починить ее у ювелира. Это лучше, чем мучиться. К тому же, никогда не знаешь, к чему может привести аллергическая реакция. Еще не хватало, чтобы ты оказалась в больнице, так и не добравшись до своего бойфренда.

Поняв, что индус в чем-то прав, Виктория, скрепя сердце, согласилась на то, чтобы он сломал застежку и освободил ее от украшения, ставшего для нее настоящим капканом. Джей подсунул отвёртку под замочек, чтобы использовать ее в качестве небольшого рычага, и нажал, надеясь аккуратно сломать его, но у него ничего не вышло. Тогда он попробовал применить больше силы, но и тут замок не поддался, словно это хрупкое и миниатюрное изделие изготовили не из мягкого и податливого серебра, а из титана.

– Я не могу сломать его! – наконец сказал Джей, – просто не могу! Никогда такого не видел. Это же всего лишь украшение.

– Хм… – только и смогла выдать из себя Виктория, чье сердце ушло в пятки. Она догадывалась, что все странные события недавнего прошлого могут каким-то образом оказаться связанными с этим браслетом и тем, что с ним происходило.

– Черт возьми! Как такое вообще возможно?! Здесь же и ломать-то нечего, – не унимался индус.

Но Виктория, поняв, что все не так просто, как думал Джей, и не желая посвящать его во все свои дела, сказала:

– Ладно, ничего страшного. Лучше поедем дальше. Нам еще ехать часа полтора, а темнеет сейчас рано. Боюсь, что в темноте я совсем не смогу найти нужное нам направление.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– Что ж, тогда трогаемся, но у ближайшего паба остановимся и ты попробуешь намылить руку мылом и снять эту проклятую безделушку.

– Идет, – согласилась Вика, про себя подумав, что слово «проклятую» как раз к месту.

Серо-коричневые горы грозно нависали над дорогой, словно предупреждая путников о возможной опасности, таившейся за ними. Облака плотно закрывали небосвод, почти соприкасаясь с верхушками гор, от чего все вокруг казалось еще более мрачным и неприветливым. Солнце при всем его желании не смогло бы пробиться сквозь плотную завесу из темных туч и густого тумана, видневшегося вдалеке.

От земли шел сырой, насыщенный запах влажного торфа и мокрой травы. Недалеко от дороги стояли сбившееся в небольшие группы овцы, плотно прижимавшиеся друг к другу. Их шерсть вот-вот насквозь промокнет от надвигавшегося дождя, но уже сейчас влажность и сырость в воздухе превратила их еще недавно пышные шкуры в пожухлые, смятые комки шерсти, изобилующие колтунами. Некоторые из овец жалобно блеяли, словно прося природу сжалиться над ними и повременить с дождем, первые капли которого вскоре упали на узкую проезжую часть. Тяжелые капли воды преобразили светло-серый асфальт в сплошную темную ленту, извивавшуюся вдоль холмистой местности и пропадавшую где-то в предгорном тумане.

В такую погоду редкий путешественник решил бы двинуться в путь не только потому, что насладиться красотами дикой природы просто не удалось бы, но и потому что, сама поездка могла оказаться опасной. Плохая видимость, скользкая и узкая дорога, а также изолированность местности и почти полное отсутствие цивилизации вокруг остановили бы в тот день кого угодно, но тем не менее свет от фар автомобиля Джея освещал мокрую дорогу, и громкий шум мотора заставлял овец на некоторое время прерывать свое блеяние и устремлять взгляды на виновника шума.

Небольшой Ситроен красного цвета свернул с широкого шоссе на сельскую дорогу совсем недавно, но его крылья и подвеска уже оказались запачканы серо-коричневыми брызгами грязи, а на шины налипла мокрая трава. Водитель включил дворники и те начали работать в бешеном ритме, но и это не спасало от стены дождя, громко барабанившего по лобовому стеклу и крыше машины. Автомобиль резко сбросил скорость и почти что крадучись поехал вперед, осторожно поворачивая на каждом изгибе узкой дороги. Несколько раз колеса попадали в глубокие лужи, образовавшиеся из-за щелей в асфальте, и на какой-то миг казалось, что водитель потеряет управление, машина съедет с дороги и врежется в ближайшее дерево или же куст, но спустя мгновение автомобиль прекращал неловкое маневрирование и, выровнявшись, продолжал свое движение вперед.

Местность, похоже, пугала водителя, поскольку машина несколько раз останавливалась, Джей доставал широкую дорожную карту и сверялся одновременно с ней и с навигатором, экран которого, ярким пятном выделялся над приборной доской. Съездов с дороги не было, поэтому все что оставалось водителю – это продолжать двигаться вперед со скоростью пешехода.

Дорога серой лентой извивалась перед Викторией, но ничего из того, что они уже проехали не казалось ей знакомым. Скорее всего, они с Брюсом добирались до Эвана совершенно другим маршрутом, ведь в Эдинбург они даже не заезжали, но Вика все же надеялась, что рано или поздно заметит что-то уже виденное ею ранее. Часы показывали половину четвертого, и девушка понимала, что очень скоро стемнеет и найти дорогу окажется еще сложнее. Она уже предложила Джею заночевать в доме у Эвана и только на утро отправиться назад, на что индус охотно согласился: ему самому вовсе не улыбался путь

ночью по крутым и извилистым дорогам горной Шотландии.

Джей и Вика решили сделать остановку, чтобы перекусить и еще раз попытаться снять браслет с руки Виктории, когда сумерки уже спустились на высокие холмы Шотландии. До озера оставался час пути и, по всей видимости, они находились где-то поблизости от владений семьи Бухан.

Зайдя в небольшой паб, расположенный возе дороги, Джей тут же отправил Викторию в дамскую комнату, чтобы та попробовала избиваться от украшения с помощью мыла, а сам пошел к барной стойке. Он хотел не только заказать бургер себе и Вике, но и расспросить бармена об Эване. Возможно, тот мог знать старика.

Виктория, зайдя в ванную комнату, подошла к раковине и вылила на руку огромное количество жидкого мыла. Им она намазала руку до локтя и всеми силами попыталась заставить браслет соскользнуть с запястья, но ничего не вышло. Косточка большого пальца препятствовала снятию украшения и из-за чрезмерных усилий девушка только еще больше исцарапала и без того болевшее запястье.

«Странно, раньше браслет не казался мне таким узким, – думала Вика, оставившая все попытки снять его и теперь насухо вытиравшая руки бумажным полотенцем, – я прекрасно помню, что он легко скользил по моей руке, а сейчас он буквально впивается в кожу. Не могло же серебро каким-то образом ужаться?!».

Это была глупая мысль, но тем не менее вполне допустимая, учитывая все, что происходило с Викой до этого. Надеясь, что, возможно, Брюс или Эван все же смогут помочь ей снять браслет, девушка приняла два таблетки обезболивающего, чтобы хоть как-то унять жжение в руке, и вышла из дамской комнаты.

За столиком в углу ее уже ждал Джей, уплетавший за обе щеки бургер, который ему, по всей видимости, успели принести пока Вика занималась браслетом.

– Ну как? – спросил он, когда девушка подошла к столику.

– Да, никак, – ответила Вика.

Перед ней также стоял большой и с виду очень вкусный гамбургер и картошка фри, но аппетита у девушки не было.

– Не получилось снять?

– Нет.

– Жаль. Зато я узнал, где может жить Эван Бухан. Бармен, вроде как, знает его. Он мне даже что-то наподобие карты нарисовал, – с этими словами Джей протянул Виктории белую салфетку, на которой ручкой бармен нацарапал линии, видимо, означавшие дорогие, повороты и развилки.

– О! Это же здорово! – обрадовалась девушка, – спасибо Джей! Ты просто супер!

В тот момент Вика была готова расцеловать индуса в его пухлые щеки.

– Нет проблем! – усмехнулся он, – ты что, не будешь бургер и картошку? Если нет, то я могу помочь.

Виктория согласился и подвинула свою тарелку к Джею.

– Сколько нам ехать? – спросила девушка.

– Недолго. За минут сорок управимся, если не заблудимся. Поедем, как нарисовано на «карте».

– А ты тут что-то можешь разобрать? – поразилась Вика, для которой рисунок на салфетке казался каракулями.

– Да, ничего сложного. Главное, чтобы бармен оказался прав.

– Ты себе просто не представляешь, как я сама на это надеюсь, – со вздохом ответила Виктория.

Проехав несколько миль, Вике начало казаться, что она узнает окрестности. Хоть на улице и стояла темень, а моросящий дождь изрядно ухудшал видимость, девушка то тут, то там замечала силуэты уже виденных ею ранее пейзажей и ферм.

– Это точно эта дорога, – уверенно сказала Виктория, когда они проехали очередную ферму, огни в доме которой навевали мысли об уюте, тепле и безопасности. Обо всем том, чего Виктории сейчас так не хватало.

– Тогда, все отлично! За исключением того, что у нас топливо заканчивается, а заправок я пока что не видел, – ответил Джей, озабоченно посмотрев на стрелку на приборной доске, отмечавшую количество топлива.

– Их тут и нет, Джей, но у Эвана всегда припасены полные канистры бензина и дизеля в гараже: для себя или заблудившихся путешественников.

– Что ж, это радует. Осталось нам только добраться до его дома. Надеюсь, что мы не встанем по дороге.

Вика с опаской посмотрела на стрелку, перевалившую за красную черту, и про себя попросила Бога, чтобы тот помог им доехать до дома Эвана в целости и сохранности. Но в тот вечер то ли Бог не услышал Викторию, то ли удача совсем отвернулась от нее, но бензин закончился как раз на повороте, ведущем к дороге, в конце которой, судя по чертежу бармена и воспоминаниям Виктории, должен был находиться дом Бухана старшего.

– Что ж, выходим, – заключил Джей, после нескольких неудачных попыток завести двигатель.

– Тут недолго идти, – успокоила, как Джея, так и саму себя Вика.

Оказавшись на холоде, открытая дождю и ветру, девушка тут же зашлась в кашле и попыталась поплотнее закутаться в пальто, но это почти не помогло. Дождь, из машины казавшийся моросью, на самом деле лил куда сильнее и уже через несколько минут шерстяное пальто Вики намокло и стало таким тяжелым, что уставшая девушка еле двигалась в нем.

Джей морщился от холода и дождя, но не жаловался и продолжал идти вперед, временами поглядывая на шедшую рядом Викторию, боясь, что от усталости и недомогания, девушка может рухнуть на землю. Индус, конечно, не был в восторге от того, что согласился на эту авантюру и сейчас шел под ледяным дождем где-то в горной Шотландии, но с другой стороны ему стало жаль девушку, хоть и совершенно чужую и незнакомую ему. Пару раз его даже посещала мысль, что если у нее с этим странным, сбежавшим от такой красавицы парнем ничего не получится, то он будет рад попытать счастье и предложить девушке не только дружбу, но и более близкие отношения.

Они прошли около мили, прежде чем заметили нечто, напоминавшее издалека очертания дома. Виктории показалось странным, что здание полностью погружено в темноту, словно оно было необитаемо. Эван по вечерам обычно смотрел телевизор в гостиной, свет из окон которой лился как раз на улицу и должен был быть заметен с такого расстояния. Виктория поделилась своим наблюдением с Джеем, на что тот ответил, что, возможно, Эван и Брюс отправились к соседям или же решили рано лечь спать.

Девушка ничего не ответила, но в душе отвергла объяснения индуса. В сердце к ней закрался непонятный для нее самой страх. Она чувствовала, что случилось что-то из ряда

вон выходящее и надеялась только на то, что успеет прийти вовремя и предотвратить трагедию, подобную той, о которой ей рассказал викарий из Стратфорда.

Уже подходя к дому, оба путника заметили две машины, стоявшие возле входа в дом. Одна из них принадлежала Эвану, а вторая Брюсу. Поняв, что мужчина где-то рядом, Виктория ускорила шаг и напрочь забыла о своем недомогании и слабости.

– Это их машины! – радостно сообщила Виктория Джею, успевшему к тому моменту вымокнуть до нитки.

– Рад это слышать. Я жутко замерз. Надеюсь, мы сможем затопить камин?

– Конечно! Пойдем быстрее.

Радость и тревога одновременно переполняли сердце Вики. Девушке хотелось, как можно скорее оказаться в доме и увидеть Брюса и Эвана, но с другой стороны она и боялась этой встречи, возможно, несущей конец ее отношениям с Брюсом, если учесть их последнюю размолвку.

Стоя перед массивной входной дверью, Виктория уже хотела постучать, как вдруг заметила, что дверь слегка приоткрыта. Застыв с приподнятой в воздухе рукой, Вика поняла, что что-то не так.

– В чем дело? Почему ты не стучишь? – спросил подоспевший к этому времени Джей.

Увидев приоткрытую дверь, он нахмурился.

– Пропусти меня вперед, – сказал он.

– Думаешь, что-то случилось? – встревоженно спросила девушка.

– Не знаю, но осторожность не повредит.

С этими словами Джей зашел в дом. Первым делом он хотел включить свет в коридоре и нажал на выключатель несколько раз, но свет так и не загорелся.

– Возможно, выбило пробки, – шепотом сказал он Виктории, выглядывавшей из-за его спины и старавшейся разглядеть хоть что-то впереди.

Джей продолжил идти вперед и очень скоро оказался возле дверного проема гостиной, где не так давно Эван, Брюс и Виктория праздновали Рождество. На этот раз гостиная оказался пуста и холодна, как никогда раньше. Виктория обратила внимание на то, что камин сегодня не топили, хотя до этого по вечерам он всегда обогревал обитателей этого дома.

– Может, они все же в гостях? – спросил Джей, продолжая идти вперед.

– Но машины то их тут!

– Соседи могли подвезти их, и они остались там с ночевкой. На той ферме, что мы проезжали, как раз горел свет.

– А открытая дверь?

– Забыли закрыть по нечаянности или в спешке, а может уже выпили лишнего, – пояснил Джей, – на ограбление это точно не похоже. Все лежит на своих местах, ничего не разбросано. Думаю, что никого просто нет дома, а электричества нет из-за выбитых пробок. В деревнях такое не редкость, особенно в непогоду.

К этому времени Виктория и Джей уже стояли на кухне, такой же пустой, холодной и безлюдной, как и гостиная. Вика сняла трубку телефона, висевшего на стене, но кроме тишины ничего не услышала.

– Пойдем наверх, – сказала девушка, ничего не ответив на объяснения Джея, звучавшие через чур логично для такой странной ситуации.

Теперь Виктории шла впереди, ведя за собой мужчину. Не смотря на темному, девушка

хорошо ориентировалась в доме, и индус предоставил ей роль проводника, но на всякий случай непрестанно оглядывался по сторонам. Отсутствие жильцов, электричества и телефонной связи нервировало его, хоть он и не говорил об этом девушке и пытался рассуждать здраво. Однако он не мог отделаться от ощущения, что из темноты кто-то наблюдал за ними, за каждым их движением и словом, и ждал подходящего момента. «Только, вот, подходящего для чего?» – с тревогой думал Джей, кожа которого покрылась мурашками. Холод в доме казался ему неестественным, а тишина через чур гулкой, точно они шли по пустому большому холлу, а не по заваленному барахлом старому дому с узкими коридорами. Конечно, он не показывал страха, как никак он все же был мужчиной, но в душе уже начал сильно сожалеть, что вызвался помочь девушке.

Выйдя к лестнице, Виктория застыла на месте так, что Джей чуть не налетел на нее.

– В чем дело? – тихо спросил он, боязливо взглянув на верх лестницы, уходившей, казалось, в вечность: так темно было на втором этаже дома.

– Не знаю, – ответила Вика и повернулась к индусу, – Джей, я хочу, чтобы ты остался здесь, – сказала она, – если я не вернусь через пять минут или если ты услышишь что-то, то можешь подняться. А еще лучше – сходи в гараж возле дома и возьми канистру с бензином. В гараж можно попасть через заднюю дверь кухни, где мы только что были. Заправь машину и езжай к соседям.

– Но почему? – удивился Джей, внутри у которого все похолодело от страха.

– Не могу этого толком объяснить.

– Послушай, давай я сейчас позвоню в полицию и все дела, – сказал Джей, удивившись, почему эта мысль не пришла к нему в голову раньше, – а сами подождем на крыльце, пока сюда приедет патруль.

– Можешь попробовать, но сомневаюсь, что у тебя что-то получится, – ответила Вика, нутром чувствовавшая, что мобильные телефоны не станут работать, в чем уже через несколько секунд убедился Джей.

– Черт! Нет сети! Дай-ка свой телефон, – попросил мужчина.

Виктория протянула ему свой мобильный телефон, но и ее аппарат оказался бесполезным.

– Я же говорила.

– У меня такое ощущение, что ты мне что-то не договариваешь, – сказал индус, внимательно глядя на Викторию, – ты знаешь больше, чем говоришь.

– Возможно да, а возможно и нет. В любом случае, тебе не стоит рисковать. Стой здесь и если что, то беги за канистрой и машиной. Мы уже несколько минут топчемся перед лестницей и попросту теряем время.

– Лучше потерять время, чем жизнь, – сказал Джей и тут же добавил, – не ходи туда! Давай, вместе пойдем в гараж и, заправив машину, отправимся к соседям. Или мы можем взять машину твоего парня или его отца, если ты скажешь мне, где они хранят ключи.

– Я понятия не имею, но ты можешь поискать ключи в гостиной и взять любой из автомобилей, но я должна подняться наверх. Я знаю, что Брюс там. Не могу этого объяснить, но чувствую, что нужна ему.

Сказав это, девушка развернулась и начала подниматься по лестнице. С каждым шагом боль в руке с браслетом становилась сильнее, что только придавало Виктории уверенности в том, что она на верном пути. Темнота впереди делалась словно ощутимой: как густой черничный сироп она окутывала девушку, лишая видимости, так, что в конце Вика

ориентировалась только на ощупь. Однако это несильно пугало ее, а наоборот слегка успокоило. Вика больше боялась того, что откроется ее взгляду, когда она выйдет из этой темноты и окажется в спальне Брюса, где окно давало хоть немного света.

Увидев, как тьма буквально поглотила россиянку, индус испугался так, как еще никогда в своей жизни. Девушка словно исчезла из этого мира, точно ее и вовсе не существовало. Джей попробовал тихо позвать ее, но ему никто не ответил, что казалось безумием, ведь Виктория поднялась наверх всего на ступеней десять и не могла уйти далеко. К тому же он не слышал ее шагов. Еще несколько секунд назад он мог различать ее легкую поступь по покрытой старой ковровой дорожкой лестнице, но сейчас в доме стояла тишина, нарушаемая только громким тиканьем часов в гостиной.

– Виктория! – уже громче позвал индус.

Никто не отвечал, и мужчина стоял в растерянности, не зная, что делать: то ли подниматься наверх, то ли бежать вон из этого странного дома.

«А что, если эта Виктория просто-напросто сумасшедшая, как и ее парень? И все это они затеяли просто, чтобы поразвлечься?» – вдруг подумал Джей, вспомнив различные детективные сериалы, поклонником которых он являлся уже долгие годы. «Никогда ведь не знаешь, что у других людей на уме» – заключил он.

Мужчина продолжал оглядываться по сторонам, когда вдруг заметил движение на лестнице. Джей сначала решил, что это Виктория спускалась вниз, но приглядевшись получше, он понял, что это вовсе не девушка, а сама темнота медленно сползает по ступеням вниз, заполняя собой все пространство вокруг.

Зачарованно, как кролик смотрит на удава, Джей продолжал наблюдать, как тьма, получившая каким-то образом физическую форму, спускалась вниз. Он видел, как черные щупальца буквально поглощали ступени на своем пути, превращая лестницу в мрачный, черный туннель, ведущий наверх. Мужчина не знал, что это за явление природы и природы ли, и что случится с ним, если тьма доберется до него, но продолжал стоять, широко открыв глаза и рот, недоумевая и не веря тому, что видел.

Из транса Джея вывел громкий бой старинных настенных часов, раздавшийся из гостиной. Подпрыгнув от неожиданности и еле сдержав крик ужаса, готовый вот-вот сорваться с губ, Джей попятился назад от лестницы, пока не уперся в стену. Поняв, что нужно уносить ноги, он бросился в коридор, начисто забыв про канистру с бензином в гараже и ключи от машин Брюса или Эвана, возможно, лежавшие где-то неподалеку. Все, чего хотел мужчина, так это выбраться из этого дома, оказаться подальше от него и навсегда забыть ту густую, движущуюся темную массу, пожиравшую все на своем пути. Не разбирая дороги, Джей бежал по коридору и, пару раз наткнувшись на коробки с хламом Эвана, сильно ударился ногой, но боли даже не почувствовал и продолжил бежать вперед, прихрамывая на правую ногу.

Оказавшись возле двери, Джей распахнул ее и холодный воздух обжег его разгорячённое от страха и бега лицо. Он уже хотел сделать первый шаг на встречу дождю и ветру, как вдруг почувствовал мощный толчок в спину, точно кто-то большой и сильный со всей мочи обеими руками толкнул его. Парень слетел с крыльца и, больно ударившись о каменные ступеньки, съехал вниз и растянулся на асфальте. Холодные капли дождя не переставая били по спине и голове мужчины, которую он с трудом оторвал от земли. Джей немного отполз от дома и, повернувшись, посмотрел в дверной проем, ожидая увидеть там толкнувшего его человека, но, к удивлению и ужасу мужчины, никто не стоял на пороге дома: только тьма,

одновременно манящая и отталкивающая, заполнила собой весь дверной проем. Неожиданно распахнутая дверь резко захлопнулась, оставив Джея сидеть под дождем в полном одиночестве. Недоумевая и все еще не веря своим глазам, мужчина встал с земли и посмотрел на входную дверь, теперь плотно закрытую. Кто-то или что-то получило то, что оно хотело и избавилось от нежеланного гостя в лице Джея, выплюнув его на улицу за ненадобностью, словно косточку от фрукта. Мужчина, решив не искушать судьбы, развернулся и превозмогая боль во всем теле от ушибов и падения, прихрамывая, заковылял прочь от этого дома и того, что в нем скрывалось.

Глава 15.

Ступени лестницы наконец закончились и, продолжая опираться о перила, а потом и о стены, Виктория шла вперед, надеясь таким образом дойти до спальни Брюса. В полной темноте, неестественной, как и все происходящее, Вика не могла разобрать ничего впереди себя, не слышала ничего вокруг, но все же чувствовала чье-то незримое присутствие. Пару раз девушка дотронулась до уже успевшей почти что онеметь от боли кисти и тут же отдернула руку: браслет на ощупь казался раскаленным, словно его нагрели на огне. Вполне вероятно, что и рука девушки была обожжена, но благодаря темноте Вика не могла этого увидеть.

Дойдя до двери, ведущей в спальню Брюса, девушка остановилась. Ей хотелось быть уверенной в том, что она добралась до нужной комнаты прежде, чем войти в нее. Но судя по тому, как сильно вдруг заболело запястье, стиснутое раскаленным металлом браслета, Виктория нашла, что искала.

Повернув ручку, девушка зашла в комнату и тут же зажала рот и нос рукой: в спальне стоял умопомрачительный запах тухлятины и гнили. Так могло пахнуть испорченное мясо, оставленное на солнце и пролежавшее на нем несколько дней. Однако тьма в комнате не казалась такой густой, возможно, благодаря окну, лунный свет из которого слабо освещал комнату.

Привыкнув к полумраку, девушка попыталась оглядеть комнату и заметила темную фигуру, сидевшую на краю кровати спиной к ней. Присмотревшись повнимательней, Вике показалось, что она узнает в очертаниях тела Брюса: те же широкие плечи, та же форма и наклон головы, то же телосложение. Недолго думая, девушка ринулась к нему и, обежав кровать, опустилась на колени перед мужчиной.

Его голова была низко опущена, словно мужчина спал, сидя на кровати. Осторожно взяв его лицо в свои руки, Вика приподняла его и, к своему облегчению, поняла, что перед ней действительно Брюс.

– Ох, Брюс! Это ты! – сказала она, и слова эти эхом отразились от стен комнаты.

Испугавшись своего голоса и того, как странно он прозвучал, девушка замолчала и внимательно вгляделась в лицо мужчины, так ничего и не ответившего ей.

Кожа Брюса казалось через чур холодной на ощупь, а лицо неестественно бледным, что бросалось в глаза даже в темноте. Глаза мужчины были закрыты, а губы плотно сжаты. В целом он выглядел весьма сосредоточенным, точно спал и видел кошмар, от которого глаза под веками быстро бегали, а желваки то напрягались, то расслаблялись, превращая красивое лицо Брюса в напряженную маску.

– Брюс, это я! Виктория! Что случилось? – пыталась узнать у него девушка, но мужчина никак не реагировал на ее слова.

Тогда она слегка похлопала мужчину по щекам, но и это не дало результата: Брюс находился то ли во сне, то ли в трансе, но Вику он упорно не замечал.

Испугавшись, что такое состояние может привести к чему угодно, девушка попыталась поднять Брюса, подсунув руки к нему в подмышки, но у нее ничего не получилось. Брюс оказался слишком тяжелым для Вики и, судя по всему, не собирался никуда уходить.

– Ну, пожалуйста, Брюс! Очнись же! Нам нужно убираться отсюда! – продолжала шептать Вика, пытаясь сдвинуть мужчину с места. Ее старания привели только к тому, что

мужчина упал спиной на кровать, раскинув руки в стороны. Теперь поднять его стало еще сложнее.

– Но я должна забрать тебя отсюда! – вторила Виктория, обеспокоенно глядя на мужчину, грудь которого вздымалась слишком редко для нормального дыхания, а кожа стала еще белее, как если бы Брюс потерял много крови.

«А где же Эван?» – наконец вспомнила о старике Вика, до этого увлеченная только Брюсом, и на всякий случай огляделась по сторонам. Сначала она ничего не заметила, но приглядевшись к углу рядом со шкафом, увидела там что-то темное на полу.

Виктория, медленно отодвинувшись от почти что бездыханного Брюса, встала с колен и подошла к шкафу. Возле стены на боку лежал человек, судя по всему либо без сознания, либо мёртвый. Склонившись, девушка перевернула тело на спину и чуть не закричала от ужаса, увидев перед собой Эвана с раной на голове, из которой медленно сочилась кровь, заливая лицо и одежду старика, а также пол под ним.

– О, нет, – тихо сорвалось с губ Вики, в тот момент даже не задумавшейся о том, кто мог сделать такое с бедным Эваном, не представлявшим для окружающих никакой угрозы. Виктория была почти уверена, что отец Брюса мертв, но все же приложила пальцы к шее старика и попыталась нащупать пульс. Девушке показалось, что она ощутила слабое и редкое биение. Она решила не тратить время на поиски бинтов и, скинув с себя тяжелое пальто и шарф, Вика обмотала последним голову старика, постаравшись тем самым хоть как-то остановить кровотечение. Она понятия не имела действовала ли правильно и руководствовалась только инстинктами, надеясь, что не навредит старику. Соорудив некий бандаж, девушка укрыла Эвана своим пальто и вернулась к Брюсу, продолжавшему неподвижно лежать на кровати.

– Я не знаю, как тебе помочь, любимый! Пожалуйста, попробуй прийти в себя! Ты ведь должен меня слышать, – шептала Брюсу Виктория, но мужчина находился где-то далеко от нее и ее слова остались не услышанными.

– Хорошо. Я уйду, чтобы привести помощь, – поняв, что это, наверное, единственный выход, сказала девушка, – обещаю, что скоро вернусь.

Вытерев, бежавшие по щекам слезы, испачканными в крови Эвана руками, и тем самым незаметно для самой себя оставив на лице кровавые следы, девушка встала с постели. Бросив быстрый взгляд на Эвана и Брюса, Вика направилась к выходу из комнаты. На мгновение она задумалась о том, что же могло произойти с обоими мужчинами и кто мог нанести такую рану Эвану, но тут же отпустила эти мысли, сосредоточив свое внимание только на том, чтобы покинуть эту темную и зловонную спальню, как можно быстрее. Виктория думала добраться до соседей и позвонить в скорую. Ей хотелось надеяться, что Джей еще не покинул дом и вместе с ней отправится за помощью.

Вновь погрузившись в темноту, охватившую стены и дверь комнаты, Виктория на ощупь нашла ручку двери и попыталась ее повернуть, но тут небывалая по своей силе боль, как мощный электрический разряд, пронзила руку девушки. Схватившись за запястье, словно это могло уменьшить боль, Виктория рухнула на колени и до крови прикусила нижнюю губу, так, что ощутила солоновато-медный привкус крови на языке.

Боль никуда не отступила и от запястья начала подниматься выше к локтю и далее к плечу девушки, превращая всю ее руку в охваченную агонией бесполезно висевшую плеть. Ощущения боли и беспомощности перед ней полностью затмили разум Виктории, и на какое-то время мысли о том, чтобы покинуть дом, отошли на задний план. Все, чего хотела

Вика, так это чтобы боль прекратилась. Она попыталась снять браслет, ставший, вероятно, главной причиной и катализатором боли, но вновь обожгла левую руку, соприкоснувшись с ним. Вытянув левый рукав, девушка спрятала в нем ладонь и попробовала, напрямую не соприкасаясь с металлом, еще раз избавиться от украшения, но оно только плотнее вжалось в правое запястье Виктории, словно бы намеревалось врасти в кость девушки и стать частью ее тела навсегда.

Тяжело дыша и превозмогая боль, от которой она чуть не теряла сознание, Вика поднялась с колен и вновь решила открыть дверь, но холодный и одновременно зловонный поток воздуха вдруг коснулся ее затылка и шеи.

Виктория застыла и еще явственнее ощутила чье-то чужое и крайне враждебное присутствие в комнате. Она не знала, стоило ли ей оборачиваться или же все же лучше покинуть спальню, так и не узнав, кто или что, по всей видимости, стояло у нее за спиной.

«Если я сейчас уйду то, возможно, Брюс и Эван погибнут, а если повернусь и встречусь лицом к лицу с тем нечто, что находится в этой комнате, то, вполне вероятно, погибну я», – подумала Виктория и, сделав глубокий вдох, призванный успокоить ее содрогавшееся от ужаса тело, начала медленно поворачиваться, держа голову при этом опушенной вниз.

Развернувшись, первое что увидела Вика сквозь полумрак комнаты – это пару поблескивавших в темноте лакированных ботинок. Их прикрывали широкого покроя брюки, а торс человека, стоявшего перед ней, был облачен в просторный пиджак. Лунный свет давал весьма слабое освещение, и Виктория не могла понять, видела ли она перед собой призрака или же реального человека, однако, исходя из того, что мужчина (а судя по фигуре перед ней стоял именно мужчина) не просвечивал, в спальне находился все же настоящий человек, а не привидение. Однако это не объясняло того, каким образом он так внезапно появился тут.

Все еще не поднимая глаз, Виктория сделала шаг назад и уперлась спиной в закрытую дверь спальни. Понимая, что отступать некуда, девушка подняла голову и посмотрела туда, где она ожидала увидеть лицо мужчины, но все, что она смогла разглядеть – так это тьму и два ярких красных огня, расположенных там, где должны были находиться глаза.

Потеряв дар речи от страха и ужаса, Виктория застыла, пытаясь сообразить, видела ли она все это на самом деле или же, как и Брюс, находилась без сознания на полу, а жуткий черный гость в спальне – всего лишь плод ее усталого мозга и высокой температуры. Однако не прекращавшаяся боль в руке все же говорила о том, что увиденное – не мираж и не сон, а вполне реально.

– Ты! – низким басом выдохнула сущность изо рта, ставшего черной бездонной пропастью, и обдав при этом лицо девушки зловонием, так что ей стало дурно, – что же ты не смотришь на творение собственных рук?

Не понимая, что имело ввиду это создание, но осознавая, что оно представляет угрозу для всех людей в этой комнате, Виктория вспомнила, что она делала в прошлый визит нечисти в спальню и начала читать молитву. Сначала еле слышно охрипшим от простуды и страха голосом, но постепенно начав говорить все громче и громче. По мере того как девушка, запинаясь, читала молитву, она также не переставая смотрела на существо, не сдвинувшееся с места ни на шаг. В глубине души, не взирая на страх, девушка хотела понять, кто стоял перед ней и что ему было нужно.

– Думаешь, это тарабарщина заставит меня исчезнуть? Ты действительно так наивна? – спросило существо и сделало шаг к Виктории, – если сначала твой фокус и удался, а после вмешался священник, то теперь у меня достаточно сил, чтобы противостоять хоть целой роте

святош с их молитвами.

Собравшись с духом, Вика отпрыгнула в сторону и, забыв о комоде с постельным бельем, больно ударилась о него спиной, но все же оказалась подальше от существа, продолжавшего наблюдать за ней. Прижавшись к комоду, Виктория начала двигаться вдоль комнаты, приближаясь к кровати, где лежал Брюс.

– Что вам нужно? – спросила девушка, не сводя глаз с черной пропасти лица существа.

– А ты не знаешь? – спросила сущность, слегка склонив голову, продолжая наблюдать за передвижениями Виктории.

– Что вам нужно от нас? – повторила свой вопрос Вика, добравшись до кровати, на которой бледный, как смерть, лежал Брюс.

Сущность громко засмеялась от чего воздух в комнате стал еще более зловонным, но девушку это перестало волновать. Она хотела только, чтобы этот кошмар закончился и настал день, забравший бы с собой все ужасы ночи, в том числе и этого черного монстра в старомодном костюме.

– Так ты все забыла?! Не так ли? Ты даже не знаешь кто я? – спросила сущность и сделала шаг в сторону к кровати, от чего Виктория в страхе стиснула металлический прут ее изголовья.

– Я не та, за кого вы меня принимаете, – сказала девушка, – но думаю, что про вас мне рассказывали.

– Интересно, и что же про меня говорят? – спросило существо, продолжая медленно двигаться к Виктории, старясь делать это, как можно менее заметно для девушки.

– Вы тот, кто надругался над родственницей Брюса, убил ее возлюбленного, а также пытался убить ее саму!

– Ты упускаешь несколько важных моментов: она первой предала меня, влюбившись в это ничтожество, а потом устроила поджег и превратила меня в ЭТО!

С этими словами сущность выступила вперед на дорожку тусклого лунного света перед кроватью. Существо застыло и на мгновение закрыло глаза, точно пытаясь сосредоточиться на чем-то, и вдруг Виктория увидела, как темные очертания его лица начали принимать человеческие формы, а черный цвет становиться все более блеклым, уступая место телесному. Из тьмы выступили приятной формы губы, длинный нос, глубоко посаженные глаза и высокий лоб. Некогда страшная и вызывавшая страх и отвращение черная масса стала неожиданно красивым мужским лицом, чем-то напомнившим Вике Брюса. Но тут девушка вспомнила, что ведь та дальняя родственница Брюса была беременна от насильника и убийцы, и Брюс являлся потомком существа, стоявшего теперь перед ней.

Глаза мужчины, слегка напоминавшие по форме глаза Брюса, открылись и злобно уставились на Вику.

– Смотри! Смотри, проклятая ведьма, что ты со мной сделала!

Черты лица мужчины вдруг стали резко таять, а кожа покрываться лопавшимися волдырями, на месте которых тут же оставались глубокие шрамы и рытвины, характерные для сильных ожогов. Череп существа стал лысеть и вскоре превратился в страшное подобие человеческого. Весь покрытый ожогами, с редкими волосами, растущими клочьями, мужчина с ненавистью смотрел на Викторию, одновременно то разжимая, то сжимая кулаки. Девушка вспомнила, что это лицо уже однажды повергло ее в ужас, только она забыла об этом. Несколько вечеров назад существо навестило ее в этой самой комнате, оставив на ее теле следы, только Вика тогда подумала, что это Брюс причинил ей боль.

– Теперь-то ты вспомнила, что случилось на самом деле? – с издевкой спросил мужчина.

– То был несчастный случай… – попыталась ответить девушка, сама не понимая, зачем оправдывается за родственницу Брюса и события многолетней давности, в которых никакого участия не принимала.

– Несчастный случай?! – взревело существо, – ты и твой дружок спланировали все с самого начала!

– Это не имеет значения. Прошло столько лет. Ни я, ни Брюс ни в чем не виноваты. Прошу…

– Не имеет значения?! – громко закричал мужчина так, что Виктория подумала, что ее барабанные перепонки не выдержат и лопнут, – не имеет значения? Ты обрекла меня на вечные муки и скитания! Рассказывала всем лживые сказки обо мне, а также о своем красавчике-любовнике! А сейчас пришло время расплаты! Время моей мести!

– О чем вы? Я ведь даже не отсюда! – ответила Виктория, но сущность в мгновение ока оказалась возле девушки и встала почти что лицом к лицу с ней, источая тлетворный запах и наполняя ужасом сердце девушки.

Пусть в спальне и было темно, но Вика все же могла различать страшные ожоги, превратившие некогда красивое лицо в гротескную маску ужасов. Веко над правым глазом слиплось со щекой и глаз, выглядывавший из-за этой жуткой завесы, выглядел несуразно и фантасмагорично. От пухлых губ остались только тонкие полоски, сделавшие рот похожим на щель, а нос, некогда длинный и тонкий, почти полностью исчез с лица, по середине которого теперь зияли две дыры.

Увидев это лицо и ощутив запах тлена, исходивший от сущности, Виктория почувствовала, что вскоре потеряет сознание. Ее ноги стали ватными, по спине каплями пополз холодный липкий пот, сердце начало биться через чур учащенно, в ушах резко загудело, а перед глазами начали плясать разноцветные пятна. Понимая, что сейчас рухнет, Виктория попыталась схватиться за изголовье кровати и устоять, но руки существа оказались проворнее и подхватили падавшую девушку. Ужасное лицо склонилось над Викой и последнее, что услышала россиянка, до того, как омерзительный и зловонный рот коснулся ее губ в страстном поцелуе, было: «Не так быстро, моя милая. Возможно, это поможет тебе вспомнить…».

Запах свежескошенной травы словно плыл по воздуху, окутывая все пространство сладковатым ароматом. Щебет птиц доносился, казалось, отовсюду, превращая спокойный летний вечер в наполненный музыкой танец заходящего солнца и редких белых облачков, лениво двигавшихся по небу. Мягкая зеленая трава ласкала кожу рук, словно нежный бархат, гладить который хотелось бесконечно долго.

Первое, что увидела Виктория, открыв глаза, была изумрудно-зеленая листва дуба, шелестевшая над ее головой. Сквозь глянцевые листья проглядывало сиреневого оттенка неба, а теплые солнечные лучи пронизывали крону деревьев и мягкими потоками лились на лицо девушки. Виктория прекрасно знала, где находится, хоть и не понимала, как попала сюда: девушка лежала под старым раскидистым дубом, росшим возле ее дома уже невесть сколько лет.

– Ты проснулась, любовь моя? – раздался приятный мужской голос.

Виктория повернула голову и видела, что лежит рядом с самым прекрасным мужчиной,

которого когда-либо видела в своей жизни: яркие лучи солнца делали его и без того светлые волосы золотистыми, голубые, как летнее небо, глаза выглядели по-детски наивными и добрыми, а кончики пухлых алых губы приподнялись в задорной улыбке.

– А ты, я вижу, не спал, – сказала Виктория, не отдавая себе в этом отчета. Также бессознательно она потянулась к молодому человеку и прижалась своими губами к его. Их поцелуй был долог и сладок, и у Вики даже закружилась от него голова, а по всему телу прошла приятная, согревающая волна.

– Ты же знаешь, что я люблю смотреть, как ты спишь, – ответил ее возлюбленный, как только их поцелуй закончился, – но боюсь тебе пора домой, иначе твой отвей станет беспокоиться.

Мужчина поднялся и галантно подал руку Виктории. Опершись на нее, девушка встала с земли и оттряхнула от травы свою непомерно длинную и широкую юбку. Однако старинный покрой платья с воланами на подоле вовсе не удивил ее, а был воспринят, как нечто должное.

– Так что, все остается в силе? – спросил девушку молодой человек и с нежностью заглянул Вике в глаза.

– Да, все как мы и планировали, – подтвердила Виктория, но на последнем слове голос ее дрогнул, и она опустила глаза.

Мягкие пальцы мужчины нежно прикоснулись к ее подбородку и слегка приподняли голову девушки.

– Ты уверена, что справишься? Потому что если ты не готова, мы можем подождать…

– Нет-нет! – перебила его Вика и со всей решимостью, на которую была способна, посмотрела мужчине в его небесно-голубые глаза, – я помню все, о чем мы условились и сделаю все, как надо. Я не подведу тебя! То есть нас.

– Я в этом и не сомневаюсь! – улыбнувшись, ответил ее возлюбленный и вновь поцеловал девушку.

Хоть поцелуй и казался бесконечно приятным, на сердце у Виктории стало почему-то тяжело. Непонятный ей самой страх холодил грудь и вызывал мурашки по всему телу, но признаться себе и мужчине в том, что она напугана до ужаса, девушка не могла. В конец концов, решение принято, и она останется верна ему, чего бы ей это не стоило, и пойдет по выбранному пути до конца. Конечно, вместе с Виктором. Ее Виктором! Навеки-вечные ее Виктором.

Девушка не помнила ничего из своей жизни до того момента, как она открыла глаза, лежа на траве под дубом, но она все же знала, что они с Виктором вопреки всеобщей морали и правилам приличия уже давно стали любовниками и не раз предавались страсти под этим самым дубом, связавшим их двоих навсегда. Здесь она впервые увидела его, спускавшегося с зеленого холма, в соломенной шляпе, съехавшей слегка набок, немного прихрамывавшего, но все равно прекрасного. Он тогда подошел к ней и спросил, не требовались ли работники на ферму, а она, испугавшись своих чувств и желаний, неожиданно охвативших ее с головы до ног, развернулась и побежала домой, где, закрывшись у себя в комнате, просидела несколько дней, ссылаясь на сильную головную боль и недомогание.

Много позже она вновь увидела этого парня, уже работавшего в поле ее отца и все стояла и любовалась его ладной фигурой, светлыми волосами и сильными руками, представляя, какого это ощущать эти руки на своем теле и какими на ощупь окажутся его вьющиеся волосы, колечками спадавшие на лоб и шею мужчины. Она знала, что мысли ее

похотливы и грешны и обещана она другому, но ничего не могла с собой поделать, словно зная наперед, что тогда под старым дубом встретила свою судьбу.

– О чем ты думаешь, милая? – прервал ход ее мыслей молодой человек, ради которого она не задумываясь отдала бы свою жизнь.

– Вспомнила, как увидела тебя здесь впервые, – ответила Вика.

– Я тогда сразу понял, что мы созданы друг для друга и ты станешь моей.

– Правда?

– Правда-правда.

– И как ты узнал об этом? – удивилась девушка.

– Мне хватило одного лишь взгляда, чтобы понять, что ты – это часть меня.

Вика улыбнулась и вновь ее страхи оказались забыты, а вся неуверенность куда-то пропала. Будущее казалось безоблачным и прекрасным, как и всегда, когда рядом с нею находился Виктор.

– Проводишь меня до ограды поля? – спросила она и уже хотела тронуться с места, но Виктор взял ее за руку и остановил.

– Провожу, конечно, но сначала мы кое-что сделаем, – ответил он и достал из кармана своих брюк нож.

Виктория удивленно посмотрела на него, но ничего не сказала и только отошла в сторону. Виктор подошел к дереву и начал выскабливать на коре дуба сердце, в центре которого вырезал большую букву В и Б.

Девушка осторожно провела пальцами по шероховатому стволу дерева, на котором теперь белой раной сверкало сердце с инициалами их имен. Вика дотронулась до буквы «Б» и с удивлением осознала, что это – первая буква ее имени «Беатрис».

– Это еще не все, – сказал Виктор и, подняв свою левую ладонь, провел по ней ножом. Из поперечной раны тут же выступила кровь и горячими каплями оросила зеленую траву под ногами влюбленных.

– Теперь ты! – уверенно сказал мужчина и протянул нож Вике-Беатрис.

Видя, что девушка колеблется, Виктор добавил:

– Смелее. Это не так больно, как ты думаешь.

– Может, ты сам? – спросила она и доверительно протянула ему свою руку, но Виктор покачал головой.

– Нет, ты должна сделать это сама и добровольно. А иначе это станет выглядеть так, словно я принудил тебя к этому.

Девушка кивнула и, сделав глубокий вдох и затаив дыхание, резко провела острием ножа по ладони. Порез не оказался таким же глубоким, как у Виктора, но все же немного кровоточил, хоть и напоминал больше обычную царапину, которую могла оставить одна из многочисленных кошек, живших на ферме.

– Так даже лучше, – подбодрил ее Виктор, видя, что Беатрис несколько сконфуженно смотрит на свой порез, – никто не начнет задавать лишних вопросов. Давай сюда руку.

Девушка протянула ладонь, и мужчина накрыл ее своей, так, чтобы их кровь смешалась, а жизни навсегда соединились.

– Теперь мы связаны с тобой не только узами любви, но и узами крови, – сказал Виктор, которого боль от пореза, судя по всему, совсем не беспокоила, – пусть это дерево станет свидетелем нашего союза, разрушить который не под силу никому.

Сказав это, Виктор поднес их руки к дереву и, выпустив ладонь Беатрис, провел своей

окровавленной рукой по только что вырезанному им же рисунку, после чего это же действие повторила за ним и девушка, продолжавшая молча наблюдать за всем происходящим. Сердце ее при этом билось так сильно, что Виктор мог легко слышать его, а одновременно завораживающая и пугающая первобытность их ритуала вызывала странный восторг, точно она ждала этого момента всю свою недолгую жизнь.

– Пойдем, – сказал наконец Виктор и, обняв Беатрис за плечи, повел девушку по дорожке, ведущей к ее дому.

Беатрис зачарованно смотрела на своего возлюбленного, не в силах вымолвить ни слова. Мысли ее путались, а ближайшее будущее и то, что они спланировали, казались чем-то нереальным. Существовал только этот миг, в котором ей хотелось остаться навсегда: с Виктором, возле старого дуба, с кровоточащими ранами на руках, но с полным любви сердцем.

Рисунок на стволе дерева стал багрово-алым после того, как молодые люди дотронулись до него своими ладонями, и теперь сердце с инициалами В и Б кровоточило, а капли крови медленными струйками стекали по темной коре дуба к его корням, уходя глубоко в землю, питая и насыщая ее солоноватыми потоками любви и отчаянья. Птицы, до этого заливисто щебетавшие на ветвях старого дуба, покинули дерево и больше никогда не возвращались к нему. Вокруг дуба воцарилась неестественная для тёплого летнего вечера тишина, полная дурных предчувствий и скорби.

В следующее мгновение Виктория каким-то образом оказалась вырвана из прекрасного и тихого летнего вечера и поняла, что бредет в темноте по узкой тропинке, некогда вымощенной плоскими камнями, а сейчас частично заросшей травой. Острые камешки и соломинки царапали ее босые ноги, но девушку это вовсе не волновало. Держа в одной руке лампу, дававшую весьма скудное освещение, Беатрис уверенно шла вперед, не смотря на клокочущее сердце в груди. Она думала о том, не совершала ли ошибку, доверившись молодому человеку, ведь ей всего семнадцать лет и жизненного опыта у нее не так много, но любовь, как это часто случается, ослепила ее и в какой-то степени лишила здравого рассудка, поэтому все доводы, приводимые ею же самой себе, тут же отбрасывались, и перед внутреннем взором девушки вновь возникало прекрасное и такое любимое лицо Виктора.

До амбара, где она условилась встретиться с полковником, оставалось каких-то шагов десять, но неожиданно для самой себя Беатрис остановилась. Ей вдруг стало ужасно жарко, хоть из одежды на ней была лишь тонкая льняная сорочка, а ночь оказалась по-шотландски прохладной. Из-за сырости, заполнившей все пространство, сорочка девушки слегка намокла и теперь липла к телу, придавая очертаниям фигуры Беатрис женственность и чувственность. Длинные рыжие волосы, тщательно расчёсанные в спальне за час до того, как девушка покинула ее, начали слегка завиваться и обрамляли лицо девушки, подобно божественному ореолу, сверкая огненными и золотистыми красками в свете керосинной лампы.

Беатрис замерла и прислушалась. Ей показалась, что она услышала сзади чьи-то шаги, но через секунду все стихло. Только сова, по всей видимости, сидевшая на дереве неподалеку от амбара и наблюдавшая за Беатрис, ухнула несколько раз, после чего замолчала.

Обычно шотландские ночи полны звуков природы: то птица взмахнет крыльями, то мышь пробежит, то неугомонный ветер начнет завывать, как оставленный матерью младенец. Но эта ночь была неестественно безмолвной, словно весь мир замер в ожидании того, что собиралась совершить Беатрис.

Девушка, вздохнув, продолжила свой путь к амбару, где работники ее отца хранили сено для скота. Дверь в него показалась ей приоткрытой, а значит, ее английский жених Рэндольф Бэйли уже ждал ее там.

Мужчина действительно находился в амбаре и недоумевал, что заставило Беатрис пригласить его сюда, да еще и ночью. Его сильно рассердило поведение девушки, за две недели до этого отказавшейся видеть его и пожелавшей ни с того, ни с сего расторгнуть помолвку. Беатрис нравилась ему и вначале он думал, что эта симпатия взаимна, но вскоре почувствовал, что девушка отдаляется от него. Он регулярно заезжал к ее родителям и часто проводил время с Беатрис, но за последние пару месяцев девушка сильно изменилась. Ей наскучили их разговоры, и она старалась как можно меньше времени находиться в его обществе. Ее поцелуи, поначалу казавшиеся такими нежными и по-детски неумелыми, теперь стали холодными и безжизненными. То, как она отстраненно целовала его в щеку, напоминало ему прощальный поцелуй, оставляемый покойнику перед тем, как крышку гроба навсегда заколачивали. Рэндольф решил, что все дело в другом мужчине, которого, возможно, Беатрис встретила и полюбила, но ее родители заверили его в полной невозможности этого и списали все на взбалмошный характер их дочери и частые смены настроения, так свойственные молодым барышням.

И тем не менее, она все же сама заявила ему о расторжении помолвки, после чего убежала к себе в комнату. Он тогда не знал, что ему делать и просто покинул дом ее семьи, желая больше никогда туда не возвращаться. Однако уже на следующий день отец девушки стоял на пороге его дома и умолял вернуться и простить глупышку. Полковник Бэйли и слышать об этом не хотел и желал вычеркнуть Беатрис из своего сердца, но спустя пару дней девушка начала сниться ему каждую ночь. Сны эти были полны страсти, похоти и любви. Ему грезилось, как он сжимал прекрасную рыжеволосую Беатрис в своих объятиях, а та стонала и просила его целовать ее целую вечность. Ее зеленые глаза, алый рот, рыжие волосы и фарфоровая кожа начали преследовать его везде, куда бы он ни шел и на что бы ни посмотрел. Это могла быть торговка на базаре, чья улыбка напомнила ему об изящном изгибе губ Беатрис, служанка, чьи каштановые волосы отдавали красноватым оттенком, конечно, не таким, как у красавицы Беатрис, но все же заставившим полковника вспомнить о ней. Даже его кошка, так часто любившая сидеть у него на письменном столе, пока тот читал почту и писал письма, и та направляла его мысли на девушку и ее зеленые, совсем как у кошки, глаза. В общем, Рэндольф потерял покой, перестал нормально есть и только и делал, что вздыхал о Беатрис, отвергнувшей его.

Превозмогая гордость и обиду, он все же решил еще раз навестить семью девушки, а заодно и переговорить с Беатрис и узнать у нее о причинах разрыва. Каким же оказалось его удивление, когда встречать его выбежала сама красавица с распростёртыми объятиями. Она кинулась к нему на шею и подарила такой поцелуй, от которого полковник и думать забыл обо всех своих горестях и обидах. Весь тот день Беатрис не отходила от него, прикасалась к нему при первой возможности, а стоило им остаться наедине, тут же тянулась губами к его губам.

Ее алый рот казался мужчине медовым, миндалевидные глаза светились таинственным зеленым светом, которого раньше Рэндольф почему-то не замечал, а рыжие волосы выглядели еще более огненными. Мужчина не хотел ждать и решил поторопить свадьбу, на что как родители Беатрис, так и сама девушка, дали свое согласие. Торжество назначили на последнюю субботу августа, до которой оставалось три дня.

А сегодня полковник Бэйли как всегда нанес визит своей невесте и преподнес ей прекрасный подарок: чудесные перламутровые жемчужные сережки и колье, так красиво смотревшиеся на ее белой, атласной коже. Около пяти вечера он уже хотел покинуть дом семьи Беатрис с тем, чтобы вернуться уже только на свадьбу, приготовления к которой занимали уйму времени. Однако целуя напоследок Беатрис, он вдруг почувствовал, что девушка вложила что-то в его руку и, коварно улыбнувшись на прощание, оставила мужчину.

В ладони у Рэндольфа оказалась сложенная вчетверо записка, надушенная духами Беатрис. Развернув ее, полковник до крайности удивился: в коротком сообщении девушка просила его прийти сегодня ночью к амбару. Заинтригованный и взволнованный от одной мысли о том, что он сможет увидеться ночью со своей возлюбленной, полковник направился в ближайший паб, где собирался отужинать и пропустить несколько пинт эля в ожидании полночного часа.

Сейчас он слегка навеселе сидел на ароматном сене, вдыхая его сладковатый запах и наслаждаясь тишиной этой ночи, а также предвкушая встречу с Беатрис. Когда он увидел ее, робко отворившую дверь в амбар и тихо проскользнувшую в него, то вначале подумал, что перед ним призрак, фея, русалка или еще какое-либо сказочное существо, но никак не реальный человек из плоти и крови. Освещаемая лишь полной луной и светом керосиновой лампы, девушка была прекрасна: влажная сорочка соблазнительно облипала ее точеную фигурку, распушённые волосы золотисто-огненной волной спадали на спину и плечи, и нежными волнами обрамляли лицо девушки, казавшееся неестественно бледным. Ее глаза блестели и были полны страсти, а пухлые губы, приоткрытые в легкой улыбке, обнажали ряд ровных, жемчужно-белых зубов.

У полковника перехватило дыхание и какое-то время он сидел не двигаясь, боясь, что стоит ему пошевелиться, как прекрасное видение тут же исчезнет. Но девушка и не думала пропадать. Она осторожно поставила лампу на деревянную полку, возле двери амбара и, подойдя к мужчине, протянула ему обе свои руки.

Рэндольф встал и взял девушку за руки, испугавшись, что та все же может убежать. Он держал ее так крепко, что на коже Беатрис потом еще долго красовались темные кровоподтеки от его пальцев, но в тот момент девушка не решилась пожаловаться на боль. Она хотела сделать все, как велел Виктор, чего бы ей это не стоило.

– О, Беатрис! – зашептал мужчина и его горячее, полное страсти и запаха эля дыхание, обожгло и без того разгоряченную кожу девушки, – ты вся горишь! Ты вся моя! – продолжал сипло говорить Бэйли, осыпая лицо, шею и руки девушки поцелуями, которые жгли ее кожу, как раскалённое железо.

Беатрис и вправду пылала, но только не от страсти, а от страха и того, что вскоре должно было произойти. Она старалась не думать о том, что с ней сделает нелюбимый ею мужчина и если бы могла, то и вовсе бы покинула свое тело, предоставив полковнику творить с ним все, что ему заблагорассудиться.

Тем временем мужчина, устав возиться с ленточками, просто-напросто сорвал тонкую сорочку Беатрис, оставив ее стоять обнаженной в амбаре. Девушка опустила глаза, стесняясь мужчины и того, как жадно он смотрел на ее тело. Оглядев принадлежавшую, как он считал, теперь только ему Беатрис, полковник подхватил девушку на руки и понес на ближайший стог сена. В те мгновения страсти его рассудок, условности, воспитание, до этого сдерживавшие все животные порывы, а также здравый смысл покинули его, оставив место только инстинктам, толкавшим его на то, что он мог сделать только после свадьбы.

Уложив Беатрис, не отводившую все это время с его лица глаз, на сено, Рэндольф скинул с себя брюки и вновь с жадностью голодного волка, накинулся на девушку, целуя, сжимая и лаская ее так, как ему всегда того хотелось, так, как он видел это в своих разгорячённых страстью и любовью сновидениях.

Беатрис же не чувствовала ничего: ни накала страстей, ни боли, ни удовольствия. Она ждала и считала удары сердца: свои и полковника, бившиеся совсем не в унисон, не так, как у нее с Виктором. Когда мужчина закончил и, отодвинувшись от Беатрис, лег на спину, девушка наконец закрыла глаза и слегка улыбнулась. «Все. Теперь все конечно», – подумала она и блаженно расслабила свое тело, сплошь покрытое синяками, царапинами и укусами: следами страсти полковника.

Сознание не сразу вернулось к Рэндольфу, а только через несколько минут, когда ритмы его сердца и дыхания пришли в норму. Тогда он понял, что сделал и чувство вины вдруг наполнило его сердце и душу. Он повернулся к Беатрис, желая извиниться за свой поступок, но увидел, что девушка лежала с закрытыми глазами и улыбкой на лице.

«Возможно, ей все же понравилось? – пронеслось в голове у мужчины, – в конце концов, мы бы все равно сделали это, но только через три дня. Какая разница, раньше или позже?». Вздохнув с облегчением, мужчина вновь откинулась на спину и тоже закрыл глаза. На него, как это обычно бывало после любовного соития, навалились спокойствие, усталость и сонливость. Вздохнув полной грудью, он, положив одну свою руку на обнаженный живот Беатрис, тут же провалился в сон.

Девушка же, осторожно перенеся руку мужчины со своего чрева на сено, встала и, подойдя к дверям амбара, открыла их нараспашку. Она стояла обнаженной и прохладный ветер ласкал ее пылавшее тело, успокаивая боль от ссадин и унося прочь все воспоминания о случившемся. Беатрис ждала несколько минут прежде, чем услышала шорохи неподалеку. Облегченно вздохнув, девушка вернулась в амбар. Ее разорванная сорочка лежала на деревянном полу, так что прикрыть тело ей было в общем-то нечем, но нагота не смущала Беатрис, а наоборот придавала ей уверенности.

Шорохи стали громче и вскоре девушка услышала шаги, приближавшиеся к дверям. Шли очень тихо, старясь создавать как можно меньше шума и, тем не менее Беатрис могла различить, что к ней направлялось несколько человек.

Первым в амбар зашел Виктор. Он был одет в свою обычную простую одежду и только на его груди, на длинном кожаном ремешке висел треугольной формы медальон. Вслед за Виктором в амбар зашло еще одиннадцать человек, среди которых девушка к своему удивлению узнала жену владельца соседнего поместья, сына викария, а также двоих человек из магистрата города. Остальных людей девушка не знала, но судя по их одежде и внешнему виду у них явно водились деньги. Виктор на их фоне казался рабочим, но все с благоговением смотрели на него, словно на принца или короля, снизошедшего со своего престола до простого люда.

Никто из вошедших не обратил особого внимания на наготу Беатрис. Все люди направились к спящему полковнику Бэйли и, встав вокруг него, образовали круг. Виктор жестом подозвал Беатрис и, взяв ее за руку, прошептал на ухо:

– Смотри и повторяй за всеми:

– Ночь и полная луна

Ты нам друг и госпожа,

Одари нас своим светом,

Укажи нам путь ответом, – начал тихо говорить Виктор и остальные принялись повторять за ним, читая слова на распев, словно то была песня.

– Ты нас кормишь, ты нас поишь,

На путь истинный наводишь.

Среди нас теперь сестра,

Ты прими ее в свои чресла.

Четверо мужчин опустились на колени и каждый их них крепко схватил Бэйли за каждую его конечность, а Виктор, присев, взял мужчину за голову.

Рэндольф, до этого находившийся в полудрёме, окончательно пришел в себя и попытался вырваться, но люди держали его крепко, а его тело, некогда такое крепкое и полное сил, неожиданно ослабло и перестало слушаться его.

Подоспевшая Беатрис, оторвав кусок от своей ночной сорочки, быстро запихала его мужчине в рот, тем самым лишив его возможности кричать. Она смотрела на него с холодностью и злобой, на которую, казалось, просто не могла быть способна ввиду своей молодости и миловидности.

Люди, склонившиеся над Рэндольфом, начали читать странные заклинания, из которых мужчина ничего не мог разобрать. Сначала слышалась английская речь, но постепенно слова стали непонятными, и Бэйли догадался, что говорили на старом гаэльском наречии, которое ему было незнакомо. Женщина средних, разорвав рубашку полковника на груди, намазала кожу мужчины чем-то пахучим, напоминавшим одновременно запах луговых трав и водорослей. От этого у Рэндольфа закружилась голова, но он старался не потерять сознания и поочередно напрягал то руки, то ноги, надеясь все же вновь начать управлять свои телом.

Когда люди над ним закончили читать нараспев, светловолосый юноша, которого Бэйли раньше где-то видел, достал из-за пазухи нож и протянул его Беатрис, кто, как заворожённая, смотрела на этого юнца.

Полковник хотел закричать, позвать на помощь, как-то достучаться до затуманенного разума девушки, но кляп по вру не давал ему этого сделать. Беатрис дотронулась ножом до своего живота, сердца и лба, а затем подняла его вверх, указывав на небо, после чего передала клинок мужчине, стоявшему рядом, и тот проделал с ним тоже самое. Нож прошел весь круг и только те, кто держал полковника за руки и за ноги, не прикоснулись к нему. Когда нож вернулся к Беатрис, она взглянула на Виктора и, увидев что тот ей кивнул, села на колени рядом с распростёртым Рэндольфом. Взяв нож в обе руки и занеся его над грудью мужчины, она закрыла глаза и зашептала неразборчивые слова. Половник, слегка приподняв голову, увидел, что на его груди темной краской очертили круг, куда, судя по всему, его прекрасная Беатрис и готовилась нанести удар: в самое его сердце, навеки отданное этой безжалостной красавице. Поняв, что второго шанса может не выпасть, он сделал рывок ногой, вложив в него всю свою силу. От неожиданности мужчина, державший до этого ногу Бэйли, выпустил ее и полетел назад. Все присутствовавшие, до этого устремлённо глядевшие на Беатрис, взволнованно вскрикнули и набросились на полковника, но тому каким-то образом удалось ускользнуть из их цепких и показавшихся ему странно холодных рук. Он пытался встать и убежать, но толпа накинулась на него и повалила на пол. Мужчина наносил удары куда придется и отбивался, как мог, но не смотря на его не дюжую физическую силу, сплочённость обезумевших людей победила, и вскоре он вновь оказался схвачен и прижат к земле.

Когда его переворачивали, он заглянул в глаза белокурому юноше и вспомнил, что тот

являлся работником отца Беатрис, а также же этот человек несколько часов назад сидел с ним в пабе и не сводил с него глаз, чем немало нервировал Рэндольфа. Поняв, что все происходившее спланировано заранее, сердце полковника наполнилось болью и отчаяньем. Он не хотел погибать от рук сумасшедших фанатиков и решил, что так просто все равно не сдастся.

Группа вновь образовала круг и склонилась над мужчиной. Теперь его держали куда крепче, но все же его голова оставалась свободной. Виктор отошёл от полковника и страстно поцеловал Беатрис, с готовностью ответившую на этот поцелуй и обвившую руками его шею. Сцена показалась Рэндольфу омерзительной, и он отвернулся, благодаря чему заметил, что керосиновая лампа, оставленная Беатрис на полке, стояла на самом ее краешке и при легком толчке упала бы на землю, покрытую сухой соломой, вызвав при этом пожар.

На это и рассчитывал Бэйли, когда в очередной раз набравшись сил, попытался вырваться и, дернув коленом, ударил им в челюсть мужчину, мёртвой хваткой вцепившегося в его голень. Тот зашатался и, отступив назад, ударился спиной о стену, отчего полку, на которой стояла лампа, тряхнуло, и единственный источник света в амбаре упал на деревянный пол и солому. Стекло лампы разбилось, керосин в считанные секунды разлился по полу и вспыхнул ярким пламенем, готовым поглотить все на своем пути. Толпа заговорщиков тут же принялась тушить огонь, который бы бесспорно привел к амбару жителей поместья и фермы.

Совладать с огнем в помещении, полном сухого сена, не так-то просто, и вскоре пламя перекинулось на стога, лежавшие на втором этаже. Поняв, что дело безнадёжно и совершить задуманное не удастся, люди начали выбегать из амбара, желая, как можно скорее скрыться в темноте и раствориться в уютном бархате ночи. Рэндольф же никуда уходить не собирался. Встав на ноги, он смотрел на светловолосого юношу. Ему хотелось убить юнца на месте, но зная, что таким образом он не сможет доказать вину остальных членов этого странного общества, решил, что просто схватит его. Полковник был в раза два крупнее юноши и в несколько раз сильнее. Армия сделала его тело сильным и непоколебимым. В два шага он оказался возле парня и схватил того за горло, но тут на его затылок обрушился удар, заставивший его ослабить хватку. В глазах все поплыло, и мужчина рухнул к ногам Виктора, лишившись сознания, а из раны на его голове алой струйкой потекла кровь.

Виктор, никак не ожидавший такого поворота дел, с широко открытыми глазами продолжал в недоумении стоять, не зная, что делать. Перед ним же с лопатой в руках стояла обнаженная Беатрис, зловеще улыбаясь.

– Я все же завершила ритуал, пусть и по-другому, – сказала она и улыбнулась еще шире. Эта улыбка сделала ее по-ангельски прекрасное лицо злым и безумным.

Виктор кивнул и, бросив взгляд на Бэйли, лежавшего рядом со стогом сена, который уже начинал загораться, подхватил с пола разорванную сорочку Беатрис и кинул ее девушке.

– Скорее. Нас не должны увидеть вместе, – сказал он и, забрав лопату из рук девушки, отбросил инструмент в сарай, а сам вывел Беатрис из амбара. Девушка по-прежнему пребывала в каком-то странном трансе и судя по всему не совсем отдавала себе отчет в том, что произошло.

– Беги домой и скажи, что полковник напал на тебя и попытался надругаться, но тебе удалось убежать. Когда ты убегала, то задела лампу и амбар вспыхнул.

Беатрис непонимающе смотрела на Виктора, продолжая улыбаться. Молодой человек слегка тряхнул ее за плечи, надеясь тем самым привести в чувства.

– Ты поняла, Беатрис? Скажи, ты поняла, что нужно делать?

Глаза девушки наконец сфокусировалась на нем, словно та проснулась. Беатрис медленно кивнула и потянулась за поцелуем, на который Виктор охотно ответил. Издалека послышались крики. Огонь, вырывавшийся из окон амбара, заметили, и люди спешили к месту недавнего преступления, надеясь успеть потушить пожар.

– Торопись! – сказал Виктор Беатрис и легонько толкнул ее по направлению к дому.

Девушка кое-как завернулась в разорванную ночную рубашку и, обернувшись только один раз, чтобы бросить победный и полный любви взгляд на Виктора, со всех ног припустила домой, надеясь, что эта ночь станет для нее не только ночью первого посвящения, но также откроет ей двери в другие миры, изведать которые ей так хотелось.

Викторию снова что-то сильно тряхнуло и силой вырвало из влажной, полной запаха гари и паленой плоти ночи. Когда сизый туман рассеялся, девушка увидела, что смотрит на свое собственное отражение в зеркале туалетного столика ее спальни. Кожа Беатрис словно светилась изнутри, а вены, немного выделявшиеся на висках, придавали лицу голубоватое сияние. Хоть губы девушки и улыбались, чувствовала она себя весьма скверно: сегодня утром она в очередной раз убедилась, что ее недомогания, тошнота и усталость могут объясняться только беременностью. Она по-прежнему являлась незамужней девушкой, но не это пугало ее, а то, что ребенок мог оказаться вовсе не от Виктора, а от полковника. Ее терзали сомнения: стоит ли говорить о ребенке Виктору сейчас, когда родители уже дали согласие на их свадьбу и ее возлюбленный пребывает на седьмом небе от этих добрых вестей? Возможно, лучше повременить и сообщить об этом, когда они уже поженятся.

До свадьбы оставались считанные дни и сейчас ее родители уехали в город за очередными покупками к торжеству. Девушка осталась без родительского присмотра и, пользуясь моментом, отложила расческу, которой до этого тщательно расчесывала свои длинные волосы, и подошла к сундуку. В нем под кулями с тканями и мотками шерсти лежала шкатулка. Достав изящную, вырезанную из дерева и, по всей видимости, старинную вещицу, Беатрис, как это всегда случалось с ней, стоило ей взять коробочку в руки, завороженно уставилась на нее. Ей казалось, что вырезанные ажурные узоры буквально оживали, когда на них смотрели, а темное дерево, становилось горячим, словно раскаленный на солнце камень.

Эту шкатулку и ее содержимое ей подарил Виктор после их первой ночи любви, проведенной под старым дубом. Он сказал ей тогда, что шкатулка принадлежала его матери, а еще раньше матери его матери и так передавалась из поколения в поколение. Когда-то его род был богат и славен, но его предки провинились перед королем в том, что отвергли христианство и продолжали поклоняться языческим богам. Семью изгнали из их родового замка в Уэльсе и обрекли на вечные скитания по Британии. Далекие родственники Виктора то взлетали благодаря удивительному дару, которым были наделены некоторые члены семьи, то теряли все, а зачастую и свою жизнь. Пра-пра-пра бабушку Виктора повесили в Эссексе во время нашумевшего тогда процесса над ведьмами. После этого большая часть его семьи покинула неприветливый для них остров и перебралась в Новый Свет, однако те, кто не хотел мириться с устройством этого мира и все еще грезил о возвращении родовых земель и былого богатства, остались с тем только, чтобы впасть в еще большую бедность и забытье.

Немногие сокровища, что удалось спасти, продали, а настоящую фамилию семьи пришлось изменить и больше никогда не вспоминать о ней, по крайней мере в Британии.

Постепенно колдовские знания стали забываться, а о магическом даре и вовсе помалкивали и никогда им не пользовалось, разве, чтобы предсказать погоду. Все боялись, что развей они его хоть чуточку больше, непременно попадут на виселицу, поэтому и выбирали простую, пусть и небогатую, но все же жизнь. Так мать Виктора работала простой прачкой в Сассексе, стирая кожу на своих и так загрубелых пальцев до крови. Она умерла, когда ей еще не исполнилось тридцати пяти лет и перед смертью передала шкатулку сыну, умоляя его, не идти по ее пути смирения, а бороться.

Вряд ли Виктор тогда понимал, что имела в виду его мать, но оказавшись четырнадцати лет отраду на улице, бездомным и голодным, быстро сообразил, что выживает лишь сильнейший и хитрейший. Он устроился на службу в богатый дом и уже через пару лет благодаря миловидной внешности и умению убеждать, стал близок с хозяйкой дома, которая и научила его многому из того, что он позже стал проповедовать, как истинную религию и веру. Хозяйка, хоть и не являлась родственницей Виктора, также поклонялась Богине – древнему божеству друидов, духу всего сущего на земле, матери этого мира и всей вселенной. Заметив, что Виктор обладал удивительным даром, она открыла ему миры, о существовании которых он и не подозревал. Ей, чтобы прикоснуться к ним, нужно было опьянеть от лауданума, ему же требовалось только закрыть глаза и представить себя там. Он легко сам входил в транс, а также научился быстро вводить в него и гипнотизировать других людей. Он мог силой одной лишь мысли заставить людей страдать, плакать, смеяться или кричать. Юноша проводил спиритические сеансы и входил в контакт с душами умерших людей, благодаря чему и прославился в столице, а также заработал целое состояние, которое, однако, быстро потерял из-за пристрастия к выпивке и азартным играм. Тем не менее привязанность его дамы, а также слава медиума позволяла ему вести более-менее безбедный образ жизни, пока один несчастный случай не лишил его всего. На сеанс пришла племянница его покровительницы с мужем. Молодая чета недавно потеряла ребенка и безмерно горевала по малышу. Хоть Виктор до этого никогда не связывался с душами младенцев, его попросили рискнуть. Виктор вошел в транс, пытаясь установить связь между родителями и душой ребенка и когда почувствовал, что близок к контакту, вдруг резко потерял контроль над собой. Как он позже выяснил, проводить подобные эксперименты с душами невинных младенцев весьма рискованно, ведь их охраняют стражи высшего порядка и нарушив их покой, можно навлечь на себя их гнев.

Когда Виктор пришел в себя, молодая родственница его покровительницы лежала на полу без чувств, а ее супруг, красный как рак, сидел рядом и просто не знал, что ему делать. В растерянности посмотрев на хозяйку дома, Виктор увидел, что та, белая от злости, смотрит на него так, словно готова испепелить. Все за исключением лакея начали поспешно выходить из комнаты, и ничего не понимавший Виктор обратился за разъяснениями к слуге, на что услышал, что находясь в трансе, сообщил родителям мертвого ребенка, что рожденный мальчик вовсе не являлся сыном мужа племянницы, а был зачат конюхом, который и по сей день частенько навещает любовницу. Такая нелестная правда сгубила карьеру Виктора и он, лишившись поддержки и всех своих клиентов (никто не шел к нему, боясь неожиданной огласки своих секретов), отправился странствовать по стране, учась и обучая других тому, что сам умел. Так он и добрался до Шотландии, где собрал что-то вроде клуба своих поклонников, коих обратил в свою веру в Богиню. Этот культ, конечно, ничего общего не имел с истинной старой религией древних друидов, но зато помогал Виктору оправдывать любые действа, которые он совершал, будь то совокупление с кем-либо из его

соратников, жертвоприношение животного в день солнцестояния или же простой сбор денег, которые он позже тратил на себя и свои прихоти.

Однако пути любви бывают невероятно запутаны и даже самые холодные и черствые сердца подвержены этой напасти. Когда Виктор впервые увидел Беатрис, то понял, что искренне влюбился. Не смотря на все те невзгоды, через которые ему пришлось пройти и то, кем он стал, его душа и сердце все же тянулись к прекрасному. В Беатрис он увидел ту же силу, коей обладал сам и не колеблясь отдал ей шкатулку, в которой лежал старинный браслет, принадлежавший его давно отошедший на свет иной прабабушке, а также медальон с вырезанной на нем руной и просверленной дырочкой для шнурка. Иногда он просил Беатрис давать ему поносить медальон, от которого он набирался сил, браслет же стал символом его вечной любви к ней.

Девушка обожала эту изящную вещицу и порой даже спала с ней, но старалась скрывать ее от посторонних глаз. Правда, после того как они уже считались почти что мужем и женой, она могла больше не прятать украшение, а преподносить его, как свадебный подарок любимого жениха.

Идея выставить Рэндольфа Бэйли насильником и преступником пришла Виктору. Таким образом он, во-первых, открывал для себя возможность жениться на Беатрис – «обесчещенной» девушке, чего ему бы никогда не позволили при обычных обстоятельствах из-за его низкого социального и финансового положения, а во-вторых, он хотел провести обряд посвящения, при котором ведьма, сначала забрав жизненные соки своей жертвы, вступив с ней в любовную связь, убивала ее. Этот обряд превратил бы Беатрис в настоящую колдунью, сделал бы ее равной ему, а также закрепил бы за ним статус наставника членов культа.

Беатрис план понравился, не взирая на то, что от нее требовалось лечь с полковником. В ней всегда била через чур горячая кровь, а вздорный и порой жестокий характер пугал даже ее родных. Один Виктор умел управляться с ней и делать из взбалмошной юной ведьмы, шелковую, послушную любовницу. Они действительно были созданы друг для друга и могли дать этому миру удивительное потомство, наделенное такими способностями, которые помогли бы им восстановить былое богатство и влияние семьи Виктора, на что и рассчитывала Беатрис, когда думала об их предстоящей свадьбе. Если бы Беатрис лучше изучила себя и свои силы, то поняла бы, что посвящение ей вовсе не нужно, и она и так от природы являлась сильной ведьмой. Проведение ритуала с убийством невинной жертвы было излишним, но ни Виктор, ни Беатрис не стали бы отказываться от него, пусть и подсознательно понимая, что совершают его лишь для собственной забавы. Одно наведение чар на Бэйли, при котором он не мог ничего с собой поделать, кроме как думать о Беатрис, доставило девушке массу удовольствия и потешило самолюбие. Понимая, какой властью она может обладать над людьми, девушка хотела учиться и постигать новые высоты, забыв при этом о морали и нравственности.

Сейчас Беатрис вертела в руках браслет и смотрела, как солнечный свет переливался в его камнях, отбрасывая на белую кожу ее рук кроваво-красные пятна. Налюбовавшись вдоволь, она надела украшение на запястье и подошла к окну. Девушка чувствовала, что Виктор где-то рядом, идет к ней и думает о ней. Беатрис всегда отлично знала, если ее возлюбленный находился неподалеку и, увидев, что он легкой походкой шел к ее дому, ничуть не удивилась. В руках он держал букет из девственно-белых роз, которые она так любила. Улыбнувшись, девушка вернулась к своему туалетному столику, чтобы поправить

одежду и еще раз причесать непокорные рыжие локоны.

Когда Виктор зашел к ней в спальню, она уже сидела на постели и улыбалась ему. По ее невинному внешнему виду нельзя было даже заподозрить, что она могла жестоко убить человека в угоду своей страсти и желаниям. Но Виктора это совсем не отталкивало, а безумно возбуждало и нравилось в ней. Ее непомерное хладнокровие и неутолимая жажда знаний и новых навыков, радовали его. Вместе они читали запретные книги, шептали таинственные заклинания и впадали в транс, в котором, став единым целом, могли долететь хоть до самых небес. В их жилах текла смешанная ими самими же кровь, и весь мир ничего не значил для одного из них, если рядом не было его второй половины. Теперь же, когда они остались вдвоем в спальне, все притворные маски скромности и приличий спали с них, и они, слившись в объятиях, упали на кровать, забыв на эти мгновение обо всем на свете, кроме самих себя и страстного предвкушения обладания друг другом.

Первой почувствовала неладное Беатрис. По ее коже вдруг пробежали мурашки, словно на нее подул холодный северный ветер, однако, окно в спальне продолжало оставаться закрытым и никакой сквозняк просто не мог проникнуть в комнату. Замерев на мгновение и легонько прикрыв рукой рот Виктора, стремившегося вновь поцеловать девушку, Беатрис прислушалась. Так оно и было: кто-то поднимался по лестнице, кто-то довольно тяжелый, раз старые деревянные доски поскрипывали от каждого его шага.

– Слышишь? Кто-то идет сюда, – шепотом сказала Беатрис Виктору и, выскользнув из-под него, встала и тут же начала расправлять слегка помятое платье, думая, что, возможно, родители вернулись раньше времени.

Виктор также вскочил с постели и отошел к окну, где начал лихорадочно приглаживать растрепавшиеся белокурые локоны, дабы предстать перед будущими тестем и тещей в своем наилучшем виде. Его новый пиджак из светлого сукна, купленный на деньги семьи Беатрис, делал его и так прекрасную внешность еще более неотразимой. Юноша хорошо это понимал и с нетерпением ждал, когда сможет приобрести еще больше подобных красивых и дорогих вещей, которые так ему шли.

Шаги раздались совсем близко, но потом затихли, словно кто-то замер возле двери, раздумывая, входить в спальню девушки или нет.

– Па, это ты? – спросила Беатрис своим звонким голосом, – можешь зайти. Виктор пришел навестить нас…

Девушка замерла на полуслове, когда увидела, кто скрывался за дверью. Потеряв дар речи, она сделала два шага назад, но, забыв о стоявшем в комнате кресле, наткнулась на него и, потеряв равновесие, полетела на спину. Виктор, так и не поняв, что случилось, кинулся на помощь своей невесте и, только добежав до нее и приподняв за талию, поднял наконец-таки глаза кверху и остолбенел.

Перед ними стоял Рэндольф, которого они все это время считали мертвым. Вернее, перед ними стояло то, что осталось от некогда статного и красивого мужчины: его лицо, безжалостно тронутое в ту злосчастную ночь пожаром, представляло собой маску ужасов. Черты словно стерлись с лица и лишь страшные рубцы и ожоги покрывали всю поверхность кожи мужчины. Волос на голове почти не осталось, и только небольшие пучки торчали то тут, то там на обезображенном огнем черепе. Один глаз скрывало веко, расплавленное при пожаре и приросшее к щеке мужчины, зато второй глаз был налит кровью и пылал такой ненавистью, что, казалось, одного лишь взгляда хватило бы, чтобы испепелить кого угодно.

Прихрамывая на одну ногу, мужчина зашел в комнату и, открыв безгубый рот, похожий

на бездонный черный колодец, хриплым голосом сказал:

– Так-так-так! Вы то мне и нужны! Нравится, что вы сделали со мной?

– Виктор! – тихо прошептала девушка и, схватившись за борта нового пиджака юноши, прижалась к нему. Все хладнокровие и присущая ей безразличность в миг покинули ее, а сердце лихорадочно забилось от страха.

Виктор, загородив собою Беатрис, бесстрашно выступил вперед. В такой ситуации, когда его соперник был просто полон жажды отмщения и кипел от злости, его магия и гипноз никогда бы не подействовали, и он сам прекрасно это понимал, но набравшись смелости, все же обратился к Рэндольфу, глядя прямо в его пылавший ненавистью глаз:

– Оставьте нас в покое и уходите по-хорошему. Иначе я…

– Иначе, ты, что? – взревел обезображенный мужчина и, не смотря на хромоту и увечья, за считанные секунды оказался возле Виктора и схватил того за горло, намереваясь сломать ему шею. Злость, ненависть, боль и предательство наполняли его больное тело невиданной и неизведанный им самим до этого момента силой. Он с легкостью поднял одной рукой задыхавшегося Виктора в воздух и продолжил сжимать пальцы, наслаждаясь видом выпученных глаз юноши и его неумелыми и обреченными на провал попытками спасти свою жизнь.

Беатрис, все это время молча наблюдавшая за происходящим со стороны, словно она и вовсе отсутствовала в комнате, наконец-то пришла в себя и бросилась на Рэндольфа. Она колотила его в грудь, царапала и без того изъеденное огнем лицо, срывая недавно зарубцевавшиеся корки от ожогов и причиняя невыносимую боль мужчине. Не выдержав, он со всей силы ударил свободной рукой девушку, отчего та отлетела в конец комнаты и, ударившись затылком о стену, упала на пол без чувств.

По лицу полковника Бэйли тонкими струйками стекала кровь, мешая ему нормально видеть. Когда он почувствовал, что кости шеи юноши вот-вот хрустнут, то ослабил хватку, и Виктор, словно мешок с камнями, рухнул на пол. Его посиневшее лицо начало приобретать розовый оттенок, а затуманенный из-за удушения взгляд сделался вновь сфокусированным. Увидев, что Рэндольф никуда не исчез и по-прежнему нависает над ним, Виктор попробовал отползти к дверному проему, но тут же получил удар ногой под дых, отчего перед глазами его взорвался фейерверк золотистых искр, а сделать вдох стало невыносимо больно.

Бэйли же направился к начавшей приходить в себя Беатрис. Он шел медленно, наблюдая за тем, как девушка, слегка качаясь, вставала на ноги и, держась руками за голову, в ужасе смотрела на него. Также неспешно он достал из кармана раскладной нож и поднял его в воздух. Солнечные лучи блеснули на лезвии словно золотые искры, напомнив Беатрис о ярком пламене пожара, в котором должен был погибнуть мужчина.

Девушка вжалась в стену, но бежать было просто некуда, что она прекрасно осознавала. Расплата за ее грехи неумолимо приближалась к ней и ни христианский Бог, ни древняя Богиня, не могли остановить полного решимости и жажды мести полковника. Ее слабые попытки наслать на него заклятия не работали: то ли девушка оказалась через чур напуганной и толком не сумела сосредоточиться, то ли злоба, переполнявшая душу Бэйли была через чур сильной, то ли еще не рождённый ребенок в утробе матери останавливал все ее попытки применить свои магические знания. Беатрис не знала ответа на этот вопрос, но беспомощность сильно пугала девушку, понявшую наконец, что сейчас она ничем не отличалась от простой смертной, загнанной в смертельную ловушку.

Виктор все же смог встать на ноги и, увидев, что Рэндольф уже совсем рядом с его

Беатрис, кинулся на полковника. Однако изувеченный мужчина прекрасно слышал Виктора и, резко развернувшись, нанес юноше удар в живот, вонзив лезвие до самой рукоятки. Теплая кровь тут же обожгла его изуродованную ожогами кисть руки и он, вынув нож, отступил назад.

Виктор упал на колени, держась руками за живот. Сквозь его длинные пальцы кровь струилась, как потоки водопада, мгновенно собираясь в лужицу на полу. Взгляд юноши сделался туманным, его лицо, и без того бледное, приобрело оттенок первого декабрьского снега, а всего его черты расслабились. Пропали испуг, страх, боль и волнение. Юноша почувствовал, что уходит из этого мира и теряет связь со всем тем, что держало его здесь. Странная легкость и невесомость наполнили все его члены и если бы не адское жжение в области пупка, то он бы мог назвать такое состояние блаженным. Юноша даже не почувствовал, как завалился на бок. Виктор больше не видел ничего перед собой, только темноту, а из телесных ощущений осталась лишь боль в животе, которая и так притуплялась с каждым мгновением. Он проваливался в сон, несший неизвестность; сон, который должен был переправить его в иное измерение, где он станет кем-то или чем-то другим и сполна ответит за содеянное в этой жизни.

Видя, что жизнь покидает тело ее возлюбленного, Беатрис кинулась к нему, но полковник перехватил девушку и с силой вжал ее в дубовый гардероб, стоявший рядом. Беатрис смотрела на изуродованное лицо Рэндольфа, но оно больше не пугало ее. Все мысли девушки были с Виктором, и ее перестало волновать, что сделает с ней сошедший сума от боли и злости мужчина. Все, чего она хотела, так это вернуть к жизни своего жениха.

Бэйли же и не думал отпускать свою жертву. Глядя на прекрасное лицо Беатрис, теперь перекошенное от боли и волнений за любимого, он сказал:

– Знаешь, я ведь сначала думал изуродовать тебя так же, как и ты меня. Лишить твоего прекрасного личика, так манящего к себе мужчин. Но потом решил, что это все же слишком жестоко, поэтому я просто убью тебя. Не волнуйся, я сделаю это легко и быстро, любимая. В честь нашей, как мне казалось когда-то, настоящей любви.

Мужчина попытался поцеловать девушку своим обезображенным ртом, но Беатрис увернулась и плюнула ему в лицо.

– Будь ты проклят, чертов ублюдок! Я проклинаю тебя за все, что ты сделал! Не видать тебе покоя ни в этой, ни в той жизни, ни на земле, ни в аду, куда ты и отправишься!

Полковник громко рассмеялся, услышав проклятия Беатрис:

– Милая моя, меня не пугают твои слова. Я не верю ни в ад, ни в рай. Ад есть только здесь – на земле, и в него ты превратила мою жизнь, но не бойся, недолго мне в нем пребывать.

Беатрис, пытавшаяся вырваться и не сводившая до этого глаз с умиравшего Виктора, вдруг замерла, словно почувствовав, что сейчас должно произойти что-то весьма важное. Как затравленное охотником животное, она перестала биться и остолбенела. Переведя взгляд на налитый кровью глаз Рэндольфа, она увидела в нем не только злость, но и боль и любовь, которых не замечала раньше.

– Я люблю тебя, – напоследок сказал мужчина и взмахнул ножом.

Жгучая боль обожгла горло девушки. Рэндольф тут же отпустил ее, и Беатрис, до этого так хотевшая оказаться рядом с Виктором, сделала попытку кинуться к нему, но не смогла. Ноги ее подкосились, и она упала на колени перед мужчиной, смерти которого так жаждала. Держась за горло, она пыталась остановить кровь, но та все текла и текла, делая ее руки

слизкими и липкими.

Глядя, как смерть медленно подбирается к Беатрис, полковник Бэйли сделал шаг назад и встал перед ней на колени. Теперь он смотрел на девушку не сверху-вниз, а глаза в глаза, вернее в его случае глаз в глаза. Подняв нож, испачканный кровью Виктора и Беатрис, он резко провел им от уха до уха, желая покончить с этим миром и жизнью, как можно скорее. Боли он не почувствовал, а только блаженство небытия, увлекавшего его куда-то вдаль.

Рэндольф распластался на спине, заливая кровью свою белую рубашку и все вокруг себя. Беатрис же продолжала стоять на коленях и переводила обезумевший взгляд с полковника на Виктора. Силы начали покидать ее столь быстро, что она была вынуждена лечь. Как могла, она зажимала горло и боролась с сонливостью, наваливавшейся на нее, как глыба камней с вершины скалы. Рот девушки приоткрылся и губы зашевелились, правда с них не сорвалось ни звука. Однако Беатрис все же произносила слова, пусть их никто и не слышал. Она читала древние страшные заклятия, вычитанные в одной из книг Виктора. Слова сами приходили к ней, хотя она их никогда не заучивала наизусть и даже не понимала всей их сути. То были злые, темные и старые слова, сохранившееся еще со времен сотворения мира. Беатрис взывала к Богине, прося мести и вечных мук для Рэндольфа, она молила о жизни для себя и Виктора, предлагая взамен все, что угодно, даже свою душу и душу ее еще не родившегося ребенка и его потомков. Ее нисколько не волновало, на что именно она обрекала себя и свой род, лишь бы душа полковника Бэйли навеки оказалась в ее власти, во власти вечной боли и страданий за то, что он помещал ей стать счастливой с выбранным ею мужчиной. Беатрис и не подозревала, как не зал и Виктор, какой силой обладала. В ее жилах текла кровь столь же древняя и магическая, как и те слова, что она пыталась произнести. Не осознавая до конца, что творит и как именно она это делает, Беатрис сумела проклясть душу Рэндольфа, вынужденную с того самого дня скитаться между мирами в поисках вечного покоя, а также спасти саму себя. Много позже ведьма найдет и вскроет могилу Бэйли и, уничтожив ненавистное ей тело, заберет себе лишь малую его часть, чтобы навсегда получить власть над душой полковника.

Как Беатрис ни старалась, но ей не удалось уберечь Виктора, отправившегося в иной мир, так давно манивший его, но даже поняв это, она не переставала надеяться, что сможет встретиться с ним после своей смерти, начисто забыв, что ее душа уже обещана Богине и никогда ей не быть с Виктором ни в одном из миров и ни в одной из вселенных. Только во снах, полных боли и соленых слез, она иногда видела его прекрасное лицо, и сердце ее от этого делалось еще более черствым и полным злости. Эту злобу и всю свою магическую силу она нехотя передала своему ребенку, который, как оказалось, являлся все же сыном Рэндольфа Бэйли. Разглядев в мальчике ненавистные черты, Беатрис навсегда отвернулась от сына и отослала его в закрытую школу, а после общалась так, словно он был ей чужим. Выросший без любви матери, в полном одиночестве и забвении, мальчик не сумел распознать свой прирожденный дар, но его кровь все же несла его в себе и много лет позже передала его детям, а от детей он перешёл к внукам. Наличие у себя странных и необъяснимых умений впервые обнаружила мать Брюса. Особенно сильно они проявлялись, стоило той надеть старинный браслет, передававшийся в семье по наследству. Тогда женщина могла предсказывать не только погоду и результаты футбольных матчей, но также видеть и ближайшие события в будущем, смерти и рождения, а наложив руку на лоб мужа, легко унимала головную боль. Она никогда никому не говорила о своих способностях и держала их в тайне, боясь оказаться непонятой или высмеянной. Когда же болезнь пришла за

ней, то бедняжка не смогла ей сопротивляться, как ни старалась, и к каким бы способам ни прибегала. Ее сил оказалось недостаточно, чтобы излечить себя, но перед смертью она все же смогла дать обещание самой себе, что не покинет ни мужа, ни сына, которых так любила при жизни. Она не знала, сможет ли сдержать его, но умирая, думала только об одном: о том, что задержится в этом мире и не уйдет из него, не удостоверившись, что у ее любимых все хорошо.

Все это открылось Виктории за считанные секунды и от полученных знаний у нее в голове словно произошёл взрыв, разорвавший ее сознание и мировосприятие на миллиарды разноцветных искорок. Картинки плыли перед глазами, как кадры кинофильма, а различные чувства, будь то любовь или ненависть, страх или боль, то переполняли, то покидали ее тело. Поцелуй существа, призванный лишь вернуть ей забытые всеми воспоминания, дал Виктории гораздо больше: он наполнил ее доселе неизведанными силами тех мужчин и женщин, что носили в себе дар семьи Брюса и заставил ее кровь бежать по венам быстрее, насыщая все ее тело энергией, готовой разрушить, как саму девушку, так и все вокруг.

Глава 16.

Открыв глаза, девушка сначала не поняла, где она, ведь столько картин из прошлого только что предстали перед ней. Виктория не знала, что сон, а что реальность, что воспоминания, а что отблески настоящего. Ощутив под собой мягкое одеяло, девушка поняла, что лежит на кровати. Повернув голову в сторону, она увидела рядом Брюса, все такого же бледного, как и когда она впервые увидела его этой ночью. Вика привстала на локтях и огляделась в поисках чудовища, только что находившегося с ней в этой комнате, однако, его и след простыл. В спальне было по-прежнему темно и стоял ужасный запах, но отсутствие призрака полковника несколько взбодрило россиянку.

– Брюс, проснись, – зашептала она в ухо возлюбленному и легонько похлопала его по щекам, – Брюс, давай же! Умоляю!

И вдруг Виктории показалось, что рот мужчины слегка приоткрылся. Девушка принялась еще энергичнее трясти Брюса, заклиная его очнуться, как можно скорее. Когда наконец его веки слегка дрогнули, словно он начал просыпаться, сердце девушки подскочило от радости и наполнилось надеждой.

– Ох, Брюс, пожалуйста, очнись!

– Ммм… – простонал мужчина, так и не открыв глаз, – что происходит?

Виктория с облегчением вздохнула. То, что она пережила мгновения назад, отошло на задний план, когда она увидела, что Брюс начал приходить в себя.

– Нам нужно уходить отсюда, как можно скорее, – ответила Виктория, – ты можешь встать?

– Но где я? – открыв глаза и осмотревшись по сторонам, спросил Брюс, – почему я у отца? Как я сюда попал? Я ничего не помню.

– Это сейчас неважно. Главное – выбраться отсюда.

– Хорошо, но я все равно не пойму… ай… как же голова болит! – сказал Брюс, сев на кровати и тут же обхватив руками голову.

– Я что, упал или подрался с кем-то? У меня в глазах все двоится от боли, – простонал мужчина.

Виктория, успевшая к тому моменту встать, протянула Брюсу руку.

– Брюс, серьезно, нам нужно уходить.

– Почему? – недоумевая, спросил Брюс, но увидев рядом на полу отца с жуткой раной на голове, замер на полуслове.

– Что тут произошло? – в ужасе спросил мужчина и, забыв о головной боли, поднялся с кровати и бросился к отцу, – кто это сделал с ним? Папа? Папа? Ты меня слышишь?

– Я не знаю, что именно случилось. Когда я вошла, твой отец лежал здесь с пробитой головой, а ты был без сознания, – попыталась вкратце объяснить Виктория.

– Нужно вызвать скорую! Немедленно!

– Телефоны не работают. Брюс, нужно уходить из дома! Мы заберем твоего отца. Вместе мы сможем дотащить его до машины и отвезти в больницу.

Брюс кивнул.

– Хорошо, я попробую поднять его.

Превозмогая боль и непонятно откуда взявшуюся усталость, Брюс просунул руки под спину и колени Эвана и с трудом поднял старика. Покачиваясь из стороны в сторону, он тут

же облокотился о шкаф.

– Сейчас. Отдышусь и пойдем, – тихо сказал он и тут же закрыл глаза.

Лицо мужчины вновь сделалось бледным, как снег, а жилки на висках стали вдруг непомерно заметными. Виктория подошла к нему и попыталась переложить часть веса Эвана на свои руки, но Брюс только замотал головой.

– Не надо. Береги силы. Пойдем.

Девушка все же не решилась отойти от Брюса и поддерживала его за талию, пока они шли сквозь темноту спальни к еле различимой впереди двери.

– Тут так темно и… так воняет. Господи! Ужа просто! – скрипел зубами Брюс, пока они медленно пересекали комнату.

– Знаю, милый, я сама точно не понимаю, что здесь происходит, – ответила Виктория и испуганно огляделась по сторонам. Ее пугал не омерзительный запах и не кромешная тьма возле выхода из спальни, а странная, неестественная тишина. Даже их шаги и голоса звучали как-то иначе, нежели обычно, более приглушенно и глухо.

– Я сейчас, – сказала Виктория, стоило им добраться до двери. Девушка приоткрыла дверь спальни и, высунув голову в проем, посмотрела по сторонам, но кроме тьмы ничего не смогла разглядеть.

– Кого ты боишься? Я не понимаю… – начал Брюс, но Вика прервала его тихим «шшш!».

Не обнаружив никого, Виктория пропустила Брюса с отцом вперед, а сама вышла из комнаты следом за ними, но, оказавшись в коридоре, тут же встала впереди Брюса, понимая, что в темноте мужчина не сможет сам идти на ощупь с тяжелой ношей на руках.

– Я не вижу, куда идти, – тихо сказал Брюс, – отчего тут так темно?

– Не знаю, но догадываюсь. Расскажу в машине. Не стоит терять времени.

Медленно они пошли вперед. Виктория ориентировалась только по стенам, до которых то и дело дотрагивалась. Иногда ей казалось, что она попросту лишилась зрения и ослепла. Лишь слыша сзади тяжелое дыхание Брюса, время от времени наступавшего ей на пятки, она понимала, что попала в эту западню не одна. Правда, и способа выбраться из нее и положить конец этой истории она не видела. Однако об этом девушка старалась не думать, понимая, что самым главным сейчас являлось покинуть дом и доставить Эвана в больницу. А потом, если им все же удастся сделать это, она сможет рассказать Брюсу обо всем, что ей показал призрак полковника Бэйли. Возможно, вместе они найдут выход из этой безумной ситуации. Может быть, сходят в церковь или еще что-нибудь в этом роде. Но все это потом. Сейчас же нужно выбраться живыми из этого дома, полного горьких воспоминаний и несбывшихся надежд.

– Кажется, я нащупала перила, – тихо сообщила девушка Брюсу, – сможешь спуститься?

– Да, только встань рядом со мной на всякий случай. Если что, поддержишь отца, – попросил ее мужчина.

Бок об бок они осторожно начали спуск вниз, преодолевая одну ступеньку за другой. Девушка не представляла, что чувствовал Брюс, но соприкасаясь с ним ощущала неестественный жар, исходивший от его тела, и до предела напряженные мышцы рук. Если бы она могла видеть его лицо, то ужаснулась бы бледности Брюса. Глаза ему жег соленый пот, ручейками стекавший по лицу, а в голове пульсировало от боли так, что он боялся потерять сознание и полететь вниз вместе с отцом, что могло бы просто убить их обоих. Шаг за шагом, силы покидали его, а боль, казалось, вскоре полностью затмит рассудок, и он

просто рухнет и никогда уже больше не поднимется.

– Вроде бы мы скоро окажемся внизу. Стало не так темно. Видишь? – прошептала Виктория.

В конце лестницы и правда виднелся некий просвет, благодаря которому еще можно было разглядеть последние ступеньки и ковровую дорожку, ведущую в гостиную. Свет давала луна, холодные лучи которой пробивались сквозь старые, местами штопанные занавески, висевшие над окном в гостиной. Хоть света и не хватало, но благодаря ему тьма перестала казаться Виктории настолько неестественной и густой и, ощутив под ногами мягкую поверхность дорожки, девушка вздохнула с облегчением. В тот момент она вспомнила о Джимми, которого оставила здесь, но парня и след простыл. Надеясь, что индус ушел, чтобы позвать соседей на помощь и с ним не случилось ничего дурного, Виктория переключила свое внимание на еле-живого Брюса.

– Давай, еще немного, – подбадривала она его, пока они шли в гостиную.

– Не могу больше… – простонал мужчина и, дойдя до дивана, тут же положил на него отца, а сам растянулся на полу, – черт побери, я больше не могу.

– Милый мой! Не надо, только не засыпай вновь, прошу, – молила Виктория, опустившись на колени рядом с ним, – давай, я посажу тебя.

С этими словами она приподняла Брюса и усадила его спиной к дивану. Приблизив свое лицо к его, она смогла лучше разглядеть черты лица мужчины и испугалась, увидев насколько ослабшим он выглядел.

– Не знаю, что со мной, – не размыкая глаз, сказал Брюс, – но я куда-то проваливаюсь. Я не смогу дойти до машины.

– Все ты сможешь! Где ключи от нее? Я поведу.

– Они… они… я оставил их на кухне, вроде бы, но точно не помню.

Виктория не услышала конца этой фразы, так как уже стремглав, ударяясь о кресла, неслась на кухню.

– Где же могут лежать эти ключи? – вопрошала девушка, перебирая руками все, что лежало на полочках шкафа и кухонном столе. Отсутствие освещения сильно затрудняло ее работу, но выдвинув один из шкафов она радостно вскрикнула: ее руки нащупали фонарь. Найдя кнопку включения, она нажала на нее, и яркий оранжевый луч осветил кухню.

С фонарем в руках поиски ключей сделались значительно проще, и уже через несколько секунд Виктория обнаружила ключи от машины Брюса в одной из небольших фигурных вазочек, стоявших на полке рядом с задней дверью кухни. Ей оставалось только вернуться в гостиную и каким-то чудом заставить Брюса сдвинуться с места, что казалось девушке почти что невыполнимой задачей.

Однако зайдя в гостиную и направив луч света на место, где сидел Брюс, Виктория застыла. Рядом с ним стояла едва заметная фигура того странного черного существа, одна рука которой лежала на голове у Брюса. Вика видела, как сквозь темя мужчины и через руку призрака проходят едва заметные искорки, точно сущность высасывала что-то из мужчины, лишая его при этом сил. Постепенно фигура начала приобретать более насыщенный черный цвет, как и тогда в спальне.

– А ну отойди от него! – громко закричала Виктория и, не думая о последствиях, бросилась прямо к Брюсу, намереваясь оторвать руку призрака от головы мужчины во что бы то ни стало.

Но оказавшись уже почти у ног мужчины, девушка получила удар в грудь, от которого

тут же полетела назад, выронив при этом фонарик.

По всем дому раздался громких смех, эхом отлетавший от стен комнат.

– И как ты думала помешать мне забирать его жизнь? – спросил призрак, голосом Рэндольфа Бэйли. Свет теперь освещал только часть гостиной и напрямую не падал на сущность, но Виктория могла разглядеть, что призрак все еще стоял рядом с Брюсом и с каждой секундной становился все темнее.

– Так вот, что ты делаешь с ним? – хрипя от боли в груди, спросила Виктория, – пьешь его жизненные соки, как вампир? Это благодаря ему ты обретаешь форму, не так ли?

– Умница, но это продлится недолго. Жизни в нем осталось на несколько минут. Как жаль, что он последний из рода Беатрис, но он оказался весьма сильным. Думаю, это все из-за любви к тебе. Однако я позабавился не на шутку, ведь я смог найти и тебя, а для тебя у меня припасено кое-что особенное, дорогая.

– Ты меня этим не испугаешь!

– Ха-ха! Посмотрим, что ты скажешь, когда все дни и ночи я стану проводить рядом с тобой, наполняя твою жизнь кошмаром, вытягивая из тебя и твоих родных все силы, сводя тебя с ума, пока наконец не захочу забрать с собой навечно, чтобы уже никогда не отпускать и не расставаться со своей мучительницей, которой когда-то отдал свое же собственное сердце.

– Ты бредишь, кем бы ты ни был! Я – не она! И не бывать тому, о тем ты говоришь.

С этими словами Виктория резко кинулась на тень, не успевшую в этот раз ответить ударом, но просто испарившуюся от прикосновений девушки, словно ее и вовсе не существовало, точно все увиденное являлось бредом Виктории, вызванным жаром и стрессом. Девушка рухнула на диван в ноги к Эвану, но тут же поспешила встать и оглядеться. Призрак исчез, но надолго ли?

Присев на корточки, Вика прижала ухо к груди Брюса и, услышав еле заметное сердцебиение, облегченно вздохнула.

– Брюс, милый, очнись. Давай же, посмотри на меня, – взяв голову мужчины в руки, нежно говорила ему девушка. Какое-то время мужчина оставался безучастным к попыткам Виктории добудиться до него, по потом все же открыл глаза.

– Вики! Я люблю тебя! Прости меня…

– Сейчас не до признаний. Нужно попробовать встать, Брюс, – взмолилась девушка.

– Я не могу. У меня нет сил.

– Конечно же, у тебя есть силы. Попробуй! Все будет хорошо, – старалась вселить в него надежду Виктория, видя, как черты лица мужчины постепенно застывают, превращая лицо в маску.

– Брюс, прошу тебя. Если ты сейчас встанешь, то я сделаю все, что ты захочешь. Я выйду за тебя замуж и останусь навсегда с тобой в Англии, Шотландии или где ты сам захочешь, хоть на луне, – решила предпринять последнюю попытку Виктория.

От этих слов веки мужчины дрогнули, а на губах появилась легкая, едва уловимая улыбка.

– Ты серьезно? – тихо простонал Брюс.

– Да, да! Только вставай!

– Тогда, наверное, стоит побороться.

Мужчина приоткрыл глаза и с любовью посмотрел на озабоченное лицо Виктории, чьи глаза от страха стали круглыми, как блюдца.

– Сейчас, дай руку.

Виктория встала и протянула руку Брюсу, пытаясь помочь ему встать. Сначала ей показалось, что у них ничего не получится и оба рухнут на пол, но мужчина все же нашел в себе силы подняться и тут же чуть не упал на нее, придавив своим весом.

– Прости! Отдышусь и пойдем.

– Да.

– Отца я не смогу донести. Скорой придется забрать его.

– Хорошо, думаю, что помощь и так уже едет, – ответила Виктория, еще раз вспомнив про Джимми.

– Пойдем, – тихо сказал Брюс и, опираясь на Викторию, придерживавшую его за талию, направился к выходу из гостиной.

– Ты правда выйдешь за меня? – еле слышно спросил Брюс.

– Да, но лучше молчи, не трать силы.

– Но ведь ты говоришь это не из жалости ко мне и чувства долга?

– Нет, конечно, но пока что нам нужно выбраться отсюда. Детали свадьбы обсудим позже.

– Как скажешь. Вик, что это там впереди? – спросил Брюс и резко остановился.

Девушка, смотревшая до этого только себе под ноги, чуть не упала от резкой остановки, но все же смогла удержать равновесие. Подняв голову, она увидела, что возле двери начала скапливаться черная масса. Постепенно она росла, превращаясь в гору, из которой уже начал вырисовываться человеческий силуэт.

– О нет, только не это! – простонала Вика, – скорей, пойдем через другую дверь.

Как могли быстро, они развернулись и направились назад, спеша покинуть дом через заднюю дверь.

– Но, что это было?

– Неважно. Потом расскажу, – ответила Виктория, поняв, что Брюс, скорее всего, не помнил ничего из произошедшего и даже не подозревал, что лишало его сил.

В гостиной на полу все еще лежал фонарь, благодаря чему они смогли пересечь комнату довольно быстро, но оказавшись на кухне, Виктория поняла, что дела их обстоят плохо. Сюда перенесся тот же смрад, что стоял в спальне, а температура упала на несколько градусов вниз.

«Слишком поздно», – пронеслось у нее в голове прежде, чем она увидела темную фигуру, уже приобретшую очертания мужчины и стоявшую возле выхода из кухни. Красные глаза призрака смотрели прямо на девушку и стоило той открыть рот, чтобы предупредить Брюса, как черная сущность в мгновение ока оказалось рядом с ними и, как нож входит в мягкое сливочное масло, так и она беспрепятственно проникла в Брюса.

Поначалу Виктория не поняла, что случилось, но заметив, как кожа мужчины начала темнеть и превращаться в черную, выпустила его руку и в ужасе отшатнулась. Брюса трясло, глаза закатились, а голова оказалось неестественно запрокинутой назад. Казалось, что у него начался эпилептический припадок, но только черные волны, проходившие под его кожей, словно спины угрей под гладью воды, красноречиво говорили о том, что припадок этот никак не связан с болезнью.

– Брюс, нет! Не забирай его, прошу! – взмолилась Виктория и слезы хлынули у нее из глаз, а сердце сжалось от боли, видя, как страдает тело ее любимого.

Брюс рухнул на колени и, схватившись руками за голову, завыл, как раненый зверь.

Девушке показалось, что сейчас он оторвет себе голову или по меньшей мере вырвет волосы, так сильно и неистово он вцепился в нее руками, но ничего из этого не произошло. Мужчина продолжал биться в истерике, вскоре упал на спину, а все его тело сотрясали жуткие судороги, от которых он то скручивался, то выпрямлялся, то что есть сил бил ногами по полу, то вдруг затихал и лежал неподвижно, как покойник.

Девушка рыдала и тянула руки к мужчине, но тот только отодвигался от нее, как от прокажённой. Понимая, что она не в силах сейчас помочь ему, Виктория только молила: «Борись, Брюс! Прошу! Не сдавайся! Не дай ему завладеть тобой!».

Когда наконец мужчина затих и перестал биться, как пойманная в сачок рыба, Виктория медленно подобралась к нему. Она была уверена, что все кончено, ведь спина мужчины не вздымалась от вдохов и выдохов, а стоны и крики прекратились. И все же надежда теплилась в ней и, оказавшись рядом с лежавшим на животе мужчиной, она перевернула его на спину.

Лицо Брюса выглядело спокойным и невозмутимым, как если бы он попросту заснул. На щеке виднелась царапина, оставленная, по всей видимости, им же самим во время судорог, а рубашка оказалась разорванной по швам в нескольких местах.

Виктория с любовью провела по дорогому ее сердцу лицу Брюса рукой и с нежностью поцеловала его в лоб. Хоть она и не слышала его дыхания и уже почти перестала надеяться, девушка все же приложила ухо к его груди и тут с удивлением обнаружила, что различает еле слышное сердцебиение, правда, весьма редкое.

– Неужели ты победил его? – воскликнула она и, прислушавшись еще раз, убедилась, что слабый ритм есть, а значит и надежда не потеряна.

В школе вождения ее учили оказывать первую помощь, и теперь девушке представилась возможность опробовать свои знания на практике. Надеясь, что делает все правильно, она положила обе свои ладони на грудь Брюса и принялась делать массаж сердца, прерываясь только, чтобы вдохнуть ему воздуха в легкие, после чего вновь продолжала ритмично нажимать на его грудную клетку. Виктория не столько верила в свои собственные силы и умения, как просто отказывалась сдаваться и, когда она уже почти не чувствовала рук от усталости и перенапряжения, девушка вдруг заметила, что грудь мужчины начала подниматься чаще, а через несколько секунд он и вовсе открыл глаза.

– Брюс! – бросилась к нему Вика и осыпала его лицо поцелуями вперемешку со слезами радости и облегчения.

– Милая! – тихо сказал он, – все хорошо. Теперь все хорошо. Не плачь!

– Да, я знала, что ты одолеешь его.

– Это было не так сложно, – признался ей Брюс и еле заметно улыбнулся.

– Он больше не вернется?

– Думаю, что нет. Давай, попробуем встать.

Виктория обняла мужчину за плечи и придерживала все время, пока он вставал и неуверенно делал первые шаги.

– Такие странные ощущения, – сказал он, ступая.

– Странные? – удивилась Виктория, – ты просто устал.

– Да, конечно. Лучше пойдем отсюда.

– Ты уверен? Сможешь дойти до машины?

– Да. А ключи у тебя? – спросил Брюс.

– Вот, – ответила девушка и показала их мужчине, – нашла их в любимой вазочке твоего отца. Ох, бедняга Эван, нужно спешить.

– Согласен, – ответил мужчин и, взяв ключи из рук Вики и внимательно посмотрев на них, сжал в ладони, – пойдем, времени у нас действительно не так много.

Встав впереди Виктории, мужчина взял ее руку в свою и повел девушку к выходу из кухни, ведущему в гараж, а оттуда на свободу, прочь из этого дома.

Холодный дождь и резкий порыв ветра тут же напомнили Виктории, что на дворе зима, а ее пальто осталось в спальне на верху. До машины оставалось всего несколько метров, а потом они бы отправились к соседям за помощью и весь кошмар сегодняшней ночи остался бы почти что позади, не считая раненого Эвана, конечно. Уж ему-то нужно срочно отправиться в больницу. Виктория от всего сердца надеялась, что с ним все окажется в порядке, и смертельных повреждений он все же не получил.

Дойдя до автомобиля, Брюс остановился.

– В чем дело? – спросила Виктория, сжавшись от холодна и дождя. Ей не терпелось укрыться от непогоды в машине, и она с удивлением посмотрела на мужчину рядом.

Брюс стоял, глядя в даль, словно глубоко задумался о чем-то. Его лицо в свете луны выглядело беспристрастным, лишенным всяких эмоций, а капли дождя, стекавшие по щекам, казалось, вовсе его не беспокоили.

– Брюс! – окликнула его девушка и легонько дернула за руку, – ты в порядке?

– Ммм…да, – через некоторое время отозвался он, но с места не сдвинулся, а странное выражение не покинуло его лица.

– Нам нужно ехать и как можно скорее. Залезай в машину! Если хочешь, я сяду за руль, – предложила Виктория.

Брюс закрыл глаза и сделал глубокий вдох, а открыв их, пристально посмотрел на девушку и, развернувшись, пошел прочь от машины, продолжая держать за руку Вику и тащить ее за собой.

– Брюс! Что случилось? Куда ты? – удивилась Виктория.

– Нужно завершить одно незаконченное дело.

– Какое еще дело? Нам необходимо выбраться отсюда и вызвать помощь твоему отцу!

– Да.

– Ты с ума сошел? – почти что кричала Виктория, еле поспевая за мужчиной. Его хватка сделалась еще сильнее и начала причинять боль девушке. Теперь и ее второе запястье, свободное от браслета, подвергалось пытке, – ты делаешь мне больно! Отпусти!

Брюс не ответил и продолжил идти прочь от дома по направлению к полям и видневшимся вдали черным силуэтам холмов.

– Куда мы идем? – не унималась Виктория, чье сердце вновь заколотилось через чур быстро, а нехорошие подозрения закрались в душу.

– Да, замолчишь ты уже или нет! – рявкнул Брюс и, остановившись на секунду, влепил девушке пощечину, после чего резко развернулся и снова потащил ее вперед, не обращая внимания на сопротивление Вики сзади.

Слезы обиды и боли выступили на глаза девушки и тут же смешались с дождем. Еще ни разу в жизни мужчина не поднимал на нее руку, а в этой ситуации она и понять не могла, за что ее ударили. «Господи, что, если он тронулся умом?», – подумала Вика и испугалась еще больше, предположив, что, рана на голове Эвана, возможно, также дело рук Брюса.

Виктория начала в панике оглядываться, ища глазами что-нибудь, что могло бы помочь ей остановить мужчину и сбежать от него: какое-то оружие или что-то еще, но не могла ничего различить.

Ее шерстяной свитер вскоре промок и стал таким тяжелым и холодным, что каждый шаг давался ей с трудом, а ботинки начали утопать в размытой земле, но это не останавливало Брюса, продолжавшего упорно идти вперед.

«Что же мне делать? Что делать?», – лихорадочно соображала девушка, но мысли ее путались, а слабость начала овладевать всем телом. Ей вдруг захотелось послать все к чертям собачьим, рухнуть где-нибудь здесь, закрыть глаза и на какое-то время отключиться, забыв об ужасах прошлого, о которых она недавно узнала, о сумасшедшем возлюбленном и промозглом холоде зимней шотландской ночи.

– Почти пришли! Скоро, моя дорогая, очень скоро! – громко сказал Брюс и раскатисто рассмеялся, как не смеялся еще никогда при ней.

– Куда мы идем? – решила еще раз спросить Виктория и на всякий случай приготовилась к возможному удару, но его не последовало. Вместо этого Брюс остановился и повернулся к ней лицом.

Увидев его бешеный, горящий взгляд, девушка испугалась и слегка отодвинулась от мужчины, не в силах понять, что с ним происходит.

– Туда, где все началось, красавица, – с этими словами он подошел к девушке и притянул ее к себе за талию, – Беатрис, как долго я ждал этой встречи, и, вот, через столько лет она все же произошла.

Прижавшись губами к губам ничего не понимавшей Виктории, Брюс попытался поцеловать ее, но девушка начала сопротивляться. Это был не Брюс! Не ее Брюс!

– Ты… ты – это он? – в ужасе спросила она, догадавшись, что могло случиться, – ты завладел телом моего Брюса?

Мужчина рассмеялся и весело посмотрел на Вику.

– Ну, наконец-то ты, милая, поняла! Брюса твоего больше нет! Последнему ублюдку Беатрис пришел конец. Как же хорошо, что этот идиот подарил браслет именно тебе, чем и пробудил меня к жизни. Видишь ли, между нами всеми есть связь, которой ты так и не увидела. Вы оба выпустили джина из бутылки, влюбившись друг в друга, не осознавая, кем являетесь на самом деле.

– Но, ведь Брюс – это и твой потомок! Ведь ребенок Беатрис – был твой! Ты убьешь своего последнего живого родственника, – закричала Виктория.

Лицо Брюса перекосилось от ярости, он уже замахнулся, чтобы ударить девушку, но остановился и, развернувшись, бросил сжатые до этого в кулаке ключи от автомобиля куда-то далеко в поле, после чего просто продолжил идти дальше. Найти ключи теперь не представлялось возможным и сердце Виктории еще больше упало от этой мысли.

– Это не имеет значения. Ничто уже не имеет значения. Я должен избавиться от всего, что осталось от нее. А тебя, моя кроха, заберу с собой, чтобы мне было с кем коротать вечность! – сказал Брюс, не оборачиваясь.

Виктория еще раз осмотрелась, силясь понять, где они находились и, увидев впереди темный силуэт старого раскидистого дуба, поняла, что они подошли к месту, где еще недавно она и Брюс придавались любви. К тому самому дереву, где Беатрис и Виктор лежали рядом, и где они вырезали инициалы своих имен, до сих пор белевшие на темной и шершавой коре дерева.

«Это какой-то бред! Я ведь не верю во все эти байки о призраках! Это же чушь полная! – вдруг подумала Виктория, не желая доверять собственным чувствам и глазам, – Он просто спятил! Брюс сошел с ума! Накинулся на своего отца, а сейчас и меня хочет убить.

Возможно, окурил меня наркотиками, чтобы вызывать галлюцинации о прошлом и том черном существе. Вика, ты же умный человек с рациональным складом ума к тому же атеист! Включи же свой мозг и действуй!».

Решив взять ситуацию под контроль и забыть на какое-то время о странных обстоятельствах и том, что ей недавно удалось пережить, Вика, набравшись смелости, решила подыграть Брюсу или тому, кем он себя возомнил.

– Но, постой, мы же можем быть счастливы вместе. Ты и я! Как ты и хотел! – как можно ласковее обратилась Виктория к Брюсу.

Мужчина остановился и оглянулся на девушку. Его недоуменный взгляд явно говорил о том, что у Вики появился шанс.

– Ты ведь так желал, чтобы я осталась в Англии и жила с тобой. Я согласна. А почему нет? Мне нравится здесь, и ты… – девушка сделала шаг на встречу к Брюсу, – ты – тот, кого я всегда искала.

Виктория потянулась к мужчине и нежно поцеловала его в губы, показавшиеся ей холодными и твердыми, как камень. Рука Брюса слегка расслабилась и боль в зажатом до этого запястье девушки тут же уменьшилась.

– Наша встреча произошла не с проста, и ты вернул мне те воспоминания, о которых я забыла. Сейчас мы оба здесь и судьба дает нам второй шанс. Не стоит отвергать его.

Мужчина продолжал молчать и тупо смотрел на Викторию, старавшуюся изо всех сил выглядеть как можно более искренней и неиспуганной.

– Я выйду за тебя замуж и останусь навсегда с тобой и в печали, и в радости, и в богатстве и бедности…

– Да-да… пока смерть не разлучит нас. Но, Беатрис, она нас уже разлучила! Я уже мертв! Это тело даст мне жизни на несколько дней, а потом я вновь покину его и… тебя.

– Но почему?

– Ты сама наложила на меня заклятье, я не могу ни уйти из этого мира, ни остаться в нем.

– Но, если я наложила, то смогу и снять. Просто нужно узнать, как. Уверена, что смогу что-нибудь придумать.

– Боюсь, что нет, моя милая. На этот раз я удостоверюсь, что ты уйдешь первая.

«Черт, не особо у меня получается», – подумала Виктория и вновь почувствовала, как мужчина крепко взял ее за руку и повел вперед к старому дереву, ветви которого при порыве ветра издавали скрипы, напоминавшие человеческие крики и стенания.

– Вот мы и здесь, – сказал Брюс, остановившись под деревом.

Виктория молча смотрела на голые ветки дуба и могла только гадать, что собирался делать с ней мужчина. Если это всего лишь соитие, то черт с ним, она переживет это и потом, если он ее отпустит, просто вычеркнет это воспоминание из своей жизни, но если он задумал убить ее, то дела плохи. Она думала ударить Брюса и, если он ослабит хватку, попытаться сбежать от него, но рука с браслетом на ней почти что онемела от боли. Виктория и так еле управляла ей, что уж говорить об ударе. Она бы просто не смогла его осуществить, к тому же убежать с такой слабостью по топкой и вязкой земле оказалось бы непросто. И, как назло, сильный кашель начал сотрясать тело девушки, от чего она согнулась чуть ли не пополам.

«Этого не должно было произойти со мной! – думала Виктория, – Из всех иностранцев мне попался псих, если не маньяк».

Брюс тем временем одной рукой расстегнул пряжку ремня и вытащил его из брюк.

– Иди сюда, красавица, – сказал он, – теперь-то ты ответишь за все.

Виктория в ужасе отшатнулась. Она смотрела на лицо Брюса, но вместо его глаз в глазницах мужчины горели красные огни. Как от потухавших углей костра, от них исходило красно-оранжевое зловещее сияние и, как показалось девушке, глаза жаждали крови, что смогла бы потушить их огонь.

– Нет, Брюс, пожалуйста, не делай этого! – взмолилась Виктория.

– Твоего Брюса тут нет! – сказал мужчина и, крепко сжав ремень в одной руке, подтянул девушку к себе, – что ж приятно было вновь увидеться, дорогая, жаль, что при таких обстоятельствах.

Злая ухмылка перекосила лицо мужчины, что сделало его еще более похожим на покойного полковника Бэйли, увиденного Викторией в воспоминаниях Беатрис. Мужчина ловко накинул ремень на горло девушки и, наконец отпустив ее руку, начал медленно стягивать его, желая продлить агонию Вики на как можно более долгий срок.

Лишившись воздуха, девушка рухнула на колени и тут же схватилась плохо слушавшимися руками за горло. Она пыталась просунуть непослушные пальцы под ремень и таким образом задержать удушение, но у нее мало что получалось. Брюс возвышался над ней, как скала. Его бесстрастное лицо вновь стало невероятно бледным, или же девушке это всего лишь показалось и лунный свет придал ему такой вид.

Тем не менее ей вдруг послышалось, что с губ мужчины сорвался стон: «Вик…»

Выпученными, как у рыбы, глазами, пытаясь сделать вдох, Виктория также силилась понять, слышалось ли ей или же из приоткрытого рта мужчины и вправду доносился звук.

– Вик… – вновь услышала она, но все ее силы уходили на борьбу с ремнем за глоток воздуха, и вскоре она уже перестала придавать значение всему остальному.

– Вик… я не могу… сопротивляться… ему… – еле слышно выдавил из себя Брюс, – прости…

Но эти слова остались неуслышанными Викторией, начавшей проваливаться в небытие. В глазах потемнело, в ушах стоял звон, а ощущение собственного тела вдруг куда-то пропало. Ватные руки сделались и вовсе неуправляемыми и вскоре опустились. Лишь гулкий ритм сердца отдавался у нее в ушах и висках, тогда как все остальное попросту перестало существовать.

«Это просто сон… – подумала Виктория и сама удивилась четкости своих мыслей, – это все не по-настоящему». Перед ее мысленным взором пронеслись некоторые воспоминания из ее собственной жизни: ласковое лицо матери, добрая улыбка отца, ее первый день в школе, первая любовь в университете, голубые, как озера, глаза Кирилла. Все это было так давно, словно в другой жизни. Дорогие ей люди, места, где она побывала, ощущения, которые довелось пережить казались сном. Все это вдруг завертелось, закружилось, унося девушку с собой, но ярче всех неожиданно выступило лицо женщины, показавшейся Виктории знакомой. Она вроде бы знала ее, но не могла вспомнить где и при каких обстоятельствах встретилась с ней. Женщина смотрела на Вику и улыбалась. От ее улыбки на душе у Виктории сделалось хорошо и спокойно. Темные глаза с сеточкой морщин под ними с любовью глядели на Вику, а рот приоткрылся в улыбке. Женщина засмеялась и приложила руку к своему животу, словно он у нее заболел, но при этом лицо ее оставалось счастливым. Губы ее зашевелились, но Вика не могла разобрать слов, как ни старалась. Вдруг краски начали блекнуть, размывая лицо женщины и унося с собой все воспоминания

Виктории, стирая их, словно тех никогда и не существовало. Последнее, что увидела девушка, это губы женщины, продолжавшей говорить что-то. Поняв наконец, что она все это время силилась сообщить, Виктория резко открыла глаза.

Она продолжала стоять на коленях, но руки ее уже опустились, и она вовсе перестала сопротивляться удушению. Ремень все также стягивал ее горло и еще чуть-чуть и попросту сломал бы шею, но руки девушки, словно по волшебству, поднялись и ухватились за руки Брюса, от чего мужчина удивленно посмотрел на Вику, которую уже считал почти что мертвой.

Виктория бросила бешеный взгляд на мужчину и с силой вцепилась в его запястья, впиваясь ногтями в самую кожу. Рука с браслетом начала пульсировать, кровь в ней побежала быстрее, от чего девушке стало жарко, не смотря на холод и промозглость ночи. Яркие камни начали издавать слабое свечение, как если бы оказались подсвечены чем-то изнутри. Словно алые капли крови они начали багроветь и становиться все ярче, наполняя браслет и руки девушки жизнью и небывалой силой.

Увидев, что происходит, мужчина ослабил хватку и Виктория смогла сделать вдох, обжегший ее горло и наполнивший легкие долгожданным воздухом. Она не могла сказать ни слова, так как в горле у нее пересохло и жгло огнем, но тем не менее она продолжала смотреть прямо в глаза Брюсу, и ее взгляд говорил громче, чем слова. Она знала, что сильнее его. Знала, что ему не победить, и знала, что в ее руках сейчас сосредоточена вся сила, что хранили потомки Беатрис.

«Тебе конец, ничтожество», – говорил взгляд девушки, и мужчина, отпустив ремень, попытался разнять руки Виктории, державшие его, как кандалы, но у него ничего не вышло.

Его собственные руки начали гореть огнем, исходившим, казалось, из переливавшего всеми оттенками красного браслета. Пламя медленно проникало к нему в тело, нагревало кровь, и она горячим потоком неслась прямо к нему в сердце, обжигая и жаля его.

– Нет… – сказал он, в ужасе глядя, как Виктория встает с колен и, смотря прямо ему в глаза, приближается к нему.

Они вместе сделали пару синхронных шагов назад, и он уперся спиной в ствол дерева. Дальше бежать некуда: мужчина оказался в ловушке. Колдунья вновь одолевала его, снова он не в силах сопротивляться ее чарам.

– Пощади, – прошептал Брюс, но Виктория не услышала его. Перед собой она видела лицо Рэндольфа Бэйли. Бледное, без шрамов, лицо измученного человека. В нем не осталось больше зла, только скорбь, и Виктория чувствовала это, как и то, что она в силах даровать ему долгожданную свободу. В ней не было злости на него, а лишь жалость и боль.

Но гранаты и рубины в браслете начинали меркнуть. Их свет больше не обжигал ни ее, ни его. Вика разжала руки и отпустила запястья мужчины. Тот, не в силах больше стоять на ногах, упал, схватившись за сердце. В груди у Брюса жгло, как никогда раньше, слово целый рой ос жалил его в самое сердце. Дышать стало больно, а пред глазами поплыли разноцветные круги. Мужчина закрыл глаза и, стиснув зубы, молча терпел боль, начавшую потихоньку отступать. Из его ушей, глаз, рта и носа сочилась кровь, темнее, чем обычная, почти черная. Густым, вязким потоком она уходила прямо в землю, в корни старого раскидистого дуба, под которым он в детстве так любил греться на солнышке.

Обессилевшая Виктория тоже опустилась на колени. Глаза ее закрылись, и она тяжело задышала. Ей сделалось жарко и холодно одновременно, но какое-то небывалое чувство легкости странным образом наполнило ее тело. Боль в правом запястье отступила, и

застежка браслета открылась сама по себе. Изящное украшение соскользнуло с руки девушки и упало на мокрую от дождя землю. Белесого цвета серебро и прекрасного гранения камни начинала покрывать грязь и старинное изделие уже не казалось столь красивым, а выглядело скорее потускневшим и каким-то… мертвым.

Вика легла на холодную мокрую землю рядом с Брюсом, положив свою голову мужчине на грудь. «Раз – два…раз-два» услышала она медленный ритм его сердца, и это успокоило девушку. Ей резко захотелось спать, и она с невероятной легкостью представила себя дома, в родной постели, под теплым одеялом. Холод стал отступать и сильная дрожь унялась. «На подушке мягко, а в привычной кровати уютно. И пусть за окном барабанит дождь. Какая мне разница? – думала Вика, – Я ведь дома в тепле и комфорте. Можно немного поспать и набраться сил, а о завтра, если оно когда-нибудь наступит, беспокоиться пока не стоит. На то оно и завтра, а пока лишь отдых и долгожданный сон».

Глава 17.

Дискомфорт в животе выдернул Викторию изо сна. Ей казалось, что ее живот пронзили ножом, но, конечно, ничего подобного не произошло. Веки девушки сделались тяжелыми и опухшими, отчего ей стало тяжело фокусировать взгляд. Она отлично помнила, что произошло, но события ночи казались ей сейчас какими-то сюрреалистичными.

– Брюс… – хрипло прошептала Виктория, увидев мужчину, лежавшего рядом с ней.

Все лицо мужчины было в крови, словно кто-то нанес ему серьезный удар, но раны Виктория не заметила.

«Нужно встать и идти за помощью», – подумала девушка, но слабость и боль оказались сильнее ее, и все, что ей удалось, так это сесть и опереться спиной о ствол дуба. Просидев несколько минут под деревом, не шевелясь, девушка вновь открыла глаза и огляделась по сторонам. Она не могла сказать с уверенностью, но ей показалось, что возле дома отца Брюса засверкали огни. Стена из дождя мешала ей разглядеть, что точно там происходило, но она надеялась, что это не ее воображение, а свет фар автомобилей.

«Значит, Джимми, все же привел помощь», – облегченно вздохнула девушка, но тут же поняла, что здесь, под деревом, подмога к ним вряд ли подоспеет быстро. Никто не станет сразу искать их тут, а потерянное время может обернуться трагедией для нее и Брюса. Набрав воздуха в легкие, она попыталась крикнуть и дать знать о себе, но с ее губ сорвался только тихий стон, который никто не услышал. Виктория попробовала еще раз, но ничего не вышло. Она оказалась слишком слаба, да и голос куда-то пропал, вероятно, после удушения.

Оставалось либо ждать, либо все же встать и идти к дому. Понимая, что это ее шанс, Вика встала, держась одной рукой за ствол дерева, а второй за живот. Ее сильно шатало и мутило от боли, но она все же сделала первый шаг, затем второй. Ступала она медленно и осторожно, боясь поскользнуться на мокрой земле и упасть, после чего уже вряд ли встала бы без посторонней помощи. Робко она пошла вперед, смотря только себе под ноги. В голове крутилась глупая детская считалочка, услышанная ею в детстве. Виктория сама не могла понять, откуда она вдруг взялась, но решила, что лучше уж повторять детские стишки, нежели думать о боли и предстоящем, отнюдь не столь коротком, пути.

Девушка остановилась лишь однажды, на пол пути до дома. Она подняла голову и посмотрела в правильном ли направлении двигалась и сколько ей еще идти. Несколько приободрившись, стиснув зубы, она продолжила путь вперед. Когда до задней двери дома оставались считанные шаги, она услышала вой сирены скорой. На сердце у нее сразу стало легче, ведь Вика надеялась, что врачи обязательно окажут помощь Эвану и спасут его. О том, что ей также необходима срочная госпитализации она даже не думала, полагая, что теплый чай и пара таблеток парацетамола сделают свое дело. Неожиданно луч света осветил размытую и скользкую дорожку перед ней, а также и саму Вику.

– Мисс, с вами все в порядке? – услышала Виктория мужской голос. Девушка подняла руки, чтобы защитить глаза от света, и разглядела несколько силуэтов, подбегавших к ней.

– Скорее, в машину ее и в больницу, – сказал кто-то рядом с ней.

– Там… – прохрипела Вика, пытаясь сообщить им о Брюсе, – под дер…

– Все хорошо. Не переживайте. Мы позаботимся о вас. Носилки сюда, быстрее!

Чужой голос не хотел слушать ее тихие хрипы. Все, чего желали эти люди – это побыстрее оказать ей медицинскую помощь. «Но как же Брюс? Как они узнают о нем?», –

думала Вика, когда ее негнущееся тело уложили на носилки, накрыли одеялом и отнесли в машину скорой помощи. Девушка беспомощно озиралась по сторонам, пытаясь сообщить хоть кому-то об оставшемся под старым дубом мужчине, но все только суетились вокруг нее и других носилок, по всей видимости, с Эваном, которые грузили в другой автомобиль скорой.

В стороне Виктория заметила Джимми с несколькими незнакомыми ею людьми, вероятно, соседями Эвана. Все они испуганно смотрели на Вику.

– Джимми… – просипела Виктория и на нее наконец-то обратила внимание медсестра, занятая до этого капельницей.

– Да, ваш друг вызвал скорую. Можете поблагодарить его за это потом.

– Позовите… – простонала Виктория.

Удивленно посмотрев на полуживую россиянку, медсестра передёрнула плечами и, оглядевшись по сторонам, выскользнула из машины и, пока никто не видел, подбежала к Джимми.

Уже через мгновение молодой индус стоял возле Виктории и с беспокойством смотрел на ее измученное лицо.

– Ох, Виктория, ну и ну… я не знал, что все так получится, иначе не оставил бы тебя одну в этом доме, – первое, что он сказал. Совесть мучила его на протяжении всего пути до соседей, а после вновь до дома Виктории. Он знал, что поступил неправильно, покинув девушку в том странном доме, но ничего не мог поделать с собой и своим страхом. То, что он пережил там, не поддавалось объяснению, и он не хотел вновь столкнуть с чем-то подобным.

– Брюс… он там, – еле слышно сказала Виктория.

Не расслышав ее, Джимми наклонился к самым ее губам, и девушка еще раз прошептала ему о Брюсе.

– Эй, а он что тут делает? – раздался громкий голос врача, увидевшего Джимми в фургоне скорой, – нам нужно срочно доставить ее в больницу. Пожалуйста, покиньте автомобиль.

– Но она говорит, что тут остался еще один человек.

– Мы пока больше никого не нашли. Полиция на пути сюда вместе с еще одной бригадой скорой помощи. Если там кто и остался, то им обязательно помогут, а сейчас нам нужно ехать. Навестите ее в больнице, если хотите.

Джимми вышел из скорой и молча наблюдал, как Виктории одевают кислородную маску, после чего двери машины закрылись, и она тронулась с места. Он еще какое-то время простоял там, не мигая глядя вслед уезжавшему автомобилю, и гадая, что же пришлось пережить этой бедной девушке за сегодняшнюю ночь. Джимми искренне надеялся, что она поправится, но вот узнать о том, что на самом деле произошло в доме, ему вовсе не хотелось. Пусть все это лучше останется тайной, о которой никто никогда не узнает.

Из оцепенения Джимми вывела полицейская машина, подъехавшая к дому. Опомнившись, парень побежал к выходившему из автомобиля полицейскому. Ему хотелось сообщить о Брюсе, который находился где-то неподалеку и, как надеялся, Джимми был все еще жив.

Открыв глаза, Виктория долго не могла понять, где она находилась. Светлые стены, специфический запах и кровать, в которой она лежала, явно говорили в пользу больницы, но

что она тут делала? Она еще помнила черную фигуру в спальне Брюса, раненого Эвана, красные глаза мужчины, душившего ее, резкую боль в животе, но все это казалось ей сновидением. Страшным кошмаром, просто-напросто приснившемся ей. Да и могло ли такое произойти на самом деле? Нет, конечно. И тем не менее она находилась в больнице, правда, о том, как ее сюда доставили, она ничего не помнила.

– Есть тут кто-нибудь? – позвала она, но голос ее прозвучал очень тихо. Так, словно это и не она вовсе.

– Мисс, вы проснулись? – спросил кто-то слева от нее.

Посмотрев в сторону, откуда раздался голос, Виктория обнаружила, что лежала в палате не одна. Ее соседкой оказалась пухленькая старушка лет семидесяти. Не смотря на желтоватый цвет лица и темные круги под глазами, женщина приветливо и даже радостно улыбнулась ей.

– Все в порядке, дорогая. Не волнуйтесь. Вы выглядите такой испуганной, – сказала женщина.

– Где я? – спросила Виктория, – что случилось?

– Мы в больнице Святого Луки. Вас перевели в эту палату только сегодня утром.

– Мне нужно поговорить с кем-то из персонала, – сказала Виктория и попыталась сесть в кровати. Ей хотелось как можно быстрее встать и покинуть это место. Больницы она не любила с детства. Однако канюля тут же впилась ей в руку, причинив сильную боль, а мышцы заныли, как после длительной тренировки.

– Не надо, что вы! Осторожнее. Смотрите, слева от вас есть звонок. Нажмите на кнопку, и сестра подойдет, – объяснила ей старушка.

Осмотревшись, Виктория нашла звонок и нажала на него. Меньше, чем через минуту, в палату вошла сестра и, увидев, что девушка пришла в себя, радостно улыбнулась.

– Как хорошо, что вы проснулись, – продолжая улыбаться, ласково сказала она и подошла к Виктории, – так, давайте проверим вашу температуру.

– Но что случилось? Как долго я тут? – спросила Вика, ведь ей не терпелось узнать, что же с ней произошло на самом деле.

– Сейчас, – ответила сестра и взяла больничную карту Виктории, висевшую рядом с ее кроватью, – вы поступили к нам тридцатого января, а сейчас у нас второе января.

– Что?! Я здесь уже несколько дней? Но я ничего не помню, – испугалась Виктория.

– Вам нельзя переживать. Я сейчас позову доктора, который вам все объяснит. Температура, кстати, в норме, что уже хорошо. Погодите минутку, я сейчас вернусь.

С этими словами медсестра покинула палату, оставив Викторию и ее соседку одних. Решив узнать хоть еще что-то у старушки, Вика повернула к ней голову и уже открыла рот, чтобы задать вопрос, но тут увидела, что женщина уснула: ее веки были плотно сжаты, а грудь медленно вздымалась. Подумав, что не стоит ее будить, Виктория перевела взгляд на потолок, силясь понять, что из ее воспоминаний являлось правдой, а что игрой воображения. Вспомнились картины из прошлого: Беатрис, Виктор, их запретная любовь и то, что они совершили с полковником Бэйли. Все это никак не укладывалось в голове у девушки. Как она вообще могла помнить о таких вещах? А то, что Брюс, ее Брюс – любимый и такой милый, пытался убить ее?! Или это все же был не он, а полковник в его обличие? А Эван? Что стало с ним?

Не зная, что и думать, Виктория вдруг поняла, что уже несколько дней не общалась с родителями и, уж конечно, не поздравила их с Новым Годом. «Боже, они, наверное, с ума

сходят», – подумала девушка и закрыла глаза, чтобы хоть как-то успокоить саму себя. Ей не терпелось позвонить им и сообщить, что с ней все хорошо, иначе, они поднимут на уши посольство Великобритании в России.

«Нужно добраться до телефона, как можно скорее, а также узнать, когда я смогу выписаться. Хотя… куда мне идти после этого? Разумно ли возвращаться домой к Брюсу? Или проще пожить в отеле? А, может, сразу же отправиться в аэропорт и оттуда домой? Ох, Брюс, знать бы еще, что с тобой все в порядке…»

– Мисс Виноградова? – послышалось где-то рядом, и Виктория открыла глаза.

Перед ней стоял врач и несколько озабоченно смотрел на нее.

– Как вы себя чувствуете? – с легким шотландским акцентом спросил он. После чего подошел и взял девушку за запястье, чтобы измерить пульс.

– Вроде бы неплохо, но у меня столько вопросов…

– На которые вы получите ответы, не сомневайтесь. Всему свое время.

Врач присел на стул рядом с больничной койкой Виктории и вновь обратился к девушке.

– Вы не могли бы назвать свое имя и дату рождения?

Виктория удивилась вопросу, но догадалась, что он, скорее всего, хотел проверить, все ли у нее в порядке с памятью, и она без каких-либо затруднений ответила на его вопрос.

– Так, это хорошо. А можете ли вы вспомнить, почему и как оказались в доме мистера Эвана Бухана?

– Я поехала туда на нанятом такси. Мне нужно было найти Брюса. Он мой бойфренд. Мы с ним вроде как повздорили накануне, и я решила, что он поедет к отцу.

– Хорошо. Приехав к мистеру Бухану старшему, вы обнаружили там Брюса Бухана?

– Да, он был в спальне наверху без сознания, а его отец лежал на полу с раной на голове. Я точно не знаю, что случилось. Как он? Я имею ввиду Эвана? И как Брюс? С ними все в порядке?

– Не торопите события. Пожалуйста, давайте продолжим. Вы говорите, что нашли Брюса в спальне. А каким образом он и вы оказались на улице?

– Мы…. – Вика замялась, не зная, стоило ли ей говорить правду, – мы хотели отправиться за помощью.

– Хм, понятно.

Врач прекратил задавать вопросы и начал делать заметки у себя в блокноте, Виктории же хотелось поскорее узнать, что случилось с обоими мужчинами.

– Доктор, так вы скажите, что с Брюсом и Эваном?

– Да, да, конечно. Брюс в порядке. Ему уже позвонили и сообщили, что вы пришли в себя. Думаю, что он прибудет с минуты на минуту. У него произошел приступ сердечной недостаточности и открылось обильное носовое кровотечение, но после двух дней в больнице, мы его выписали. С ним все будет хорошо. Конечно, он еще молод, но такие вещи случаются и с людьми гораздо моложе его. Надеюсь, вы сможете убедить его, что ему стоит начать вести исключительно здоровый образ жизни.

– Конечно, – на автомате ответила Виктории, даже не задумавшись о том, есть ли у нее и Брюса общее будущее, – а Эван? Что с ним?

Врач вздохнул и, сняв очки, пристально посмотрел на девушку, словно решал, сообщать ли ей плохую новость.

– По всей видимости, мистер Бухан старший потерял сознание и, упав с лестницы,

разбил голову. Полиция обнаружила следы крови внизу лестницы, а также на ступенях. По непонятным для нас всех причинам он вместе того, чтобы позвонить в скорую, решил подняться наверх, где снова потерял сознание. Других предположений у нас нет. Брюс Бухан сообщил нам, что весьма смутно помнит ту ночь и не знает, что именно произошло в доме его отца, но это вполне нормально, если учесть его приступ. К сожалению, мистер Эван Бухан скончался по прибытию в больницу, не приходя в сознание. Мне очень жаль.

После минутного потрясения Вика все же спросила врача:

– Но… вы уверены, что все произошло именно так? – в глубине души она боялась признаться самой себе, что старик мог пострадать от рук самого Брюса или же того, кто в ту ночь овладел его телом.

– Все говорит о том, что события развивались таким образом. Полиция подтвердила эту версию, но если вам известно больше, то вы вправе поговорить с ними. Я могу позвонить в участок и попросить их заехать.

– Нет-нет, это лишнее. Я так скверно себя чувствовала, что помню ту ночь, как в тумане.

– Неудивительно. Вы поступили к нам с температурой под сорок и сильным кровотечением, но не стоит беспокоится о ребенке: с ним все в порядке. Правда, сейчас вам нужен покой, чтобы восстановить силы.

Виктория не сразу поняла, что сказал врач и какое-то время тупо смотрела на него, пытаясь переварить только что услышанные новости.

– Ребенок? – спросила она и глаза ее округлились от удивления и испуга. Не отдавая себе отчета, девушка приложила руку к низу живота.

– Да, вы на втором месяце. Вы что, не знали?

– Я? Нет…

Кровь прилила к бледным щекам девушки, от чего те стали пунцово-красными. Ее сердце начало биться чаще, а на лбу выступили капельки пота. Заметив это, врач тут же взял ее за руку и попытался успокоить.

– Ну-ну, я и не думал, что вы не в курсе. Если это нежеланная беременность, то еще есть время прервать ее. Если же хотите сохранить ребенка, то вам просто следует беречь себе. Никаких проблем или осложнений после гриппа, который вы перенесли, мы не заметили, а кровотечение прекратилось два дня назад и не повредило плоду.

– Вы говорили об этом Брюсу? – спросила Вика.

– Да, конечно. Он также оказался весьма удивлен, но и, скажу вам честно, очень обрадовался.

– Не знаю, что и сказать. Для меня эта новость – настоящий шок. Я не планировала ничего такого.

– Виктория, такие вещи иногда сложно спрогнозировать. Все идет своим чередом и иногда нам нужно принять жизнь и события в ней такими, какие они есть. Что ж, я оставлю вас на какое-то время. Думаю, ваш молодой человек вскоре прибудет. Сестра проводит его к вам.

Виктория молча кивнула, не в силах произнести ни слова. Она никогда еще в своей жизни не чувствовала себя такой растерянной, как сейчас. Ребенок! Как гром среди ясного неба. И что ей теперь делать?

– Доктор! – окликнула Виктория врача, уже дошедшего до выхода из палаты.

– Да?

– Как долго мне нужно здесь находиться?

– Если все показатели окажутся в норме, то завтра днем сможете покинуть больницу. Отдыхайте.

С этими словами он ушел, оставив Викторию наедине со своими мыслями и посапывавшей поблизости соседкой.

«Как я могла не знать, что беременна? – подумала девушка, – это какой идиоткой нужно быть, чтобы не заметить такого?! И что мне теперь делать? Боже, как такое вообще могло случиться именно сейчас?».

Страх окутал все тело девушки и ее начала бить мелкая дрожь. Натянув одеяло до подбородка, она легла на бок и поджала колени к животу. Ей стало страшно и одиноко, как никогда в жизни. Виктория всегда любила детей, но никогда не задумывалась о том, чтобы завести своих. Да и куда ей сейчас ребенок? Без работы, без какого-либо плана на будущее, без мужа. Справится ли она? Вряд ли. Конечно, ее родители всегда придут на помощь, но стоит ли взваливать на них такую ответственность и бремя?

– Ох… – тихо вздохнула Виктория и закрыла глаза, решив, что лучшее, что она сейчас может сделать, это попытаться заснуть, а о проблемах она подумает чуть позже, когда первая волна шока спадет.

Девушка заснула на удивление крепко, словно провалилась в темную бездну, где ей было хорошо и уютно. Она не видела никаких четких и ярких снов, лишь размытые образы приходили к ней и тут же покидали Вику. Однако сквозь неясные сновидения к ней вдруг вернулось воспоминание о женщине, чье доброе лицо она видела в ту страшную ночь. Виктория вспомнила, как та держалась за живот и шептала ей, что все будет хорошо и теперь у нее есть сила, способная побороть любое зло, вставшее у нее на пути. Слезы сами собой побежали из глаз Вики, делая ее подушку влажной. Уже во сне она поняла, где видела эту женщину раньше: ее фотографии стояли на полке над камином в доме у Эвана. Женщина являлась матерью Брюса и в видениях Виктории выглядела точно так, как на старых снимках.

Девушка резко проснулась и почувствовала, что ее лицо мокрое от слез. Сердце билось быстро, а от понимания того, что она только что вспомнила, у нее слегка закружилась голова, хотя до Вики тут же дошло, что, возможно, ее физические недомогания все же больше связаны с беременностью, нежели с потусторонними силами.

– Проснулась? – спросил ее такой знакомый и когда-то столь любимый голос.

Виктория обернулась и увидела, что рядом с ее больничной койкой сидел Брюс. Он выглядел очень усталым и осунувшимся, но тем не менее его глаза смотрели на девушку с любовью, а губы тронула легкая улыбка.

– Виктория, я так рад, что с тобой все в порядке, – сказал он и тут же захотел взять ее за руку, но девушка отдернула руку и испуганно посмотрела на него.

– Что такое? – удивился мужчина.

«Неужели он не помнит, как пытался задушить меня?» – подумала про себя Виктория, силясь разобрать в его лице хоть каплю лицемерия и лжи, но видела лишь усталость и тревогу.

– Я… я просто еще не до конца пришла в себя, – ответила она.

– Понимаю, – сказал мужчина и смолк.

– Мне очень жаль твоего отца, – нарушила молчание Виктория, – он был хорошим человеком.

Брюс кивнул и слегка побледнел, от чего жилки на его висках показались темно-

синими, а не голубыми, как обычно.

– Спасибо. Я не раз пытался объяснить ему, что с выпивкой нужно завязывать. Но ты же знаешь этого упрямого шотландца! Всегда делал все так, как считал нужным. Врачи сказали, что даже поступи он к ним раньше, вряд ли они смогли бы помочь ему. Или же они просто хотят меня успокоить.

– Соболезную.

– Похороны завтра рано утром, так что я не смогу навестить тебя с утра. Надеюсь, это ничего?

– Не говори ерунды. Это я должна извиняться, что не смогу проститься с ним. Врач сообщил, что сможет выписать меня только завтра днем и то, если все показатели окажутся в норме.

– Это было бы замечательно. После похорон состоятся поминки в доме отца. Приедут соседи, друзья, родственники. Думаю, что лучше я заберу тебя после всего этого. Не к чему тебе сейчас лишние переживания.

– Но я… – Вика замялась. Она хотела сказать «хочу быть с тобой и поддержать тебя», но тут очередная волна недоверия накрыла ее с головой, и Вика решила промолчать.

– Все хорошо, лучше береги себя и… ребенка.

Виктория беспомощно улыбнулась. На какое-то мгновение она забыла, что беременна, и упоминание о ребенке пронзило ее, как стрела.

– Вики, – обратился к ней Брюс, – могу я спросить…эммм… почему ты не говорила мне, что беременна?

– Я и сама не знала, – простодушно ответила Виктория, но по слегка нахмурившимся бровям мужчины поняла, что он не слишком поверил ее словам.

– О том, что я в положении мне сегодня сказал врач, и я сама до сих пор в шоке. Я никак не планировала становиться матерью сейчас. Врач сказал, что еще есть время, чтобы сделать…ну…чтобы избавиться от ребенка.

И без того бледный Брюс сделался еще белее. Сглотнув, он внимательно посмотрел на Вику.

– И ты… ты хочешь сделать аборт? – спросил он.

– Я не знаю, чего хочу. Честно.

В палате воцарилось молчание. Слышалось только тяжелое дыхание соседки Виктории и тиканье часов на стене. Вике хотелось спросить, что сам Брюс думал о событиях той ночи и как объяснил бы свое поведение.

– Зачем ты тогда поехал в Шотландию? Почему не отвечал на мои звонки? – наконец задала вопросы девушка.

– Не знаю. Все как в тумане. Вся та ночь, когда скончался отец, как сон, который я с трудом могу вспомнить. Мы вроде как поссорились, и я просто сел в машину и поехал вперед. Знаю, что делал остановки и даже ночевал в мотеле, недалеко от Ливерпуля: выписка кредитной карты это подтверждает, но сам я толком ничего не помню. Потом я очутился в доме у отца. Понятия не имею, зачем мне понадобилось туда ехать. Может, почувствовал что-то неладное? Твоих телефонных звонков я не слышал. Наверное, я до этого отключил звук на мобильном, а потом уже и не смотрел на экран. Телефон так и остался лежать в бардачке моей машины, откуда я его достал, только когда меня выписали из больницы.

Брюс замолк, а взгляд его затуманился, словно он заново переживал недавние события.

– Потом я только помню, как нашел отца в спальне, лежавшим на полу. Видимо, я потерял сознание. Совсем как девчонка! Со мной раньше такого никогда не случилось. И потом пришла ты. Я помню, как мы спускались по лестнице: я нес отца на руках, а ты шла рядом. А дальше… снова провал. Вроде бы мы добрались до гостиной, где мне снова стало плохо. Но я совсем не помню, как и почему мы оказались на улице. Врач сообщил мне, что я лежал под тем старым деревом. Помнишь, мы там…были однажды, еще до Рождества?

Вика кивнула.

– Больше ни ничего не вспоминается? – спросила она, думая, стоит ли рассказывать ему свою версию. Вика вдруг начала сомневаться в себе. Что, если она все это придумала? Вдруг у нее помутился рассудок из-за стресса, болезни или из-за беременности? Она слышала, что такое иногда случалось с женщинами в положении, а иногда и после родов. Гормоны способны вытворять странные штуки.

Брюс покачал головой.

– Нет. А ты? Расскажи, что случилось тогда.

– Я… я сама все плохо помню. Я заболела и приехала в Шотландию с температурой. Мне жутко не здоровилось и боюсь, что часть моих воспоминаний – это просто бред, вызванный жаром и слабостью.

– О чем ты?

– Не столь важно.

– Но как мы оказались под тем деревом? Мне сказали, что ты тоже пришла оттуда.

– Ты сам меня повел туда, не смотря на мои протесты и попытки вернуть тебя к машине.

– Я? – искренне удивился Брюс, – я не помню ничего такого.

– Ты был не в себе.

– В каком смысле?

– Ты странно вел себя, несколько… эмм… агрессивно и говорил бессвязные вещи.

Брюс поменялся в лице. Он посмотрел на Викторию в ужасе, широко отрытыми глазами. Его до того бледные и впалые щеки залил ярко-красный румянец.

– Я не сделал тебе больно? Или еще чего-то такого?

Вика медленно повела головой из стороны в сторону, не переставая при этом смотреть прямо в глаза мужчине. Ей не верилось, что он ничего не помнил с той ночи, но судя по его растерянному взгляду, он все же говорил правду.

– Боже, Виктория, прости меня! Я честно не знаю, что тогда со мной произошло и что я делал. Но если я каким-то образом обидел тебя или сделал что-то плохое, то прости, пожалуйста.

Девушка тяжело вздохнула.

– Брюс, я сама не знаю, что тогда произошло. Думаю, что сейчас это неважно. Главное, что мы оба целы. И мне очень жаль, что так вышло с твоим отцом.

– Брось, это было в какой-то степени предсказуемо, – ответил мужчина и попытался улыбнуться, но улыбка вышла несколько кривой и грустной, – как ты сейчас себя чувствуешь? – решил сменить тему мужчина.

– Нормально, если учесть все обстоятельства. Правда, я все еще не пришла в себя от новостей о ребенке, – сказала правду Виктория.

– Что ж, наверное, об этом стоит поговорить, когда ты выйдешь отсюда.

– Но, что ты сам думаешь?

– В смысле? О том, что ты ждешь ребенка?

– Да.

Впервые за весь разговор лицо Брюса расслабилось, а суровые морщинки на лбу и возле губ разгладились.

– Я бы хотел, чтобы у нас появился ребенок.

– Но мы так мало знаем друг друга!

– Это не важно. Для меня не важно. Я уже люблю этого ребенка.

– Не знаю, Брюс, нужно хорошенько подумать. Не уверена, что я готова к этому.

Мужчина вздохнул.

– Какое бы решение ты ни приняла, я поддержу тебя.

Их беседу прервала медсестра, зашедшая в палату.

– Думаю, что на сегодня хватит разговоров, – сообщила она Брюсу и Виктории, – завтра сможете продолжить.

– Я надеюсь, что завтра меня уже выпишут, – высказала свое предположение Виктория, но сестра лишь ответила ей улыбкой.

– Что ж, я пойду. Нужно еще подготовиться к поминкам. Береги себя, дорогая.

Брюс наклонился, чтобы поцеловать Викторию и легонько коснулся ее губ, словно боясь причинить ей боль или неудобство.

Даже после его ухода, Виктория все еще ощущала этот легкий, почти невесомый поцелуй на своих губах. Ей стало по-настоящему страшно от одной мысли, что все ее воспоминания могут оказаться бредом сумасшедшего человека. Она попыталась вспомнить, страдал ли кто из ее родственников психическими расстройствами, но не смогла припомнить никого с таким недугом. «Что ж, кто-то всегда становится первым», – предположила девушка и тут же подумала о том, что так и не позвонила родителям.

Вызвав в палату сестру, она спросила о том, можно ли воспользоваться телефоном и сообщить родителям, что с ней все в порядке.

– А ваш молодой человек не связался с ними? – удивилась женщина.

– Не думаю. Они ведь не говорят по-английски. Что он мог им сказать? У меня был мобильный телефон, но я понятия не имею, где он сейчас.

– К нам вы поступили без него. Что ж, погодите минутку, я принесу наш телефон.

– Спасибо! – с благодарностью ответила Виктория.

Хоть она и помнила номер телефона родителей наизусть, руки ее дрожали, когда она набирала номер и несколько раз она промахнулась, нажав не ту цифру. Она решила пока что ничего не говорить им о ребенке, ведь, возможно, он никогда и не родится.

– Алло, мам? Привет, это я! – сказала Виктория, услышав родной голос на том конце трубки. Слезы радости выступили у нее на глазах, а на сердце сразу же стало легче.

– Милая! Господи! Почему ты не звонила нам? Твой телефон отключён вот уже несколько дней. Мы с папой так волновались. Что случилось?

По маминому голосу Виктория поняла, что та взвинчена и испугана не на шутку, поэтому девушка решила упустить все страшные детали и изложить случившееся так кратко и просто, как это возможно.

– Мам, прости. Дело в том, что я сильно заболела и к тому же у Брюса умер отец, и я совсем забыла о Новом Годе и поздравлениях.

– Ох, мне жаль, Вика. Как ты себя сейчас чувствуешь? И что там произошло?

– Мне уже лучше, просто подхватила грипп, но из-за стресса он проходил гораздо

тяжелее, чем обычно. А с отцом Брюса случился несчастный случай.

– Передай наши соболезнования. А мы уже столько страшных версий того, что могло произойти, перебрали.

– Знаю, мам. Вы это умеете.

– Когда ты думаешь вернуться?

– Я не знаю. Сейчас Брюс занимается организацией похорон и поминок. Думаю, как только все утрясется здесь, то я приеду домой. Мне неловко оставлять его сейчас одного.

– Конечно, это можно понять.

– Ладно, я завтра позвоню или напишу.

– Да, но если у вас там полно дел, то не спеши. Я знаю, какого это, когда кто-то умирает. Напиши или позвони, когда все более-менее наладится.

– Хорошо.

– И спасибо, что позвонила нам: как с сердца камень. Не болей там! Всего тебе наилучшего!

– Пока, мам.

Виктория отдала телефон медсестре, после чего, повернувшись на бок, закрыла глаза. Она чувствовала странную усталость во всем теле и сонливость. Возможно, так сказывались последствия болезни или же медикаменты, которые поступали к ней в кровь через капельницу, а может быть, беременность. В любом случае думать ей сейчас совсем не хотелось, а решение о ребенке могло подождать несколько дней. В конец концов, в первую очередь ей нужно выйти из больницы и попробовать осознать все случившееся.

Глава 18.

Вику выписали на следующий день, чему она оказалась бесконечно рада. От ее одежды остались только лохмотья, поэтому переодеться она не могла и ждала Брюса, обещавшего привезти ей новую одежду и забрать из больницы сразу после похорон. Это значило, что он не сможет присутствовать на начале поминок, но никто не стал бы винить его за это. Соседка Френсис МакГрегор согласилась помочь ему в организации стола, а также присмотреть за гостями и родственниками, решившими почтить память Эвана Бухана и приехать на похороны старика.

Вика сидела в коридоре, так как находиться в палате ей уже просто надоело, когда Брюс вышел из лифта. Увидев мужчину, она не сразу узнала его. Он выглядел лет на десять старше своего возврата, а черный костюм делал его еще более бледным и осунувшимся.

– Ты как? – встав, спросила девушка.

– Вроде бы ничего. А ты как?

– Нормально.

– Вот, здесь одежда. Надеюсь, что размер подойдет. Я просто заехал в ближайший магазин и взял первое, что нашел, поэтому не обижайся если что.

– Спасибо большое. Я мигом.

Забрав одежду, девушка отправилась в туалет, чтобы переодеться. Брюс купил ей теплые брюки, свитер, белье, носки, а также полусапожки, теплую куртку, шарф, шапку и перчатки. Все это оказалось таким теплым, что, одевшись, девушка тут же почувствовала, что начинает потеть.

– Спасибо, с размером проблем не возникло, но мне уже жарко, – сказала она Брюсу, когда они шли по коридору к выходу из больницы.

– Последнее, что тебе сейчас нужно – это вновь заболеть. Ты должна беречь себя и… В общем, я подумал, что чем теплее, тем лучше.

По всей видимости, Брюс решил избегать темы ребенка, пока Виктория точно не определится с решением. Ему не хотелось давать себе ложную надежду на то, что он мог бы стать отцом. Виктория это прекрасно поняла и также не стала акцентировать внимание на своей беременности.

– Как все прошло? – спросила она, чтобы сменить тему.

– Неплохо, насколько это возможно в отношении похорон. Сейчас Френсис занимается поминками.

– Френсис?

– Да, соседка Эвана. Помнишь ту рождественскую ель? Боже, конечно, помнишь, она ведь до сих пор стоит в гостиной. Я ее у Френсис МакГрегор купил.

– Ясно. Такое ощущение, что все это произошло лет сто назад. Елка, Рождество. Даже не верится!

– Да, ты права. Садись, – Брюс открыл дверь автомобиля и помог Виктории, закутанной, как на Северном полюсе, забраться в него.

– В доме полно гостей, но ты не обязана ни с кем общаться. Все равно они покинут дом примерно к шести вечера, – сказал Брюс, когда они уже выехали на дорогу, уносившую их прочь от больницы.

– Я не против того, чтобы присутствовать на поминках. Не переживай. Но как ты меня

представишь?

– Как? Как свою девушку, разумеется.

– Хорошо. Надеюсь, их не шокирует, что я русская.

– Милая, все в шоке от смерти Эвана, на твое происхождение никто и внимания не обратит. Поверь и даже не переживай из-за таких глупостей.

Брюс был прав, но Виктория все равно чувствовала себя не в своей тарелке, когда вокруг нее находились одни британцы или шотландцы. В Лондоне и Стратфорде на Эйвоне, где всегда полно иностранцев и туристов, она этого не ощущала, но здесь, в горной Шотландии, казалась самой себе белой вороной.

Ее также несколько настораживало возвращение в дом Эвана, ведь она сама еще точно не знала, что почувствует, оказавшись там вновь. В доме, где всего несколько дней назад столкнулась с чем-то, что не могла объяснить. Вдруг тот призрак или темная сила все еще там? Что, если ее вновь поджидает опасность и, возможно, смерть? Не взирая на то, что Вика никак не могла свыкнуться с мыслью о ребенке, подсознательно она не хотела причинять ему вред и поэтому немного боялась вернуться в дом, но Брюсу об этом не сказала.

«В любом случае там же много людей. Ничего не должно произойти», – успокаивала себя Вика, стараясь не думать о том, что может случиться, когда дом опустеет и она и Брюс останутся одни. «Я, наверное, сумасшедшая раз снова решила поехать туда», – пришла к выводу Виктория и уставилась безразличным взглядом в окно автомобиля.

Но помимо страха она ощущала и некую тягу, словно дом манил ее. Девушка хотела разобраться в том, что же произошло на самом деле и, возможно, пребывание в доме могло дать ей ответы на некоторые вопросы.

– Брюс, давай сначала сходим к тому дереву, под которым тебя нашли? – попросила Виктория, когда они свернули к дому.

– Зачем? – удивился мужчина.

– Не знаю. Хочу кое-что понять.

– О чем ты?

– Не спрашивай. Я сама могу дойти до него, а потом вернуться к тебе. Мне просто нужно взглянуть на это место.

– Хорошо, но сходим мы туда вместе. Гости могут подождать.

Возле дома Эвана стояло, как минимум, десять автомобилей и найти место для парковки оказалось не так-то просто. В итоге Брюс оставил машину на газоне возле дома. Все равно больше никто не станет ругать его за помятую траву на лужайке. От этой мысли Брюсу стало не по себе. Он так и не мог свыкнуться с тем, что Эвана больше нет. Теперь у него никого больше не осталось, кроме Виктории. Чувства одиночества и отчаяния захлестнули его, но он постарался придать своему лицу нейтральное, ничего не выражающее выражение, чтобы никто не догадался, как страшно и худо ему на самом деле.

– Ты и в правду хочешь пойти туда? – спросил Брюс, после того, как помог Вике выбраться из машины.

– Да, если ты не против.

– Нет. Просто это несколько странно. Ну, пойдем.

Взяв девушку за руку, он повел ее к саду, за которым начиналась тропинка, тянувшаяся как раз до того старого дуба.

Стоило Виктории выйти из теплого салона автомобиля, как ее начала бить сильная

дрожь. Она не могла понять, связано ли это с холодом, ее здоровьем или же страхом, который поселился где-то внизу живота. Пока они шли по мокрой от дождя и растаявшего снега траве, Вика не переставала оглядываться по сторонам, словно ища глазами ту черную фигуру, но ничего необычного не видела и не ощущала. Сейчас ей казалось, что она и вправду тронулась умом и все произошедшее – плод ее богатого и, вероятно, больного воображения.

Ни в силуэте самого дома, ни в узкой дорожке, ни даже в очертаниях старого дуба, к которому они приближались, она не видела ничего ужасного или устрашающего. Все казалось ей мирным и весьма обыденным.

– Вот мы и пришли, – сказал Брюс, остановившись недалеко от дерева и посмотрев на Викторию.

Девушка думала, что сейчас на нее снова нахлынет одно из видений или же Брюс вдруг вновь превратится в злого полковника Бэйли, но ничего из этого не произошло. Разве что пошел моросящий, холодный дождь, отчего Брюс поежился.

– Позволь, – попросила Виктория и высвободила свою руку из руки Брюса.

Она отошла от мужчины на несколько шагов и вплотную приблизилась к дереву. «Мне не могло все это привидеться», – думала она, прикоснувшись к влажной и холодной коре дерева.

– Что ты делаешь? – спросил удивленный Брюс, но девушка не ответила.

Она решила обойти дерево по кругу и на половине остановилась.

– Брюс, ты знаешь, что это значит? – спросила Вика.

Мужчина подошел к ней и увидел, что девушка указывала на вырезанные на коре дуба буквы Б и В, помещённые в сердечко. Брюс помнил их еще мальчишкой. Его никогда не занимало происхождение этих букв, и сейчас он также не понимал, зачем Вика спрашивала его об этом.

– Понятия не имею. Надпись была тут всегда. Наверное, какая-то влюбленная парочка вырезала.

Виктория ничего не ответила, но еще раз обошла дерево со всех сторон, изучая ствол, ветки и землю под ним.

– Ты что-то ищешь? – не выдержал Брюс.

– Не то чтобы ищу, просто пытаюсь понять.

– Понять, что?

– Что с нами тогда произошло.

– Виктория, дорогая, я не понимаю, о чем ты, но в любом случае думаю, что нам лучше вернуться в дом. Дождь усиливается, а ты только после болезни. Пойдем, милая.

Брюс взял Викторию за руку и, мягко потянув, повел ее прочь от старого дуба. Ему почему-то не нравилось находиться возле него и хотелось поскорее оказаться подальше от дерева. Виктория же шла, как робот, не осознавая, что вообще движется куда-то. Все ее мысли вертелись вокруг вырезанных на стволе дерева букв.

«Действительно ли все, что я тогда видела, правда? И Беатрис и Виктор действительно оставили свои инициалы на этом дереве?», – думала Виктория, совсем не обращая внимания на дождь.

Девушка пришла в себя только очутившись перед дверью дома Эвана. Ей стало неловко за то, что она так сосредоточилась на себе и своих мыслях, в то время, как Брюс явно переживал и страдал из-за потери отца.

– Брюс, постой, – сказала она, прежде, чем мужчина успел открыть дверь, – если я чем-то могу тебе помочь, ты только скажи.

– Спасибо, Вики.

Больше он ничего не ответил и, открыв дверь перед девушкой, пропустил ее вперед. В доме и вправду оказалось много людей и, стоило Виктории и Брюсу зайти в гостиную, как все головы тут же повернулись к ним. Гости начали подходить к Брюсу и выражать свои соболезнования, а также несколько недоуменно смотрели на Викторию. Вначале девушка стояла рядом с Брюсом, но когда ощущение на себе любопытных глаз стало невыносимым, ускользнула на кухню, где поставила чайник. Ей все еще было прохладно, хоть в доме и разожгли камин. Несколько раз она оглядывалась по сторонам, но никакого смрада, темных теней или еще чего-либо необъяснимого не появлялось. Девушка обратила на это внимание сразу, как только они вошли в дом, и теперь ей оставалось только надеяться на то, что ужасы той ночи больше не повторятся, и черное существо ушло из этого мира навсегда. А если нет, то, вероятно, придется вновь вступить с ним в бой. Она лишь не знала, хватит ли у нее сил противостоять ему.

– Милая, ты как? – женский голос прервал размышления Виктории, и она обернулась.

Перед ней, приветливо улыбаясь, стояла невысокая женщина в черном шерстяном платье.

– Я – Френсис, живу неподалеку, – представилась она.

– Ах да, вы помогли с поминками, – вспомнила девушка, – меня зовут Виктория.

– Да, я догадалась. Брюс говорил о тебе. Как ты? Уже лучше себя чувствуешь?

Френсис так смотрела на Викторию, словно знала ее тайну, но вот только какую: о ребенке или же о событиях той ночи? Решив быть поосторожнее, Вика коротко ответила:

– Спасибо, все в порядке.

Френсис улыбнулась и, подойдя к холодильнику, достала оттуда приготовленные заранее закуски. Женщина начала раскладывать их на подносе, не смотря при этом на Викторию.

– Это к нам прибежал тогда тот испуганный малый – твой водитель. Мы сразу вызвали скорую и полицию и помчались к дому.

– О! – только и вырвалось у Виктории.

– Парень был так испуган, словно в аду побывал. Нес какую-то околесицу о том, что в доме кто-то есть.

Френсис замолчала, вероятно, ожидая услышать комментарий от Виктории, но девушка сдержалась.

– В любом случае, когда мы приехали, то все выглядело, как обычно, но парень наотрез отказался в дом заходить. Не знаешь, что его тогда так напугало?

– Нет, – ответила Виктория и попыталась сглотнуть, но тут поняла, что в горле у нее пересохло так, точно она за целый день не сделала ни одного глотка воды.

– Хм. А я кажется понимаю, о чем он. Мне никогда особо не нравился этот дом. И я сюда редко заходила, только если старика проведать после смерти его жены. Будто я на себе чей-то взгляд ощущала, как если бы кто-то следил за мной. У тебя такого не случалось?

– Не думаю, – заставила себя ответить Виктория.

– Странно, сейчас я ничего такого не чувствую. Может то, что тут обитало, ушло вместе с Эваном? Он ведь не раз мне говорил, что жена навещала его. Возможно, поэтому я и пугалась этого дома, и мне чудилось, что Лиза тут и смотрит на меня?

– Не знаю, что и сказать.

– Я рада, что сейчас все спокойно. Если то была Лиза, то она покинула этот дом. Вероятно, она просто ждала мужа.

Виктория так сильно стиснула горячую кружку чая, что не заметила, как ее ладони покраснели. Она не знала, как реагировать на слова женщины и стоило ли ей говорить о том, что тут произошло по ее мнению.

– А что с водителем? Он уехал? – решила узнать Виктория.

– Да, он переночевал у нас, попросил бензина и уехал. Утром он казался спокойным, но, как я ни пыталась расспросить о том, что его тогда так напугало, он отмалчивался. Может, стеснялся признаться. Кто его знает!

– Понятно. Спасибо большое за то, что помогли! Если бы не вы, то кто знает, что могло бы случиться.

– Ну, старику-то мы никак не сумели помочь. Но зато вы с Брюсом в порядке. Ладно, пойду обратно к гостям. Ты такая бледненькая. Пошла бы наверх, отдохнула.

– Спасибо за совет. Думаю, я так и поступлю, – ответила Виктория.

Ей и вправду совсем не хотелось возвращаться в гостиную, как, впрочем, и подниматься одной наверх, но с другой стороны, избавиться от страха можно лишь столкнувшись с ним лицом к лицу, а отваги Виктории было не занимать. Поэтому, допив чай и прополоскав кружку, Виктория покинула кухню с тем, чтобы направиться в спальню. В гостиной, где на этот раз на нее никто уже особо не смотрел, она подошла к Брюсу. Он говорил с кем-то из гостей, но при виде ее тут же извинился и, обняв Вику за плечи, отошел с девушкой в сторону.

– Ты как? – заботливо спросил он.

– Ничего. А ты?

– Держусь, как видишь. На самом деле, я рад, что приехало столько людей. Теперь я хоть знаю, что не останусь совсем один. Столько у меня оказывается родственников.

– Это хорошо.

– Ты выглядишь уставшей.

– Я и вправду устала. Можно я поднимусь наверх?

– О чем ты спрашиваешь?! Конечно. Мне пойти с тобой? – предложил Брюс.

– Нет. Не стоит, – решила отказаться Виктория. Ей хотелось без Брюса прочувствовать атмосферу второго этажа и понять, ощущает ли она что-либо.

– Хорошо. Я поднимусь к тебе и проверю как у тебя дела очень скоро.

– Отлично.

Виктория поцеловала мужчину в щеку и, бросив на него полный сочувствия и понимая взгляд, вышла из гостиной. Покинув комнату и оказавшись перед лестницей, девушка огляделась. Все гости находились в гостиной, и она все еще могла слышать их голоса, однако, они звучали столь тихо и приглушенно, что разобрать среди них голос Брюса она уже не могла.

– Что ж, вперед, – сказала Виктория сама себе и сделала первый шаг.

Опасения девушки не оправдались: подъем по лестнице не отличился ничем сверхъестественным: ни призраков, ни теней, ни странных ощущений. Это несколько успокоило Викторию, и она смело прошла по коридору и свернула в спальню.

В комнате, где несколько дней назад она обнаружила Брюса и его отца, она также не почувствовала ничего необычного, но тем не менее находиться там ей почему-то не

хотелось. Стоило девушке закрыть глаза, как перед ней представала картина лежавшего на полу Эвана. Ей даже показалось, что она могла различить следы от пятен крови на полу и отпечатки ботинок врачей и полицейских, но чуть позже Вика догадалась, что это лишь игра света на старом деревянном паркете.

Простояв какое-то время в комнате, Виктория поняла, что просто не может там больше находиться и, конечно, не уснет тут сегодня. Вздохнув, она быстро покинула спальню и, закрыв за собой дверь, вздохнула с облегчением. Спускаться вниз к гостям ей совсем не хотелось, поэтому она решила исследовать другие комнаты на наличие кроватей, диванов или кушеток, где можно было бы ненадолго прилечь.

Половицы в коридоре поскрипывали от каждого ее шага, но это совсем не пугало девушку. До этого она еще не обследовала все комнаты второго этажа и не знала, что может прятаться за каждой из дверей, поэтому по очереди открывала их и заглядывала внутрь. За первой дверью оказалась кладовка, заставленная старыми швабрами, коробками, пылесосом и прочими ветхими вещами, которыми никто уже давно не пользовался. Следующая комната оказалась спальней Эвана. Какое-то время Вика простояла на пороге, не зная, стоит ли заходить туда и не разозлит ли это Брюса, но после колебаний все же переступила порог.

В спальне кто-то задернул все шторы и из-за этого в комнате стоял полумрак, однако, включать свет Виктория не стала. Несмотря на то, что Эван жил один, в комнате оказалось прибрано и выглядела она довольно уютно. До этого Виктории хотелось прилечь, но посмотрев на застланную кровать старика, где он еще совсем недавно спал, желание отдохнуть сразу же пропало, поэтому девушка лишь обошла комнату и уже собиралась выйти, как вдруг взгляд ее упал на фотографию, стоявшую на прикроватном столике.

На фото были запечатлены молодой Эван и Лиза с маленьким Брюсом. Глядя на веселое лицо женщины, Виктория неравно сглотнула. Это действительно была та женщина, которую она видела в своем видении. Но как такое вообще возможно? Поставив снимок в рамке на место, Виктория вышла из спальни, решив, что если не найдет другой комнаты с диваном, то поспит и отдохнет на первом этаже, когда все гости уйдут.

В коридоре оставалось еще две двери, одна из которых вела в ванную комнату. Вторая же оказалась заперта. Виктория несколько раз пробовала повернуть ручку и даже наваливалась на дверь всем весом, но она не поддавалась. Брюс никогда не говорил ей, что находилось в этой комнате, да ее это и не интересовало, но сейчас девушке захотелось попасть туда. Вскрывать замки или взламывать двери ей ни разу в жизни не приходилось, поэтому самым простым казалось просто найти ключ, который, однако, мог находиться где угодно. Девушка уже собиралась развернуться и спуститься вниз, чтобы узнать у Брюса о ключе, как вдруг его голос раздался совсем недалеко от нее. Виктория вздрогнула от неожиданности и резко обернулась.

– Прости, я не хотел пугать тебя, – извинился Брюс, – я думал, ты слышала, как я поднялся.

– Нет, я, наверное, задумалась о чем-то.

– Что ты тут делаешь? – удивился мужчина и недоуменно посмотрел сначала на девушку, а потом на запертую дверь.

– Я просто не смогла остаться в той спальне…Извини.

– Ничего страшного, – вздохнул Брюс, – я понимаю. Мне самому становится немного не по себе, когда я захожу туда.

– Вот поэтому я и решила поискать другую комнату, но эта, кажется, закрыта.

– Да, – кивнул Брюс, – здесь отец хранил старый хлам, который уже не мог поднять на чердак из-за своего возраста. Поверь, там делать нечего.

– Жаль, а я думала, что, может, там есть диван.

– Нет, ничего такого. Только коробки и другие вещи. Хочешь взглянуть?

Виктория кивнула. Помимо любопытства, ей также просто не хотелось вновь оставаться одной.

Брюс отошел к кладовке и, открыв дверь, снял связку ключей, висевших на железном крюке, на которую Виктория просто не обратила внимание ранее. Вернувшись к Вике и отыскав подходящий ключ, мужчина открыл запертую дверь.

Первое, что заметила Виктория – это запах пыли и старости, который, казалось, пропитал все вокруг. Как и говорил Брюс, комната была заставлена коробками, ящиками и пакетами, содержимым которых никто давно не интересовался.

– Ну вот. Это все надо бы разобрать, прежде чем выбросить, – сказал мужчина.

Работы там действительно хватило бы на насколько дней. Из-за нагромождения вещей комнату нельзя было полностью осмотреть, а невероятное обилие паутины и вовсе отбивало такое желание, но поскольку Виктории спускаться вниз совсем не хотелось, а перспектива остаться одной в спальне Брюса не улыбалась, девушка обратилась к Брюсу:

– Давай, я начну прямо сейчас, – предложила она.

– Сейчас? Но ты ведь только из больницы. Тебе бы прилечь.

– Нет, послушай, – перебила его Вика, – все, что мне сейчас нужно, так это отвлечься, а разбор старых вещей как раз помог бы.

– Только, если ты действительно этого хочешь, – сказал мужчина и удивленно посмотрел на Викторию, – в любом случае я закончу внизу через часа полтора или чуть больше и сразу присоединюсь к тебе.

Виктория кивнула и попробовала улыбнуться, но улыбка вышла столь вымученной, что Брюс только покачал головой и, поцеловав девушку в макушку головы, удалился.

Вика сама толком не понимала зачем вызвалась разгребать гору мусора в этой комнате, тогда как все, чего ей хотелось – это подремать, а если быть совсем откровенной с самой собой, то больше всего на свете она мечтала оказаться в родном Питере в свой небольшой уютной квартирке. Понимая, что толку от грустных мыслей нет, Виктория вернулась в коридор за большими черными пакетами для мусора, которые Эван хранил в кладовке, и резиновыми перчатками для уборки.

– По крайней мере, я так убью пару часов, – подумала Виктория, – а заодно смогу спокойно осмыслить то, что со мной произошло.

Уборка отнюдь не являлась любимым занятием Вики, но в тот день здорово помогла скоротать ей время. В большинстве коробок, нагроможденных друг на друга, лежала старая одежда, посуда, садовые инструменты, журналы и книги. Поскольку Виктория не знала, что именно Брюс захочет оставить, а что выбросить, она начала с сортировки вещей и выбрасывала только те из предметов, которые уже точно никто не стал бы использовать. Ничего интересного ей не попадалось, но девушка не раз вспоминала балкон ее родителей, который она, будучи еще школьницей, также расчищала от завала ненужный вещей.

Несколько раз Виктория прерывалась от работы и вслушивалась в скрипы и шорохи, так характерные для старых домой. Она не могла понять боится ли они возвращения призрака или же того, что, возможно, все увиденное ею – лишь ее фантазии. При свете дня, а также при таком большом количестве людей в доме, ничто в нем не выглядело зловещим или

пугающим, а пережитые воспоминания и вправду казались сном.

Оставалась еще и другая мысль, время от время терзавшая Викторию, – мысль о ребенке. Она до сих пор не могла поверить в то, что беременна и слабо представляла, что через несколько месяцев ее живот округлится, а еще через какое-то время у нее появится малыш. «Только, вот, нужно ли мне все это?», – думала девушка.

Время пролетело столь быстро, что она не заметила, как короткий зимний день перешел в длинную холодную ночь, а за окном стемнело. Только оторвавшись наконец от содержимого одной из коробок и посмотрев в окно, Виктория поняла, что прошло, по всей видимости, несколько часов.

Выпрямившись, девушка прислушалась, силясь уловить голоса гостей внизу, но кроме гула в трубах ничего не расслышала. По спине у нее тут же пробежали мурашки, а сердечный ритм резко ускорился. Она сбросила перчатки и вышла в коридор, освещённый лишь одной лампочкой. Дом вновь казался притихшим, словно затаился и только и ждал, чтобы неожиданно напасать на Викторию.

– Брюс! – тихо позвала она, но никто ее не услышал.

Сделав глубокий вдох, Виктория быстро прошла по коридору и подошла к лестнице, ведущей вниз. К счастью, весь первый этаж заливал свет, что придало девушке храбрости и она смело начала спускаться в гостиную.

– Брюс! – еще раз позвала она, оказавшись на последних ступенях.

– Здесь! – откликнулся мужчина и девушка почувствовала, как на сердце у нее тут же отлегло.

Виктория пошла на голос и обнаружила Брюса сидевшим за столом на кухне. Перед ним стоял нетронутый стакан с виски, лед в котором давно растаял.

– А где все? – удивленно спросила Виктория.

– Уехали минут пятнадцать назад. Извини, что не поднялся к тебе. Просто хотел посидеть здесь один.

– Я понимаю. Мне оставить тебя?

– Нет-нет, хорошо, что ты пришла.

Брюс встал из-за стола и, подойдя к девушке, крепко обнял ее.

Сама не понимая почему, девушка напряглась и слегка отстранилась, что не осталось незамеченным мужчиной.

– Что-то не так? – спросил он и заглянул Вике в глаза.

– Нет, – ответила девушка, чувствуя себя при это отвратительно, ведь она прекрасно знала, как тяжело сейчас Брюсу, но в то же время все еще боялась его и того, во что он мог превратиться.

– Хочешь, пойдем наверх? Ты поспишь, а я почитаю рядом, – предложил он.

Виктория лишь кивнула и, развернувшись, направилась обратно на второй этаж. Ей отчаянно хотелось попросить Брюса увезти ее из этого дома, желательно прямиком в аэропорт, но она смолчала. Пока они поднимались наверх, и Виктория чувствовала на своем затылке горячее дыхание Брюса, ее не покидала мысль о том, что на этот раз, случись что, на помощь никто не придет, ведь ни одна душа не догадается, что в доме может произойти нечто странное, и надеяться на кого-то кроме себя глупо.

– Да, нет. Это все ерунда! – тихо сказала Виктория по-русски, думая, что Брюс не расслышит ее бормотания, но он спросил:

– Что ты сказала, милая?

– Ничего. Просто мысли в слух.

Брюс кивнул и, открыв перед Викторией дверь в спальню, пропустил ее вперед.

Девушка сделала несколько шагов и остановилась в центре. Комната выглядела пустой и безжизненной. Оставаться в ней после всего произошедшего Виктории не хотелось, и она понимала, что не сомкнет здесь глаз всю ночь.

Брюс, подойдя к ней, обнял ее за плечи.

– Тебе здесь неуютно, да? – спросил он, но по голосу Вика поняла, что он ощущает еще больший дискомфорт, нежели она.

– Да, Брюс. Может… может, переночуем внизу?

– Что ж, мне нравится такая идея! Я и не думал, что окажусь таким впечатлительным. Давай, возьмем одеяло, плед и подушки и спустимся вниз. Ты ляжешь на диване, а я подремлю в кресле.

– Уверен?

– Да, тут и думать не о чем. Пойдем, милая.

Удивившись этой перемене в нем, Виктория, взяв с постели одеяло и плед, поспешила покинуть спальню, оставив все страхи и воспоминания за закрытыми дверьми этой комнаты.

Внизу все казалось куда уютней. Запах кофе и закусок напоминал о людях, недавно покинувших дом, а догоравшие поленья в камине наполняли гостиную теплом и спокойствием.

Вика легла на диван и закрыла глаза. Усталость с невероятной силой обрушилась на нее, и девушка поняла, что, если что-то и случится, у нее просто не окажется сил сопротивляться.

– Хочешь чаю? Или, может быть, горячего шоколада?

Вернул ее к реальности голос Брюса.

– Шоколад бы не повредил.

– Сейчас сделаю.

Брюс удалился на кухню, а Виктория вновь закрыла глаза. Ей не было страшно в гостиной, и здесь она не чувствовала тревоги и опасности, исходившей откуда-либо. На какое-то мгновение ей даже показалось, что все события последних нескольких дней – только дурной сон и, стоит ей открыть глаза, как она увидит улыбающихся Эвана и Брюса, сидящих возле камина.

– Это всего лишь сон… – пробормотала Виктория, – всего лишь сон…

Когда девушка открыла глаза, то не сразу поняла, где находится. Освещенная до этого ярким светом гостиная оказалась погруженной в темноту, а поленья в камине давно погасли и уже не давали сильного жара. Вокруг царили тишина и полумрак, и только яркая луна за окном слегка освещала комнату. Вика резко села на диване и скинула одеяло.

– Брюс! – позвала она, – Брюс!

– ммм… – раздалось слева от нее, там, где стояло кресло Эвана, – Вики, что случилось?

– Брюс, это ты?

– А кто еще?

– Почему так темно?

– Ты уснула, пока я делал шоколад, и я решил тебя не будить. Сейчас, наверное, около часа ночи.

– Извини, если разбудила, но я немного испугалась.

– Все в порядке. Не переживай, – успокоил ее Брюс, – тебе нужно что-нибудь?

– Да, я бы сходила в туалет. Проводишь меня?

– Эээ… – замялся Брюс, явно не ожидавший услышать такую просьбу, – да, конечно.

Мужчина встал и, включив свет, протянул руку Вике. От яркого света девушка сначала зажмурилась, но, привыкнув и оглядевшись, поняла, что Брюс не врал: перед ней на столике стояла кружка с уже успевшим остыть шоколадом, а часы на стене показывали полвторого ночи.

– Прости, что прошу о такой ерунде. Просто мне как-то не по себе, – сказала Виктория, пока они шли к ванной комнате.

– Все хорошо. Я понимаю, – ответил Брюс, – ночью второй этаж действительно выглядит через чур пустым и несколько зловещим. Даже я, будучи ребенком, понимал это и всегда терпел до утра.

– Вот как? – удивилась Виктория, – а чего ты боялся?

– Не знаю. Все дети боятся темноты.

– Ладно, подожди меня здесь, – попросила Виктория и, зайдя в ванную комнату, тут же закрыла дверь на защелку, чего не делала никогда раньше.

Все вроде бы казалось нормальным, но девушку не покидало странное чувство, что вот-вот должно случиться что-то ужасное, что-то, что положит конец всей этой истории.

Вымыв руки и ополоснув прохладной водой лицо, чтобы окончательно прийти в себя, Виктория открыла дверь и вышла из ванной комнаты. Она ожидала увидеть Брюса стоящим неподалеку, но мужчины и след простыл. Коридор оказался пуст, а лампочка, освещавшая его, начала вдруг предательски мигать, обещая скоро погаснуть насовсем.

Руки Виктории покрылись мурашками, а тело начала бить крупная дрожь. «Оно, чем бы оно ни было, вновь вернулось в этот дом!», – подумала Виктория и крепко стиснула ручку двери. Некоторое время девушка стояла в нерешительности, не зная, убежать ли ей вниз и попытаться выбраться из этого дома, оставив Брюса в нем, или же найти мужчину и вновь постараться увезти его отсюда. Однако такой вариант не исключал и того, что он снова попытается убить ее.

Глава 19.

Виктория сделала несколько глубоких вдохов. Звать Брюса она почему-то не хотела, словно боялась нарушить тишину, царившую в коридоре. Сделав пару шагов, она остановилась и еще раз огляделась по сторонам: ни единого признака жизни. Куда ей идти и где искать Брюса девушка не знала. Спохватившись, что у нее с собой нет ничего, чем она могла бы защититься, Виктория уже хотела вернуться в ванную комнату хотя бы за ножницами, но еле слышный скрип двери в самом конце коридора остановил ее. Она посмотрела вдаль, но кроме темноты ничего не увидела. Между тем скрип послышался снова, теперь словно кто-то наступил на прогнившую старую половицу.

– Брюс, – еле слышно позвала Виктория, скорее для самоуспокоения нежели для того, чтобы кто-то услышал ее.

Сердце ее начало отчаянно биться, пульс участился, а кожа, не смотря на прохладу в доме, покрылась потом. Несмело девушка пошла вперед на звук. К счастью, ей вспомнилось, что она вскоре окажется рядом с дверью в кладовку, где сможет взять что-то для самообороны.

Свет от и так мигавшей лапочки начал тускнеть, намекая на то, что скоро и этот слабый источник освещения пропадет. Заметив это, Вика пошла быстрее и уже через несколько секунд оказалась напротив двери в кладовку. Открыв ее, не переставая при этом поглядывать в конец коридора, Вика схватила первое, что сочла более-менее пригодным: чугунную кочергу. Также на глаза ей попался фонарь, и девушка тут же потянулась за ним. Фонарь работал и, включив его, она тут же осветила весь коридор, но ничего необычного не увидела. Однако тихий скрип все продолжал слышаться где-то впереди, и Виктории ничего не оставалось, как продолжить путь.

Коридор, хоть и не являлся весьма длинным, на этот раз показался Вике просто бесконечным. Каждый шаг давался ей с трудом, а от страха к горлу подступил ком. «Еще чуть-чуть. Все будет хорошо. Вот увидишь!», – подбадривала она саму себя, но это мало помогало.

Когда до последней двери, ведущей в комнату со старым хламом, который она сегодня днем пыталась разобрать, оставалось несколько шагов, Виктории вдруг почудилось, что она слышит чей-то голос, шепчущий ее имя. Девушка прислушалась и действительно убедилась, что кто-то за дверью беспрестанно повторял «Виктория». Голос, хоть и походил на голос Брюса, в том же время показался ей чужим. Вслед за шепотом она также услышала тот самый скрип, что доносился до нее ранее: судя по всему, кто-то ходил в закрытой комнате, отчего половицы сухо и уныло скрипели.

Сжав в одной руке кочергу, а фонарь засунув в задний карман джинсов, Виктория потянулась к ручке двери, чтобы открыть ее, но стоило ей прикоснуться к холодному металлу, как ее точно пронзил разряд электрического тока. Помимо резкой боли перед глазами у девушки все замелькало, закружилось, так, что ей пришлось закрыть глаза и набрать воздуха в легкие, чтобы не закричать от боли и страха. Все это длилось каких-то несколько секунд, показавшихся Вике вечностью, и вскоре боль, равно как и неприятное состояние, прошли. Девушка решила открыть глаза, но то, что открылось ее взору, удивило ее не меньше, чем сильная боль до этого.

Коридор, до этого темный и пыльный, теперь оказался освещен лампами,

прикрученными к его стенам, а на полу простиралась ковровая дорожка, столь яркая по цвету, что у Вики заболели глаза. Она и раньше видела эту дорожку, только выглядела она весьма потрепанной и потертой: дорожка лежала в коридоре, ведущем в гостиную на первом этаже. Дверь перед девушкой также преобразилась, и из зашарпанной сделалась новой и блестящей, а ручка выглядела отполированной и блестела в свете ламп.

Ничего не понимая, Виктория вновь взялась за ручку и, повернув ее, не почувствовав на этот раз никакой боли, открыла дверь. Комната, некогда заставленная коробками, выглядела, как обычный рабочий кабинет с массивным дубовым столом у стены и кожаным креслом перед ним. Если бы не слабый свет свечей на камине и не странный запах жженых трав, Виктория бы подумала, что в ней давно никого не было. Присмотревшись, девушка увидела в углу комнаты ширму, использовавшуюся для переодеваний, но сейчас за ней кто-то находился. Не отдавая себе отчета в том, что делает, а также в том, что вообще происходило вокруг, Вика пошла вперед.

Дойдя до ширмы, девушка остановилась. Где-то в глубине души она понимала, что происходящее в этой комнате – не более, чем вымысел или сон, но все выглядело через чур реальным. Набравшись мужества, Вика сделала еще один шаг и зашла за ширму. Ее взгляду предстала седовласая женщина, сидевшая на коленях и склонившаяся над открытым сундуком. Длинные седые волосы женщины были распущены и лежали на спине и плечах. Одета старуха была в белую ночную сорочку, облипавшую ее худое тело. Вика не могла разглядеть ее лица, так как женщина сидела к ней спиной, но увидь она его, ужаснулась бы, ведь в пожелтевшем, морщинистом лице узнала бы черты той, кто с таким хладнокровием в молодости пытался убить полковника Бэйли.

Старуха что-то шептала, слабо раскачиваясь из стороны в сторону. Вика, решив не вмешиваться, сделала шаг вправо, чтобы понять, чем же занята женщина. Оказавшись сбоку от старухи и увидев, что она держала в руках, Вика выронила от страха и неожиданности кочергу и зажала рот руками, чтобы не закричать. Металлический прут гулко ударился о пол, наделав при этом немало шуму. Старуха, словно выйдя из транса и поняв, что в комнате кроме нее кто-то есть, повернула голову на звук, и Виктории открылось ее лицо: злое, постаревшее, с глазами, тронутыми бельмом, отчего те казались полностью белыми, что придавало ей еще более зловещий вид.

– Кто здесь? – проскрипела Беатрис.

Виктория, хоть и стояла в шаге от нее, продолжала молчать, а старуха, по всей видимости, не видела ее то ли из-за бельма на глазах, то ли из-за того, что Вика все же пришла из другого времени.

С ворчаньем ведьма закинула в сундук то, что держала в руках до этого и, встав с колен, направилась к выходу из комнаты, так и не заметив Викторию.

Ошарашенная Вика проводила ее взглядом и только потом убрала руки ото рта, боясь, что не выдержит и вновь закричит. Превозмогая страх и отвращение, девушка присела на корточки и открыла сундук, над которым до этого сидела старуха Беатрис. Стоило ей открыть его крышку, как в нос девушке ударил смрад. Поморщившись, Вика потянулась к тому, что с таким пренебрежением старуха кинула на дно сундука. Дотронувшись до холодной поверхности предмета, Вика почувствовала, как приступ тошноты подходит к горлу, но, сглотнув, все же пересилила себя и, крепко схватив предмет, вытащила его из сундука.

Девушке стало еще дурнее, когда она смогла разглядеть то, что достала: перед ней

лежала отрезанная мужская кисть, вся изрисованная странными символами и письменами. В каждом ее пальце торчало по длинной игле, а ногти были вырваны и на место их воткнуты пластины из металла.

– Боже мой… – еле слышно простонала Вика и отложила свою находку в сторону, чтобы посмотреть, что еще находилось в сундуке.

На самом его дне она нашла только две вещи: старую потрепанную фотографию, на которой были изображены молодая Беатрис и Виктор, вероятно, сделанную незадолго до его смерти, а также толстую книгу в кожаном переплете с закладкой-косичкой, сплетённой из светлых человеческих волос, по всей видимости, Виктора.

Дрожащими руками Виктория открыла книгу и ее взору предстал весьма странный дневник Беатрис, испещренный мелким наклонным почерком. Кое-где на полях имелись рисунки и символы, значения которых Вика понять не могла, но некоторые из них совпадали с рисунками на руке, найденной в сундуке. Девушка начала листать книгу, но в ней оказалось столько исписанных страниц, что она растерялась, не зная с чего начать.

«У тебя остается мало времени. Я не могу дольше удерживать тебя здесь», – услышала она вдруг знакомый женский голос, прозвучавший где-то в ее голове.

Вспомнив про фонарик в брюках, Виктория достала его и попыталась осветить страницы дневника, чтобы суметь прочесть, о чем писала Беатрис.

«Если бы я еще знала, что нужно искать», – подумала Виктория, но тут ее руки замерли: перед нею на одной из страниц дневника был изображен браслет, подаренный ей Брюсом. Украшение было нарисовано весьма искусно, и у Вики не осталось сомнений, что это именно тот злосчастный браслет, что еще недавно сдавливал ее руку.

«Это все, что осталось от любимого», – писала Беатрис под браслетом, – «все, что есть у меня от него, все что я стану чтить до конца своей жизни. В нем вся наша любовь, вся наша сила и страсть. О, Виктор, как мне не хватает тебя! Если бы ты только пришел ко мне хотя бы один раз, то я бы согласилась тотчас умереть, только бы увидеть тебя снова пусть и на миг. Я ношу этот браслет каждый день, и каждый день он напоминает мне о тебе. Иногда мне кажется, что он забирает у меня из сердца всю ту боль, что накопилась с твоим уходом. Я завещаю, чтобы меня похоронили в нем и будь проклят тот, кто посмеет снять его с меня. Будь проклят весь его род, также, как и проклята душа того, кто посмел отобрать у меня мою любовь, тот, чья рука и душа навеки останутся в моей власти. Горите в аду!».

– Она прокляла полковника и браслет! Старая ведьма прокляла свой собственный род! – сказала в слух Виктория и начала листать дневник дальше, но ничего кроме странных символов и пустых страниц не нашла. Скорее всего запись о браслете являлась одной из последних.

– Но, что случилось потом? – недоумевала Виктория, – как браслет оказался у тетки Брюса?

Комната вдруг начала вибрировать, и Вика выронила из рук книгу. Девушка начала в панике оглядываться по сторонам и с удивления увидела, как предметы и мебель, только что стоявшие тут, стали пропадать, а их место занимать другие: исчез сундук, ширма, кресло, стоявшее в углу, а большое зеркало, висевшее над камином, оказалось затянуто черным платком. Рядом с Викторией начал вырисовываться постамент, отчего девушка резко отпрыгнула в сторону и ударилась плечом о стену, выронив при этом фонарь. На постаменте, словно из воздуха, появился длинный, черный ящик. Так как кроме горевших в камине поленьев и света от фонарика, лежавшего теперь на полу, другого освещения в

комнате не осталось, Виктория не сразу поняла, что находилась теперь в комнате с гробом, но стоило девушке осознать это, как она тут же направилась к выходу. Кроме страха и желания поскорее покинуть это место и этот дом, Вика ничего не ощущала. Узнать конец всей этой истории ей вдруг расхотелось, несмотря на то, что это могло бы положить конец всем злоключениям Брюса в этом доме.

Стоило девушке подойди к двери, как ее медная ручка нагнулась, и в комнату проник тусклый лучик света от свечи. Дверь приоткрылась и перед Викторией оказался рослый мужчина со светлыми волосами и несколько осунувшимся лицом. Не замечая Вики, он прошел рядом и остановился рядом с гробом. Поставив свечу на пол, мужчина приподнял крышку гроба, после чего какое-то время стоял неподвижно, глядя на то, что открылось его взору.

– Мама… – тихо произнес он и всхлипнул, – мама.

«Неужели это сын Беатрис и Рэндольфа?», – пронеслось у Виктории в голове, но внимание ее переключилось на мужчину, вдруг резко упавшего на колени и зарыдавшего в голос.

– Почему ты никогда меня не любила? – донеслось до Виктории.

Мужчина простоял на коленях несколько минут, после чего всхлипы начали утихать. Встав и выпрямившись, он наклонился с тем, чтобы поцеловать покойницу, но тут, видимо, заметив что-то, отстранился.

Вика увидела, как руки мужчины потянулись к сложенным на груди кистям покойницы.

– Ты так любила эту вещь. Позволь я оставлю ее себе, как напоминание о тебе. Клянусь, что она навсегда останется в нашей семье, и ты никогда не будешь забыта, – сказал мужчина и снял с руки старухи браслет.

Положив украшение в карман и поцеловав мать, мужчина направился к двери, захватив с собой свечу. Стоило ему пройти мимо Вики, как вновь все вокруг затряслось, картина перед глазами девушки начала меркнуть и исчезать, и вскоре все приобрело тот вид, который комната имела сегодня днем: коробки, пыль и паутина.

Фонарик, выпавший из рук Вики, лежал неподалеку и освещал пыльный пол комнаты. Недолго думая, девушка схватила его и начала лихорадочно переводить луч света из одного угла комнаты в другой, пытаясь понять, находилась она в ней одна или нет. Дыхание ее участилось, а сердце забилось о ребра, как запертая в клетку птица. «Почему меня привели именно в эту комнату?», – лихорадочно пыталась понять девушка, одновременно прислушиваясь к шорохам вокруг. Изредка то тут, тот там раздавались скрипы половиц, слышалось тихое шуршание, но понять, человек это или мышь, завывания ветра или дух полковника, скрипело ли это дерево или где-то рядом стоял Брюс, просто не представлялось возможным.

Продолжать стоять, как изваяние, не имело никакого смысла, и Вика это прекрасно понимала. Ей оставалось либо покинуть комнату, либо остаться тут в ожидании чего-то или кого-то. Решив, что безопаснее ретироваться, девушка начала медленно пятиться назад к двери, как вдруг случайно задела пяткой стоявшую сзади коробку. Звук удара огласил комнату, и Вика от страха и неожиданности задержала дыхание. «Я пропала, я выдала себя», – думала девушка, замерев в оцепенение. Но ничего не произошло: никто не бросился на нее. Обернувшись, Вика увидела на полу ту самую коробку, что пару секунд назад задела нагой. Она уже видела ее сегодня днем, когда пыталась навести порядок в этой комнате. Коробку, в отличие от других, перевязали бечевкой из-за чего Вика не стала проверять ее

содержимое на наличие хлама, от которого стоило избавиться, и просто отставила коробку в угол, решив открыть ее вместе с Брюсом. Сейчас же Вике подумалось, что данное обстоятельство выглядело крайне странным. Все остальные коробки, во-первых, были просто прикрыты пыльными крышками, а во-вторых, не выглядели новее.

Наклонившись, девушка еще раз осмотрела находку. Она определённо выглядела немного старше других, виденных ею ранее и, судя по тому как плотно ее перевязали веревкой и как сильно впилась веревка в крепкий картон, ее никто не открывал с тех самых пор, как она попала в эту комнату. Не до конца осознавая свои действия, Виктория положила фонарик на пол и взялась за пыльную бечевку, опоясывавшую коробку. Узел оказался таким плотным, что как девушка ни старалась, она так и не смогла развязать его и только до боли натерла кончики пальцев, пытаясь сделать это. Вспомнив, что днем на одной из полок комнаты она оставила нож для бумаги, девушка так тихо, как только могла, на цыпочках подошла к секции, стоявшей у стены. Пол скрипел при каждом ее шаге и сердце девушки сжималось каждый раз после очередного скрипа, но ей все же удалось добраться до ножа и обратно до коробки без каких-либо происшествий. Как показалось ей самой, она все же находилась одна в этой комнате. Тем не менее Вика считала разумным соблюдать тишину насколько это возможно.

Острое лезвие ножа легко прорвало волокна бечёвки, освободив девушке доступ к крышке коробки. Осторожно, словно крышка была сделана их хрусталя, Виктория приподняла ее и хотела уже так же осторожно положить в сторону, как вдруг из-под крышки вырвался на волю целый рой мелких мушек. Вскрикнув от неожиданности, Виктория резко отпрянула назад, выронив картонную крышку из рук. Зажав рукой рот от отвращения, девушка все же решила вернуться к коробке, несмотря на то, что страх и предчувствие чего-то весьма неприятного окутывали ее с головы до ног.

В коробке сверху лежал ворох скомканных газет, слегка пожелтевших от времени. Одна за другой девушка начала вытаскивать газеты наружу. Пару раз ей в глаза бросились даты выпуска газет в печать: 1988, 1989, 1990. То есть тот, кто когда-то сложил их в эту коробку, жил в доме во второй половине XX века. «Этим человеком могла являться, как тетя Энн, так и мать Брюса – Лиза», – подумала Вика.

Когда последний ком смятых газет оказался вызволен наружу, Вика увидела на дне коробки замотанный в мешковину предмет. Стоило девушке прикоснуться к нему, как ее словно пронзил электрический разряд. Острая боль от прикосновения молнией прошла сквозь левую руку девушки, мгновенно распространилась по всему телу и горячим пламенем осела в правом запястье, на котором раньше Вика носила подаренный Брюсом браслет. В глазах Вики потемнело от боли, ее резко затошнило, но девушка все же не потеряла сознания и, превозмогая боль, вновь потянулась к предмету. Во второй раз при прикосновении острой боли не возникло, но рука девушки продолжала болеть, словно ее и вправду опустили в костер. Действуя лишь одной рукой, Вика размотала ткань и вытащила наружу то, что кто-то спрятал в коробке много лет назад. Хоть девушка уже успела догадаться, что являлось содержимым этой коробки, реальность оказалась куда более отталкивающей, нежели Вика себе представляла: взору Виктории предстала потемневшая, затвердевшая и сморщенная отрезанная кисть полковника Бэйли. Знаки, некогда нарисованные Беатрис, стали еда различимы, такой темной стала кожа, почти как кожа египетских мумий, увиденных Викой совсем недавно в Британском музее. Пластины, заменявшие ногти, окислились и из серебристых стали тускло-зелеными. Сама кисть некогда крупного и сильного мужчины

усохла настолько, что мало чем отличалась по размеру от кисти Вики.

Девушка с омерзением смотрела на отрубленную конечность, борясь с тошнотой, уже подходившей к горлу. «Какая гадость, – пронеслось в голове у Вики, – нужно скорее от этого избавиться, – решила она». Стоило ей только подумать об этом, как в голове словно щелкнуло, и девушка с удивительной ясностью вспомнила пожар, чуть не убивший полковника и превративший его в чудовище с озлобленным сердцем и помутившимся рассудком.

– Огонь! – вслух сказала Вика по-русски, – мне нужен огонь. С огня все началось, огонь и сможет положить конец проклятию.

Виктория не знала, откуда у нее появилась такая уверенность, но сердцем чувствовала, что права. Не желая терять времени, замотав отрубленную кисть обратно в мешковину и прихватив фонарик и нож для бумаги, Вика уже хотела быстро направиться к выходу из комнаты, но резкая боль в руке не позволила ей этого сделать. Запястье жгло так, что в глазах темнело от боли и, чтобы не кричать, Виктория, что ей мочи, кусала губы, от чего на них выступали капельки крови.

«Я все равно должна сделать это. Чего бы мне это ни стоило», – думала Вика, облокотившись о стену, чтобы не упасть. Пот холодными капельками выступил у нее на лбу, но девушка не выронила кисти и фонарика. Набрав полные легкие воздуха, она сделала шаг к двери, затем другой, потом третий. Добравшись до нее, Вика передохнула пару секунд и посмотрела на свою руку. Хоть по ощущениям та и горела от боли, как от огня, внешне это никак не проявилось и кисть, а также запястье выглядели вполне нормальными. «Это все у меня в голове. Вполне вероятно, что я схожу сума», – на секунду подумалось Вике, но она тут же отогнала от себя эти мысли, понимая, что сейчас не время для размышлений.

Прислушавшись и не услышав ничего, кроме уже ставшего привычным завывания ветра и скрипа старых деревянных половиц, Виктория приоткрыла дверь. В коридоре второго этажа стояла тишина. Как бы ни было страшно Вике, она все же осмелилась осветить фонариком коридор, понимая, что тем самым могла легко выдать себя. Но, на ее счастье, в коридоре никого не оказалось, и свет от фонарика не привлек ничье внимание.

«Мне нужно добраться до первого этажа: там камин, где я смогу сжечь эту пакость», – решила Вика и направилась вдоль по коридору к лестнице, ведущей вниз. Девушке каким-то образом удалось привыкнуть к боли в руке, и мысли ее стали несколько более связанными, а шаги увереннее. Пару раз она даже порывалась позвать Брюса по имени, но страх того, что Брюс может оказаться вовсе не тем, к кому она привыкла и кого успела полюбить, пересилил это желание.

Дойдя до начала лестницы, девушка еще раз остановилась, но не заметив ничего, начала спуск. Оказавшись уже внизу, Вика вдруг ощутила тот же зловонный запах, что ранее она ощущала во время визитов черного существа. «Значит, он все же тут, – с ужасом поняла Вика, – нельзя терять ни минуты». Девушка поспешила добраться до гостиной, где еще несколько часов назад родственники и друзья семьи Бухан выражали свои соболезнования Брюсу. Сейчас же помещение было наполнено зловещими тенями, смрадом и холодом, пронизывавшим до костей.

«Здесь что-то не так. Здесь все не так», – поняла девушка, оглядываясь. До нее только сейчас начало доходить, что все предметы вокруг нее начали истощать ненависть, злость и боль. Вике стало жутко и некомфортно, словно само ее присутствие в этой комнате заставляло все вокруг, даже воздух, вибрировать от негодования. Оборачиваясь и пытаясь

сфокусировать свой взгляд на предметах, окружавших ее: диване, столике, креслах, часах над камином, телевизоре, девушка заметила, что все они стали слишком темными, почти черными, как если бы кто-то закрасил их черной краской.

Осознав, что время уходит, а комната меняется буквально на глазах, Виктория поспешила к камину. Над ним Эван обычно хранил весьма объемный коробок с длинными спичками, которые использовал для разжигания огня в камине. Благодаря свету от фонарика девушке легко удалось отыскать коробок, оставленный за вазой, стоявшей сбоку на каминной полке.

«Наконец-то», – обрадовалась Вика и схватила спички. Присев перед камином, девушка аккуратно положила завернутую в мешковину отрубленную кисть поверх остатков углей. Взяв с журнального столика газету, Виктория оторвала несколько страниц и, скомкав их, положила на угли рядом с отрубленной кистью, решив, что благодаря бумаге огонь возьмётся быстрее. Из-за боли правая рука слабо слушалась девушку и почти все действия Вика совершала левой рукой, только изредка помогая себе правой. Когда же дело дошло до зажигания спичек, то девушка поняла, что правой рукой не сможет удержать коробок и положила его под колено, намереваясь чиркнуть по нему спичкой, которую держала в левой руке. Затаив дыхание, Вика уже хотела провести коричневой серной головкой спички по шершавому боку коробка, как вдруг раздался звук резко открывшейся входной двери и протяжное завывание зимнего ветра огласило коридор старого дома.

Рука, державшая спичку, дрогнула, и тоненькая палочка выскользнула из пальцев девушки, но Вика даже не заметила этого: как загипнотизированная, она смотрела на проход, ведущий из коридора в гостиную. Кто бы ни зашел в дом, он вскоре должен был показаться в этом проеме. Время словно остановилось. Вика затаила дыхание, точно забыла как дышать, а боль в руке отступила на задний план, уступив место паническому ужасу и страху, сковавшему ее.

Раздались тяжелые шаги. Девушке почудилось, что они гулким эхом отдавались у нее голове, такими громкими они ей показались. Раз-шаг, два-шаг, три-шаг и вот в дверном проеме уже стояла рослая мужская фигура. Вика могла разглядеть лишь ее очертания, тогда как лицо скрывала темнота. Не отрывая взгляда от остановившейся в нескольких метрах от нее фигуры, девушка потянулась за фонариком, лежавшим возле ее. Несколько раз впустую хлопнув ладонью по полу, Вика наконец дотронулась и до холодной пластмассовой ручки фонарика. Крепко сжав ее в правой руке, девушка медленно перевела луч света на мужчину.

На самом деле ей вовсе не хотелось знать, кто или что стоит перед ней, но руки машинально подняли фонарик вверх, и Виктория увидела перед собой Брюса, вернее то, что ей напомнило Брюса, но вовсе не являлось им самим.

Руки и ноги мужчины были испачканы грязью, словно он полз по земляной траншее, лицо же выглядело пепельно-серым, осунувшимся, но с безумным блеском в широко раскрытых глазах. Глядя на Вику, мужчина улыбнулся и поднял кверху правую руку, державшую какой-то предмет.

– Я нашел его для тебя, любовь моя, – сказал Брюс голосом Рэндольфа Бэйли.

Виктория присмотрелась к предмету в руке и под слоем грязи, скрывавшем вещь, заметила серебристый блеск. «Это, наверное, браслет Беатрис», – пронеслось в голове у Вики. «Неужели он все это время искал его под деревом!? Неудивительно, что он весь в мокрой земле», – поняла она.

– Иди ко мне, – прохрипел Брюс и сделал шаг в сторону Виктории.

Девушка тут же с вскочила на ноги, даже не обратив внимания на резкую боль в руке, которая только усилилась с появлением браслета в комнате.

– Брюс, – тихо выговорила она, прижавшись спиной к камину, – не надо, пожалуйста.

Мужчина ничего не ответил, но сделал еще один шаг навстречу к Вике, не знавшей стоит ли ей бежать на кухню или постараться оттолкнуть Брюса и попытаться убежать из дома через входную дверь. Шансы на оба побега казались минимальными, ведь мужчина был в разы сильнее и быстрее девушки, к тому же у нее толком работала только одна рука, и оказать сопротивление Брюсу являлось весьма сомнительной затеей.

Вика начала медленно двигаться спиной к двери кухни. Держа отрубленную кисть в левой руке, она спрятала ее от Брюса за спиной, не желая выдавать ему свою находку. Правой рукой она попыталась достать бумажный нож из заднего кармана брюк, но пальцы, скрученные от боли, почти не слушались ее и проделать задуманное ей не удалось.

– Куда же ты, милая? – с иронией в голосе спросил Брюс-Рэндольф, когда Виктория оказалась в метре от двери, – неужели ты не хочешь получить назад свой браслет? Мне казалось, вы с ним стали неразлучны.

Поняв, что второго шанса не предвидится, девушка резко повернулась и, что есть мочи, припустила в кухню, где, бросив отрубленную кисть на пол, тут же схватилась за дверь и поспешила закрыть ее, навалившись на нее всем весом. К сожалению, дверь была без замка и запереть ее не представлялось возможным. Брюс же, злобно рассмеявшись, бросился вслед за Викой и принялся колотить кулаками по двери, что буквально отбросило девушку назад. Поняв, что долго она не сможет сдерживать мужчину, Вика потянулась рукой к спинке деревянного стула, желая хоть чем-то подпереть ручку двери. Ее пальцы уже почти коснулись деревянной спинки, но очередной удар в дверь не дал ей ухватиться за стул. Мужчина сумел приоткрыть дверь и просунул сквозь образовавшуюся щель пальцы, продолжая напирать на дверь всей своей массой.

Виктория была в отчаяние, но тут снова вспомнила про нож в кармане и, выхватив его здоровой рукой, чиркнула, что есть силы, по пальцам Брюса. Раздался вой, больше похожий на звериный, и рука Брюса исчезла из проема. Девушке вновь удалось захлопнуть дверь и, воспользовавшись моментом, она тут же дотянулась до стула и подперла им ручку двери.

– Будь ты проклята, – прохрипел голос полковника Бэйли из гостиной, от чего по телу Вики пробежали мурашки. Быстро осмотрев полутемную комнату и найдя глазами лежавшую под столом отрубленную кисть, девушка подняла ее и прижала к груди. Доступ к камину оказался перекрыт, а трюк со стулом задержит мужчину от силы на пару минут.

«Сожги ее! Сожги ее! Сожги ее!», – кричал внутренний голос Виктории.

Девушка вспомнила, что Эван всегда хранил канистру с бензином в гараже и поспешила направиться туда. Пробежав по узкому коридору, соединявшему дом с пристроенным к нему позже гаражом, девушка остановилась и прислушалась: сзади продолжали раздаваться крики и удары по двери. «Значит, нужно спешить», – убедилась Виктория и, распахнув дверь гаража, оказалась внутри темного без окон помещения, пропитанного запахами машинного масла, краски и бензина. Включив карманный фонарик, девушка начала судорожно искать канистру с бензином, переводя луч света с одной пыльной полки на другую, но кроме ящиков с инструментами, тюков старых газет, а также свернутых в мотки веревок ничего не видела. Осмотрев, казалось бы, все полки, Вика перевела взгляд на пол и, о чудо, неподалеку от запертых ворот гаража увидела небольшую жестяную канистру. Схватив ее и поднеся к носу, Вика почувствовала знакомый запах бензина. Оставалось только найти спички или

зажигалку. Но и они нашлись очень быстро на одной из полок опустевшего без машины Эвана гаража. Автомобиль старика Брюс так и не загнал в гараж, и сейчас машина стояла недалеко от дома на присыпанной гравием подъездной дорожке.

Не веря своему счастью, девушка побежала к выходу из помещения, ведущему на улицу, но натолкнулась на запретную снаружи дверь. «И как я могла не подумать об этом!?», – ужаснулась Вика, оказавшаяся в гараже, как в ловушке. Времени на размышления не оставалось, и девушка, решив, что другого выбора нет, зажав фонарик между зубами, чтобы освободить руки, сделала лужицу из бензина у подъемной двери гаража, предварительно положив в центр лужицы отрубленную кисть Рэндольфа Бэйли. Продолжая тонким ручейком лить бензин на пол, Вика попятилась к другому выходу из гаража, намереваясь остановиться неподалеку от двери, ведущей обратно в коридор дома, откуда она только что прибежала. Девушка понимала, что если ей не удастся выбраться из гаража, то она попросту заживо сгорит в нем, но делать было нечего: либо попытаться избавиться от полковника, уничтожив его руку, либо, что казалось весьма вероятным, погибнуть от рук обезумевшего Брюса.

Прижавшись спиной к стене, девушка выключила фонарик и затаила дыхание. Гараж погрузился в кромешную темноту и тишину, которую вскоре нарушил удар по двери.

– Я знаю, что ты тут! От меня не убежишь! – раздался за дверью голос полковника Бэйли.

Обрушив пару ударов на весьма хлипкую дверь, мужчина буквально вынес ее, сорвав с петель.

– Беатрис, ты где? Выходи! – позвал мужчина и зашел в гараж.

Решив не терять времени, Виктория выпрыгнула из-за угла и со всей силы, на которую была тогда способна, ударила уже успевшей опустеть канистрой из-под бензина мужичину по голове. Он, явно не ожидав такого удара, покачнулся и, как мешок, рухнул на колени, после чего завалился лицом в пол.

Страх и ненависть к полковнику, до этого перекрывавшие все чувства в сердце Виктории, вдруг резко отступили. До нее дошло, что перед ней лежало тело Брюса, а ее удар, возможно, просто убил его. Выронив канистру на пол, девушка присела на корточки, забыв о том, что еще пару секунд назад мужчина хотел наброситься на нее явно не с доброжелательными намерениями.

– Брюс, – испуганно прошептала она, включив фонарик и посветив им на него.

Голова мужчина была в крови, и небольшая лужица крови уже скопилась рядом с его виском. Удар Виктории пришёлся по затылочной части головы Брюса и сейчас там зияла небольшая, но сильно кровоточащая рана.

Виктория почувствовала, как от вида крови и раны в глазах у нее начало темнеть, а тело переставать слушаться, но девушка зажмурилась, больно закусила нижнюю губу и буквально приказала себе и своему телу не терять сознания. Просидев так несколько секунд, девушка открыла глаза и постаралась отвести свой взгляд от раны и крови.

Приложив немало усилий, ей удалось перевернуть мужчину на спину. Глаза Брюса были закрыты, но девушка заметила, что под тонкой кожей век зрачки бегали, как сумасшедшие. Мужчина дышал прерывисто и часто, а губы его двигались, словно он шептал что-то.

– Брюс, – еще раз обратилась к нему Вика, дотронувшись рукой до его щеки, – ты меня слышишь?

Мужчина никак не отреагировал на ее прикосновение, но губы задвигались чаще, как

если бы он и вправду силился что-то сказать.

– Вик, – слетело еле слышно с его губ. Виктория тут же наклонила голову поближе к лицу мужчины, желая понять, что он пытался ей сказать.

– Брюс, я тут! Пожалуйста, сопротивляйся ему! Я не знаю, как еще тебе помочь! – сквозь выступившие слезы пробормотала девушка. В ней боролись любовь к Брюсу и страх перед полковником Бэйли. Она не знала, нужно ли ей оставаться рядом с Брюсом или бежать от него без оглядки; действительно ли это не упокоенный дух полковника завладел телом Брюса или же мужчина был просто-напросто душевнобольным; или же с головой проблемы начались у нее и все эти ужасы ей просто привиделись, а ранила она ни в чем неповинного человека.

– Вик, – вновь сорвалось с губ Брюса, – уходи отсюда.

– Что? – удивилась Виктория.

– Я…я не могу…, – еле слышно сипел мужчина, – я не могу больше сдерживать его.

От этих слов Виктория резко отпрянула от Брюса и вновь со страхом посмотрела на него. Сейчас он выглядел весьма беспомощным, но что, если это ненадолго?

Через мгновение его закрытые глаза перестали бегать из стороны в стороны, губы больше не двигались, а дыхание из прерывистого стало глубоким. Со стороны могло показаться, что мужчина уснул, но в сердце к Виктории закрались самые худшие опасения.

– Брюс, – сказала девушка вслух и вдруг глаза лежавшего перед ней мужчины резко открылись. Взгляд карих глаз вновь показался девушке безумным, а расширенные зрачки испугали своим невероятным размером и темнотой.

Виктория уже хотела отпрянуть от Брюса, но тот ловко схватил ее за запястье правой руки. Боль, до этого терзавшая руку девушки стала нестерпимой, словно руку резко опустили в кипяток. Виктория закричала, что есть мочи, и попыталась вырваться из железной хватки мужчины, но он держал ее слишком крепко. Девушка визжала, извивалась, как змея, колотила здоровой рукой по лицу и груди мужчины, но ничего из этого не помогало. Брюс с ухмылкой смотрел на ее безуспешные попытки вырваться и только еще больше улыбался после каждого ее удара.

– Вот, ты и попалась! – сказал он и потянулся свободной рукой в карман брюк.

К ужасу Виктории мужчина вытащил оттуда злосчастный браслет Беатрис, на котором местами все еще виднелась прилипшая к нему земля, заполнившая коричнево-черной массой мелкие детали его узора. Девушка сама не понимала, почему она так боялась возвращения этого браслета на свою руку. То был не страх очередной боли, а страх чего-то большего, точно она чувствовала, что браслет может вернуть к жизни ту, которой он когда-то принадлежал.

– Теперь-то я с тобой наконец рассчитаюсь, – продолжая зловеще улыбаться, сказал Брюс-полковник и, оголив запястье Виктории, резким движением надел на него браслет и захлопнул застежку. Он хотел таким образом вернуть Беатрис то (а перед собой он видел именно ее, а не Вику), что принадлежало ей, и навсегда разделаться с ведьмой, погубившей его.

Неожиданный разряд, похожий на электрический, отбросил двух молодых людей друг от друга. Виктория отлетела к стене гаража, сильно ударившись головой о низкую деревянную полку, от чего потеряла сознание. Мужчина же отлетел к центру помещения, но сознания не потерял. Однако если бы Виктория в тот момент могла видеть его лицо, то заметила бы на нем некоторое удивление. Мужчина явно не ожидал, что неизвестная ему

сила буквально оторвет его от девушки и откинет на несколько шагов назад. Он и подумать не мог, что браслет – эта обычная с виду побрякушка, может обладать какой-то силой. В глазах Бэйли он являлся всего лишь символом самой Беастрис и ее предательства, но не представлял из себя никакой угрозы.

Медленно встав, он схватился рукой за голову. Его пальцы тут же стали влажными от крови, продолжавшей сочиться из раны на затылке. Простояв несколько секунд не двигаясь, по всей видимости, собираясь с силами и осмысливая то, что сейчас произошло, мужчина все же сделал несколько шагов к лежавшему неподалеку телу девушки.

Виктория лежала на спине, глаза ее были закрыты, а руки раскинуты в стороны. На правой руке, плотно охватывая запястье, сверкал красными камнями браслет. Полковнику Бэйли, завладевшему телом Брюса, даже показалось, что от камней исходило красноватое сияние, но, не придав этому значения, он перевел взгляд на лицо Виктории. Мышцы ее расслабились, а выражение лица стало спокойным, но из-за тусклого света, лившегося из открытого дверного проема, полковник просто не мог заметить, что черты лица девушки все же слегка изменились: нос стал более острым, губы не такими пухлыми, а брови и волосы приобрели более светлый рыжеватый оттенок. Однако Рэндольфа не интересовали такие детали, ведь в голове у него крутилась только одна мысль: уничтожить девушку во что бы то ни стало. Видя, что ее грудь ровно вздымается и она жива, мужчина склонился над Викторией и сомкнул пальцы вокруг ее тонкой шеи, намереваясь положить конец ее жизни и одновременно своим мучениям.

– Умри! – прохрипел он, глядя на девушку безумными полными ненависти глазами, и начал медленно сжимать пальцы.

Стоило мужчине слегка надавить на шею Виктории, как та открыла глаза и пристально посмотрела на него, прекрасно понимая, кто навис над ней. Мужчина же, увидев этот взгляд, растерялся: на него смотрели зеленые, чуть раскосые глаза Беатрис, вовсе не той девчонки, отдаленно похожей на нее, а именно ведьмы-Беатрис.

Пронзительный взгляд колдуньи испугал Бэйли. Его руки вдруг налились свинцом, и он понял, что уже не может продолжать сдавливать горло девушки. Мужчина почувствовал, что силы начали покидать его и медленно разжал пальцы, одновременно отодвинувшись от Беатрис. Она же продолжала смотреть на него, а губы ее тихо шептали знакомые только ей заклинания, направленные на подавление силы и воли мужчины. Беатрис не обратила внимания на то, что она вдруг оказалась в незнакомой для нее обстановке, в чужом, непривычном теле. Она лишь осознавала, что видит перед собой своего врага – человека, некогда унесшего жизнь ее любимого. Пусть она и забыла некоторые из своих проклятий и знаний, кое-какие заклятия она еще помнила, к тому же браслет давал ей силы, о которых наивный Рэндольф, считавший, что надев украшение на руку чужестранки, вернет Беатрис к жизни без ее способностей и небывалого дара, даже не подозревал.

Мужчина, выпрямившись, начал медленно отступать от девушки к центру гаража. Всем сердцем он рвался вперед, но все же продолжал отодвигаться от той, кого ему хотелось порвать на части, однако, его тело не давало ему этого сделать. Против его воли ноги двигались в обратном направлении, а руки висели беспомощно, словно плети. Он также не мог выкрикнуть проклятье в адрес Беатрис, потому что внезапно лишился дара речи. Даже его дальний родственник, звавшийся Брюсом, стих в голове и перестал оказывать всякое сопротивление, точно его и вовсе не существовало. Будто полковник Бэйли всегда обитал в этом красивом и статном, как некогда и его собственное, теле.

Беатрис же с легкостью встала и, продолжая стоять у стены, не отрывая взгляда от полковника, непрестанно шептала свои заклинания. Ее глаза начали издавать слабый свет, словно она была кошкой, а кожа светиться изнутри. Никогда она еще не чувствовала себя такой сильной и могущественной! Будто помимо ее собственных сил к ним прибавились еще и чужие. Беатрис не заботило, что послужило причиной ее усилившихся способностей. Она лишь хотела покончить с мужчиной и убраться отсюда подальше. Колдунья понимала, что находится не в своем теле и даже не в своем времени, но та энергия, что она ощущала в каждой клеточке своего тела, могла позволить ей остаться здесь и прожить еще одну жизнь, пусть и в чужом обличье.

Оказавшись у запертых ворот гаража, Бэйли остановился. Его тело замерло, как если бы он превратился в статую, и только глазами он продолжал следить за приближавшейся к нему Беатрис. Она шла молча: ее губы уже не шевелились, а только изогнулись в красивую, соблазнительную улыбку.

– Вы только посмотрите, кто перед нами, – сказала девушка голосом Беатрис, от которого полковника передернуло бы, если бы он мог контролировать свое тело, – ты нашел способ вернуться к жизни, да в добавок и меня вернул. Бесспорно, это заслуживает похвалы. Но чего ради, скажи мне?

Мужчина не мог говорить и поэтому лишь зло смотрел на девушку.

– Ах да, я же забыла, что ты нем, – томно сказала Беатрис, ни на секунду не забывшая об этом. Девушка щелкнула пальцами, и мышцы горла Рэндольфа тут же расслабились.

– Сука! – злобно сказал он.

Беатрис громко рассмеялась. Она стояла в нескольких шагах от мужчины, слегка склонив голову на бок, словно изучая его, переплетя руки на груди. Вся ее непринужденная поза, громкий смех и спокойный, несколько ленивый голос, говорили о том, что она чувствовала себя победительницей в этой игре.

– Больше тебе нечего сказать? Это все, на что ты способен?

– Ты – дрянь! Твое место в аду! – вновь прохрипел полковник, пытавшийся всеми силами разорвать чары Беатрис и вновь обрести силу рук и ног.

– Возможно, я как раз оттуда, но пока что возвращаться туда не собираюсь. Да, и прекрати сопротивляться мне – это бесполезно, ты же знаешь. Один раз ты не понял этого, значит, придется повторить урок. На колени! – громко сказала Беатрис.

Ноги мужчины сами собой начали сгибаться, и уже через несколько секунд он стоял на коленях, глядя на девушку снизу-вверх.

– Так-то лучше! – довольно сказала Беатрис, – чтобы мне с тобой такое сделать на этот раз? Скитания между мирами особой пользы тебе не принесли, так что, наверное, придется все же расправиться с тобой окончательно.

– Чтобы ты ни сделала, я все равно вернусь!

– Не думаю. Ведь и сейчас ты тут только благодаря мне. Я удерживала тебя от того, чтобы ты обрел покой. Так что, поверь мне, только я могу тебе его даровать. Только вот, скажи мне, почему ты его должен обрести, тогда как я – нет? Я, кто более всех остальных заслуживает его, обречена на вечные поиски свободы?

– О чем ты? – удивился Рэндольф, не знавший до этого момента, что Беатрис так же, как и он, не полностью покинула этот мир. Ее сила, злоба и любовь просто не давали ей этого сделать. На время ее дар, а также ее душа лишь заснули, перейдя в холодный бездушный кусочек метала – браслет, подаренный Виктором. Украшение переходило из рук в руки, но

оставалось бездейственным, ведь никто из его владельцев не обладал достаточной силой для того, чтобы вдохнуть в Беатрис жизнь.

– Это тело, на которое ты надел браслет, пробудило меня! – улыбнувшись, сказала девушка, – каким-то образом мы с ним связаны, но это не столь важно. Имеет значение лишь то, что сейчас ты умрешь и больше никогда не встанешь на моем пути.

Беатрис нагнулась и подобрала коробок спичек, лежавший неподалеку от нее. Бэйли только сейчас понял, что стоял на коленях в луже горючего, не в силах сдвинуться с места.

Продолжая улыбаться, девушка чиркнула спичкой по боковине коробка и, держа горящую палочку перед собой, приблизилась к полковнику.

«Нет!», – кто-то яростно и громко прокричал в голове Беатрис, так, что та остановилась. «Не делай этого, прошу!», – раздалось вновь. Беатрис догадалась, что голос в ее голове принадлежал той, чьим телом она завладела. Но какое ей дело до этого? Она должна уничтожить этого мужчину. «Беатрис, я знаю кто ты и знаю, что с тобой случилось. Прошу, не убивай его. Ты убьешь не того человека», – вновь услышала Беатрис.

«Мне нет дела до того, что ты хочешь», – мысленно ответила Беатрис, все же несколько замешкавшись. Она думала, что ей удалось полностью подавить другую личность, но вторая девушка, судя по всему, также обладала силой.

– Ты потеряла свою любовь и знаешь, как горько это было. Если сейчас ты убьешь этого мужчину, то уничтожишь и мою любовь. Ты должна понимать меня! – взмолилась Виктория.

– Я уже сказала, что мне это безразлично, – ответила Беатрис.

– Но ты в моем теле!

– Она уже не твое, дорогая.

Услышав эти слова, Виктория, загнанная в своем теле в какую-то непонятную для нее ловушку, по-настоящему испугалась. Сначала, только после удара о стену, она никак не могла понять, что произошло: почему с ее губ слетали слова, которых она не произносила, а ее ноги и руки двигались так, как она им не велела. Но чуть позже Виктория почувствовала, что контроль над ее телом получила Беатрис, и поначалу Вика даже обрадовалась этому, ведь колдунье удалось приструнить и обезвредить полковника Бэйли. Однако, когда девушка поняла, что в планы Беатрис входит и убийство, Виктория испугалась. Ее мало волновала участь души полковника, все, что ее заботило – это Брюс, запертый в своем теле, как и она теперь. Если Беатрис уничтожит Рэндольфа, то вместе с ним погибнет и ее Брюс, а этого она не могла допустить. К тому же этот мужчина был отцом ее будущего ребенка. Понимая, что нужно бороться, Виктория сделала попытку вновь завладеть своим телом. Она приказала рукам опуститься, а ногам остановиться, но у нее ничего не получилось. Ей хотелось закричать, но губы ее не дрогнули, и крик раздался лишь в голове Беатрис, от чего та поморщилась.

– Перестань, у меня от тебя начнется мигрень! – сказала она Виктории.

– У тебя она будет постоянно, если ты не прекратишь то, что задумала! – ответила Виктория.

Беатрис только улыбнулась и сделала еще один шаг в сторону Брюса. Спичка еще не успела догореть, но пламя добралось до ее середины и, желая поскорее покончить со всем этим, Беатрис уже хотела кинуть ее в лужицу бензина у ног мужчины, как вдруг, сама того не ожидая, нагнулась и задула огонек.

Бэйли весьма удивился этому и с облегчением вздохнул. «Что еще задумала эта ведьма?», – пронеслось у него в голове, но, увидев ошарашенный взгляд Беатрис, которая

сама не понимала, зачем она задула спичку, понял, что к чему, и засмеялся.

– Что, красавица? И на тебя нашлась управа? – смеясь, спросил он.

Беатрис ничего не ответила, а только выпрямилась и вытащила новую спичку из коробка.

– Я вновь задую ее! – сказала Виктория, убедившись в том, что еще не полностью потеряла контроль над своим телом.

Беатрис сначала не поверила, что кто-то способен сопротивляться ей, но поняв, что ее руки вдруг замерли и она не может пошевелить ими, сказала Виктории:

– Твой мужчина потерян для тебя, а Рэндольфа нужно уничтожить или он не даст ни тебе, ни мне покоя. Подумай над этим.

– Я знаю, но у меня есть другой план, – ответила Вика.

– И какой же? – усмехнувшись у себя в голове, спросила Беатрис, никак не ожидавшая, что девушка окажется столь прыткой.

– Нужно сжечь отрубленную кисть полковника. Ту, что ты изрисовала знаками. Она лежит в двух шагах от тебя.

– Откуда ты знаешь?!

– Просто знаю! Сделай это, и ты избавишься от Рэндольфа Бэйли навсегда!

Беатрис задумалась. В словах Виктории был смысл. В свое старое заклятие, наложенное на отрубленную кисть, она вложила все силы и злобу, что у нее тогда накопились. Закостенелая рука полковника должна была удерживать его в этом мире, не давая покоя и не отпуская из него.

– Если ты не сделаешь, как я тебе говорю и решишь сжечь мужчину, то я брошу свое тело в огонь, и ты потеряешь свой шанс на новую жизнь, – сказала ей Виктория. Девушка понимала, что тем самым убьет и себя, но что есть жизнь в теле, которым ты владеешь лишь частично, к тому же жизнь без Брюса?

– Ты врешь! Ты не сможешь сопротивляться мне! – гневно ответила Беатрис, за что тут же получила сильную пощечину своей же рукой.

Рэндольф, увидев, как Беатрис вдруг ни с того ни с сего ударила саму себя по лицу, зашелся в смехе.

– Всесильная Беатрис! Кажется, ты переоценила себя!

Беатрис пыталась призвать на помощь все свои магические силы, но ничего не получалось. Виктория подавляла ее способности и сдерживала все атаки колдуньи. Это казалось странным и одной и другой девушке, ведь если одна, например, хотела изо всей силы ударить свой же рукой по своему лицу, то другая, что есть мочи сдерживала удар, и в итоге на некоторое время фигура Виктории застывала в нелепой позе, ведя внутреннюю борьбу. Этот поединок тем временем ослабил чары, сковывавшие полковника, и тот почувствовал, как все члены его тела вновь обретают свободу. Однако показывать это Беатрис он не хотел, а продолжал стоять, как истукан, в той же позе, мысленно обдумывая дальнейший план. Оружия у него не было, да и применять его ему крайне не хотелось, ведь какое удовольствие он получит, разделавшись с мерзавкой собственными руками.

Понимая, что ждать дальше не имеет смысла, мужчина сделал резкий бросок вперед и повалил Беатрис на пол. Не давая ей возможности пошевелиться, он навалился всем телом на девушку и вновь схватил ее за горло, на этот раз намереваясь завершить начатое. К его удивлению, он почти не почувствовал сопротивления, лишь легкое подёргивание тела девушки говорило о том, что все происходящее шло вразрез с ее желанием. Сильные руки

Брюса, теперь принадлежавшие полковнику Бэйли, с легкостью сдавливали хрупкую шею Виктории. Девушка лежала на спине с широко раскрытыми, ничего не выражавшими глазами. Казалось, что полковник душил изредка вздрагивавший манекен.

«Глупая, если сейчас ты не перестанешь сопротивляться мне, то погибнешь!» – кричала Беатрис на Викторию в голове у девушки.

«Я не стану помогать тебе в очередном убийстве. Это мое тело и мне решать, как с ним поступить», – ответила Виктория, изо всех сил старавшаяся сдерживать порывы Беатрис захватить власть над ее телом.

«Вдвоем мы сможем одолеть его, только верни мне свободу!», – просила Беатрис, чувствовавшая вместе с Викторией, что тело, где они обе сосуществовали в данный момент, быстро теряло силы.

«Я разрешу тебе овладеть своим телом только, если ты сделаешь, как я говорю, и Брюс останется жив!», – из последних сил ответила ей Виктория, чьи глаза уже перестали видеть что-либо и все вокруг погрузилось в темноту, а боль в легких стала нестерпимой.

«Аааааа….– взвыла Беатрис, – хорошо, будь по-твоему! Только дай мне свободу!».

До Виктории долетели слова Беатрис, полные отчаянья и негодования. Вика понимала, что колдунья может и не сдержать обещания, но терять шанс на спасение она не хотела. В любом случае, не смотря на слабость и усталость, она попытается быть начеку и остановить Беатрис, если та вдруг надумает отступить от плана. О том, как избавиться от этой ведьмы в своем теле, Виктория тогда не думала.

Беатрис, до этого загнанная в самые дальние уголки сознания Виктории, вдруг почувствовала, что ее больше никто не сдерживает и она вольна делать в этом теле, что хочет. Одновременно с облегчением и свободой на Беатрис обрушились боль в области горла и отчаянная нехватка воздуха в легких. Собрав все свои силы воедино, колдунье удалось перебороть темноту, нависшую над ней до этого, и сфокусировать свой взгляд на лице мужчины, прилагавшего все свои усилия, чтобы убить ее.

Увидев, что на него вдруг устремился полный осознанной злости взгляд, Рэндольф еще сильнее сдавил горло девушки, но тут его руки пронзила резкая боль, словно в них впились тысячи осколков стекла. Боль терзала и мучала его руки, но тем не менее он не ослабил хватки и продолжал стискивать горло девушки.

«Слишком поздно ты спохватилась! Мне не совладать с ним», – мысленно сказала Беатрис Вике.

Виктория, словно наблюдавшая за сценой со стороны, поняла, что Беатрис права, и счет идет на секунды, прежде, чем Бэйли все же удастся убить их обеих. Тогда она, превозмогая слабость, надвигавшуюся на нее все сильнее и сильнее, сумела оторвать руки от пола и, как могла крепко, ухватилась за запястья мужчины.

«Прости, Брюс!», – подумала Вика и, сама не понимая как, направила поток бьющей через край энергии, смешанной с болью, из браслета через свои руки в руки мужчины, передав ему тем самым часть той боли и отчаянья, что до этого все время терзали душу Беатрис.

Полковник Бэйли взвыл от неожиданной боли, пронзившей все его тело, и резко отпустил горло девушки. Виктории это дало шанс на вдох, полный облегчения и боли одновременно. Все ее горло изнутри и снаружи словно жгло огнем, но кислород, наконец-то поступивший в легкие, насытил ее тело живительной силой.

«Сейчас или никогда!», – сказала ей Беатрис и заставила ослабевшее тело Виктории

подняться с пола.

Осторожно, не отрывая взгляда от корчившегося от боли на полу гаража мужчины, девушка подошла к лежавшей неподалеку отрубленной кисти. Бросив на нее мимолетный взгляд, Виктория подняла лежавшие рядом спички и, достав одну, зажгла ее. Девушка уже хотела бросить ее на пол и тем самым поджечь кисть, но Беатрис остановила ее.

«Надежнее окажется сжечь их обоих, ты же знаешь!», – сказала она Виктории, сдерживая ее от задуманного.

«Я знаю, что поступаю правильно», – парировала Вика.

«Откуда? Ты ведь ничего не сведаешь в древних знаниях».

«Я просто знаю», – ответила Виктория и разжала пальцы.

Спичка упала в самый центр лужицы с бензином и в мгновение ока горючее вспыхнуло ярким пламенем, озарив гараж багрово-красным светом. Кисть полковника, оказавшаяся в самом эпицентре пожара, начала издавать шипение, как опущенный на раскалённую сковородку шпик сала, а также источать зловоние, точно такое, что до этого витало в доме при появлении черного существа, являвшегося призраком Рэндольфа.

Виктория, как завороженная, смотрела на руку, которая, казалось, дергалась и сжималась в огненном пламени. Чернила, использованные Беатрис для начертания знаков на коже кисти, словно таяли и стекали по желтой пергаментной коже, которую то тут то там прорезали острые кости.

«Нужно бежать отсюда, если не хочешь сгореть заживо!» – раздался в голове у Виктории голос Беатрис. Девушка вздрогнула и огляделась по сторонам: помимо пола, пламя начало переходить и на полки и стены гаража, и все помещение стало заполняться едким дымом, от которого Вике сделалось дурно. Переведя взгляд на Брюса, она увидела, что мужчина все также мучился от боли, а глаза его закатились и виднелись лишь белки. Что происходило с ним, она не знала. То ли так проявлялись последствия того заряда боли, что она передала ему через браслет, то ли огонь, уничтожавший отрубленную кисть, убивал и самого полковника Бэйли внутри Брюса.

«Мы не можем его тут бросить», – сказала Виктория и, подбежав к мужчине, попыталась привести его в чувства, похлопав по щекам.

«Это не поможет», – фыркнула Беатрис, – «проще оставить его здесь».

«У нас был договор!», – запротестовала Виктория и, подхватив мужчину за руки, попыталась оттащить его к выходу, но из-за разницы в весе, сделать это оказалось не так просто. К тому же огонь уже охватил почти все помещение, и дышать стало практически невозможно.

«Черт, если ты мне не поможешь, то мы все тут погибнем», – злобно сказала Виктория Беатрис.

Беатрис колебалась. Она чувствовала страх перед этой незнакомой ей девушкой. Вика явно обладала силой, способной дать отпор Беатрис, и какой смысл помогать ей, если, в конце концов, она не сможет управлять телом чужестранки? Что если Виктория надумает избавиться от нее навсегда? Правда, это маловероятно, пока браслет на ней, но ведь и его можно снять? И если Беатрис не перехватит власть до этого момента, то снова окажется обреченной скитаться между двумя мирами. Однако возможность потерять шанс на свободу сейчас все же пугала колдунью. Ведь если Виктория погибнет, то Беатрис не захватит ее тело, но, если девушка останется жива, ведьма сможет побороться за власть.

Решив, что наиболее верным решением окажется покориться воле Виктории и

одновременно с этим затаиться, Беатрис промолчала, но также передала часть своих сил девушке, от чего руки Вики вдруг сделались сильными, как никогда. Девушка почувствовала, как кровь побежала по венам быстрее, насыщая все ее тело энергией. С небывалой легкостью, о которой она до этого могла только мечтать, Вика вытащила так и не пришедшего в себя Брюса из гаража и продолжила тащить его по коридору в кухню.

Черный дым, словно гигантская змея, протискивался из гаража в коридор и шел следом за кашлявшей Викторией. Он щекотал ей ноздри, заполнял гортань, жег глаза и легкие, но Вика упрямо отказывалась отпускать Брюса и продвигалась все дальше. «Еще чуть-чуть» – вторила она себе, щурясь и делая по возможности короткие вдохи, только чтобы хватило сил продолжать путь.

Сама не понимая, как ей это удалось, но Вика все же сумела дотащить почти что бездыханное тело Брюса до темной кухни, где также уже начинал скапливаться дым. Решив сделать остановку, девушка отпустила Брюса и на несколько секунд присела в углу перевести дыхание. Она пыталась нащупать своим внутренним чутьем Беатрис, но той словно след простыл.

«Ты тут?» – спросила она у себя в голове, но ответом ей было молчание, точно никакой Беатрис и вовсе не существовало.

– Разберусь с этим позже, – по-русски сказала девушка в слух, надеясь, что Беатрис таким образом не услышит и не поймет ее.

Виктория склонилась над Брюсом и убедилась, что он дышал. Его больше не трясло, а глаза были плотно закрыты. Это вдохнуло надежду в Викторию на то, что ее замысел с сожжением кисти все же удался, и полковник покинул тело Брюса.

«Еще немного», – превозмогая усталость, девушка вновь вцепилась в Брюса и поволокла его к выходу из кухни, до которой еще не дошло пламя, но дым уже почти полностью заполнил все пространство.

Дотащить мужчину до входной двери в дом оказалось не таким сложным, как думала Виктория. Ее не покидало чувство, что Беатрис все же помогала ей, но почему-то отмалчивалась и не проявляла себя, ведь одна она бы никогда не справилась ни с усталостью, ни с тяжелым телом мужчины.

Открыв входную дверь, девушка с радостью вдохнула холодный и влажный воздух зимней шотландской ночи. И хоть холодный ветер, словно хлыстом, ударил по ее телу, она все же была несказанно счастлива оказаться под тяжелым нависшем над ней небом. Холод, мелкий дождь и сильный ветер не слишком волновали ее, ведь она оказалась на свободе, а не в запертом пространстве, заполняемым огнем и дымом.

Стащить Брюса с каменных ступенек крыльца было нелегко, ведь девушка делала это так осторожно, как только могла, стараясь не ударить при этом голову мужчины. Остановившись у крыльца дома, Вика решила передохнуть и от безысходности села на холодные мокрые плиты перед домом. Силы вдруг начали резко покидать ее, словно та, что дала их, решила забрать их обратно. Опершись спиной о каменную кладку крыльца, Виктория задрала голову вверху и увидела, что небо над ней озарялось багровым светом.

«Должно быть, это пламя из окошек гаража вырвалось наружу», – подумала девушка и закрыла глаза.

Усталость навалилась на нее с неимоверной силой, и Вике жутко захотелось спать. Руки и ноги будто налились свинцом и сделались неподъемными. С трудом разомкнув глаза, девушка перевела взгляд на Брюса, чью голову она до этого заботливо положила к себе на

колени. Мужчина находился без сознания, но грудь его размеренно вздымалась и опускалась, что несколько успокоило Викторию.

«Неужели все закончилось?», – подумала она и вновь закрыла глаза, – «Я только передохну пару минут и попробую затащить Брюса в машину, а дальше – прочь отсюда».

Запах пожара доносился со всех сторон, а небо становилось все светлее от языков пламени, но Вика уже не ощущала ничего из этого. Стоило ей закрыть глаза, как она провалилась в темноту, а ее сознание полностью отключилось, оставив место той, кто все это время ждала этого мгновения, чтобы вновь захватить власть.

Глава 20.

Какое-то время Беатрис продолжала сидеть с закрытыми глазами. Ей не хотелось тревожить это уставшее и измотанное тело, к тому же ощущение свободы и свежего воздуха, о котором Беатрис так давно мечтала, словно опьянили ее. Столько лет она провела в изоляции, живя в своих воспоминаниях, скрываясь от всего мира и людей вокруг. Ей хотелось покоя, хотелось оказаться рядом с любимым, но ее окружали лишь печаль и боль. Она сама не знала, где обитала все это время. Иногда она могла различать вокруг знакомую обстановку своего дома, иногда она сменялась другим интерьером, совсем не похожим на тот, к которому привыкла колдунья. А не так давно она оказалась в совершенно чужой стране, где люди говорили на незнакомом для нее языке. Она не придавала этому значения, просто отправлялась туда, куда следовал ее браслет, ставший для нее, как спасением, так и проклятием одновременно. С одной стороны, он давал ей жизнь, ведь в нем оказалась запечатана частичка ее души, но с другой стороны, он не позволял ей выбраться за переделы серебряного украшения и переселиться во что-либо другое. Лишь однажды, тогда, когда Виктория почти что поборола Бэйли под старым дубом, Беатрис почувствовала, что может покинуть браслет и нырнуть в тело Вики. На радостях она даже разрешила замку украшения раскрыться и упасть с измученной руки чужестранки, однако, некая сила, слишком светлая и чистая, не дала ей тогда перебраться в новое тело. К тому же Виктория тогда потеряла сознание, и ее столь мощный поток энергии, открывший своеобразный портал в ее душе, резко иссяк. Беатрис ничего не осталось, кроме как ретироваться и вновь вернуться в браслет, в надежде, что жажда мести Бэйли снова приведет его к ней.

Лишь изредка она давала окружающим понять, что это украшение – ее вещь и она сама всегда находится рядом с тем, кто им владеет. Так случилось и с матерью того мужчины, чья голова сейчас лежала у нее на коленях. Несколько раз смутный образ Беатрис промелькнул в зеркале перед женщиной, чем очень напугал ее, и заставил Лизу Бухан отказаться от частого ношения браслета, что весьма обрадовало Беатрис. Чем меньше тревожили украшение, тем спокойней ей становилось, словно она дремала, а окружающий мир был лишь тихим фоном, не слишком раздражавшим ее. Однако стоило иностранной девушке получить украшение, как Беатрис почувствовала надежду на свое спасение и бегство из тюрьмы, которую она сама создала для своей души. Виктория обладала силой, о которой не подозревала. Она могла научиться многим вещам, что умела и сама Беатрис, так как в жилах у нее текла весьма необычная кровь: лишь немногие люди обладали такой и при этом были способны на удивительные вещи, правда, не все об этом знали и зачастую дар этот никогда не открывался им. Виктория же была молода и легко обучаема. Будь на то желание Беатрис, она могла бы многому научить чужестранку, однако, колдунье не хотелось делить это тело с кем-либо еще. Чувствуя, что Виктория отличается от прежних владелец браслета, Беатрис начала потихоньку пускать корни в тело и разум девушки, чем и вызывала странные сновидения и ощущения у россиянки, а позже и боль в руке. Из-за того, что Беатрис стала регулярно следить за жизнью Вики, проникать в ее сознание и пытаться завладеть ее телом, пусть и незаметно для девушки, она, сама того не желая, разбудила озлобленный дух Рэндольфа Бэйли, так и не нашедшей покой, и ранее не имевшей возможности и причины вернуться в мир живых. Поняв, что Беатрис где-то рядом, не упокоенная душа Рэндольфа, полная жажды мести, собрав все свои силы воедино, смогла проникнуть в этот мир из тьмы, неся с собой

разрушение и боль. Потомок Рэндольфа – Брюс, как нельзя кстати подошел для того, чтобы стать неким сосудом, из которого мог черпать силы Бэйли, а чуть позже полковник смог использовать тело своего дальнего родственника, и как инструмент возмездия. Но Беатрис не пугал ни смрад разложения плоти, исходивший от сущности, в которую она сама когда-то превратила Рэндольфа, ни то, что при появлении этого существа все вокруг начинала поглощать тьма, несущая в себе хаос и ненависть. Беатрис умела обращаться с темными силами и нисколько не боялась Рэндольфа, будучи уверенной в том, что всегда сможет справиться, как с ним, так и с любой другой помехой, вставшей у нее на путь.

Ей нужна была лишь полная власть над телом Виктории, и колдунья выжидала подходящего случая, чтобы завладеть им. Он наступил, когда Бэйли надел на руку иностранки браслет. Все чувства, инстинкты и страхи девушки оказались столь обострены, что это открыло некий канал в душе у Виктории, позволив ей вкусить частичку того, на что в действительности она была способна. Этим-то моментом и воспользовалась Беатрис, чей браслет стал порталом между двумя мирами, а также связующим звеном между девушками. В момент выброса энергии Беатрис смогла захватить власть над сознанием Виктории, а также получить временную власть над ее телом. Как долго она этого ждала! И каким горьким оказалось разочарование, когда Виктория все же смогла побороть ее. «Да, у этой девчонки есть сила, но есть и слабость!», – подумала Беатрис и, не открывая глаз, приложила ладонь к животу. Там, под толстым слоем свитера, а затем и кожи, и мышц, Беатрис чувствовала новую жизнь. Пусть еще несмышленую, беспомощную, но все же настроенную на появление на свет и борьбу со всем, что может помешать этому. «Малыш. У нее будет ребенок и, ручаюсь, ради него она пойдет на многое!», – обрадовалась ведьма.

Размышления Беатрис прервал шум от подъезжавших машин. Хоть девушка и не знала, что такое автомобиль, страха он у нее не вызвал, лишь яркий свет фар ослепил ее на мгновение, когда машина подъехала к дому. Из автомобиля выбежал мужчина среднего возраста и тут же бросился к Беатрис и Брюсу.

– С вами все в порядке? – спросил он. В его голосе слышались неподдельные тревога и испуг.

– Думаю, что да, – ответила Беатрис.

– Нужно убираться от сюда. Френсис уже вызвала пожарных, и они прибудут сюда, как только смогут. А вам лучше дождаться скорой у нас дома в тепле.

Беатрис согласно кивнула. Джеймс МакГрегор, осторожно поддерживая девушку за талию, довел ее до автомобиля и посадил на переднее сиденье, после чего вернулся к Брюсу и, подхватив его подмышки, также подтащил к машине. Джеймс был крепким мужчиной, но даже он запыхался, укладывая Брюса на заднее сиденье автомобиля.

– Что с ним? – спросил Джеймс, оказавшись рядом с Беатрис.

– Наверное, дым, – предположила девушка.

Мужчина кивнул и, нажав на газ, развернулся и поехал прочь от дома, гараж которого пылал так ярко, что можно было различить малейшие детали фасада дома.

– Хоть дом и каменный, огонь может перекинуться на него. Надеюсь, что пожарные поспеют вовремя, – сказал МакГрегор.

Беатрис ничего не ответила. Она завороженно всматривалась в темные окна автомобиля, пытаясь разглядеть за ними знакомые с детства пейзажи, но, к ее сожалению, темнота не давала ей этого сделать, к тому же тело ее начало предательски ныть, от чего колдунья отвыкла, и тратить свои силы на ответ этому незнакомцу ей не хотелось.

Вскоре, однако, она разглядела впереди небольшой домик, на пороге которого стояла женская фигура. Автомобиль остановился почти у самого порога этого дома, и женщина тут же кинулась к машине.

– Что случилось? – причитала она, – кто-то пострадал?

– Успокойся, Френсис, все живы, но вызвать скорую необходимо. Брюс, кажется, отравился угарным газом.

– Ох!

– Да, не охай, ты, а беги и вызывай скорую. Пожарных-то вызвала?

– А то! Уже едут! – ответила женщина и, развернувшись, убежала в дом, звонить в скорую.

Беатрис продолжала сидеть в автомобиле и наблюдала за этой сценой из окна. Она бы хотела покинуть эту странную для нее машину, но не знала, как работает дверь и решила не проявлять самостоятельности, чтобы никоим образом не выдать себя. Джеймс же решил, что девушка слаба и поспешил сам открыть перед ней дверь и даже помог бедняжке выбраться из салона.

– Давай, милая, иди в дом. Френсис сделает тебе горячий чай, а я разберусь с Брюсом.

Беатрис мало волновала судьба мужчины и она, кивнув в ответ, последовала совету МакГрегора, направившись к дому. Уже заходя в дверной проем, до ее слуха донесся вой, показавшийся ей отдаленно знакомым, точно она слышала его раньше. Обернувшись, она увидела огромную красную машину, быстро едущую в сторону ее дома. На крыше машины были установлены ярки огни. Беатрис уже видела подобные автомобили, но помнила их смутно, словно в тумане. Конечно, обладатели браслета сталкивались с ними на протяжении их жизни, а значит, сталкивалась и Беатрис, но тогда они нисколько не волновали ее.

Зайдя в дом, колдунья огляделась. Обстановка была очень простой и весьма непривычной для нее, но продолжая играть роль Виктории, девушка прошла вперед, стараясь не сильно обращать внимания на необычные для нее мелочи.

Из небольшой кухни, в которую и направилась Беатрис, раздавался встревоженный голос Френсис.

– Да, срочно приезжайте. Я не знаю, как долго мужчина находится без сознания. Лучше приезжайте поскорее! – говорила она в телефонную трубку.

Назвав адрес, женщина поблагодарила оператора скорой и, закончив звонок, отложила телефон в сторону.

– Бедняжка! Ты вся дрожишь, – спохватилась миссис МакГрегор, – садись скорее и возьми плед с подоконника, а я поставлю чай.

Беатрис сделала, как ей велели и, закутавшись в плед, села за стол.

Поставив чайник, Френсис, извинившись, вышла из кухни и прошла в гостиную, куда ее муж уже отволок бездыханное тело Брюса.

– Как он? – спросила она.

– А я почем знаю?! Дышит, значит жив, – ответил Джеймс.

– А что там случилось? – уже шепотом спросила Френсис.

– Я и сам не понял. Приехал, а гараж старика Бухана полыхает будь здоров как, а эти двое сидят под крыльцом дома.

– Может, проводка?

– Черт его знает. Пусть пожарные или полиция разбираются.

– Я тебе всегда говорила, что дом нехороший. Этого следовало ожидать.

– Не болтай глупостей. Как девчонка?

– В шоке. Сидит и ничего не говорит. Только смотрит на все круглыми от удивления глазами.

– Да, не повезло ей. Иди к ней, а я посижу с Брюсом до приезда врачей.

– Конечно-конечно. Только накрой его чем-нибудь, а то он, наверняка, продрог.

Миссис МакГрегор удалилась обратно на кухню, оставив мужа наедине с Брюсом. Беатрис продолжала сидеть, как статуя, чем слегка напугала Френсис. Заварив в кружке пакетик черного чая, женщина добавила в него бренди и сдобрила напиток молоком, после чего протянула кружку Беатрис.

– Выпей, это и согреет, и успокоит.

Девушка молча взяла чашку в руку и сделала несколько глотков. Горячий напиток действительно согрел ее и придал немного сил. Беатрис думала, как ей лучше поступить: убраться из этого места сейчас или продолжать играть роль Виктории, пока это будет возможным. Решив, что проще оставить все как есть, Беатрис выдавила из себя улыбку и поблагодарила хозяйку дома.

Френсис продолжала смотреть на девушку в недоумении. Во-первых, она ожидала услышать речь с акцентом, какую она уже слышала от Виктории на поминках, но ей ответили на правильном английском языке, причем с местным акцентом, словно девушка была родом из этих мест. Во-вторых, девица даже не удосужилась спросить про Брюса или пойти к нему. «Возможно, она в шоке», – подумала Френсис и несколько успокоилась. Сделав и себе чаю, она села за стол рядом с Беатрис.

– Так что же случилось, милая? – спросила она.

– О чем вы?

– О пожаре.

– Ах, вы про это. Я не знаю. Я спала наверху и почувствовала дым. Спустившись вниз, я увидела на полу тело Брюса и поспешила вытащить его на улицу. Вот и все, что мне известно.

– Понятно, – ответила миссис МакГрегор, не слишком поверив в эту историю.

Она бы, наверное, задала девушке еще несколько вопросов, но вой сирен за окном не дал ей этого сделать: приехала скорая помощь и женщина поспешила на встречу докторам.

Беатрис слышала голоса в гостиной и, решив, что правильнее будет присоединиться ко всем, отставила свою почти что опустевшую кружку и покинула кухню.

В зале над Брюсом склонился врач: он щупал пульс мужчины и проверял реакцию его зрачков на свет.

– Мы заберем его в больницу, – сказал он Джеймсу, после чего вместе с коллегами переложил тело Брюса на носилки и надел мужчине на лицо кислородную маску.

– А девушку? – спросила Френсис МакГрегор.

Врач, спохватившись, что не осмотрел еще одного пострадавшего человека, тут же подошел к Беатрис. Выглядела девушка неплохо, лишь слегла побледнела и осунулась.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он, – прошу сядьте на диван.

Беатрис послушно села, а врач продолжил осмотр.

– Все в порядке, только я сильно устала, – ответила Беатрис на вопрос доктора.

– Пульс в норме, зрачки тоже. Голова не болит? Вас не тошнит?

Девушка отрицательно покачала головой.

– В любом случае, вам лучше поехать с нами. Сдадите некоторые анализы, – подытожил

врач.

Беатрис кивнула и, встав, последовала за доктором к автомобилю, в котором уже расположилась бригада скорой помощи и Брюс на носилках. Беатрис также зашла внутрь, даже не попрощавшись с соседями, оказавшими ей помощь. Дверь за ней закрыл один из врачей и, поблагодарив чету МакГрегоров за своевременный звонок, отправился на пассажирское сиденье микроавтобуса, после чего скорая покинула двор мистера и миссис МакГрегор.

– Странно все это. Ты не находишь? – после некоторого молчания сказала Френсис, глядя в след удалявшейся скорой.

– Что именно?

– Этот пожар, поведение девушки.

– Есть немного, но не наше это дело – лезть в чужие дела, ты так не находишь?

– Да, но все же это наши соседи.

– Пойдем лучше в дом, не стоит думать об этом. Брюсу досталось немало. Сначала отец, потом, вот пожар.

– Завтра навестим их в больнице? – поинтересовалась Френсис.

– Обязательно, – ответил мистер МакГрегор и закрыл за собой дверь.

Скорая очень быстро примчала Брюса и Беатрис в больницу. Оказавшись впервые в таком большом и современном здании, Беатрис несколько растерялась. Хоть ее и довели до кабинета для осмотра и к ней вскоре пришла медсестра, девушку не покидала тревога, что она может себя как-то выдать или сделать что-то не то. Ей хотелось получить как можно больше времени, чтобы свыкнуться с новой обстановкой и временем и придумать, как навсегда избавиться от спящей сейчас внутри нее Виктории.

Подоспевшая к ней медсестра осмотрела девушку и помогла ей переодеться в сухую больничную одежду, после чего взяла у Беатрис кровь.

– Хорошо, теперь нам нужно получить некоторые ваши данные, – сказала сестра и, взяв бланк бумаги и ручку, обратилась к девушке.

– Ваше имя?

– Ээ… нельзя ли отложить это до завтра? – спросила Беатрис, не желавшая сделать ошибку.

– Вы устали?

– Да, я бы хотела отдохнуть, – попросила девушка.

– Конечно, – пойдемте, я найду для вас место.

Обрадовавшись, что ей не придется врать или применять свои чары, Беатрис последовала за медсестрой в палату, где стояло несколько пустых кроватей.

– Ложитесь сюда, а завтра моя коллега придет к вам, и вы сможете продолжить.

– Хорошо, – ответила Беатрис, сев на больничную койку.

«По крайней мере, у меня появится время все хорошенько обдумать. А пока что место придется уступить той, другой». Колдунья могла лишь надеяться, что Виктория не сразу заметит, что какое-то время ее телом управляла Беатрис. Помимо этого, главной проблемой в таком обмене сознаний являлось и то, что во время бодрствования Виктории, Беатрис не могла присутствовать в сознании россиянки. Иначе девушка бы поняла, что за ней следят. Единственным решением казалось на время отключаться от иностранки, но это вариант нисколько не радовал Беатрис, ведь в таком случае на какой-то период она полностью

теряла бы контроль нам телом девушки и не смогла бы знать, чем та занималась, с кем виделась, куда ходила. Также Беатрис в такие моменты не смогла бы учиться современной жизни, наблюдая за поступками Виктории, а отсутствие определенных навыков или знаний могло бы выдать ее в дальнейшем. Однако другого выхода колдунья не видела. Скорее всего, со временем она найдет способ полностью устранить Викторию, но сейчас ей это не под силу и проще на время сдавать свои позиции, нежели вести войну в открытую и, возможно, потерпеть сокрушительное поражение.

Обдумав все это, Беатрис легла на больничную койку и закрыла глаза. Когда бы она это ни делала, перед ее мысленным взором всегда вставал образ Виктора: голубые глаза с веселым прищуром смотрели на нее, а губы изогнулись в мягкую, манящую улыбку. Крохотная слезинка выступила из уголка глаза девушки и медленно скатилась по щеке. «Милый, как же мне не хватает тебя. И ничто не сможет изменить этого», – подумала Беатрис и, сделав пару глубоких вдохов, погрузила свое сознание в сон, который должен был прерваться лишь когда сознание Виктории устанет и ослабеет.

Открыв глаза, Виктория с удивлением осмотрелась. Она вновь находилась в больничной палате, но несколько отличавшейся от той, из которой ее недавно выписали. Девушка не могла взять в толк, как она здесь очутилась. К ее телу не были подсоединены ни капельница, ни никакие-либо другие приборы, да и чувствовала она себя относительно нормально, только ныли мышцы спины и рук. Виктория вспомнила события ночи: находку отрубленной кисти полковника, его возвращение в тело Брюса, появление Беатрис, пожар, а дальше… провал.

Осторожно встав с койки, Виктория направилась к выходу из палаты, намереваясь узнать, как она сюда попала и где Брюс, но стоило ей подойти к двери, как она почти нос к носу столкнулась с медсестрой.

– Вы уже встали, как я погляжу, – приветливо сказала ей сестра.

– Да, но я не могу вспомнить, как здесь очутилась, – растерянно ответила Вика.

– Прилягте, я позову врача, а также позабочусь о завтраке, – посоветовала ей медсестра и удалилась.

Вике ничего не оставалось, как последовать совету девушки и забраться обратно в постель. Она помнила, что еще вчера в ее голове отчетливо звучал голос Беатрис, и сейчас попыталась напрячь все свои силы, чтобы вновь услышать его или же каким-то образом почувствовать присутствие колдуньи у себя в теле, но у Виктории ничего не получилось. Она не ощущала Беатрис, что принесло ей несказанное облегчение. Лишь браслет, все также продолжавший украшать ее руку, несколько смутил девушку. Украшение уже не причиняло боли или дискомфорта, но застёжка по-прежнему отказывалась работать, и Вика не смогла снять его с руки.

Размышления девушки прервал врач, вошедший в палату.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Неплохо, только не помню, как оказалась в больнице.

– В самом деле? Вы вчера пришли в эту палату на своих ногах. Вас привезли вместе с мистером Буханом. В вашем доме случился пожар, и мужчина надышался угарным газом, к тому же получил сильный удар по голове, вероятно, упав и ударившись обо что-то.

– Я помню пожар. Но как он? Как Брюс?

– С ним все хорошо. Вы сможете навестить его чуть позже сегодня. Позвольте

осмотреть вас.

Виктория согласно кивнула. Доктор послушал сердцебиение девушки, замерил пульс, проверил реакцию зрачков.

– Не вижу никаких осложнений. Вчера вы не захотели заполнять бланки. Я попрошу, чтобы вам их принесли в ближайшее время. После того, как вы закончите с ними, отнесите их, пожалуйста, к администратору в конце коридора и можете попросить, чтобы вас проводили к мистеру Бухану.

– А то, что я не помню, как попала сюда, вас не тревожит?

– В состоянии шока наш мозг может сыграть с нами злую шутку. Кратковременная амнезия вполне возможна при данных обстоятельствах. Тем более, вы говорите, что помните все остальное. Верно?

– Да.

– Думаю, что воспоминания все же вернутся к вам, может, в течение некоторого времени.

– Хотелось бы в это верить. Да, доктор, я забыла сказать, что нахожусь в положении.

– Какой у вас срок?

– Около двух месяцев.

– Если вы себя чувствуете вполне удовлетворительно, то, скорее всего, с ребенком все в порядке, но я все же попрошу взять дополнительные анализы в таком случае.

– Спасибо, доктор!

Попрощавшись с Викторией, врач покинул ее палату, но на смену ему вскоре пришла медсестра с подносном, на котором дымился на вид не слишком аппетитный завтрак, состоявший из каши, нескольких хлебцев с маслом и чая. Подмышкой медсестра зажимала стопку бумаг, которые после завтрака Виктории следовало заполнить и передать администратору.

Покончив с едой на удивление быстро и так и не насытившись до конца, Виктория приступила к заполнению больничных бланков и добралась почти до середины, когда ее прервал стук в дверь.

– Да, войдите! – сказала Виктория, несколько удивившись: она ведь никак не ждала посетителей.

В палату вошли мистер и миссис МакГрегоры и с улыбкой посмотрели на девушку.

– Как ты себя чувствуешь, милая? – спросила Френсис.

– Спасибо, неплохо, – ответила удивленная Вика. Она не совсем понимала, зачем соседям Брюса понадобилось навещать ее в больнице, но с улыбкой ответила, – очень мило, что вы решили зайти ко мне.

– Ну, а как же? Мы же так волновались за вас!

– Спасибо! – ответила Виктория, решив, что возможно чета МакГрегоров услышала о пожаре и приехала в больницу из соображений соседской дружбы.

– Мы уже посетили Брюса и он, хоть и слаб, но все же чувствует себя относительно нормально.

– Правда? – обрадовалась Виктория. Ей хотелось верить, что ее замысел с сожжением кисти Рэндольфа Бэйли сработал, и дух полковника оказался изгнан навсегда.

– Да, а ты еще не ходила к нему?

– Нет, сейчас закончу с бумагами и тогда навещу его.

– Что ж, не станем тебе мешать. Мы очень рады, что у тебя все хорошо, – сказала

Френсис и, подхватив мужа под руку, поспешила выйти из палаты. От Виктории не скрылось, что лицо миссис МакГрегор несколько исказилось, стоило Вике начать с ними разговор. Причин для этого девушка не нашла, однако, сама Френсис, стоило ей покинуть палату, резко повернулась к мужу и спросила:

– Ты тоже заметил это?

– О чем ты?

– Эта девушка говорит совсем не так, как она говорила вчера.

– В каком смысле?

– Сейчас она говорит, как иностранка с акцентом, а вчера ее речь была исключительно британской! Как ты это объяснишь? Мне кажется, что она не та, за кого себя выдает!

– Не говори глупостей. Вчера она пребывала в шоковом состоянии, вот и говорила по-другому.

– Не думаю, Джеймс.

– А ты меньше думай. Пойдем, у нас еще дел сегодня по горло.

Миссис МакГрегор тяжело вздохнула, поняв, что муж по-прежнему не верит ей и не воспринимает ее догадки всерьёз, но затем согласно кивнула, и пара направилась к больничному лифту.

Виктория же тем временем быстро закончила заполнять бланки и, надев белые больничные тапочки, поспешила к администратору. Ей одновременно и хотелось, и было страшно увидеть Брюса. Что если ее надежды не оправдались, и Бэйли никуда не исчез?

– Как и просили, я заполнила бумаги, – сказала Виктория, протянув чернокожей сестре стопку бланков.

– Спасибо! Вы можете вернуться в палату. Доктор назначил вам несколько анализов. Их нужно сдать в течение дня. Я направляю к вам сестру.

– Да, конечно, но сначала мне бы хотелось увидеть Брюса Бухана.

– Простите?

– Нас доставили вчера вместе. Мне сказали, что я смогу его навестить.

– Сейчас посмотрим. Бухан, вы говорите?

– Да.

Медсестра сделала несколько кликов мышкой своего компьютера, и на мониторе открылся список всех поступивших вчера пациентов.

– Мистер Бухан находится на этаж ниже. Палата 303.

– Спасибо!

– Только не слишком долго. Сестра придет к вам через полчаса.

Виктория кивнула и поспешила к лифту. Спустившись на этаж вниз, девушка огляделась. Коридор начинался с палаты номер 300. Вика сделала несколько шагов, и вот палата 300 и 301 остались позади. Перед ней виднелись двери палат 302 слева и 303 справа. Виктория замерла перед номером 303 и на несколько секунд закрыла глаза, пытаясь успокоиться. Сердце ее начало учащенно биться, а дыхание сделалось более прерывистым.

«Не нужно так нервничать. Это плохо для ребенка», – услышала вдруг Виктория знакомый голос. Оглядевшись по сторонам и не увидев никого, Виктория поняла, что голос прозвучал у нее в голове и принадлежал он матери Брюса. Девушка не могла ошибиться. «Но как?», – подумала про себя Вика.

«Сейчас это не важно. Иди к нему. Ты ведь очень нужна ему», – вновь услышала Виктория и, решив последовать совету, легонько повернула ручку двери.

На больничной койке, прикрыв глаза, лежал Брюс. Его лицо было бледновато-желтым и казалось очень осунувшимся, словно он за ночь постарел на несколько лет. Сердце Виктории сжалось от боли. Тихонько она подошла к мужчине и осторожно дотронулась до его руки.

– Брюс, – еле слышно прошептала она.

Мужчина слегка дёрнулся от ее прикосновения и резко открыл глаза. Его взгляд одновременно выражал страх и боль.

– Вик, это ты, – тихо сказал он, – как ты?

– Все хорошо. А сам ты как себя чувствуешь?

– Не так хорошо, как хотелось бы, но жить можно. Доктор что-то вколол мне полчаса назад и на меня навалилась жуткая слабость.

Виктория крепче сжала руку Брюса. Она не знала, стоило ли спрашивать его о событиях прошлой ночи и помнил ли он вообще что-либо, но мужчина опередил ее:

– Ты помнишь, что случилось?

– Что ты имеешь ввиду?

– То, как мы тут очутились. Доктор сказал про пожар в доме, но я помню все очень смутно, словно в тумане. Дом действительно горел? Я помню дым и запах гари, но не могу вспомнить, как начался пожар.

– Пожар, к сожалению, и вправду был. Не знаю только, насколько сильно все успело сгореть, потому что у меня такой же провал в памяти, как и у тебя.

– Хмм… это странно, не находишь? – спросил Брюс, прикрыв глаза. Виктория догадалась, что мужчине, судя по всему, вколи или снотворное, или успокоительное, что и сделало его таким сонным.

– Тебе нужно отдохнуть. Мы еще успеем обо всем поговорить, – сказала Виктория и ласково погладила волосы Брюса. Сейчас ей казалось безумием думать, что этот человек мог даже попытаться поднять на нее руку. Нет, конечно, тогда телом Брюса завладел Рэндольф Бэйли, от которого она избавилась.

– Не уходи еще немного, – попросил ее Брюс и, медленно подняв свою ладонь, взял руку Вики в свою.

– Хорошо, я посижу рядом.

Брюс ничего не ответил и провалился в сон. Виктория, вздохнув, присела рядом. «Неужели наконец-то все позади, и мы сможем начать все сначала? Без призраков прошлого?», – подумала она. Рукой девушка дотронулась до своего живота и улыбнулась. Впервые за все время, что она знала о своей беременности, это новость показалась ей ужасно радостной. А как, наверное, обрадуются мама с папой! При мысли о родителях, Виктория слегка побледнела. Она ведь так редко звонила им. Наверняка, старики волновались за нее. Решив, что непременно свяжется с ними, Вика встала с больничной койки Брюса и, нагнувшись, поцеловала мужчину в лоб.

– До скорого, – сказала она и покинула палату. Ей не терпелось сдать все анализы, о которых говорил доктор, а также связаться с родителями.

Утро следующего дня принесло Виктории облегчение: все анализы оказалась в норме: ей и здоровью ребенка ничего не угрожало. С родителями ей также удалось переговорить: мама с папой встревожились не на шутку, узнав о пожаре в доме Брюса, но вздохнули с облегчением, услышав, что у Вики и Брюса все в порядке. Они также слезно просили девушку, как можно скорее вернуться в Питер, хотя бы на какое-то время, на что Вика дала

весьма уклончивый ответ, обещав посмотреть билеты на самолет в ближайшее время. Про ребенка девушка им ничего не сказала, решив, что скажет им обо всем уже по прибытии в Россию. Россия! Какой далекой она казалось ей, когда девушка смотрела на холодные капли дождя, барабанившие в больничные окна. Вся ее прежняя жизнь: работа в банке, отношения с Кириллом, съемная квартира казались не более, чем сном. Далеким и нереальным. То, через что ей пришлось пройти, полностью изменило Вику изнутри, точно в ней открылось что-то новое, что-то, о чем она сама не знала до сих пор. Виктория думала, что, возможно, это беременность так повлияла на ее ощущения, но была не полностью в этом уверена. Все вроде бы осталось прежним, но в то же время стало другим. Ей казалось, что от ее тела исходили маленькие электрические разряды, способные ударить кого-то током, если бы она этого захотела. Однако хотелось ей вовсе не этого, а понять, чем закончилась история с Беатрис.

Она несколько раз пыталась снять браслет, но у нее так ничего и не получилось. Она даже попросила врача распилить его, но мужчина отговорил ее, сказав, что такую красивую и старинную вещь не стоит ломать, тем более, что она не доставляла Вике никаких неудобства, и посоветовал ей обратиться к ювелиру. Нехотя Виктория согласилась, ведь врач отчасти был прав: рука не беспокоила ее и потерпеть на ней браслет еще несколько дней казалось вполне выносимой задачей.

Виктории также удалось узнать, что Брюса должны выписать завтра утром, если анализы окажутся в норме, что весьма обрадовало ее. Она намеревалась навестить его во время обеда, надеясь, что мужчина окажется уже более собранным и не таким сонливым. Ей не терпелось узнать у него, что он помнил из той ночи, и знал ли он о существовании полковника Бэйли и Беатрис. До обеда девушка планировала провести время в комнате отдыха и уже даже собиралась направиться туда, как вдруг почувствовала навалившуюся на нее откуда ни возьмись усталость, и решила прилечь. Она действительно плохо спала этой ночью, и небольшой отдых ей не помешал бы. Дойдя до своей кровати, Виктория легла на нее и свернулась калачиком, намереваясь вздремнуть часок-другой.

Когда девушка вновь открыла глаза, за окном вместо дождя светило бледное зимнее солнце. «Как же быстро здесь меняется погода, – подумала Вика, потягиваясь, – надеюсь, что не пропустила обед». Девушка встала с кровати и посмотрела на часы. Стрелки показывали без пятнадцати одиннадцать, что показалось ей странным, ведь подремать она легла около двенадцати. Нахмурившись, Вика вышла из палаты и увидела знакомую медсестру.

– Добрый день! Думаю, часы сломались в моей палате.

Медсестра поспешила в палату и, сверив настенные часы со своими, покачала головой:

– Нет, все верно.

– Но мне показалось…– нахмурилась Вика, – хотя нет, ерунда.

Медсестра улыбнулась.

– Мистер Бухан уже готов ехать домой.

– Домой?

– Ну да, и его и вас выписывают сегодня. Ваши знакомые завезли вам кое-какие вещи. Я попрошу, чтобы вам принесли их.

– Но ведь нас должны были выписать только завтра.

– В каком смысле?

– Постойте, какой сегодня день? – испугавшись, спросила Вика, до кого стало доходить,

что что-то не так.

– Среда.

– Но, был же только понедельник…

– Я вас не понимаю.

– Постойте, я вчера легла спать после обеда. Я что, все это время спала?

– Нет, конечно. После обеда вы прошлись по больнице, поговорили с некоторыми пациентами и удалились к себе в палату.

– И все?

– И все.

Виктория побледнела. Заметив это и испугавшись, медсестра тут же предложила позвать врача.

– Нет, не стоит. Все хорошо.

– Вы уверены?

– Да, просто я перепутала день с ночью. Принесите, пожалуйста, одежду, о которой вы говорили, – попросила Виктория и вернулась к себе в палату.

Девушке стало не по себе. Если она не помнила, что делала вчера весь день, но в то же время она не спала, а бодрствовала, то что-то здесь не так. Либо это последствия шока, либо Виктория чего-то не знала.

– Беатрис, – тихо позвала Виктория, но ей никто не ответил.

«Нет, это не она. Она же ушла с полковником навсегда», – успокоила себя Вика, но тут другая, весьма болезненная мысль пронзила ее разум: «а, почему ты так решила?».

– Прошу, помогите, – попросила Виктория у себя в голове, обращаясь к матери Брюса, но ответом ей также было молчание.

«Похоже, я схожу сума», – подумала девушка и в растерянности села на кровать. В таком виде ее и застал Брюс. Вика не ответила ему, когда он стучал в дверь и даже не обернулась, когда он зашел в палату, словно и не слышала его.

– Вики, что случилось? – спросил мужчина, тут же подойдя к ней и взяв за руку.

– Брюс? – словно очнувшись ото сна, спросила девушка.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да, все нормально, – попыталась соврать ему Вика и, встретившись с ним взглядом, тут же улыбнулась, – ты выглядишь куда лучше.

– И чувствую себя тоже. Только рана на голове еще слегка тянет, видимо, я сильно тогда обо что-то ударился. Вот, я принес тебе одежду. МагГрегоры заезжали вчера и завезли мне кое-какие вещи, в том числе и для тебя. Надеюсь, подойдет.

– Я не знала.

– Правда? Миссис МакГрегор сказала, что разговорила с тобой вчера. На самом деле я ждал тебя вчера весь день, но ты не пришла.

– Прости, – только и смогла сказать Вика.

– Ничего, наверное, тебе не до меня было, ведь на тебя столько всего навалилось.

Виктория невесело улыбнулась.

– Одевайся, я подожду за дверью, – сказал мужчина и, нежно поцеловав девушку в губы, уже собрался уходить, но Виктория остановила его, взяв за руку.

– Куда мы направимся сейчас? – спросила Вика, понимая, что скорее всего мужчина повезет ее в дом своего отца.

– Я думал заехать сначала в дом. Посмотреть, что сотворил с ним пожар и забрать кое-

какие вещи, а потом в гостиницу в ближайшем городе. А завтра мы сможем поехать домой. Ты не станешь возражать против такого плана?

Хоть очередной визит в дом Эвана и не улыбался Виктории, девушка все же попыталась выдавить из себя некое подобие улыбки:

– Ничего страшного, если мы там побудем недолго, но задерживаться мне бы не хотелось. Все же эти воспоминания…

– Не нужно продолжать, – сказал Брюс и приложил указательный палец к губам девушки, – я все понял.

Виктория искренне улыбнулась, поняв, что перед ней вновь ее Брюс: заботливый, участливый и такой понимающий.

– Спасибо! – поблагодарила она.

– Тебе спасибо! Я очень обрадовался, узнав, что у вас все в порядке, – ответил мужчина и коснулся рукой живота Вики.

Виктории было приятно услышать такие слова от Брюса. На какое-то мгновение она даже забыла о своем провале в памяти и, обняв мужчину за шею, крепко поцеловала его.

– Собирайся, – сказал ей Брюс, оторвавшись от Вики, – никогда не любил больницы.

Вика согласно кивнула и, проводив Брюса до выхода из палаты, поспешила снять с себя больничный халат и натянуть одежду, принесенную Френсис МакГрегор.

Большую часть времени, пока они ехали к дому, Виктория молчала. Она пыталась напрячь свою память и вспомнить хоть что-то из событий вчерашнего дня, но у нее ничего не получалось, точно воспоминания кто-то стер из ее головы.

«Это ненормально. Не может быть, чтобы пожар и шок так повлияли на меня. Тут дело в другом, – думала Вика, – хотя, если учесть, чему я стала свидетельницей за последнее время, вполне можно допустить и то, что у меня помутился рассудок».

Девушка несколько раз пыталась заговорить с Брюсом о том, что он помнил из событий ночи, когда случился пожар, но у мужчины не получалось припомнить чего-либо четкого. Виктория не могла понять, то ли он действительно ничего не помнил, то ли просто не хотел говорить с ней об этом.

Все это сильно нервировало Вику и, когда они уже почти подъехали к дому Эвана, девушку начала бить легкая дрожь.

«Тут что-то не так», – продолжала мучать себя сомнениями Виктория.

Заметив, что девушку слегка трясет, Брюс сбавил скорость и с тревогой в голосе спросил:

– Милая, с тобой все хорошо? Тебя знобит? Может, мне остановиться?

– Нет, – чуть помедлив с ответом, сказала Виктория, – езжай дальше. Наверное, я все же не полностью оправилась от шока.

– Но тебе нельзя нервничать. Давай, свернем назад. Я отвезу тебя в гостиницу, а в дом поеду сам. Так нам обоим будет спокойнее.

Поразмыслив над предложением Брюса, Вика согласилась. Ей, конечно, стало неловко за то, что мужчине придется разворачиваться и еще около часа ехать до ближайшего города, после чего, оставив ее в отеле, возвращаться к дому Эвана, но она ничего не могла с собой поделать. От одной мысли, что она вновь приблизится к месту, где случилось столько всего, кожа ее покрывалась мурашками.

«Нет, я не хочу вновь оказаться в доме Беатрис, – думала Виктория, – этот дом всегда

принадлежал ей, равно, как и браслет».

Девушка ерзала в кресле, покусывала губы и при этом часто дышала. Все это так напугало Брюса, что он, забыв об ограничении скоростей, гнал по дороге, как сумасшедший, желая поскорее доставить любимую в гостиницу. Возможно, он и сам останется с ней в зависимости от ее состояния, а в дом съездит завтра. Брюс лишь хотел оценить ущерб, нанесенный пожаром, а также забрать некоторые документы, если их не уничтожил огонь. Задерживаться в доме Эвана ему самому никак не хотелось. Мужчине казалось, что он должен помнить события той ночи, но как он ни пытался напрячь голову, все оказывалось словно в тумане. Какие-то чужие образы вставали перед его мысленным взором: красивая, но очень злая девушка, чем-то внешне напоминавшая Викторию, и очень рассерженный на нее мужчина, который, вроде бы, даже пытался убить ее, но у него ничего не получилось. Брюс считал, что эти персонажи и события приснились ему, пока он находился в бреду под действием угарного газа, но что-то странное все же присутствовало в этих, пусть и далеких, воспоминаниях. Ему казалось, что на месте мужчины, пытавшегося убить девушку, был он сам, но как такое вообще возможно? Он никогда не поднял бы руку на женщину! «Все это бредни воспаленного разума», – вторил себе Брюс, пока вез Викторию в гостиницу. С одной стороны, ему хотелось поговорить об этом с девушкой, но с другой стороны, он боялся, что та может посчитать его сумасшедшим или просто посмеется над ним. С учетом того, что в их отношениях с недавнего времени появились некий разлад и легкое охлаждение, ему не хотелось усугублять ситуацию, и тем более тревожить Вику, находившуюся в положении. Возможно, оказавшись в доме отца, он бы смог что-то вспомнить о той ночи, что также отчасти манило его посетить дом сегодня же.

– Не жди чего-то очень комфортабельного. Боюсь, что отели в этом городе не из лучших, если они, конечно, вообще тут есть – предупредил Брюс Вику, когда они уже въехали в небольшой город, находившийся в шестидесяти милях от дома Эвана.

– Не переживай, это не столь важно, – ответила ему Виктория.

Мужчина ехал вдоль небольших в основном рядных домой. Фасады их обветшали, посерели. Создавалось ощущение, что большинство домов либо пустуют, либо их обитателям нет дела то того, как выглядело их жилище. Крупных магазинов Брюс также не заметил: только две небольшие продовольственные лавки говорили о том, что в этом городе можно купить еды. Скорее всего, местные ездили за покупками в другой город, расположенный чуть дальше. Брюс посещал этот небольшой тихий городок вместе с родителями будучи еще мальчишкой, но тогда это место не производило такого грустного впечатления. Вероятно, в городе и его окрестностях не стало работы, и большинство его жителей, в особенности молодежь, уехали из города.

– Я знаю, что в пабе часто держат несколько комнат для гостей. Ты не против, если мы остановимся над баром? Не исключено, что вечером шум станет доноситься снизу, но судя по тому, что мы уже проехали всю главную улицу и я не заметил ни одного отеля, это может быть нашим единственным шансом на ночлег.

– Паб вполне подойдет. По крайней мере, я не буду чувствовать себя в одиночестве, – постаралась поддержать Брюса Вика.

Мужчина кивнул и, сделав разворот в конце улицы, поехал прямо, намереваясь остановится возле паба «Красный петух», расположенного в начале дороги. Паб выглядел, как и все пабы в окрестностях: большое старинное здание с побеленными стенами, добротными деревянными подпорками и небольшими окошками с толстыми стеклами.

– Выглядит недурно, – сказала Вика, выйдя из машины и осмотревшись.

– Главное, чтобы у них нашлась комната для нас. Пойдем, узнаем, – ответил Брюс и, взяв Вику за руку, повел ее в паб.

Внутри пахло пивом и луком, но Вику не оттолкнул этот запах, а наоборот приободрил. «Это куда лучше, чем запах гари, с которым я бы столкнулась в доме Эвана», – подумала Виктория.

За барной стойкой сидело несколько человек, тут же обернувшихся, стоило Брюсу с Викой войти в помещение. Взгляды мужчин, попивавших пиво, тут же перешли на Вику, что не укрылось от Брюса. Крепче сжав руку девушки, он решительным шагом подошел к барной стойке и, обратившись к бармену, спросил:

– У вас не найдется комнаты на одну ночь?

Бармен, высокий рыжеволосый мужчина, глядя на Вику, ответил Брюсу:

– Найдется, почему же нет. Восемьдесят пять фунтов за ночь.

– Пойдет. Покажите комнату! – согласился Брюс, прекрасно понимая, что бармен сильно завысил цену за одну ночь в таком месте, вероятно, рассчитывая разжиться на несведущих путешественниках.

Бармен, насмотревшись на Вику, что крайне не понравилось Брюсу, наконец перевел свой взгляд на мужчину и, кивнув, крикнул:

– Хьюго! Где тебя черти носят?!

Откуда-то сзади показался долговязый паренек, отдаленно напоминавший бармена. Брюс с Викой догадались, что Хьюго, по всей видимости, являлся его сыном.

– Покажи этой милой паре комнату наверху.

Парень кивнул и, попросив Брюса и Вику следовать за ним наверх, повел молодых людей на второй этаж паба.

– Под вечер тут может быть шумно, но комната расположена не так близко от главного зала, – сказал парень, открыв дверь и впустив Брюса и Вику в небольшую комнату, где пахло сыростью.

– Оставьте нас на несколько минут одних, пожалуйста, – попросил Брюс, обратившись к юноше.

Последний, скользнув взглядом по стройной фигуре Вики, улыбнулся и, закрыв за собой дверь, удалился на первый этаж.

– Прости, что не могу предложить тебе ничего лучшего, – сказал Брюс.

Комната оказалась очень маленькой, с единственным небольшим окном и порванными занавесками, но в ней был собственный душ с туалетом, а также работающий радиатор, в чем Брюс сразу же убедился.

Мужчина не мог понять, что Вика думала о комнате, так как она выглядела несколько утомленной и подавленной. Глаза ее слипались, и девушка начала зевать.

– Так что, останешься тут? Или поедем в другой город? – спросил мужчина.

– Нет, давай тут. Все в порядке.

– Уверена? Мне не очень понравились люди внизу. Они так на тебя смотрели, словно не видели женщин очень давно. Хотя, такой красивой, как ты, наверное, они ни разу в жизни не видели, – сказал Брюс.

– Да, брось, это же паб. Чего еще ты ожидал?

– Мне немного тревожно оставлять тебя здесь одну. Может, мне лучше остаться с тобой, а завтра я уже поеду в дом Эвана?

– А что поменяет то, что ты поедешь туда завтра? Все равно я останусь тут одна. Езжай сегодня, чтобы поскорее покончить с этим. Если честно, я бы хотела оказаться подальше от этого места хотя бы на какое-то время, – сказала Вика, понимая, что, возможно, обидела Брюса этими словами.

– Хорошо, я понимаю тебя. Не стану больше тянуть резину, – ответил мужчина, – дай, обниму тебя напоследок.

Вика подняла глаза на Брюса и увидела в них столько любви и тепла, что ее страхи и переживания тут же отошли на второй план. Она с доверчивостью ребенка прижалась к груди Брюса и глубоко вздохнула:

– Как же мне этого не хватало!

Брюс, крепко обняв девушку, закрыл глаза.

– И мне, любимая. Мне так жаль, что ты оказалась вовлечена во все эти ужасы. Поверь, я никак не думал, что так произойдет.

– Тебе не за что извиняться.

– Ох, Вики, как же я люблю тебя! – сказал мужчина и, легонько отстранив от себя девушку, только для того, чтобы поудобнее взять ее подмышками, поднял Вику в воздух, так что теперь она смотрела на него сверху вниз.

– Что ты делаешь? – смеясь, спросила девушка, когда Брюс закружил с ней по комнате, – у меня сейчас закружится голова.

– Ты же все равно сейчас ляжешь спать, – ответил Брюс, тоже улыбаясь, – я просто так счастлив, что у меня есть ты!

– А я рада, что у меня есть ты. А теперь, поставь меня на пол, а то мне может стать дурно, – попросила Вика.

Брюс исполнил ее просьбу, после чего, вновь притянув девушку к себе, крепко поцеловал ее.

– Я постараюсь вернуться, как можно быстрее, – сказал он.

– Не торопись, я подожду. Лучше езжай осторожнее.

– Я всегда осторожен.

Виктория вздохнула и улыбнулась: «Мужчины! Они, похоже, никогда не вырастают, а так и остаются мальчишками». Брюс, поцеловав девушку еще раз в щеку уже на прощанье, покинул комнату, оставив Викторию одну в номере. Девушка еще раз осмотрелась вокруг: номер не представлял из себя ничего примечательного, но вполне подошел бы для сна. Хоть последние несколько минут с Брюсом и приободрили Викторию, стоило тому закрыть за собой дверь, как на нее вновь навалилась усталость и сонливость, что показалось девушке странным, ведь она ничего не делала, чтобы устать. «Возможно, это беременность», – попыталась успокоить себя Вика.

Брюс оставил ей немного денег на случай, если ей захочется поесть, но голода Вика пока не ощущала. Включив телевизор и прощелкав все его каналы, так и не найдя ничего стоящего, девушка выключила его. Несмотря на то, что ее клонило в сон, ложиться она не хотела.

Решив, что наилучшим способом снять сонливость окажется душ, Виктория, скинув с себя одежду, направилась в ванную. Небольшая ванная комната с пожелтевшем от времени кафелем и тронутой грибком занавеской для душа, не оттолкнула девушку. Ей было все равно в каких условиях она находилась, главное, что подальше от дома Беатрис.

Встав под горячие струи душа, Вика попыталась расслабиться и подумать о чем-то

приятном. Например, о том, что с Брюсом, кажется, все стало в порядке, и она больше не чувствовала исходившей от него ранее опасности. Точно полковник Бэйли действительно навсегда оставил его. Это казалось замечательным, ведь ей так хотелось, чтобы их отношения развивались и дальше, а не закончились преждевременно.

«Брюс, – подумала Вика, – как же хорошо, что все позади. Наверное, не следует тебе знать обо всем том, чему я стала свидетельницей и участницей. Пусть это навсегда останется со мной».

В глубине души Виктория знала, что все приключившееся с ними вовсе не ее фантазии, но сомневалась, что Брюс поверил бы в это.

Выйдя из ванной комнаты, Виктория села на кровать. Она чувствовала себя куда лучше, чем раньше: приободрившейся и не такой сонной. Включив радиатор на полную мощность, чтобы прогреть комнату, девушка забралась под одеяло и взяла с тумбочки, оставленный там ею ранее мобильный телефон. Подключившись к бесплатному интернету, доступному в пабе, Виктория проверила почту, социальные сети, зашла на несколько новостных порталов и полностью погрузилась в чтение статьи, когда телефон вдруг завибрировал, отчего девушка выпустила его из рук от неожиданности.

– Ну и дела! Нервы, видимо, напряжены куда сильнее, чем я думаю, – сказала Виктория самой себе и подняла телефон.

На экране высветилось уведомление «У вас есть одно непрочитанное сообщение». Перейдя в папку с сообщениями, Виктория нажала на непрочитанное и, увидев его содержание, снова чуть не выронила мобильный. В глазах у нее потемнело, в ушах раздался странный гул, а лоб покрылся испариной.

– Нет, не может этого быть! – в ужасе думала девушка, глядя на яркий экран телефона, – почему?!

На дисплее светилось сообщение, доставленное от неизвестного адресата. «Она все еще тут!», – гласило оно.

Вике не нужно было гадать, чтобы понять, о ком идет речь. Она могла лишь догадываться о том, кто мог являться отправителем сообщения, но вот о ком в нем говорилось, она знала точно: о Беатрис!

Телефон завибрировал вновь, но на этот раз Виктория уже крепко держала его.

«У вас есть одно непрочитанное сообщение» – вновь замигало уведомление.

Дрожавшими руками Вика нажала на него, чтобы открыть новое послание.

«Не засыпай!», – прочитала девушка.

Кто бы ни отправлял ей эти сообщения, знал, что телом Виктории, как она того и боялась, во время ее сна управляла Беатрис. Девушке стало страшно от того, что самые ее страшные подозрения вдруг оправдались, что она вновь осталась одна и никого нет рядом, кто бы помог советом.

– Ах, Брюс, как же не вовремя ты уехал, – сказала Вика и тут же подумала: «А, может, позвонить ему и попросить приехать?». Но тут же отогнала эту мысль, решив, что в таком случае ей придется рассказать ему все, что случилось в доме у Эвана, а он может и не поверить ей.

– И что мне делать? – спросила девушка, обращаясь к невидимому отправителю смсок.

Но телефон ее молчал и не вибрировал. Вика прождала десять минут, непрерывно глядя в экран мобильного телефона, но никто больше не отправил ей сообщений. Одновременно с этим девушка чувствовала, что усталость и сон вновь наваливаются на нее, словно, кто-то

специально насылал их. «Теперь понятно, что это Беатрис пытается усыпить меня, а беременность тут вовсе не при чем», – сделала вывод Вика и резко встала с кровати, подумав, что стоя шанс провалиться в сон куда меньше, нежели сидя.

Девушка стала ходить по комнате вперед-назад, чтобы хоть как-то взбодриться. При этом она не переставала лихорадочно думать, как ей поступить и что предпринять, чтобы прогнать Беатрис из своей головы и тела. «Возможно, нужно избавиться от браслета» – подумала девушка и решила, что попросит бармена разломать замок украшения.

Быстро одевшись и причесавшись, Виктория спустилась вниз. Стоило ей зайти в главный зал бара, как все мужчины тут же повернули головы в ее сторону. На лицах большинства из них заиграла улыбка, от чего Виктории стало неловко. Однако она не подала виду и быстрым шагом направилась к барной стойке.

– Простите! – обратилась она к бармену, вытиравшему стакан, – могу я вас попросить кое о чем?

Бармен, улыбнувшись и посмотрев на других посетителей паба с неким превосходством во взгляде, ответил Вике:

– Конечно. Чем могу быть полезен?

– Вот, смотрите, – девушка задрала рукав свитера и протянула мужчине руку, на которой красовался браслет Беатрис, – сломался замок, а мне непременно нужно снять это украшение. Сломайте, пожалуйста, застежку, но избавьте меня от него.

Бармен, несколько удивившись такой просьбе, внимательно посмотрел на браслет, после чего недоверчиво переспросил:

– Вы уверены? Браслет очень красивый и дорогой, а у меня нет таких инструментов, чтобы аккуратно разобрать его замок.

– Мне все равно, сломаете вы его или нет. Просто снимите эту вещь с меня. Можете хоть кусачками перекусить, – выпалила Виктория довольно громко, чем привлекла к себе еще больше внимания.

– Но ведь… – закинулся было бармен, но тут же махнул рукой, – как прикажете. Давайте сюда руку.

Виктория положила руку на барную стойку, а бармен полез за небольшой отверткой, лежавший под прилавком. К барной стойке тут же подошли и другие посетители паба в надежде, что им предстоит увидеть что-то интересное.

– Ох, какой браслет. И не жалко ломать-то? – спросил один из мужчин.

– А чем он тебе не угодил? Чего ювелиру не отдашь? – спросил второй.

Виктории хотелось послать к черту всех любопытных, лезущих не в свое дело завсегдатаев этого заведения, но, решив отделаться простым объяснением, сказала:

– У меня сильная аллергия на металлы, я не могу его долго носить.

Услышав, что девушка говорит с акцентом, мужчины вокруг заинтересовались еще больше и начали спрашивать откуда она и что здесь делает. Вика игнорировала большую часть их вопросов и смотрела лишь на то, как бармен неумело пытался разобраться с замком браслета, по всей видимости, стараясь не сломать его.

– Бросьте это! – наконец сказал девушка, – используйте отвертку, как рычаг, и сломайте застежку.

Бармен кивнул и, запустив головку отвертки между креплениями замка, нажал, что было силы. Раздался треск и, к удивлению Вики, а также к разочарованию бармена, не хотевшего ломать украшение, замочек разлетелся на две части, и рука Виктории вновь стала

свободной. Как завороженная, Вика подняла свою руку и посмотрела не нее. Она так свыклась с присутствием браслета на ней, что теперь голая кисть казалась ей непривычной.

– Ох! – только и смогла выдохнуть Вика, – спасибо вам большое!

– Да, не за что. Но безделушку-то жалко, – ответил бармен, взяв в руку сломанный браслет, – красивая была штука, но, наверное, и починить можно будет.

– Это не важно, – ответила Вика, все еще не веря в удачу и, надеясь, что, возможно, ей только что удалось разрушить связь с Беатрис.

– Возьмите, – протянул ей мужчина украшение.

Виктория осторожно приняла браслет, боясь ощутить что-либо, но ничего не почувствовала. Браслет мирно лежал у нее в ладони, а его камни, некогда насыщенно-алого цвета, словно потухли: гранаты и рубины уже не переливались на свету, а смотрелись тускло и безжизненно.

Зажав браслет в руке, Вика, растолкав собравшуюся возле нее толпу, побежала наверх к себе в номер, желая, как можно скорее, остаться одной.

Глава 21.

Руки ее дрожали, когда она набирала номер Брюса. Ей непременно хотелось узнать, все ли с ним в порядке. Что-то внутри нее говорило, что, может быть, это не так. Гудок, один, другой, и вот наконец послышался любимый голос:

– Вики!

– Брюс, ты в порядке?

– Да… – раздался треск на линии, – …слышно, – только и смогла разобрать Виктория.

– Брюс, я не слышу тебя. Ты куда-то пропадаешь.

– Я… – опять треск и помехи.

Виктории это совсем не понравилось. Мобильная связь в этих местах обычно ловила довольно сносно.

– Ты тут? – еще раз спросила Вика.

– Да, но я плохо слы… – сумела разобрать девушка, после чего все же нажала на кнопку завершения вызова.

«Нет смысла оставаться на линии, если мы не слышим друг друга», – решила она.

Подумав, что самым простым окажется сообщение, Вика быстро набрала Брюсу: «У меня все хорошо. Будь осторожен и возвращайся скорее».

– Надеюсь, он получит смс, – сказала девушка вслух и отложила телефон.

«Если он ответил на звонок, значит с ним все хорошо, и колдунья пока не добралась до него. Замок браслета также сломался удивительно легко. До этого ведь Беатрис, скорее всего, не позволяла мне снять украшение с руки. Если ведьма не преследует сейчас Брюса, не цепляется за браслет, то ее единственным источником жизни могу быть я. Других объяснений нет… И как понять те странные смс?», – рассуждала Вика, сидя на кровати.

Девушка подняла мобильный телефон с тумбочки, куда она до этого его положила, и зашла в меню сообщений. Две последние смс действительно не имели адресата, вернее, он был скрыт. Но, перейдя к самим сообщениям, Вика обнаружила, что текст пропал: смски были пустые.

– Что за ерунда?! Не могло же мне все это привидеться? Кто-то явно пытался связаться со мной! – прошептала Вика и на всякий случай огляделась по сторонам, но в ее маленьком номере кроме самой девушки больше никого не находилось.

Виктория и сама того не заметила, как из сидячей позы ее тело само собой перешло в полулежачее положение, при котором девушка откинулась на спину, упираясь локтями в матрас кровати, а через несколько минут Вика и вовсе легла на бок. Она не отдавала себе отчета в том, что веки ее начали тяжелеть, а мысли путаться, ведь происходило это не по ее воле. Отголоски ее разума шептали ей, что засыпать нельзя, но тело вовсе не слушалось девушку. В руке Вика продолжала сжимать телефон и полузакрытыми глазами смотрела на его яркий дисплей, силясь понять, действительно ли ей приходили смски или ей все это показалось. В какой-то момент пальцы ее расслабились окончательно, и скользкий телефон выпал из ее руки и упал на покрытый ковролином пол комнаты. Звук оказался глухим за счет коврового покрытия, но даже если бы он был громче, Вика вряд ли бы услышала его: девушка погрузилась в сон, дыхание ее стало ровным и спокойным.

Однако спокойствие это было лишь внешним. Внутри, в голове Вики, шла борьба, о которой знали только сама Виктория и Беатрис, нещадно желавшая получить свободу,

одновременно с этим загнав сознание россиянки в самые дальние уголки ее разума, так, чтобы оно спало годами, десятилетиями, вплоть до самой смерти физического тела девушки.

Частичка души Беатрис, до этого заключенная в браслет, подаренный ей Виктором, перешла в тело Виктории в тот самый момент, когда Брюс, захваченный духом полковника Бэйли, надел украшение на руку россиянки. После этого Беатрис больше не чувствовала столь сильной связи с холодным металлом браслета, поэтому и позволила его замку сломаться от натиска отвертки бармена. Хоть она и не могла выйти из своего тайного укрытия в голове Вики и, осмотревшись по сторонам, увидеть, что происходило вокруг, она все же чувствовала, что от браслета пытались избавиться и не стала тогда этому препятствовать.

«В конце концов, он мне больше не нужен, и я не могу отдавать ему часть своих сил, ведь они очень скоро понадобятся мне самой, чтобы расправиться с этой чужестранкой», – подумала Беатрис. Она весь вечер пыталась своими чарами заставить тело Вики заснуть, но у нее ничего не получалось. Колдунья чувствовала присутствие силы, мешавшей ей сделать это. Сила эта была похожа на ее собственную, но Беатрис не могла понять, откуда она исходила, как ни старалась. Однако через какой-то время у нее все же получилось заставить тело Вики расслабиться и погрузить ее в сон. Каким же облегчением это являлось для самой Беатрис! Одно сознание того, что она вновь сможет ощутить запахи, вкусы и звуки живого мира манило и опьяняло колдунью. Она была уверена в том, что сможет прижиться в этом времени, а используя свои силы и знания, в лёгкую получит все, что захочет.

С восторгом предчувствуя долгожданную свободу, Беатрис открыла глаза, принадлежавшие Виктории, ожидая увидеть перед собой новый мир, в котором ей так хотелось пожить. Однако к удивлению колдуньи, стоило ей очнуться и оглядеться по сторонам, как она увидела, что находится под открытым небом, лежит на холодной, промозглой земле, а тело ее, облаченное в длинную сорочку, бьют мелкие капли дождя. Стояли сумерки и туман, надвигавшийся с холмов, растекался по полям, точно молоко.

«Почему я здесь?», – в недоумении подумала Беатрис и попыталась встать с земли, ставшей скользкой из-за дождя, размывшего грязь вокруг.

Колдунья осмотрелось по сторонам: вокруг ни души, только завывания ветра и шум дождя нарушали какую-то странную, неестественную для открытого природного пространства тишину. От холода и дождя Беатрис начало сильно трясти, зубы ее застучали, а пальцы на ногах сделались почти бесчувственными, но она все продолжала стоять на одном месте и оглядываться. Наконец впереди ей удалось заметить дерево, показавшееся ей отдаленно знакомым. Беатрис пошла вперед, обхватив себя руками, чтобы хоть как-то согреться, но это мало помогало. Ей никак не удавалось понять, каким образом эта иностранка вдруг оказалась в таком месте и почему на ней лишь ночная сорочка. Но эти мысли тут же испарилась из головы Беатрис, стоило той подойти к дереву, замеченному ею ранее.

На какое-то время ее даже перестало колотить от холода, так сильно она удивилась: колдунья стояла перед тем самым дубом, где они с Виктором много лет назад вырезали свои инициалы в надежде, что смогут провести вместе всю жизнь, наполненную любовью, магией и тайными знаниями.

Капли дождя ударяли в лицо девушке, мешая ей держать глаза открытыми, стекали по щекам на подбородок, а с подбородка на уже и так промокшую сорочку, но Беатрис продолжала смотреть на дерево, как завороженная. Девушка протянула руку к успевшим

поблекнуть буквами Б и В и любовно дотронулась до буквы В, так, словно бы ее пальцы в тот момент гладили по щеке Виктора.

– Любимый, – еле слышно прошептала Беатрис и отняла руку от дерева. Ей хотелось рыдать навзрыд, кричать от боли, колотить руками по старому стволу дерева и, в конце концов, упасть к его корням и забыться сном, но ничего из этого она не могла себе позволить, если желала избавиться от Виктории и вместо нее вернуться в мир людей. Пока что Беатрис не понимала каким образом оказалась вновь возле своего дома, очертания которого заметила впереди, но была уверена в том, что это дело рук той другой, чье тело она так сильно хотела заполучить.

– Где ты? – закричала Беатрис у себя в голове, желая пробудь сознание Виктории к жизни.

Но ей никто не ответил.

Это обескуражило колдунью, до этого считавшую, что она с легкостью может управлять бодрствованием и сном Вики.

– Ты можешь не бояться меня, я не сделаю тебе ничего. Только хочу поговорить, – уже спокойно сказала Беатрис и замерла, в ожидании ответа.

Однако вновь ей никто не ответил. В ушах гудел лишь ветер, что вовсе не понравилось колдунье.

Посмотрев вперед на силуэт дома, она увидела, что в одном из его окон горел свет. Решив, что сейчас ей нужно найти укрытие от непогоды и теплые вещи, Беатрис пошла вперед, попутно прислушиваясь, как к звукам вокруг нее, так и внутри своей головы.

«Я все равно разберусь с тобой, глупая девчонка», – размышляла Беатрис, направляясь к некогда своему дому. Когда-то она действительно любила его, но после смерти Виктора и рождения ее ребенка, он стал для нее тюрьмой, опротивевшей до глубины души. Конечно, она могла купить другой дом и уехать, но воспоминания о Викторе держали ее прикованной к этому месту. Почти каждый день вплоть до самой смерти она гуляла по тропинке, ведущей к дубу. А иногда, пока позволяли силы, брала экипаж и, что есть мочи, гнала лошадей до ближайшего кладбища, где покоилось тело ее любимого, уже давно превратившееся в прах. Как могла она уехать отсюда, если он был здесь? Нет, Беатрис не посмела этого сделать и лишь отослала от себя сына, как только тот подрос, в закрытую школу в Абердине. Присутствие в доме мальчишки, так похожего внешне на Рендольфа Бэйли, выводило ее из себя. Она могла с легкостью уничтожить его с помощью своих знаний, так, что никто бы и не подумал на нее, но остатки совести или, возможно, зачатки материнского инстинкта, так никогда толком и не проснувшегося в ней, не давали ей этого сделать. Ей было проще убрать ребенка с глаз долой и продолжать жить в воспоминаниях и грезах, редко используя свой дар и знания.

Никто из местных наверняка не знал, что Беатрис была ведьмой, но некоторые простые жители окрестностей и прислуга догадывались об этом, ведь иногда, в определённые ночи несколько раз в году, Беатрис в одной ночной рубашке шла в поле или в лес и там, скинув с себя одеяние, разведя костер, а иногда и не разжигая огня, танцевала до упаду, пела странные песни, а от ее тела отлетали меленькие искорки, кожа ее светилась и глаза горели в темноте, как у кошки. Те, кто видел ее такой, боялись говорить об этом, так как знали, что подобная женщина могла свести со свету не только их самих, но и всю их семью. О Беатрис лишь иногда перешептывались и то, начали это делать более свободно уже после смерти колдуньи, надеясь, что душа покойной все же не сможет причинить им столько вреда,

сколько некогда могла живая ведьма.

Дойдя до главного входа в дом, Беатрис остановилась. Ноги ее болели от царапин, полученных от хождения босиком, тело просилось скорее зайти в тепло, но разум ведьмы кричал об опасности. Застыв, Беатрис закрыла глаза и прочитала несколько заклинаний защиты, но не почувствовала облегчения, обычно следовавшего после этого. Кто-то весьма сильный блокировал все ее попытки применить магию, но кто? «Эта девчонка ничего не смыслит в древних знаниях. Она просто не может мне помешать! Это смешно! Чего я боюсь?!», – подумала про себя Беатрис и, взявшись за ручку двери, потянула ее на себя.

Из отворенной двери донесся запах затхлости и плесени, в коридоре же стояла темнота. Свет, увиденный до этого Беатрис, горел в комнате второго этажа, тогда как весь первый был погружен в полумрак. Сделав шаг вперед, Беатрис оказалась в своем родном доме. Она не могла понять почему все казалось ей одновременно знакомым и чужим. Например, она помнила, что в коридоре всегда лежал ковер, а сейчас пол застилали красные дорожки с зелеными полосками по бокам. В углу стояла вешалка, на которой висела чья-то одежда: меховая шапка, серое пальто с погонами на плечах, коричневый плащ и прочие вещи, которых раньше в доме никогда не было. Потянувшись к вешалке, Беатрис сняла с крючка первое, что показалось ей подходящим: широкий шерстяной платок, и поплотнее закуталась в него, желая поскорее согреться.

Сумерки плавно перешли в вечер и одновременно с этим старый дом наполнился жуткими тенями. Пройдя немного вперед, Беатрис дошла до гостиной и, окинув взглядом комнату, узнала ее интерьер, не сильно изменившийся с ее времен, но и в нем колдунья обнаружила нечто странное: на столе, вместо кофейного сервиза, стоял странный блестящий предмет, напоминавший чайник на ножке. Прежде Беатрис не приходилось видеть ничего подобного. Над камином, где раньше всегда стояли фотографии семьи Бухан, теперь расположились детские игрушки, выглядевшие несколько грубовато: плюшевый потёртый зайчик, пластмассовый крокодил в кепке и с гармошкой в руках, странное коричневое существо с непомерно большими ушами, показавшееся Беатрис весьма необычным. Колдунья знала, что она пропустила много лет жизни в этом мире и, конечно, за годы все могло измениться, но почему тогда окна в этой комнаты задернуты ее шторами? Теми самыми, что она сама некогда выбрала в Эдинбурге? И почему над диванным столиком, купленным ее матерью, висит портрет ее отца? Она ведь прекрасно помнила, как сняла его со стены после смерти родителей. В углу, где некогда стояло кресло Беатрис, теперь находился комод, на котором стояла большая прямоугольная коробка. Подойдя ближе, колдунья смогла разглядеть, что одна из стен у нее сделана из стекла, а сбоку находились кнопки. «Вероятно, это одна из тех штук, в которых мелькают картинки. Современные люди любят смотреть в них с утра до вечера», – подумала Беатрис, но все же в душу к ней закралось сомнение. Уж больно странно выглядела вся обстановка дома, словно кто-то перемешал времена и создал из них единое целое. «Все же, наверное, не стоит так переживать из-за этого. Прошло столько лет… А то, почему эта глупая девчонка вновь оказалась здесь, я сейчас выясню», – решила Беатрис и, развернувшись, быстрым шагом вышла из гостиной, даже не обратив внимания на то, что над кнопками прямоугольной коробки, в которой колдунья совершенно верно распознала телевизор, висела металлическая табличка с надписью, сделанной кириллицей и гласившей «Горизонт».

– Где ты? – кричала колдунья, поднимаясь по лестнице, а ноздри ее при этом

раздувались от злости на Вику, – я знаю, что ты затащила меня в этот дом специально, но, поверь, я его истинная хозяйка и место сражения ты выбрала крайне неправильное!

Стоило Беатрис произнести это, как из комнаты второго этажа раздался женский смех. Колдунья насторожилась. Она уже поднялась наверх и теперь раздумывала, как ей лучше поступить с Викторией: попробовать полностью уничтожить ее сознание, рискнув тем самым убить и ее физическое тело и лишиться при этом шанса на возрождение, или попробовать договориться о компромиссе. Последнее казалось ей глупым, ведь она хотела получить полную власть над телом Виктории, поэтому первый вариант, не смотря на опасность убить россиянку, показался ведьме более приемлемым. Колдунья чувствовала, что Виктория, сама еще того не осознавая, любит своего не рождённого ребенка и, чтобы спасти его, согласиться сдать бразды правления своим телом Беатрис. «Жизнь твоего ребенка взамен на твое тело», – именно такой выбор ведьма собиралась предложить чужестранке, заранее зная, что та согласится, ведь Беатрис могла легко уничтожить плод, стоило ей только захотеть этого.

Сделав несколько шагов по коридору, Беатрис увидела, что одна из дверей приоткрыта и сквозь щель на пол лился свет. «Вероятно, оттуда и слышался тот дурацкий смех», – подумала Беатрис и направилась к комнате.

Подойдя к дверному проему, колдунья скинула теплый платок на пол и, взявшись за ручку двери, широко распахнула ее. Комната, являвшаяся спальней Брюса, выглядела почти также, как и раньше, когда Виктория впервые зашла в нее еще до Рождества. Правда теперь на подоконнике стояли горшки с цветущими гиацинтами, издававшими дурманящий запах, который тут же ударил в нос Беатрис, а на стенах появились фотографии людей, одетых в одежду середины двадцатого века, приветливо улыбавшихся и махавших руками фотографу, некогда заснявшему их.

В дальнем углу комнаты находилась Виктория. Девушка стояла спиной к колдунье и плечи ее слегка сотрясались, отчего Беатрис подумала, что иностранка плачет. Одета Вика была почти в такую же ночную сорочку, что и Беатрис, только пепельно-светлые волосы Вики едва доходили девушке до плеч, тогда как рыжие локоны Беатрис касались ее талии.

Не зная, ожидать ли опасности от россиянки или же легкую победу над ней, Беатрис тихо и осторожно пошла вперед. Она была столь увлечена размышлениями о том, как лучше разделаться с Викой, что даже не подумала о том, как они обе могут оказаться в доме одновременно, если тело у них сейчас одно и общее.

Дойдя до середины комнаты, Беатрис остановилась и начала тихо шептать заклятия, не отрывая взгляда от спины Вики, нацеленные на лишние силы противника. Плечи Виктории затряслись сильнее, и Беатрис уже обрадовалась тому, что, вероятно, девушка начала плакать еще пуще прежнего, но тут Виктория повернулась к колдунье и удивительно красивое лицо ведьмы перекосила страшная гримаса злости.

Виктория вовсе не плакала, а смеялась. Тело ее сотрясалось совсем не от рыданий, а от смеха. Смотря прямо в глаза Беатрис, девушка продолжала смеяться, чем разозлила ведьму еще сильнее.

– Твои чары не действуют на меня, – сказала Виктория.

Беатрис, не поверив словам иностранки, попробовала несколько других заклятий, проделав при этом пассы руками, но и это не сработало. Ведьма ощущала себя так, словно ее в одночасье лишили дара. Беспомощно оглядевшись по сторонам, она сделала шаг назад и только тут поняла, что все вокруг нее выглядит нереальным, как и сама Виктория, которая

должна была существовать лишь у нее в голове.

Заметив, что взгляд Беатрис из злого сделался тревожным, Виктория усмехнулась.

– Не можешь понять, что случилось и где мы сейчас находимся?

Беатрис промолчала, но сделала еще один шаг назад. Сердце ее тревожно забилось в груди, а горячая кровь прильнула к щекам, окрасив их алым цветом.

– Неужели ты, со всеми своими знаниями, не в состоянии понять, что произошло? – небрежно спросила Виктория. Вся ее поза говорила о полном спокойствие и контроле над ситуацией. Ей не было страшно, и она вновь улыбнулась Беатрис.

Внешне девушки действительно походили друг на друга, как сестры, лишь разница в росте, цвете волос и незначительных мелочах в чертах лица делала их разными. Возможно, Виктория, смотревшая на испуганную Беатрис, не испытывала к ней ненависти именно поэтому: колдунья сильно напоминала ей ее саму, каким бы странным это не казалось.

– Не приближайся или я уничтожу твоего ребенка! – зашипела на Викторию Беатрис и выставила вперед руки, словно из них должны были полететь молнии.

Виктория хихикнула и, не смотря на запрет ведьмы, подошла к ней еще немного.

– Твои штучки здесь не пройдут. Ты в моем мире. Все, что ты видишь вокруг себя, создано из наших с тобой воспоминаний, только распоряжаюсь ими я. Этот дом – твой дом, и я взяла его образ из твоего сознания, дополнив деталями из своей жизни: цветами на подоконнике, например, фотографиями своих родственников, игрушками из своего детства и прочей ерундой, глубоко засевшей в моей памяти. Так, что я даже и не знала о существовании этих воспоминаний. Ты сама подтолкнула меня к ним.

– О чем ты? – спросила Беатрис, до кого наконец дошло, что ни дома, ни этого разговора не существовало в реальном мире. Все происходило в голове у Виктории, чье физическое тело находилось на самом деле вдалеке от дома Беатрис.

– Когда ты завладевала моим телом, загнав меня в самые закутки моего же сознания своими чарами, мне ничего не оставалось, кроме как бродить среди своих воспоминаний, собирая по крупицам те из них, что ты оставила для меня. Так я случайно набрела на то, о чем я сначала даже и не подумала. Между нами есть связь, причем прямая. И теперь все, что когда-то знала и умела ты, знаю и я.

– Но как? Я не понимаю, – недоумевала Беатрис.

– Часть тебя сейчас находится не только в моей голове, но и непосредственно в моем теле, и твой дар, некогда такой сильный, перешел ко мне с твоей же кровью. Благо, у меня изначально имелись способности, чтобы управлять им, иначе, боюсь, я бы не справилась, – вновь улыбнулась Виктория.

– Ребенок, что я ношу, – продолжила девушка, – твой будущий пра-пра-правнук. В его жилах, пусть и совсем крохотных, течет твоя кровь. Я нужна ему, а он нужен мне и стоило мне нащупать эту связь между нами троими, как я поняла, что тебе не совладать со мной. Ребенок мой и Брюса, и поэтому все силы, что он несет в себе, он передал мне, дабы ни он, ни я никоим образом не пострадали от твоего вторжения в мой разум и тело. Мы с ним вынуждены защищаться и наши силы куда мощнее твоих, ведь нас двое, а ты одна. К сожалению, Беатрис, ты проиграла в собственной игре. Ты не можешь больше управлять моим телом и погружать мое сознание в сон. Я, то есть мы, не позволим тебе этого сделать. Твоя магия ничто по сравнению с той связью, что возникла между мной и ребенком.

– Я не верю тебе. Ты не можешь отобрать у меня дар! – крикнула Беатрис и бросилась на Вику, намереваясь повалить ее с ног пусть и не магией, но физической силой. Но стоило

колдунье оказаться на расстоянии вытянутой руки от Вики, как ее отшвырнуло назад, точно Виктория, при этом даже не пошевелившая пальцем, что есть мочи толкнула ее.

– Я бы не стала на твоем месте делать этого, – сказала девушка и не спеша подошла к лежавшей на полу Беатрис. Ведьма смотрела на Викторию широко раскрытыми от удивления глазами, рот ее был приоткрыт, и она тяжело дышала, пытаясь восстановить дыхания после удара.

– Он не позволит тебе причинить мне вред, Беатрис, – сказала Вика, – равно, как и я сама не позволю тебе поставить мою или жизнь моего ребенка под угрозу. Ты принесла достаточно зла окружающим.

– Ты глупая девчонка! – сказала Беатрис, вставая, – что ты вообразила о себе? Тебе никогда со мной не сравниться. Даже если сейчас в тебе присутствует моя кровь, и ребенок не позволяет мне уничтожить тебя, то стоит тебе родить, и эта связь между вами прервется. Я вернусь и уничтожу тебя! А потом и твоего мужчину, и его ребенка! Вы все поплатитесь за то, что связались со мной!

Ведьма смотрела на Викторию дикими глазами, в которых горели безумие и злоба, о которых Вика и не подозревала. Ей казалось, что Беатрис – всего лишь озлобленная потерей любимого человека женщина, но теперь она могла видеть всю сущность колдуньи: черную, злую и ни во что не ставящую все вокруг. Впервые за все время нахождения в своем собственном управляемым ею же самой мире Виктории стало страшно. Что, если она переоценила свои силы и Беатрис сможет разрушить барьеры, возведенные Викой, и вновь направит свою магию на нее? Теперь, после того, что Виктория ей рассказала, колдунья не пощадит ни Вики, ни ее ребенка. Правда, она потеряет и тело Виктории, но зная на что способна ведьма, о новом пристанище для ее злобной души не стоило переживать. Она могла выбрать любой понравившийся предмет или человека, если бы захотела. «А что останавливает ее от этого прямо сейчас? – вдруг подумала Вика, – Если я навсегда прогоню ее из своего сознания, перекрою ей путь для возвращения в это тело, то она ведь может переселиться во что-либо еще или кого-либо другого, как она уже сделала с браслетом? Нет, я не могу выпустить ее из своей головы и этого дома. Иначе она все равно вернется». Об этом Виктория не подумала, когда создавала дом, основываясь на воспоминаниях Беатрис и своих собственных. Для обеих девушек дом стал клеткой, ключи от которой находились у Вики, пока она находилась в состоянии сна, но стоило ей проснуться, как иллюзия дома исчезнет, и Беатрис получит свободу и сможет сбежать из головы Виктории навсегда. Вика потеряет над колдуньей хоть какой-то контроль, и та затаится и станет выжидать своего часа, чтобы напасть, когда силы Вики ослабнут.

Две девушки стояли друг напротив друга, и каждая думала о том, как побороть соперницу. Виктория размышляла, как удержать и уничтожить Беатрис, не покидая этого сновидения, Беатрис же думала, как ей пробудить тело Виктории ото сна.

Решив, что ослабить контроль Виктории над собой можно покинув стены выдуманного иностранкой особняка, Беатрис, развернувшись, выбежала из комнаты, намереваясь сбежать по лестнице вниз и выскользнуть из дома. Возможно, оказавшись вне его стен, ей станет проще управлять своими силами, и она сможет разделаться с самозваной колдуньей, какой Вику считала Беатрис.

«Не дай ей сбежать!», – отчетливо услышала Виктория у себя в голове, отчего тут же бросилась за Беатрис.

– Стой! – крикнула Вика в спину колдунье, увидев, что та уже добежала до лестницы.

Беатрис застыла на мгновение, точно крик Вики заставил ее окостенеть, но через мгновение ей удалось сделать шаг вперед. Чары Виктории, хоть и действовали на Беатрис, оказались не столь сильны, и Вике было не под силу полностью покорить себе ведьму.

Понимая, что нужно что-то делать, Виктория кинулась на Беатрис и повалила ту с ног. Обе девушки упали на лестнице и, как были сцепившись, так и полетели вниз. Виктория ощущала каждую ступеньку, удар о которую болью отзывался в ее теле, но упорно продолжала держать ведьму за руки. Беатрис же сосредоточилась на падении, забыв на какое-то время о сопротивлении иностранке. Поэтому, когда обе девушки оказались внизу, Виктория лежала на Беатрис, крепко держа ее в своих руках, словно та являлась чем-то невероятно ценным для девушки. Все тело Вики болело, голова кружилась, а сил, казалось, почти не осталось, но она не хотела сдаваться. Сердцем она понимала, что теперь ей есть за что бороться кроме своей жизни и любви к Брюсу: она должна разделаться с ведьмой ради своего ребенка.

Воспользовавшись тем, что Вика переводила дыхание, Беатрис со свой силы ударила россиянку в живот коленкой, от чего та ослабила хватку, и ведьме удалось выскользнуть из державших ее рук. Встав и все еще пошатываясь от удара, Беатрис пошла к выходу из дома, держась при этом за стену, чтобы не упасть. Она чувствовала, что дом, как губка, медленно высасывал из нее все силы и передавал их Вике. Чем раньше она покинет его, тем быстрее сможет восстановиться и покончить с чужестранкой.

– Тебе не уйти от меня, – хрипло сказала Вика, вставая. Перед глазами у нее плыли разноцветные круги, а в груди кололо от боли, но голос в голове по-прежнему кричал: «Не дай ей уйти!»

Беатрис лишь рассмеялась безумным смехом и, взявшись за ручку двери, рванула ее на себя, но тут же отпустила и закричала, закрыв при этом лицо руками от яркого света, неожиданно хлынувшего в дом из дверного проема.

Виктория, держась за перила лестницы, в растерянности смотрела на удивительно яркий белый свет, лившийся в дом. Она не придумывала его, и этот свет никак не мог появиться в этом сне по ее воле. В растерянности она наблюдала, как Беатрис, все также пряча лицо от света, отступала назад, а в дом, появляясь из света, заходили люди, которых Вика также никак не планировала приглашать в свое сновидение.

Сквозь стену света в прихожую дома вошла женская фигура, а за ней буквально через несколько секунд мужская. От их тел исходил свет, но не такой яркий, что стоял за порогом дома, а более приглушенный. Сами же фигуры показались Вике полупрозрачными, словно сотканными из паутины. Женщина была одета в летнее платье и выглядела ненамного старше самой Вики, в изумлении наблюдавшей за всем происходящем. Мужчина был высок и худощав и на первый взгляд ему нельзя было дать больше тридцати пяти лет. Присмотревшись повнимательней к слегка размытым, светившимся чертам лица мужчины, Вике показалось, что она раньше уже видела его, но девушка не смогла вспомнить, где именно.

Беатрис, смотря на белесые фигуры, загородившие ей выход из дома, испытывала дикий ужас. Она знала, что они не дадут ей скрыться и пришли за тем, чтобы навсегда отобрать у нее не только ее дар, но и ту жизнь, что она себе выбрала. Когда-то она пообещала Богине душу, и теперь эти посланники света пришли за тем, чтобы забрать долг. Они несли в себе забытье и уничтожение для нее, а ведьма этого никак не хотела. Не смотря на всю свою тоску по Виктору, она не желала уходить из этого мира и боялась навсегда потерять

возможность вернуться в него.

Повернувшись спиной к фигурам, колдунья бросилась наверх. Она действовала инстинктивно, не раздумывая. Все, чего ей хотелось тогда, так это укрыться от света, а где еще она могла сделать это, как ни в своей спальне, в которой при жизни долгие годы пряталась от всего мира? Беатрис пронеслась мимо Виктории, как ураган, коснувшись кончиками своих развевавшихся волос лица россиянки.

К своему удивлению, Виктория не испугалась фигур, внезапно ворвавшихся в ее сон. Она с благоговением рассматривала красивую женщину, от лица которой исходило теплое свечение. Взгляд женщины был направлен на Беатрис, и медленно, без спешки, фигура начала подниматься по лестнице вслед за ведьмой, не обратив внимания на Викторию. Мужская фигура же, напротив, остановилась возле Вики и внимательно посмотрела на девушку. В добрых, излучавших счастье и спокойствие глазах мужчины, Виктория узнала Эвана. Конечно, это был никто иной, как отец Брюса, только выглядел от теперь ровесником своего сына. Эван ласково посмотрела на Вику и, улыбнувшись, молча протянул ей руку. Девушка растерялась на мгновение, не зная, как ей поступить, и что хотели от нее эти призраки, но все же рискнула и вложила свою ладонь в руку мужчины. Виктории показалась, что она прикоснулась к чему-то очень мягкому, теплому и удивительно нежному, а по всему телу девушки тут же распространилось спокойствие.

– Тебе не нужно нас бояться, – услышала она голос Эвана, правда, губами при этом мужчина не пошевелил. Голос раздался то ли в голове у Виктории, то ли отразился от стен дома, который вдруг также начала слегка светиться. Темнота, в которую ранее был погружен особняк, начала постепенно рассеиваться, а пыль, грязь и другие элементы, выдававшие его запустение, стали исчезать сами по себе.

– Что происходит? – спросила Вика, обратившись к Эвану.

Мужчина улыбнулся еще шире, но ничего не ответил, а лишь начал подниматься наверх, продолжая держать Вику за руку. Девушке ничего не оставалось, как последовать за ним. Она с удивлением оглядывалась по сторонам, наблюдая как дом, сотканный из воспоминаний Беатрис и ее собственных, менялся на глазах и приобретал тот вид, что имел во время жизни в нем родителей Брюса. Вика поняла это, заметив, что на стенах вдоль лестницы появились фотографии Эвана и Лизы, а также молодого Брюса.

«Неужели, они завладели моим сновидением?», – подумала Виктория, когда они с Эваном уже поднялись на второй этаж.

В коридоре, некогда темном и угрюмом, а теперь наполненном светом, находилась Лиза, от чьей фигуры продолжал исходить свет. Женщина стояла напротив спальни Брюса. Лиза не отрывала взгляда от двери, но и не делала при этом попыток попасть в комнату.

Эван с Викторией пошли вперед. Судя по всему, Эван знал, что хотела его жена, но вот для Вики это оставалось загадкой. Когда они дошли до женщины, Лиза повернулась к Вике и улыбнулась. Ее улыбка показалась девушке столь прекрасной и доброй, что Виктория также широко улыбнулась в ответ, забыв на мгновение о том, что где-то в этом доме пряталась Беатрис, и ей непременно нужно избавиться от колдуньи.

– Я не могла справиться с ней одна, – вдруг услышала Виктория голос матери Брюса. Тот самый, что ранее уже говорил с ней, – но вчетвером нам это по силу.

Лиза продолжала стоять и улыбаться, а губы ее при этом оставались сомкнуты. Она осторожно прикоснулась рукой к животу, а потом и к щеке Виктории и нежно погладила ее.

– Я рада, что ты с нами, – вновь раздался голос Лизы, – теперь-то мы сможем положить

конец этому безумию, преследовавшему нашу семью так долго.

Женщина взяла Вику за ее свободную руку и так, втроем, держась за руки, они встали напротив двери в спальню. Эван и Лиза закрыли глаза. Не зная, как поступить, Виктория также закрыла свои и тут же почувствовала, как некая горячая волна прошла сквозь ее тело, вышла из груди и сильным ударом распахнула дверь в комнату Брюса.

Вика открыла глаза и увидела, что обстановка в спальне не имела ничего общего с тем, что она ранее придумала в своем сне, а также со временем Эвана и его жены, а сохранила интерьер и атмосферу эпохи Беатрис.

«Это ее последний оплот. То, за что она цепляется, – услышала Вика голос Лизы, – поэтому тут все именно так, как помнит сама Беатрис».

Друг за другом, не расцепляя рук, Эван, Лиза и Вика прошли в комнату, где возле окна, обхватив себя руками, стояла Беатрис, почти как Виктории незадолго до этого. Ее трясло от страха и злости, но она ничего не могла с собой поделать. Те, кто шел на нее, обладали большей силой, нежели она, а свет, теперь лившийся со всех сторон, еще более ослаблял ее.

– Не подходите или я вас уничтожу! – закричала ведьма, после чего выкрикнула несколько заклятий, значения которых Виктория не смогла понять, но направлены они были явно против нее и четы Бухан. Однако ни одно из заклинаний или проклятий, коими они и являлись на самом деле, не возымело действия. Вокруг Виктории, Эвана и Лизы образовалось что-то вроде барьера, который не могло пробить колдовство Беатрис.

– Твое время давно ушло. Ты должна покинуть этот мир навсегда, – раздался голос Лизы.

– Ты задержалась в нашей семье. Пора прощаться, – вторил ей Эван.

Все трое медленно приближались к колдунье, от чего та стала отступать и вжиматься спиной в стену.

– Нет, я никогда не уйду! Вы не сможете одолеть меня!

– Сможем. Я хотела осуществить это еще много лет назад, когда поняла, чем являлся твой браслет, но не смогла этого сделать, а ты, поняв, что над тобой нависла угроза, решила убрать меня с пути. Особенно четко ты это осознала, когда я нашла ту кисть, что ты спрятала. Кисть того несчастного человека, чью жизнь ты также погубила, – сказала Лиза.

Виктория вдруг поняла, что мать Брюса давно знала о Беатрис, но ведьма смогла наслать на нее тяжелую болезнь, так что той не удалось положить конец этой истории и уничтожить, как полковника Бэйли, так и Беатрис.

– Виктория смогла снять заклятие с души Рэндольфа и отпустить его из этого мира. Пришел и твой черед, – раздался голос Эвана.

Втроем они подошли к Беатрис. Ведьма захотела убежать и кинулась вперед, но не смогла пробить невидимой стены, возведенной Эваном и Лизой. Беатрис лишь резко остановилась, а Лиза, воспользовавшись моментом, быстро встала у нее за спиной и взяла за руку своего мужа. Так Вика, Эван и Лиза образовали круг, в центре которого теперь стояла Беатрис, в ужасе оглядывавшаяся по сторонам. Отовсюду исходил теплый свет, причинявший ей боль, а она не могла выбраться из этого кольца, равно как и применить свою магию. Ведьма чувствовала, что попала в капкан, и выхода из него нет.

Виктория не знала, что нужно делать дальше и лишь смотрела на испуганное лицо Беатрис, так сильно походившее на ее собственное. Где-то внизу живота она чувствовала тепло и любовь, словно ребенок, находившийся у нее в утробе, пытался оказать ей поддержку и дать силы.

«Спасибо, малыш. Я уже люблю тебя», – мысленно поблагодарила она его и почувствовала, как оба Эван и Лиза стиснули ее руки еще крепче и начали медленно двигаться по кругу, не переставая при этом смотреть на Беатрис. Втроем они закружились вокруг ведьмы, как дети во время хоровода.

«Уходи!», «Покинь нас!», «Оставь этот мир!», «Ты уже давно умерла», – слышались отовсюду голоса Эвана и Лизы. Их голоса отлетали от стен, эхом раздавались во всему дому, меняли тональность и громкость и тут же становились прежними. Они сводили сума Беатрис, от чего та схватилась за уши и громко закричала.

– Тебе не место среди нас, – сказала Виктория и ее голос, как до этого голоса мистера и миссис Бухан, также отразился ото всех стен и громом прокатился по дому.

– Нееет! – выкрикнула Беатрис и рухнула на колени, продолжая закрывать уши руками.

Но Эван, Лиза и Виктория все продолжали и продолжали кружиться вокруг ведьмы, а их голоса все также непрерывно звучали во всем доме, смешиваясь в единый гул, иногда почти неразличимый.

Сквозь пальцы Беатрис, приложенные к ушам, начала сочиться кровь. Ведьма кричала, но голос ее начал постепенно ослабевать, а в какой-то момент и вовсе пропал, уступив место лишь едва различимому шипению.

Тело ведьмы, некогда молодое и красивое, начало морщиться и сжиматься на глазах. Виктория увидела, как оголённая спина и белые руки Беатрис сделались желтыми и испещренными морщинами. Позвонки и ребра выступили из-под кожи, а пальцы скрючились, как от артрита. Длинные шелковистые волосы колдуньи в раз потеряли свой блеск и красоту и стали седыми, а кое-где и вовсе выпали, оставив проплешины на черепе Беатрис.

Ведьма рухнула на бок, не в силах больше стоять на коленях. Она по-прежнему пыталась закрывать уши, но руки ее не слушались. Силы ее улетучивались, и она не могли ничего с этим поделать. Свет и голоса точно выжигали ее изнутри. Ей больше не хотелось сопротивляться, она лишь желала, чтобы ее просто оставили одну, а все происходящее вокруг скорее завершилось. Отголосками своего разума она понимала, что проигрывает и ей не за что уцепиться в этом мире. Она также знала, что никогда не сможет воссоединиться с Виктором, как это сделали Лиза и Эван, ведь и она, и ее возлюбленный натворили слишком много зла при жизни и отказались от своих душ в угоду черной магии. Нет, ей придется нести бремя зла в одиночестве, забытой и покинутой всеми. «Виктор! Я так любила тебя!», – стали ее последними словами, еле слышно сорвавшимися со сморщенных губ беззубого рта. Они долетели до Виктории, от чего той стало не по себе, а чувство жалости к женщине, так никогда и не обретшей любовь, тронуло сердце.

Тело Беатрис перестало дергаться и издавать звуки. Это заметили Эван и Лиза. Они остановились и посмотрели на то, что некогда выглядело, как красивая, молодая девушка. Истощенное старушечье тело начало разрушаться у них на глазах. Кожа трескалась и рассыпалась, а кости превращались в прах. Очень скоро на полу вместо тела оказалась лишь кучка пыли.

Лиза перевела взгляд на окно, и оно тут же распахнулось. Сильный порыв теплого ветра ворвался в освещённую ярким светом комнату и, подняв прах с пола, закружил его по комнате, после чего унес с собой в яркий свет за окном, сквозь который нельзя было что-либо рассмотреть.

Удивлённая Виктория глядела в след только что исчезнувшей пыли. Существовала ли

Беатрис вообще? Жила ли эта ведьма на самом деле? На этот вопрос Виктория теперь затруднялась ответить.

Эван и Лиза отпустили руки Вики, но продолжали стоять рядом с девушкой, с любовью рассматривая ее.

– Я не понимаю, – наконец сказала Виктория, – что сейчас произошло? Беатрис… она ушла?

Родители Брюса закивали головой и широко улыбнулись.

– Она больше не сможет вернуться. Тебе не о чем беспокоиться, – сказал Эван.

– Но как все это возможно? Вы знали о ней все это время?

Эван ничего не ответил, а только перевел взгляд на Лизу.

– Я узнала о ней почти сразу, как мы переехали сюда, но не смогла побороть ее. Видишь ли, в моих жилах также есть кровь Беатрис, ведь я ее родственница, а значит, и у меня есть дар пусть и не столь мощный, как у нее. Наверное, он может передаваться из поколения в поколение, проявляя свои качества в ком-то больше, а в ком-то меньше.

– Брюс едва ли унаследовал его, поэтому Рэндольф Бэйли так легко завладел им, – с грустью сказал Эван, – я пытался противостоять ему, но, как видишь, все, что из этого вышло, так это то, что я вновь воссоединился с Лизой.

– Мне так жаль, – только и смогла сказать обескураженная Виктория. Девушка заметила, что все в комнате, где они находились, начало постепенно блекнуть, как и фигуры Эвана и Лизы, а свет вокруг потихоньку затухать.

– Все исчезает, – растерянно сказала она.

– Просто твой сон подходит к концу, а нам пора уходить. Мы и так задержались в этом мире, – сказала Лиза.

– Ваш голос… он часто звучал у меня в голове, – вспомнила Вика.

– И не только у тебя, – вставил Эван, – Лизи часто приходила ко мне, правда, мне никто не верил.

– Я, кажется, понимаю: вы знали обо всем и пытались оградить мужа и сына от того зла, что находилось рядом? – спросила девушка.

– И тебя тоже, а также твоего ребенка. Но теперь я вижу, что ты и сама сможешь справиться со всем, что встанет у тебя на пути. Наша помощь больше не нужна вам, – ответила миссис Бухан.

– Но у меня к вам столько вопросов!

– Ты и сама знаешь ответы на большинство из них, – сказала Лиза и, взяв мужа за руку, направилась к выходу из комнаты.

Их полупрозрачные фигуры просвечивались так хорошо, что сквозь них Вика уже могла различить структуру деревянной двери, к которой шла чета Бухан.

– Почему Беатрис сейчас ушла навсегда? Это из-за ребенка? – спросила Виктория в след Лизе и Эвану.

Миссис Бухан остановилась и, обернувшись, улыбнулась.

– И да, и нет, – ответила женщина, – твой ребенок действительно способен на многое, но и в тебе есть сила, о которой ты не знала раньше.

– Однако я не имею никакого отношения к вашей семье. Откуда у меня дар? И почем мы внешне так похожи с Беатрис? – изумилась Вика.

– Наша семья – не единственная, наделенная такими способностями. В твоих жилах течет также весьма необычная кровь. Вероятно, кто-то из твоих предков обладал большой

силой, и часть ее передалась тебе. Ведь ты чувствовала, что тебе придется столкнуться со злом еще до того, как ты получила браслет. Вспомни свои сны, милая. В тебе всегда была и есть сила, о которой ты просто не знала. Используй ее во благо, а не во зло, как Беатрис и ее любовник. Что же до вашего внешнего сходства, думаю, это всего лишь совпадение. Не мучай себя догадками о том, почему так вышло. Для меня вы совсем разные. Твое сердце полно любви и гармонии, ее же сердце омертвело от злобы. Я хоть и не могу видеть будущее, но чувствую, что тебя ждет впереди только хорошее, а с той силой, что есть в тебе и ребенке, вам станет во всем сопутствовать удача. Ты только не растрачивай свой дар попусту.

– Я вообще не хочу им пользоваться! И даже если бы и хотела, нет никого, кто научил бы меня. Вы… вы ведь еще вернетесь?

Лиза покачала головой.

– Боюсь, что нет. Наша миссия выполнена, и теперь мы свободы. Тебе не нужны наставники или советчики. У вас все образумится, вот увидишь.

– Береги нашего сына и того, кого носишь под сердцем, – подмигнув, сказал Эван.

– Прошу, останьтесь со мной еще ненадолго… мне столько нужно у вас узнать, – сказала Вика, но Эван уже взялся на ручку двери и, стоило ему лишь прикоснуться к ней, как образы мистера и миссис Бухан растаяли, оставив после себя лишь золотистое свечение, по форме напоминавшее очертания их фигур.

Виктория, не желавшая отпускать родителей Брюса и так сильно жаждавшая ответов на свои вопросы, подбежала к двери и надеясь, что, прикоснувшись к ручке, как это сделал за миг до этого Эван, сможет перенестись в след за фигурами, крайне расстроилась, когда этого не произошло.

Девушка в одиночестве стояла в пустой комнате и держалась за ручку двери, но при этом не ощущала ровным счетом ничего. «Неужели я снова одна?», – пронеслось у нее в голове. Автоматически, не раздумывая, Вика повернула ручку и потянула дверь на себя. Однако стоило ей сделать это и увидеть того, кто стоял перед ней за порогом комнаты, как сердце ее заколотилось быстрее.

В коридоре стоял Брюс и озадаченно смотрел на Викторию. Он был бледен и выглядел слегка испуганным, но в глазах его, как и прежде, светилась любовь к девушке.

– Брюс! – выкрикнула Виктория и бросилась мужчине на шею.

«Какая же я дурочка! Как я могла подумать, что осталась одна? У меня ведь есть Брюс и его малыш. Мне большего для счастья и не надо», – подумала Вика и слезы радости выступили у нее на глазах. В тот момент она почувствовала себя крайне счастливой, а все горести и тайны прошлого, показались ей давней историей. Виктор, Рэндольф и Беатрис ушли и больше не вернутся. Вика точно знала это всем сердцем. Любовь, соединившая ее и Брюса, а также его родителей, и ее безусловная любовь к ребенку оказались в разы сильнее чар и колдовства Беатрис. Яркий свет, исходивший из их душ выжег то зло, что держало Беатрис в этом мире, потому что только любовь способна побороть все то зло, что извечно было и есть в людях.

Глава 22.

– Вики! Вики! С тобой все в порядке? – взволнованно спрашивал Брюса, – что случилось?

Виктория почувствовала, как сильные мужские руки сжимали ее в объятиях и одновременно легонько трясли. Девушка открыла глаза и увидела над собой расплывавшееся из-за слез, затуманивших ее взгляд, лицо Брюса.

– Брюс? – немного неуверенно спросила она.

– Да, это я! Что с тобой?

Оглядевшись по сторонам, Виктория обнаружила, что лежит в постели гостиничного номера над пабом, где ее не так давно оставил Брюс. Нахмурившись, девушка попыталась понять, что произошло, но мысли ее путались. Всего секунд назад она находилась в доме Эвана, и родители Брюса были рядом с ней. Казалось, лишь мгновения назад она боролась с Беатрис на лестнице, а затем уничтожила ведьму, так давно преследовавшую семью Бухан. «Сон ли это был? Или и вправду случилось?», – пронеслось в голове у Вики.

– Почему ты здесь? – наконец спросила Виктория слегка осипшим голосом.

– Ты звонила мне, но связь прервалась. Потом я получил сообщение от тебя, но все равно почему-то подумал, что что-то случилось, и решил вернуться в гостиницу, а тут ты лежишь и мечешься в постели, словно у тебя жар. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Думаю, что да. Я что-то говорила? – спросила Вика и села в кровати.

– Нет, лишь звала меня по имени. Я начал тебя трясти, и ты проснулась.

– Хмм… – только и смогла выдавить из себя Вика.

– Пожалуйста, не пугай меня так, – попросил Брюс и обнял Вику.

Девушке стало хорошо и спокойно в его объятиях. Что являлось сном, а что явью стало уже не столь важно. Имело значение лишь то, что ее Брюс, такой добрый и любящий, находился рядом с ней. А то, что случилось в сновидении – уже история, которая вряд ли ее когда-нибудь побеспокоит.

– Мне, наверное, приснился кошмар, – сказала Вика.

– Похоже на то. И да, у меня для тебя есть одна новость, правда, не слишком приятная, – сказал Брюс, посмотрев при этом слегка виноватым взглядом на девушку.

– Что стряслось? – испугавшись, спросила Вика.

– Я случайно наступил на твой мобильный телефон и, похоже, сломал его. Не заметил, что он лежал на полу, и когда подбежал к тебе, расплющил его ногой.

Виктория выдохнула с облегчением. Она-то подумала, что случилось действительно что-то серьезное, а тут всего лишь сломанный телефон. «Правда, теперь я вряд ли узнаю, приходили ли мне те странные сообщения на самом деле, ведь они сохранялись в памяти телефона».

– Вики, не переживай, – словно прочитав ее мысли, сказал Брюс, – уверен, что если сдать телефон в ремонт, то мастер сможет восстановить что-то из файлов, сохраненных на нем. Я знаю, что ты много фотографировала…

– Не нужно, Брюс, – перебила его Вика, – я хочу оставить все, что было в этом телефоне, в прошлом.

– Уверена? – удивившись, спросил Брюс, вспомнив, как часто девушка делала им фотографии особенно, когда они находились в Лондоне.

– Абсолютно. Мне хватит моей сим-карты со всеми контактами на ней и карты памяти, где сохранилось немного снимков.

– Как скажешь. Что ж, в таком случае ты уже узнаешь, что станет следующим подарком тебе, – улыбнулся Брюс.

Виктория улыбнулась мужчине в ответ и, притянув его за шею, крепко поцеловала.

– Ты сейчас опять уедешь? – спросила она.

– Нет, не хочу пока оставлять тебя одну. Навещу дом, когда смогу быть уверенным, что с тобой все хорошо.

– Спасибо! Мне и вправду не хочется сейчас расставаться с тобой. Я так рада, что ты приехал.

– И я рад. Мне стало так страшно за тебя, когда я ехал в машине обратно в гостиницу. Точно ты оказалась в опасности. Ты и наш ребенок, – сказал Брюс.

– Правда?

– Да. Я прямо чувствовал, что над вами нависла угроза. Знаешь, все что произошло с нами за последние несколько дней, кажется мне очень странным.

Брюс замолчал на минуту, а Виктория не стала ничего говорить, решив подождать. Вдруг Брюс все же вспомнит что-нибудь о полковнике Бэйли и Беатрис.

– Ты, наверное, сочтешь меня психом, но мне кажется, что иногда я вовсе не являлся самим собой. Будто я становился кем-то другим. И воспоминания об этом такие расплывчатые. Я толком не помню, как добрался из Стратфорда в Шотландию. Потом я не могу вспомнить, как оказался в комнате с отцом на втором этаже его дома и что тогда произошло. Знаешь, Вики, мне даже приходила в голову мысль, что это я мог ударить отца. Но, честное слово, я ничего не помню. Всплывают какие-то образы… твое лицо, старое дерево, какая-то девушка под ним, и я держу ее за горло. Но кто она такая я не знаю, однако, отдаленно она чем-то напоминает мне тебя. Далее этот странный пожар после поминок отца. Почти вся та ночь точно вычеркнута из моей головы. Мне вспоминается только запах дыма и почему-то паленой плоти, хотя никто из людей не пострадал.

Виктория вспомнила про сгоревшую кисть полковника, издававшую как раз-таки такой запах, о котором говорил Брюс, но продолжала молчать. Она не знала, стоило ли рассказывать мужчине всю ту историю, что она помнила сама. В конце концов, в ней он, вернее его тело, сыграло весьма неприятную роль. Решив, что не станет расстраивать Брюса, по крайней мере сейчас, Виктория только грустно улыбнулась в ответ мужчине и сказала:

– Я не считаю тебя психом. Можешь не переживать за это. А что до тех событий, так они остались в прошлом. Стоит ли ворошить его?

– Но, Вики, я действительно не уверен в том, что совсем не причастен к смерти своего отца, а также мне почему-то кажется, что я причинил тебе боль. Это так?

Девушка на секунду засомневалась, но желание оградить любимого от тяжелой правды все же победило:

– Нет, Брюс. Ты и пальцем меня не тронул, – сказала Вика, что являлось отчасти чистой правдой, ведь убить девушку пытался вовсе не Брюс, а Рэндольф, захвативший тело мужчины, – и ты, конечно же, не убивал своего отца. Ты очень близко к сердцу воспринял его смерть, возможно, поэтому твоя память и сыграла с тобой такую злую шутку. А что до того, что ты не помнишь, как приехал в Шотландию, так дело в том, что твое здоровье подвело тебя. Ты уже находился в полубредовом состоянии, когда я нашла тебя. Неудивительно, что все события той ночи кажутся тебе несуразным сумбуром.

Брюс долго смотрел на Вику, не отрываясь. Ему казалось, что девушка что-то намеренно не договаривает, но он не мог заставить ее признаться в этом. Сдавшись, мужчина вздохнул и сказал:

– Что ж, если ты и вправду так считаешь, то я спокоен. Мне невыносимо думать, что я мог навредить тебе, и ты до сих пор злишься на меня.

– Я не злюсь на тебя и не держу обид, – честно ответила Виктория, – а теперь помоги мне, пожалуйста, встать и одеться.

– Конечно, – сказал Брюс, – а мы куда-то собираемся?

– Мне ужасно хочется есть, словно я не ела целые сутки.

– Ого! Тогда стоит поторопиться на случай, если кухня в этом пабе скоро закончит свою работу.

– Ничего страшного. Когда мы въезжали в город, я заметила недалеко от заправки индийскую забегаловку, работающую до полуночи. Наведаемся туда, если в пабе поужинать не удастся.

Брюс кивнул и сел в кресло в ожидании, пока девушка приведет себя в порядок. Переведя взгляд на туалетный столик, он заметил, что на нем лежал подаренный им браслет. Подумав, что это выглядело весьма странно, ведь до этого девушка не снимала его с руки, Брюс подошел к столику и взял с него украшение. Поднеся браслет к глазам, мужчина заметил, что застежка на нем сломана, причем замок почти вырван из креплений.

Увидев, что Брюс разглядывает браслет, Виктория покраснела. Ей сделалось неловко от того, что она сломала такую красивую и ценную для мужчины вещь. Тихонько подойдя к Брюсу, девушка обняла его сзади и тихо сказала:

– Прости. Мне необходимо было снять его с руки, а замок никак не поддавался.

Брюс ничего не ответил, а лишь продолжил смотреть на браслет. У него в голове начали мелькать образы: высокий светловолосый мужчина с обожжённой кожей, красивая девушка с рыжими волосами и злыми глазами, испуганное лицо его отца, уставшее от болезни лицо его матери. Все это каким-то образом было связано с браслетом, что он сейчас держал в руке, но сложить различные обрывки воспоминаний и ощущений в единое целое ему никак не удавалось. Правда, какой бы она ни была, ускользала от него.

– Брюс? Ты меня слышишь? –спросила Вика, испугавшаяся внезапного возвращения полковника Бэйли.

– Что ты сказала? Извини, я не разобрал, – ответил мужчина, опомнившись и оторвав взгляд от украшения.

– Я сказала, что мне пришлось сломать крепление, чтобы снять браслет. Извини, я знаю, что это очень стоящее украшение. Думаю, что опытный ювелир сможет починить замок.

– Не стоит переживать по этому поводу. Это всего лишь вещь, – сказал Брюс и положил украшение обратно на столик. Он так и не смог понять, какую роль сыграл браслет во всей этой истории, а пытаться вспомнить все то, что его мозг так хорошо скрыл от него, ему не почему-то расхотелось.

– Ты не злишься на меня? – спросила Вика.

– Ни капельки. Было бы за что! Знаешь, ведь моя мать, хоть это украшение и являлось семейным, всегда относилась к нему с опаской. Мне это казалось странным, ведь браслет выглядел таким красивым, таким ярким и живым. Наверное, то воспоминания юности. Сейчас мне он совсем не кажется таковым, – закончил Брюс и вновь посмотрел на украшение, чтобы убедиться в правоте своих слов.

Действительно, камни выглядели тускло, а серебро потемнело. Браслет, некогда так сильно волновавший его, утратил теперь для Брюса всякую ценность и привлекательность.

– Думаю, что вслед за телефоном купим тебе новый браслет или другое украшение, какое захочешь. Что-нибудь более современное и не такое старомодное.

Виктория улыбнулась и покачала головой.

– Мне ничего кроме тебя не нужно. Ты это знаешь. Так что не стоит столь рьяно пытаться накупить мне кучу вещей.

– Но я даже еще и не начинал! – весело возмутился Брюс.

– Подожди немного и у тебя появится некто, кого можно будет буквально заваливать подарками, – ответила Виктория.

Губы Брюса растянулись в широкой улыбке.

– Так ты хочешь оставить ребенка? – спросил мужчина и от волнения задержал дыхание.

– Конечно, хочу! Еще как хочу! Это же наш ребенок. Мой и ТВОЙ! И для меня он уже стал самым любимым малышом на свете.

– Ох, Вики! – только и смог ответить Брюс и быстрее обнял девушку, зарывшись при этом лицом в ее волосах, чтобы скрыть от Вики слезы счастья и облегчения, так предательски не вовремя выступившие у него на глазах.

– Ты меня задушишь, – сказала Виктория и попыталась высвободиться из железных объятий Брюса, – отпусти меня.

– Никогда тебя не отпущу! – сказал Брюс и, приблизив свои губы к губам Вики, нежно поцеловал девушку.

Некоторое время молодые люди стояли обнявшись, наслаждаясь теплом друг друга, объятиями, снизошедшим на них спокойствием и осознанием принадлежности друг другу. Ничто больше не пугало их и не стояло между ними. Они оба чувствовали себя самыми счастливыми людьми на планете. Предчувствие большого счастья, крепкой семьи, любви и взаимопонимания наполнило их сердца. Все несчастья, боль, печаль и страхи покинули их. Прошлое осталось в прошлом, со всеми его мрачными тайнами и неведомыми силами. Впереди виднелось только светлое будущее. Светлое от того, что они оба станут освещать его друг для друга и своих детей. Различия в языке, менталитете и культуре казались теперь чем-то несущественным. Брюс знал, что готов свернуть горы для Виктории и, если девушка захочет, даже переедет в Россию, тогда как Виктория, не смотря на свои страхи перед неизвестностью, также была полна решимости оставить родину и жить с Брюсом в Англии, если такое решение покажется ими обоим наилучшим. Они больше не видели преград, разделявших бы их, и были несказанно счастливы просто стоять обнявшись в несколько обшарпанной комнате гостиницы и просто наслаждаться присутствием друг друга.

Первой идиллию прервала Виктория, вернее ее живот, заурчавший на весь гостиничный номер.

– Ого! Это наш малыш, наверное, хочет напомнить нам, что маме и ему нужно поесть перед сном, – заулыбавшись, сказал Брюс.

– Ты прав. Есть хочется так, что живот сводит. Пойдем скорее, – ответила Виктория и, взяв за руку Брюса, направилась к выходу из номера.

Перед тем как покинуть комнату Виктория бросила беглый взгляд на кровать, где недавно металась в своем кошмаре, положившем конец Беатрис, и на прикроватный столик, стоявший рядом. На столике остался лежать браслет колдуньи. Виктория думала, что при

взгляде на него вновь испытает страх или хотя бы неприязнь и тревогу, но этого не случилось. От ведьмы и ее колдовства не осталось ничего, кроме воспоминаний Виктории. А те, в свою очередь, больше никогда не побеспокоят девушку, нашедшую наконец свое счастье.

28.02.2018